

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Марийский государственный университет»

На правах рукописи

Соколова Марина Валерьевна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В
МАРИЙСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Глухова Наталья Николаевна

Йошкар-Ола – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	14
1.1. История изучения фразеологии финно-угорских языков	14
1.1.1. История изучения фразеологии прибалтийско-финских языков: финская и эстонская.....	14
1.1.2. История изучения фразеологии в угорских языках.....	25
1.1.3. История изучения фразеологии волжской и пермской групп языков.	32
1.2. Лингвокультурный аспект изучения фразеологизмов	40
1.3. Принципы сравнительного лингвокультурологического анализа фразеологизмов	57
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	66
ГЛАВА II. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЗООСЕМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	68
2.1. Лингвокультурные и семантические характеристики номинативных зоосемических фразеологизмов в марийском языке	68
2.1.1 Лингвокультурные и семантические характеристики глагольных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском языке	68
2.1.2. Лингвокультурные и семантические характеристики субстантивных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском языке	79
2.1.3. Лингвокультурные и семантические характеристики адъективных и адвербиальных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском языке	94
2.2. Лингвокультурные и семантические характеристики коммуникативных зоосемических фразеологизмов в марийском языке	98
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.	118
ГЛАВА III. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЗООСЕМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ФИНСКОГО ЯЗЫКА	120

3.1. Лингвокультурные и семантические характеристики номинативных зоосемических фразеологизмов в финском языке	120
3.1.1. Лингвокультурные и семантические характеристики глагольных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в финском языке	120
3.1.2. Лингвокультурные и семантические характеристики субстантивных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в финском языке	139
3.1.3. Лингвокультурные и семантические характеристики адъективных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в финском языке	149
3.2. Лингвокультурные и семантические характеристики коммуникативных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в финском языке	157
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III.	170
ГЛАВА IV. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЗООСЕМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ МАРИЙСКОГО И ФИНСКОГО ЯЗЫКОВ В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ.....	172
4.1. Типы межъязыковых соответствий фразеологизмов марийского и финского языков	172
4.2. Лингвокультурная характеристика прототипов, мотивирующих коннотацию зоосемических фразеологизмов марийского и финского языков	182
4.3. Специфика семантики межъязыковых фразеологических соответствий в вербализации культурно-значимых понятий в марийском и финском языках	188
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV.	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	206
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	212
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	252
Приложение А. Список зоосемических фразеологизмов марийского языка.....	254
Приложение А.1. Список глагольных зоосемических фразеологизмов марийского языка	254
Приложение А.2. Список субстантивных зоосемических фразеологизмов марийского языка	256

Приложение А.3. Список адъективных зоосемических фразеологизмов марийского языка	259
Приложение А.4. Список адвербиальных зоосемических фразеологизмов марийского языка	260
Приложение А.5. Список коммуникативных зоосемических фразеологизмов марийского языка	260
Приложение Б. Список зоосемических фразеологизмов финского языка.....	268
Приложение Б.1. Список глагольных зоосемических фразеологизмов финского языка	268
Приложение Б.2. Список субстантивных зоосемических фразеологизмов финского языка	273
Приложение Б.3. Список адъективных зоосемических фразеологизмов финского языка	275
Приложение Б.4. Список коммуникативных зоосемических фразеологизмов финского языка.....	277
Приложение В. Результаты первого этапа ассоциативного эксперимента с носителями марийского языка.....	282
Приложение Г. Результаты второго этапа ассоциативного эксперимента с носителями марийского языка.....	294
Приложение Д. Результаты первого этапа ассоциативного эксперимента с носителями финского языка.....	307
Приложение Е. Результаты второго этапа ассоциативного эксперимента с носителями финского языка.....	314

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике большое внимание уделяется междисциплинарному подходу в объяснении языковых явлений, которые активно обсуждаются в рамках психолингвистического, лингвокультурологического и когнитивистского направлений как отечественными, так и зарубежными учеными. Антропоцентрическими устремлениями науки доказывается возросший интерес к изучению взаимодействия языкового и национального сознания и так называемой концептуальной картины мира этноса. Анализ фразеологии, как устойчивого пласта языка, воспроизводимого из поколения в поколение, позволяет выявить национально значимые понятия, существующие в рамках определенной лингвокультуры, посредством сравнительного исследования. Выделяемые базовые оппозиции лингвокультур (архетипические представления, эталоны, символы) позволяют представить упорядоченную систему знаний об окружающей действительности, существующую в индивидуальном, групповом или общественном сознании представителей этноса. Условия глобализации, быстрые изменения, происходящие в обществе, находят свое отражение и в языке, изучение которого позволяет проследить исторические изменения и оценить текущее состояние тех или иных явлений лингвокультуры, так как во фразеологических единицах отражаются социально-исторические условия проживания этноса, охватывающие быт, традиции и обычаи народа.

В финно-угорском языкознании исследуемая проблема почти не рассматривалась, поэтому **актуальность** данного исследования обуславливается теоретической и практической необходимостью структурно-функциональной характеристики фразеологических единиц (ФЕ) разных языков (в данном случае марийских и финских ФЕ с компонентами-зоонимами), на основе которой производится лингвокультурный анализ с выявлением специфических национальных черт языкового сознания народов. В финно-угорском языкознании сравнительные и сопоставительные лингвокультурологические исследования в области фразеологии находятся на стадии разработки. Для закрытия лакуны

сравнительных лингвокультурологических исследований в области марийской и финской фразеологии в диссертации проанализирован один из пластов фразеологии, универсальный для многих языков, который, наряду с общими чертами, может показать уникальные характеристики изучаемых фразеологизмов. Сравнительное исследование двух разных фразеологических фондов способствует выделению отличительных национальных черт каждого из них, а также близких по проявлению особенностей, присущих изучаемым языкам, что позволяет выделить национально значимые фрагменты языковой картины мира рассматриваемых лингвокультур. Данная работа посвящается сравнительному анализу марийской и финской зоосемической фразеологии в свете лингвокультурологии с применением отдельных методов психолингвистики и когнитивистики. При выявлении национально-культурной специфики фразеологизмов рассматриваемых языков отдельное внимание уделяется структурно-семантической характеристике ФЕ, что позволяет проследить особенности мотивации их внутренней формы и определить свойства их культурной коннотации.

Цель исследования заключается в выявлении общих и отличительных черт марийских и финских фразеологических единиц с компонентом-зоонимом на основе сравнительного анализа их лингвокультурных характеристик, ведущих к образованию общего и различного во фразеологических составах марийского и финского языков.

Для достижения цели диссертационного исследования определены следующие **задачи**:

- 1) провести обзор истории изучения фразеологии финно-угорских языков и существующих теоретико-методологических направлений в исследовании фразеологии;
- 2) выявить роль лексико-семантической группы «зоонимы» в образовании фразеологизмов марийского и финского языков;
- 3) выяснить характер образного переосмысления и мотивации внутренней формы зоосемических фразеологизмов исследуемых языков;

4) провести сравнение семантики и семантических отношений (коннотации) марийских и финских фразеологизмов с однотипным лексическим инвариантом-зоонимом;

5) установить типы межъязыковых фразеологических соответствий для выявления черт сходства и различия в семантике марийских и финских фразеологизмов с компонентами-зоонимами;

6) определить разновидности прототипов, мотивирующих коннотацию зоосемических фразеологизмов марийского и финского языков;

7) охарактеризовать универсальные и национально-специфичные свойства, присущие зоосемическим фразеологическим единицам сравниваемых языков.

Объектом данной работы выступают марийские и финские ФЕ с компонентами-зоонимами.

Предметом исследования являются лингвокультурные особенности зоосемических фразеологизмов в марийском и финском языках.

Методы исследования. При определении основных структурно-семантических особенностей ФЕ марийского и финского языков используется *метод фразеологического анализа, методы аппликации и идентификации*, применяемые также при определении фразеологизма в процессе его разграничения от свободных сочетаний лексем и переменных предложений. Для выявления лингвокультурных характеристик изучаемых фразеологизмов применяется *компонентный, контекстологический типы анализа, анализ словарных дефиниций* (как первый этап компонентного анализа). На основании проведенной *лингвокультурологической* интерпретации производится выделение полных, частичных и безэквивалентных межъязыковых соответствий, а также изучение коннотативного аспекта фразеологизмов посредством *метода сравнительного анализа*, который в сочетании с *когнитивными приемами* изучения ФЕ дает хорошие результаты и при определении лингвокультурных особенностей фразеологизмов рассматриваемых языков.

В качестве вспомогательного метода исследования применяется двухэтапный *свободный ассоциативный эксперимент* (далее в работе – САЭ), используемый в исследованиях по *психолингвистике*, и проведенный с носителями марийского и финского языков. Его результаты используются при изучении семантической структуры отдельного зоонима (на первом этапе САЭ), зоосемического фразеологизма (на втором этапе САЭ), а также при интерпретации прототипической структуры значения фразеологизмов, что позволяет определить лингвокультурную специфику сравниваемых ФЕ.

Гипотеза исследования: фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках отражают одну из сторон категориального языкового мышления данных этносов, структурирующуюся под влиянием внешних (социально-исторический фон) и внутренних (когнитивные механизмы восприятия) факторов.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили исследования по фразеологии А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [2008], Л. И. Барцевой и И. С. Галкина [2003], Ф. Т. Грачевой [1977], А. В. Егорова [2011], Д. Е. Казанцева и Г. С. Патрушева [1972], А. Крикманна [Krikmann 2001]¹, А. В. Кунина [1980; 1996], О. Лаухакангас [Lauhakangas 2000; 2001; 2004; 2009], О. Петровой [Petrova 2011], Н. А. Потапушкина [2000], В. Н. Телии [1993; 1996], Т. Р. Хейнонен [Heinonen 2010; 2013²], Э. С. Якимовой [1975б]; семантике слова и текста Н. Ф. Морковкина [1977], А. А. Уфимцевой [1986]; лингвокультурологии и когнитивной лингвистике В. И. Карасика [2002; 2009], В. А. Масловой [2001; 2007], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [2007]; психолингвистике В. П. Белянина [2003], А. А. Леонтьева [1977; 1997], А. Р. Лурии [1998], Г. А. Мартиновича [1993], Н. В. Уфимцевой [2011], Р. Т. Фрумкиной [2008]; психологии К. Э. Изарда [1999], Е. П. Ильина [2001], С. Л. Рубинштейна [1999] и др.

Эмпирической базой исследования послужили 180 фразеологизмов марийского языка и 197 ФЕ финского языка, извлеченные из лексикографических

¹ URL: <http://haldjap.folklore.ee/folklore>

² URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/37918>

источников, текстов художественной и публицистической литературы, а также примеры, зафиксированные в речи носителей рассматриваемых языков (см. приложения А и Б). Основной материал изучения представлен фразеологизмами, взятыми из толковых одноязычных, двуязычных и фразеологических словарей марийского языка – «Марий фразеологий мутер» Ф. Т. Грачевой, «Марийские пословицы, поговорки, загадки» С. И. Ибатова, «Калыкмут» и «Марий калыкмут мутер» А. Е. Китикова, Словарь марийского языка (10 томов); фразеологических словарей финского языка – «Suomalainen fraasi-sanakirja» С. Вирккунена, «Naulan kantaan: nykysuomen idiomisanakirja» Э. Кари, «Vanhan Kansan sananlaskuviisaus» М. Кууси, «Haisee kuin elinen silli. Suuri vertailu sanakirja» Й. Тамми, «Fennizmusok. Finn szólások és kifejezések tára magyarok számára» Й. Варга, С. Сааринен. Для определения функциональных особенностей ФЕ, выявления их семантических характеристик, мотивированности внутренней формы отобраны 200 примеров контекстуального использования марийских ФЕ и 200 примеров употребления финских фразеологизмов.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1) работа представляет первое лингвокультурологическое сравнительное изучение марийских и финских фразеологических единиц с компонентами-зоонимами;
- 2) впервые в финно-угорской фразеологии применяется междисциплинарный подход к изучению зоосемической фразеологии дальнеродственных языков с использованием комплекса методов лингвокультурологии, комбинирующей приемы когнитивной лингвистики и психолингвистики, в том числе свободного ассоциативного эксперимента;
- 3) в результате исследования выявлены типы межъязыковых соответствий, свидетельствующие об универсальности и уникальности вербализации культурно-значимых понятий средствами фразеологии марийского и финского языков;
- 4) в работе определены разновидности прототипов, мотивирующих культурную коннотацию рассматриваемых фразеологизмов, которая

демонстрирует степень устойчивости способов передачи культурно-значимой информации посредством изучаемых языковых единиц;

5) исследование анализируемых языковых единиц позволило выявить характерные черты проявления культурного фона, стоящего за эталонами, вербализуемыми марийскими и финскими зоосемическими фразеологизмами;

б) осуществленный сравнительный анализ зоосемических фразеологизмов позволил установить фрагменты национальной картины мира, описываемые данным типом устойчивых единиц в рамках марийской и финской лингвокультур.

Теоретическая ценность исследования заключается в том, что в работе обобщены теоретические и методологические вопросы фразеологии марийского и финского языков. В результате чего предложены теоретические основы сравнительного лингвокультурологического исследования отдельных лексико-семантических групп фразеологизмов различных языков. В диссертации осуществляется многоаспектный лингвокультурологический сравнительный анализ семантики марийских и финских ФЕ с компонентами-зоонимами, на основании чего выделяются лингвокультурные свойства, характерные для фразеологии сравниваемых языков, а также выявляются общие и отличительные свойства, присущие марийским и финским зоосемическим ФЕ.

Практическая ценность работы заключается в том, что в ней разработан алгоритм поэтапного исследования фразеологизмов двух языков, который может быть использован и при изучении фразеологизмов других семантических групп генетически и типологически родственных и неродственных языков. Полученные результаты, а также фактический материал могут быть применены в теоретических курсах лексикологии, типологии, лингвокультурологии, теории и практики перевода, в спецкурсе по фразеологии марийского и финского языков и в практике их преподавания в вузе. Кроме того, работа может представлять интерес для исследователей фразеологии финно-угорских языков в целом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Марийский и финский языки являются дальнеродственными языками, поэтому в типологии межъязыковых фразеологических соответствий прослеживается ряд отличий в результате выделения частичных и безэквивалентных зоосемических фразеологизмов. Это связано с некоторыми отличиями в структурно-семантической организации ФЕ и специфике прототипов, мотивирующих их внутреннюю форму.

2. Типы фразеологических соответствий отражают сходства и различия в структуре и семантике марийских и финских зоосемических фразеологизмов, значение которых мотивируется определенными прототипными ситуациями.

3. Сравнительный анализ коннотации исследуемых единиц позволил выявить некоторые сходства в прототипах фразеологизмов марийского и финского языков, которые могут быть связаны с общностью мифологии, существовавшей до расхождения финно-угорской этнокультурной общности.

4. Контекстуальный анализ фразеологизмов, а также данные свободного ассоциативного эксперимента иллюстрируют оттенки значений, накладываемые на актуальное значение ФЕ, особенности мотивации их коннотации и ассоциативно-связанные знания об объекте номинации фразеологическими средствами марийского и финского языков.

5. Результаты исследования компаративных (эталонных сравнений) и некомпаративных ФЕ представляют возможность для определения национально-значимых понятий, вербализуемых зоосемическими фразеологизмами марийского и финского языков. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в обоих языках отражают одну из сторон категориального языкового мышления данных этносов, что в свою очередь структурировано в фрагментах национальной картины мира, свойственных марийской и финской лингвокультурам.

Объем и структура диссертационного исследования определяются целью и задачами работы, которая состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списков использованной литературы и источников, а также шести приложений. В первой главе представлен обзор истории изучения фразеологии

некоторых финно-угорских языков прибалтийско-финской, угорской и волжско-пермской групп. В данной же главе предлагается систематизация основных принципов исследования фразеологии в лингвокультурном аспекте. Вторая глава диссертации посвящена анализу семантических характеристик марийских зоосемических фразеологизмов с выявлением их лингвокультурных особенностей. В третьей главе рассматриваются фразеологизмы с компонентами-зоонимами в финском языке по аналогичному алгоритму разбора ФЕ, представленном в предыдущей части диссертации. Четвертая глава посвящена синтезированному сравнительному анализу фразеологии марийского и финского языков. В данной главе выделяются межъязыковые фразеологические соответствия в марийской и финской фразеологии, отдельно рассматриваются прототипы безэквивалентных ФЕ, представляется систематизация сфер оценки (культурно-значимых понятий и представлений), вербализуемых средствами фразеологии. Следующие части работы включают список сокращений, список использованной литературы и источников, а также приложения, состоящие из перечня анализируемых фразеологизмов марийского и финского языков и ассоциаций, предъявленных реципиентами в ходе ассоциативного эксперимента. Ассоциаты представлены в том виде, в котором они были получены в анкетах, однако в тексте диссертации приводятся количественные данные на основе сделанных обобщений по всему объему ассоциаций (см. приложения В, Г, Д, Е).

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования отражены в 18 публикациях, в том числе 6 статьях в научных журналах, рецензируемых ВАК. Основные теоретические положения и результаты работы изложены в виде докладов на научно-практических конференциях *международного* (Международный симпозиум «Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития)» (г. Йошкар-Ола, 2011 г.), Международная научная конференция «Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков» (г. Ижевск, 2012), Международная научно-практическая конференция «Этнические миры и культурные универсалии»

(г. Саранск, 2012 г.), XXVIII Международная научная конференция студентов-финно-угроведов (г. Тарту, Эстония, 2012 г.), XXIX Международная научная конференция студентов-финно-угроведов IFUSCO (г. Сыктывкар, 2013 г.), IX Международный симпозиум «Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса» (г. Саранск, 2013 г.), Международная научно-практическая конференция, посвященная 125-летию со дня рождения основоположника марийской литературы С.Г. Чавайна (г. Йошкар-Ола – п. Морки, 2013 г.), Международная научно-практическая конференция «Ашмаринские чтения» (г. Чебоксары, 2014 г.), *всероссийского* (V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (г. Петрозаводск, 2014 г.), II Всероссийская научная конференция «Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках» (г. Сыктывкар, 2014 г.)) и *межрегионального* уровней (Межрегиональная научно-практическая конференция «Красновские чтения», посвященная 85-летию со дня рождения А. В. Краснова (г. Йошкар-Ола, 2012 г.), Межрегиональная научно-практическая конференция «Проблемы марийской и сравнительной филологии» (г. Йошкар-Ола, 2014 г.), Межрегиональная научно-практическая конференция «Язык и социум» (г. Йошкар-Ола, 2014 г.)).

ГЛАВА I. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1.1. История изучения фразеологии финно-угорских языков

1.1.1. История изучения фразеологии прибалтийско-финских языков: финская и эстонская

В предлагаемом разделе акцент ставится на истории собирания и изучения финских и эстонских фразеологических единиц, систематизированных и исследованных в разное время в рамках паремиологических фондов с позиций фольклористики. По сравнению с другими финно-угорскими языками паремиологические и фразеологические фонды финского и эстонского языков отличаются большей изученностью, так как их научное исследование было «ускорено» готовыми списками устойчивых сочетаний разной степени образности и переосмысления, паремий, существующих в рукописном и печатном видах с XVI века.

История изучения карельской, вепсской, ижорской, ливской и водской фразеологии кратко представлена в других работах по финно-угорской филологии [Krikmann 2001: 5-9³; Егоров 2011: 21-23]. Паремиологические и фразеологические фонды указанных прибалтийско-финских народов зафиксированы лишь в единичных лексикографических изданиях.

Историю изучения *фразеологии финского языка* можно условно поделить на два этапа. Первый этап связан с собиранием и публикацией фразеологического, по большей части, паремиологического материала. Вторым этапом отличается от предыдущего тем, что исследователи не только публикуют лексикографические и фразеографические издания, но и разрабатывают теоретические основы для изучения собранного материала. Наиболее ранним памятником, в котором

³URL: <http://haldjap.folklore.ee/folklore>

встречаются пословицы и поговорки на финском языке, считается рукопись М. Агриколы *Rucouskirja Bibliasta* 'Молитвы из Библии' [Agricola 1544]⁴.

Первый изданный сборник, содержащий 1525 пословиц и поговорок финского языка, увидел свет в начале XVIII века. Он был составлен Х. Флоринусом, финским священником, писателем и переводчиком. Позже книга была переиздана М. Кууси [Florinus 1987].

С началом систематизированного изучения финского языка и культуры, ученые начинают уделять внимание лингвистическим аспектам финских паремий. Первой из таких работ считается диссертация С. А. Готтлунда *De Proverbiis Fennicis dissertatio* 'Диссертация о финских пословицах', в которой рассмотрены этимологические, семантические и функционально-прагматические характеристики пословиц и поговорок финского языка [Gottlund 1818].

Одним из значимых трудов в финской фольклористике XIX века считается работа Э. Лённрота *Suomen Kansan Sananlaskuja* 'Финские народные пословицы' [Lönnrot 1842]. Материалом для книги послужили пословицы, которые были записаны ученым в 1835-1837 гг. во время полевых экспедиций по селам Финляндии с целью сбора и записи финских народных рун, легших впоследствии в основу эпоса «Калевала».

Особое внимание следует уделить книге финского лингвиста А. Алквиста *Valittuja suomen kansan sananlaskuja nuorisoa varten. Sana- ja asiaseilysten kanssa* 'Избранные финские народные пословицы для молодежи. С комментариями слов'. Словарь отличается от предыдущих изданий тем, что в нем составитель интерпретирует компоненты пословиц, указывающие на некоторые архаичные реалии финской культуры, к которым относятся предметы быта, традиционной и обрядовой жизни, с целью объяснения их значения [Ahlqwist 1869].

В течение всего XX века появлялись новые сборники пословиц и поговорок, систематизированные по различным принципам; переиздавался накопленный паремиологический материал, дополняемый современными комментариями и объяснениями. Фразеологизмы, расположенные либо в алфавитном порядке, либо

⁴ URL: <http://www.doria.fi/handle/10024/43445>

по названиям тематических групп, снабжаются богатым иллюстративным материалом из художественных произведений финских писателей, публицистических материалов [Наkulinen 1948; Järviö-Nieminen 1959; Koskimies 1906; Laukkanen, Hakamies 1984; Nirvi, Kuusi 1953, 1960; Virkkunen 1974; 1981].

Выдающаяся роль в систематизации и исследовании финских пословиц и поговорок принадлежит финскому фольклористу и паремиологу М. Кууси. Его исследования, проводившиеся с 50-х гг. XX века, внесли значительный вклад в изучение пословичных фондов и других прибалтийско-финских народов (карельского, эстонского, водского, ливского). Основываясь на идеях структурного анализа формулы пословиц и поговорок, введенного А. Тейлором [Taylor 1931], М. Кууси исследует роль формулы в образовании новых пословиц, под которой понимается уравнение, схема, по типу которой могут быть построены и другие пословицы и поговорки. Распространив алгоритм изучения и на пословичные фонды индоевропейских языков, ученый предложил создать международную систему пословичных типов в одном из своих трудов, посвященном типологии пословиц разных народов [Kuusi 1972]. Позднее его классификация была дополнена социологом О. Лаухакангас посредством обращения к социально-психологическому аспекту в систематизации пословиц, что отразилось в уточнении разработанной системы пословичных типов (*The M6⁵ International Type-system of Proverbs*) [Lauhakangas 2001; 2000].

Современный этап изучения финской фразеологии отличается тем, что в лексикографических источниках появляются не только пословицы и поговорки, но и номинативные фразеологизмы [Virkkunen 1974, 1981; Laukkanen, Hakamies 1984]. Издаются словари с обновленными списками фразеологических единиц с этимологическими комментариями и объяснениями; двуязычные фразеологические словари с переводом и лингвистическим комментарием, иллюстрируемые рисунками; словари крылатых выражений и цитат [Dubrovin 1981; Kari 1993; Kari 1993b; Korhonen 2001; Laine 1989; Kokko 2008;

⁵M6 – псевдоним М. Кууси, основанный на игре омонимичных слов финского языка – *kuusi* ‘ель’ и *kuusi* ‘шесть’.

Parkkinen 2005; Schellbach-Korpa 1985; Sinnemäki 1982; Varga, Saarinen 2009; Wiren 2007; Ylimys 2007].

Интерес вызывают два словаря, составленные О.А. Храмцовой. В «Финско-русско-финском словаре библейских фразеологизмов» приводятся списки ФЕ в алфавитном порядке из переводов Библии конца XVIII – начала XX вв. на финском и русском языках, снабженных примерами из библейского контекста [Храмцова 2012]⁶. В финско-русском двуязычном словаре этого же автора приводятся ФЕ из обоих языков с комментариями к безэквивалентным фразеологизмам [Храмцова 2011].

Исследование системных связей номинативных ФЕ на основе материалов финского языка представлено в работе О. Петровой. Во вводной части монографии автор обосновывает место фразеологии среди других лингвистических наук, знакомит с направлениями изучения фразеологизмов в русском, финском и английском языкознании [Petrova 2011: 40-43].

При систематизации пословиц исследователем О. Лаухакангас по социально-психологическому аспекту, многоуровневый системный характер семантического аспекта коммуникативных фразеологизмов дает основание классифицировать финские пословицы на 13 тематических классов, отражающих основные аспекты человеческой жизни. К ним автор относит практическое знание о природе; веру и нравственные установки; наблюдения и логику; мир и жизнь человека; чувство пропорции; моральные концепты; социальную жизнь; социальное взаимодействие; коммуникацию; социальное положение; соглашения и нормы; освоение знаний и обучение; время и чувство времени [Lauhakangas 2001: 30-35].

Современные междисциплинарные подходы были применены к изучению финской фразеологии на рубеже XX и XXI веков. Психолингвистический подход в исследовании идиоматики финского языка используется в работах М. Ненонен, Й. Ниemi; М. Ненонен, Й. Ниemi, М. Лайне и Т. Р. Хейнонен. Лингвисты рассматривают коммуникативные ситуации использования переведенных на

⁶. URL: avtor.karelia.ru/elbibl/hramtsova/fin_rus_fraz.pdf

финский язык иноязычных фразеологизмов [Nenonen 1999; Nenonen 2002]; специфику их применения в различных речевых ситуациях межличностной коммуникации, а также анализируют вопросы, касающиеся вариативности компонентов фразеологизмов [Heinonen 2010; 2013⁷].

Й. Х. Янтунен и С. Брунни анализируют проблему морфологического прайминга⁸ применительно к финской фразеологии при преподавании финского языка иностранцам с выделением некоторых психолингвистических условий говорения [Jantunen, Brunni 2012]⁹.

Психолингвистическая модель и аспекты перевода служат объектом исследования И. Пенттиля и П. Муйкку-Уернера. Авторы рассматривают принципы перевода идиом по принципу «слово-в-слово» с английского языка на финский с учетом особенностей использования идиом в условиях стресса или рассеянного внимания, а также смены жанра и стиля [Penttilä 2011: 247-263].

В исследовании финских фразеологизмов с позиции лингвокультурологии М. Ненонен изучает проблему внутренней формы идиомы и ее связи с прототипом [Nenonen 2007]. В отдельной работе С. Юнтунен рассматриваются лингвокультурные особенности устойчивых сравнений финского языка и особенности их перевода на русский язык с учетом аспектов корпусной лингвистики [Юнтунен 2012]. С применением методов корпусной лингвистики предлагается и анализ использования финских фразеологизмов с компонентом *sanoa* ‘сказать’ в речи носителей финского языка исследователем С. Варрио. Автор уделяет внимание контекстуальному использованию фразеологизмов, их морфологическому и лексическому праймингу и ошибкам при их применении в речи [Varrio 2012]¹⁰. К этому же направлению в филологии можно отнести монографии и статьи А. Крикманна и А.-Л. Сиикала [Krikmann 2001a; Siikala 2002]. Функции коммуникативных фразеологизмов в социальном

⁷URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/37918>

⁸Морфологический прайминг представляет собой замедление или ускорение ментального доступа к слову-мишени на основе некоторого предварительного слова, предъявленного ранее [Данилова 2007: 13].

⁹ URL: <http://www.rakenduslingvistika.ee/ajakirjad/index.php/lahivordlusi/article/view/LV22.03/192>

¹⁰URL: <http://herkulep.oulu.fi/thesis/nbnfioulu-201405151395.pdf>

взаимодействии (в сети Интернет, художественной и публицистической литературе) анализируются в работе О. Лаухакангас [Lauhakangas 2004].

Особой значимостью для развития теоретической базы финской фразеологии обладают труды по сравнительной фразеологии. К этой группе можно отнести публикации, посвященные сопоставлению идиоматики немецкого и финского языков [Huvärinen 1992; Korhonen 1989; 1995a; 1995b], английского и финского языков [Penttilä 2011: 247-263]. Влияние русского фразеологического фонда, в частности, коммуникативных ФЕ, рассматривается П. Хакамиес [Hakamies 1986].

История собирания и изучения финских пословиц и поговорок, относимых позднее к коммуникативным фразеологизмам, теоретические и методологические вопросы современной фразеологии финского языка вызывали интерес многих отечественных исследователей, среди которых нужно особо выделить разделы монографий А. В. Егорова и О. Петровой.

А. В. Егоров связывает историю фразеологии в финно-угриктике с развитием лексикографии, так как составители словарей не просто систематизировали устойчивые сочетания, а отбирали критерии отграничений их от других сочетаний слов [Егоров 2011: 6, 18-20].

В разделе монографии О. Петровой, резюмирующей степень изученности финской фразеологии, перечислены имена финских исследователей, занимавшихся теоретическими и методологическими вопросами фразеологии финского языка (Р. Инго, Ф. Карлссон, А. Коскениякко, Е. Миконе, С. Халтсонен, К. Хяккинен); показаны наиболее изученные разделы финской фразеологии (приемы и методы определения способов заимствования финских пословиц; грамматикализация и коммуникативные функции ФЕ; вопросы перевода и т.д.) [Petrova 2011: 40-43].

К одной из последних историографических работ в области финской фразеологии относится статья Л. Гранбом-Херранен, в которой приводится подробное описание истории изучения паремиологии финского языка в хронологическом порядке, уделяется внимание принципам исследования паремий

с точки зрения фольклора и лингвистики [Granbom-Herranen 2012: 165-180]¹¹. Отдельная статья автора освещает вопрос передачи традиционной культуры и основополагающих положений системы верований посредством паремиологического фонда финского языка [Granbom-Herranen 2008: 53-59]¹².

Теоретическое обобщение имеющихся работ по финской фразеологии позволяет сделать следующие выводы. В исследованиях финских лингвистов используется термин *идиома* (*idioni, idiomaattinen ilmaus*), который определяется как многословное выражение (*monisanainen ilmaus*) или *многословная лексическая единица* (*monisanainen leksikaalinen yksikkö*). Она обладает образным содержанием, по сравнению со словосочетаниями, которые также могут образовывать так называемые *коллокации* (*kollokaatiot*).

В то же время между идиомами и данными коллокациями выделяется отдельная группа полуидиом, включающая устойчивые сравнения. При исследовании вариативности составных частей ФЕ, некоторые лингвисты используют термины *фразовая лексема* (*lausekelekseemi*), *фразеологическая лексема* или *фразаема* (*fraseemi*) [Heinonen 2013: 6-9]. Идиому определяют и как устойчивое сочетание слов, значение которого не выводится из семантики отдельных его компонентов, считая близкими к идиоматике пословицы, крылатые фразы, заимствованные фразы, поговорки, афоризмы и имена собственные, типа *Punainen Risti* 'Красный крест' [Kari 1993: 6-10].

В финском языке фразеологизмом или идиомой считают единицу, которой свойственна лексическая неделимость, устойчивость состава и структуры, воспроизводимость в готовом виде в процессе речевой коммуникации [Heinonen 2013: 7]¹³.

Рассмотрев изученность финской фразеологии, можно заключить, что в состав данного пласта финского языка лингвисты включают фразеологизмы со структурой словосочетания, устойчивые сравнения, а также пословицы и поговорки (коллокации) со структурой предложения (коммуникативные ФЕ).

¹¹URL: http://www.elore.fi/arkisto/2_12/granbom-herranen.pdf

¹²URL: http://www.kasvatus-ja-aika.fi/dokumentit/katsaukset_sanankasvatuspuheessa_0309101742.pdf

¹³ URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/37918>

Известно, что первые записи на *эстонском языке* – отдельные предложения и глоссы – относятся к XIII веку. В течение трех веков, с середины XVI века до середины XIX века на эстонском языке появлялась религиозная литература в виде церковных книг. Однако материалы диалектов эстонского языка и фольклор начали собирать и фиксировать с конца XVI века. С середины XIX века в связи с подъемом эстонского национального движения возникает и национальная художественная литература. В это время издается эстонский национальный эпос – «Калевипоэг», основанный на богатом эстонском фольклоре. В дальнейшем большую роль в сохранении эстонского фольклорного наследия, в частности, в процессе собирания и публикации паремий сыграли Я. Хурт и Ф. Видеманн.

Одним из известных паремиологов среди ученых-фольклористов современности является А. Крикманн. В одной из его статей в соавторстве с И. Сарв предложен обзор истории эстонской паремиографии, которую авторы делят на несколько периодов – 1583-1876 гг., 1876-1964 гг., с 1964 года по настоящее время [Krikmann, Sarv 1996: 87-115].

Начальный этап истории паремиографии выделяется появлением первых работ по собиранию эстонского фольклора и связан с просветительской деятельностью лютеранских священников, начавшейся с 1583 года с открытием первых гимназий в Эстонии. В дальнейшем паремиологический материал эстонского языка был обобщен в некоторых рукописных изданиях Х. Шталя *Hand- vnd Haußbuch für das Fürstenthumb Ehsten In Liffland* (1632-1638 гг.), *Anführung zu der Ehstnischen Sprach*¹⁴ (1637), *Leyen Spiegel* (1641; 1649).

Отдельные грамматики и словари эстонского языка, как в рукописном, так и печатном виде, составлялись немецкими учеными Дж. Гютслаффом (*Observationes Grammaticae Circa Linguam Esthonicam*, 1648), Г. Салеманом (*Etzliche Gebete Für die Ehstnische Gemeinde in Liffland*, 1655), Х. Гёсекемом (*Manuductio ad Linguam Oesthonicam. Anführung zur Öhstnischen Sprache*, 1660), Дж. Хорнунгом (*Grammatica Esthonica*, 1693) и другими. Одним из наиболее значимых паремиологических источников того времени считается грамматика

¹⁴ Здесь и далее при перечислении работ описываемого периода приводится орфография оригиналов.

А. Тор Хелле *Kurtzgefaßte Anweisung zur Ehstnischen Sprache* (1732), включающая в себя 550 пословиц в качестве иллюстративного материала по эстонскому языку.

В грамматиках А.В. Хюпеля (*Ehstnische Sprachlehre für beide Hauptdialekte*, 1780; *Ehstnische Sprachlehre für die beyden Hauptdialekte*, 1818) материал пословиц дублирует списки, предложенные ранее А. Тором Хелле. Эстонские пословицы были также включены в состав книг обучающего характера для носителей эстонского языка – календарей, журналов, школьных книг, среди которых следует отметить издания, составленные Фр. Арвелиусом (*Üks Kaunis Jutto ja Öppetusse-Ramat*, часть I, 1782; часть II, 1787) и Ф. У. Уилманном (*Juttud ja Teggud*, 1782).

Обширная деятельность по работе над эстонским паремиологическим фондом велась также в рамках отдельных обществ, а именно *Gelehrte Estnische Gesellschaft* (позже – Общество эстонских литераторов). Среди выполненных обществом работ выделяется рукописный эстонско-немецкий словарь Й. Фр. Хеллера, датируемый приблизительно 1830 годом, в котором материал эстонского языка представлен диалектом выру (*võru*), характерным для побережных районов озера Тамула на территории Эстонии. Значительным вкладом в эстонскую фразеографию являются также труды Ф. Видеманна – *Ehstnisch-Deutsches Wörterbuch* (1869) и *Aus dem inneren und äusseren Lebender Ehsten* (1876), последняя из которых является этнографической работой, посвященной «внутренней и внешней жизни» эстонцев. Она включает в себя 4500 текстов пословиц и считается одной из наиболее полных публикаций эстонских пословиц того времени.

Следующий период, охватывающий 1876-1964 гг., характеризуется систематизацией уже опубликованных работ по исследованию эстонской паремиологии, а также составлением архивного фонда эстонского фольклора. На данном этапе исследователи выделяют большую роль Я. Хурта и М. И. Эйзена, внесших значительный вклад в создание архивов по эстонскому фольклору [Эстонский фольклорный архив 1996: 5-11]. Общее количество текстов пословиц и поговорок, хранящихся в данном фонде, составляет 100 000 единиц. Следует отметить, что публикация значительной части собранного материала осложнялась

ограниченными материальными возможностями. Однако в 1913 и 1914 гг. были опубликованы сборники М. И. Эйзена *Meie vanahõbe. Sarjatäis Eesti rahva endist tarkust, kõnekäänusid ja ütlushi* (1913) и *Eesti vanasõnad* (1914). Паремии эстонского языка печатались также в отдельных календарях, журналах, газетах и книгах для детей.

Данный период отличается началом систематизированных исследований эстонской паремиологии на основе созданного архивного фонда, который в советский период был реорганизован в фольклорный отдел Эстонского литературного музея. В период между двумя мировыми войнами фольклористы и лингвисты начали участвовать в работе по систематизации паремий, изданию брошюр по пословичному материалу эстонского языка. В них предлагались вопросники и методологические указания для собирателей эстонского фольклора. Публикация отдельных работ по паремиографии и исследованию пословиц и поговорок продвигалась довольно медленно в указанный период. Наиболее значимым изданием, относящимся к данному периоду, является сборник Э. Норманн *Valimik eesti vanasõnu*, в котором представлены 3600 тематически расположенных текстов, взятых из предыдущих рукописных и печатных источников [Normann 1955].

С 1964 года начинается исследование паремиологии по актуальным парадигмам исследования. Результаты работы ученых постоянно освещались в основанном в 1965 году информационном бюллетене *Proverbium*, который издавался Финским литературным обществом. Отмечается отдельный вклад М. Кууси в исследование прибалтийско-финских пословиц и поговорок. В рамках работы над проектом проводился семантический анализ пословиц и поговорок для создания международной системы пословичных типов и рассматривался вопрос об издании сравнительного труда по исследованию пословиц северных народов [Krikmann, Sarv 1996: 87-115].

С 1964-1975 гг. завершается работа над публикацией рукописей эстонских пословиц, собранных ранее. В 1977 году В. Мялк издает собрание водских, ливских и вепских пословиц *Vadja vanasõnad eesti, soome, karjala ja vene*

vastetega, в 1981 – сборник *Liivi vanasõnad eesti, vadja ja läti vastetega*. I-II, а в 1991 году – книгу *Vepsa vanasõnad eesti, vadja, liivi, karjala ja vene vastetega*. В рамках проектной деятельности печатаются и другие работы по изучению отдельных прибалтийско-финских пословиц, в том числе и эстонских: *Proverbia Septentrionalia* (1985), *Eesti vanasõnad* ‘Эстонские пословицы’ (1980-1988), *Vanasõnaraamat* ‘Пословичная книга’ (1984).

Систематизация эстонских фразеологизмов с лингвистической точки зрения представлена в словарях: «Немецко-эстонский словарь фразеологизмов и выражений» [Liiv, Haberman, Paivel 1973], «Избранные русские фразеологизмы с эстонскими соответствиями» [Reitsak 1975], «Фразеологический словарь» [Õim 1993], «Англо-эстонский идиоматический словарь» [Hanko 1998] и «Англо-эстонский словарь фразовых глаголов» [Get on with English!: inglise-eesti ühendtepusõnade seletussõnaraamat 2003].

Непосредственный анализ пословиц и поговорок, имеющих косвенное отношение к теме данного исследования, предложен в труде А. Крикманна, *Proverbs on Animal Identity: Typological Memoirs* ‘Пословицы об особенностях животных: типологические заметки’. Автор уделяет внимание аспекту межъязыковой эквивалентности эстонских пословиц и поговорок с привлечением материала 32 языков, входящих в различные языковые семьи, в том числе, и в группу финно-угорских языков. Ученый затрагивает проблему единого жанра (пословиц) и единого представления (пословичный тип). Автор выделяет 25 названий живых существ, которые встречаются в составе пословиц и поговорок исследуемых языков. Наиболее частотными из них являются *собака* и *лошадь*, одомашненные человеком прежде других животных [Krikmann 2001a: 7-14]¹⁵.

Отдельное место в изучении эстонской фразеологии занимают работы Ф. Вакка, который впервые для исследований по финно-угристике использовал термин «соматический». В его труде «О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке» анализируются структурно-семантические, грамматические особенности соматических фразеологизмов

¹⁵URL: <http://haldjap.folklore.ee/folklore>

эстонского языка. Отдельное внимание уделяется их антонимическим связям [Вакк 1964].

Обзор трудов по фразеологическим фондам финского и эстонского языков позволяет выделить следующие направления исследований по данному разделу прибалтийско-финского языкознания, существующих в настоящее время: фонетические, морфолого-грамматические характеристики фразеологизмов; группировки ФЕ по структурным типам; особенности семантики ФЕ; стилистическое функционирование ФЕ в произведениях художественной литературы; специфика отношений ФЕ с их компонентами и сложными словами; этимология и источники образования ФЕ; фразеография; проблемы моделирования в сфере фразеологии; вопросы системных отношений фразеологических единиц; психолингвистические аспекты функционирования ФЕ в контексте речи.

1.1.2. История изучения фразеологии в угорских языках

Угорская группа финно-угорской семьи языков представлена венгерским, мансийским и хантыйским языками.

История изучения паремиологии *венгерского языка*, которая в настоящее время относится учеными к разделу фразеологии, охватывает довольно длительный период времени, т.к. его письменность относится к наиболее ранней по появлению среди финно-угорских языков, датируясь XII веком, и связывается с первым письменным памятником на венгерском языке – *Halotti Beszéd és Könörgés* ‘Надгробная речь и молитва’.

Первые исследования ученых по венгерскому языку были направлены на фиксацию и систематизацию фольклорных текстов, в том числе и паремиологического материала. К одной из таких работ относится труд Я. Б. Дэчи, написанный в 1598 году, *Adagiorum graecolatino-ungaricorum chiliades quinque*, и считающийся первым источником, в котором зафиксированы пословицы и поговорки венгерского языка. В книгу включены около 900

венгерских пословиц и поговорок, часть которых используется и в современном венгерском языке, хотя некоторые из них встречаются лишь в отдельных районах Венгрии. По замечаниям автора, издание составлено в качестве помощи для подготовки публичной речи.

Отдельные венгерские устойчивые обороты вошли в словари, изданные А.С. Молнаром в 1606 году (*Dictionarium Latinoungaricum: opus novum et hactenus nusquam editum* ‘Латино-венгерский словарь...’, *Item vice versa: Dictionarium Ungaricolatinum, in quo praeter dictionum ungaricarum interpretationem latinam adjecta sunt... per Albertum Molnar Szenciensem Ungarum* ‘Венгерско-латинский словарь...’) и сборник П.К. Вицаи, выпущенный в 1713 году (*Selectiora adagia latino-hungarica: In gratiam et usum scholasticae juventutis collecta, et in alphabeti seriem concinnata* ‘Латино-венгерское собрание изречений’).

Отдельными источниками, в которых были зафиксированы венгерские пословицы и поговорки, являются учебные пособия и грамматики, составленные М. Адями (1760), Я. М. Корабински (1779), Ф. Помей (1798), Ш. Дярмати (1794), И. Сент-Пали (1795) и др. Дальнейшая публикация и систематизация венгерских паремий осуществлялись Й. Сворени [Szvotényi 1847], Я. Эрдейи [Erdélyi 1851], Ф. Ридль [Riedl 1889], В. Толнаи [Tolnai 1896], Э. Маргаличем [Margalits 1896; 1990], Я.Н. Берзе [Berze 1932] и др.

Особой значимостью для венгерской фразеологии обладают труды Г.О. Надя, появившиеся во второй половине XX века. В одной из своих работ автор на основе хронологического обзора становления венгерской фразеологии как отдельной науки показывает и ее современные проблемы [Nagy 1977]. Составленный им «Этимологический словарь венгерских фразеологизмов» включает более 1000 ФЕ венгерского языка с объяснением их происхождения [Nagy 1979]. В сборник «Венгерские пословицы и поговорки» он включил 20 000 паремий с интерпретацией их значений и описанием стилистических особенностей использования [Nagy 1999].

В следующих изданных трудах присутствует сочетание теоретического осмысления материала, который представлен в виде введения, предваряющего

собственно фразеологический материал словарей. Среди изданных словарей по венгерской фразеологии стоит отметить работу З. Уйвари «Собрание фразеологизмов», в которой показаны структурно-семантические, функциональные характеристики фразеологизмов, их системные связи и прагматические особенности использования в речи [Újváry 2001]. Словарь венгерских пословиц и поговорок, составленный Т. Форгачем, обогащен примерами использования паремий в периодике и художественных произведениях на венгерском языке, снабжен стилистическими пометами [Forgács 2004]. Следует отметить и издание В. Бардоши «Собрание венгерских фразеологизмов: Толковый и понятийный словарь пословиц, поговорок и устойчивых выражений», в котором он приводит этимологические комментарии, уделяя особое внимание фразеологизмам венгерского языка, имеющим латинское происхождение [Bárdosi 2004]. В словаре А. Семеркени «Поговорки и пословицы» материал расположен по принципу выделения ключевых слов с объяснением значения и происхождения пословиц и поговорок, указанием жанра и лексикографических, художественных источников, в которых они встречаются [Szemerkeny 2009].

В это же время начинают активно развиваться сопоставительные фразеологические исследования. С 1975 года Д. Пацолаи занимается изучением венгерских пословиц и поговорок в сравнении с паремиями английского языка. Позже в круг научных интересов ученого входит и исследование межъязыковой эквивалентности фразеологизмов, что получило отражение в составленных им словарях. «Венгерско-эстонско-немецко-англо-финско-латинский словарь пословиц и поговорок с марийским и коми-зырянским приложением» состоит из 624 словарных статей с описанием их значения [Pacsolay 1987]. В словарь Д. Пацолаи «Европейские фразеологизмы на 55 языках с арабскими, персидскими, санскритскими, китайскими и японскими соответствиями» вошли 453 устойчивых оборота, из них 70 – на венгерском языке. В издании рассматривается эквивалентность 108 пословиц, которые, по выводам ученого, фиксируются в 28 из 55 рассматриваемых языков [Pacsolay 1997]. Издание

«Тысяча венгерских пословиц и поговорок с английскими, эстонскими, финскими и немецкими переводами» включает словарные статьи с приведением эквивалентных единиц из выбранных языков с учетом их структуры и семантики [Paczolay 2000]. Необходимо выделить и «Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь», который может быть полезен при сравнительно-сопоставительном изучении материала славянских и финно-угорских языков [Лавер 1985].

Труд А. Т. Литовкиной «Собрание венгерских пословиц: Толковый словарь пословиц, иллюстрированный примерами», вобрал в себя пословицы, поговорки, крылатые слова, сентенции, параболы, погодные наблюдения и фразеологизмы-библейзмы, расположенные в алфавитном порядке с объяснением их этимологии [Litovkina 2005].

Собственно лингвистическое исследование фразеологизмов венгерского языка представлено в работах, посвященных отдельным проблемам фразеологической семантики. Так, в работе Ч. Тимеа «Соматические фразеологизмы в русском и венгерском языках» анализируются национально-культурные особенности соматических фразеологизмов русского языка в аспекте их изучения носителями венгерского языка [Тимеа 1999].

Сопоставительный анализ русских и венгерских соматических фразеологизмов представлен и в диссертации З. Гёрке. Наряду с кратким обзором истории изучения русских и венгерских соматических фразеологизмов, предлагается исследование синтаксического аспекта выбранных фразеологизмов, рассматриваются вопросы перевода венгерских соматических фразеологизмов на русский язык. Автор изучает семантические связи ФЕ, выделяя полисемию, омонимию, синонимию, антонимию и семантические оппозиции [Györke 2002].

Теоретические основы фразеологии венгерского языка предложены в монографии Л. Хадровича «Венгерская фразеология: исторический обзор». В ней автор останавливается на вопросе объема фразеологии, описывает грамматические и стилистические особенности фразеологизмов венгерского языка, предлагает их классификацию [Hadrovics 1995].

В работе Г. Миски рассматривается вопрос преподавания русской фразеологии носителям венгерского языка. Особое внимание уделяется объяснению безэквивалентной лексики в составе ФЕ русского языка и возможности подбора его соответствия в венгерском языке [Миски 1997].

Исследование венгерских коммуникативных фразеологизмов с точки зрения их межъязыковой семантической эквивалентности предлагается также А. Крикманном. В его работе, упомянутой в разделе о прибалтийско-финской фразеологии, *Proverbs on Animal Identity: Typological Memoirs* ‘Пословицы об особенностях животных: типологические заметки’ (см. п. 1.1.1.).

Некоторым частным вопросам венгерской фразеологии в сопоставлении с другими языками посвящен ряд статей зарубежных и отечественных ученых. В отдельной статье И. Пачаи рассмотрены фразеологические единицы русского языка, отражающие региональные культурные контакты между русским и финно-угорскими, тюркскими народами на основе выявления семантической эквивалентности ФЕ в русском, венгерском, эрзя-мордовском, татарском, турецком, киргизском, башкирском, туркменском языках [Пачаи 2007: 125-131]¹⁶. Сопоставительный анализ венгерских фразеологизмов с компонентом «масло» проведен в работе С. Ю. Кондратюк. В статье рассматриваются особенности семантической реализации данного компонента в украинских, русских, английских, немецких, французских и венгерских поговорках и фразеологизмах [Кондратюк 2004: 269-271].

Использование венгерского фразеологизма *alaki / valamifarvizénevez / evickél / hajózik / nyotul* и его русского эквивалента *плыть / идти / быть / находиться в фарватере кого-л. / чего-л.* в венгерских и русских публицистических текстах является объектом исследования статьи А. Золтана. В статье приводится этимологический анализ фразеологизмов, а также его отдельных компонентов *farvív / farvater* [Золтан 2013: 64-67]. В статье Н. Н. Колпаковой и Л. Ю. Муковской анализируется участие числительных и

¹⁶URL: <http://www.nyf.hu/upload/File/docs/orosz/pacsai.pdf>

дериватов с компонентом-числительным в составе фразеологизмов венгерского языка [Колпакова, Муковская 2014: 106-109]¹⁷.

Одной из недавно опубликованных значимых работ в области сопоставительной фразеологии можно назвать монографию А. В. Егорова «Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской)». В ней соматическая фразеология венгерского языка анализируется в сопоставлении с удмуртскими фразеологическими соматизмами. Автор классифицирует ФЕ с соматическим компонентом по лексико- и структурно-грамматическим характеристикам, проводит ФЕ удмуртского языка в структурно-грамматическом аспекте с целью выявления структурных типов в удмуртской фразеологии [Егоров 2011:53-164]. Ранее автором был предложен материал для создания удмуртско-венгерско-русского фразеологического словаря с использованием словарей, составленных венгерскими лингвистами В. Бардоши, Г. О. Надем и Т. Форгачем [Егоров 2007]. А. В. Егоров также рассматривает лингвокультурный аспект венгерской фразеологии в сопоставлении с удмуртской на основе семантического анализа фразео-семантического поля «Человек». Полученные результаты дают основание исследователю классифицировать удмуртские и венгерские фразеологизмы по трем тематическим группам: ФЕ, характеризующие индивидуальные качества; ФЕ, описывающие внутренние качества и черты характера; ФЕ, раскрывающие духовный мир человека [Егоров 2010: 165-169].

Что касается фразеологии *обско-угорских (хантыйского и мансийского) языков*, то она является малоизученной по сравнению с фразеологией других финно-угорских языков. Можно назвать несколько работ, в которых рассматриваются вопросы объема фразеологии, критерии семантического анализа фразеологизмов, способы определения оценочного компонента коннотации, классификация диалектной фразеологии. Фразеология хантыйского языка изучается В. Н. Соловар. Она занимается исследованием соматической фразеологии, оценочного компонента в значениях ФЕ, а также лингвокультурных характеристик фразеологизмов и особенностей их функционирования [Соловар

¹⁷ URL: : http://www.resourcep.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/mater_fin_ugr_konf.pdf

1997; 1999; 2000]. М.Е. Серхасова выделяет семантическое поле «Человек», вводит понятие модели фразеологического поля, выявляя особенности структуры антропохарактеризующих фразем приуральского диалекта хантыйского языка [Серхасова 2010: 10-15].

А. И. Кузнецова на примере идиоматических эвфемизмов исследует диахроническую информацию лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии обско-угорских и самодийских языков [Кузнецова 2001: 99-103]. В исследованиях фразеологии мансийского языка выделяются публикации О. Ю. Динисламовой, в которых рассматриваются особенности метафоризации ФЕ мансийского языка, специфика функционирования их внутренней формы в отражении фразеологической картины мира народа манси [Динисламова 2008: 29-34; 2010: 31-34; 2013:29-34].

Подводя краткий итог истории изучения фразеологии в угорских языках, можно заключить, что ее исследование начинается с середины XVI века. Это доказывается наличием письменных источников, посвященных систематизации *венгерских* фольклорных текстов. Но научное исследование фразеологического фонда языка становится возможным со второй половины XVIII века. К настоящему времени в венгерской филологической науке создано значительное количество одноязычных и многоязычных фразеологических источников, составленных по различным принципам, и охватывающих все богатство венгерской фразеологии, часто в сравнении с другими финно-угорскими и индоевропейскими языками. В теоретических работах уточняются классификации ФЕ, определяется объем и место фразеологии в системе венгерского языка, представлены свойства их компонентов, структурно-семантические классификации фразеологизмов; осуществляется лингвострановедческий, когнитивный подходы к выявлению семантики фразеологических единиц. Совершенно иная картина наблюдается в области изучения фразеологии *обско-угорских языков*. Нужно констатировать, что к настоящему времени написаны лишь единичные статьи по лингвокультурным особенностям фразеологизмов хантыйского и мансийского языков.

1.1.3 История изучения фразеологии волжской и пермской групп языков

В состав финно-угорских языков волжской группы входят марийский и мордовские (эрзянский и мокшанский) языки, а в пермскую группу – коми и удмуртский языки. Изученность фразеологических фондов указанных языков осуществлена в разной степени.

Традиционно в *марийском языкознании* фразеология включается в состав лексикологии. Данный раздел лексикологии марийского языка развивался под большим влиянием исследований по фразеологии русского языка. Лингвисты, изучавшие фразеологию марийского языка в 1960-1970-е гг., опирались на идеи, изложенные в трудах В. Л. Архангельского [1964], Н. М. Шанского [1964], Р. А. Будагова [1965], А. А. Реформатского [1967], В. В. Виноградова [1974], А. И. Молоткова [1977], В. П. Жукова [1986] и др.

Первые упоминания о фразеологизмах марийского языка, а также их небольшие списки встречаются в материалах, собранных финно-угорскими исследователями XIX и начала XX вв. – А. Генетцем [Genetz 1889], В. Порккой [Porikka 1895], Г. Рамстедтом [Ramstedt 1902]. В дальнейшем фразеологический фонд марийского языка был обобщен в ряде изданий, подготовленных марийскими учеными В. М. Васильевым [1918], С. И. Ибатовым [1953; 1960], А. Е. Китиковым [1981; 1991а; 1991б; 2004], Ф. Т. Грачевой [2001] и др.

Наиболее активно вопросы марийской фразеологии стали изучаться с середины XX века. В марийском языкознании при назывании единиц фразеологии наряду с русским заимствованием «фразеологизм» используется такой термин, как *кўэмалтише ойсавыртыш / ой* ‘фразеологизм, устойчивый оборот’. Рассматривая теоретические исследования в этой области хронологически, можно отметить, что они осуществлялись в нескольких направлениях. В отдельных статьях В. М. Васильева была проведена систематизация идиом, проанализирована их семантика, отдельное внимание было уделено иносказательным изречениям, ‘словам-пережиткам’ в марийском языке [Васильев 1948]. В одном из трудов Д. Е. Казанцева положено начало

исследованию семантики фразеологических оборотов марийского языка [Казанцев 1965]. Раздел, посвященный отдельным аспектам марийской фразеологии, был предложен в работе «Современный марийский язык. Лексикология», которая написана и издана Д. Е. Казанцевым и Г. С. Патрушевым [1972]. В ней авторы считают, что фразеологический оборот является воспроизводимой единицей языка, состоящей из постоянного состава слов и обладающей семантической целостностью и экспрессивностью. В сферу исследования фразеологии ученые включают номинативные (фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания) и коммуникативные фразеологические единицы (фразеологические выражения) [Казанцев 1972: 123-147].

В многочисленных статьях Ф.Т. Грачевой рассмотрен фразеологический фонд марийского языка с использованием синхронического и диахронического подходов; уделено внимание этимологии марийских фразеологизмов; предложено сравнение отдельных групп фразеологических единиц родственных финно-угорских языков и проанализированы синонимические соотношения фразеологизмов со словами; показано контекстуальное использование фразеологизмов и исследованы стилистические возможности использования фразеологизмов в текстах разных функциональных стилей [Грачева 1975; 1976а; 1976б; 1976в; 1978; 1988; 1989, 2005а; 2005б]. Полученные результаты многоаспектного исследования номинативных и коммуникативных фразеологических единиц марийского языка были обобщены Ф. Т. Грачевой в первое систематизированное исследование марийской фразеологии [Грачева 1977]. Ф. Т. Грачева определяет фразеологизм как устойчивое словосочетание, состоящее из двух и более слов, или предложение с переносным значением [Грачева 1989: 3]. Таким образом, исследователь относит пословицы и поговорки, обозначая их коммуникативными фразеологизмами, к сфере изучения фразеологии. На основе полученных теоретических разработок Ф. Т. Грачевой впервые в марийской лексикографии в 1989 году был издан фразеологический

словарь марийского языка [Грачева 1989]. Позже ею был составлен словарь идиом горного наречия марийского языка [Грачева 2002].

В отдельной статье Л.П. Васиковой представлен теоретический обзор фразеологии горномарийского языка в рамках традиционного подхода к исследованию устойчивого пласта языка. Автор выделяет признаки фразеологизмов, предлагает их классификацию по степени их семантической слитности, рассматривает многозначные и близкие по значению фразеологические единицы, а также соотнесенность с частями речи и их экспрессивно-стилевую окраску [Васикова 2005: 24-32].

Группа универсальных фразеологизмов – соматические фразеологические единицы – как самый многочисленный разряд фразеологизмов марийского языка, подробно разобрана Э. С. Якимовой [1975б]. В исследованиях данного автора анализируется роль соматического компонента в составе структуры семантики ФЕ и пути образования марийских соматических фразеологизмов, а именно: выделяются способы образования ФЕ на материале марийского языка, заимствования, источники пополнения фразеологического фонда марийского языка; рассматриваются некоторые фразеологизмы, общие для финно-угорских языков [Якимова 1974а; 1974б; 1975а; 1975б; 1976; 1978; 1979]. Э. С. Якимова относит к ФЕ устойчивые по структуре и семантике языковые единицы, в объем фразеологии она включает и ФЕ со структурой предложения [Якимова 1975б: 141]. С учетом специфики исследования к данной группе автор относит: пословично-поговорочные выражения; ФЕ, в которых субъектом действия является соматический компонент; ФЕ, в которых субъектом является воображаемое лицо или предмет; императивные ФЕ [Якимова 1975в: 20-23].

Лингвистические характеристики коммуникативных фразеологизмов марийского языка достаточно подробно исследованы в работах Э. В. Лебедевой [1995а; 1995б; 1996а; 1996б; 1997; 1999а, 1999б; 2000]. Пути и способы образования новых фразеологизмов в марийском языке рассмотрены в отдельных работах Л.И. Барцевой, которая считает, что метафоризация и метонимизация

исходного сочетания – прототипа – являются основными приемами создания марийских фразеологизмов [Барцева 1997; 2000].

Обобщающий материал, полученный по фразеологии марийского языка, представлен в новой работе Л. И. Барцевой и И. С. Галкина. Они относят к фразеологизмам устойчивые словосочетания или предложения, состоящие из двух или более компонентов, обладающих единым значением [Барцева, Галкин 2003: 112], тем самым в объекты изучения фразеологии они включают как номинативные, так и коммуникативные фразеологизмы. Авторы разбирают семантику, структуру ФЕ (соотношение фразеологических оборотов к частям речи), семантическую слитность членов ФЕ и источники образования марийских фразеологических оборотов [Барцева 2003: 111-142]. Анализ контекстуального использования фразеологизмов марийского языка приводится также в исследованиях Л. А. Абукаевой [Абукаева 1999; 2005; 2007] и Н. Т. Егорова [2006].

Выявление и всестороннее описание синтаксических фразеологизмов предлагается в монографии Л. А. Абукаевой, которая рассматривает морфолого-синтаксические конструкции марийского языка, построенные по фразеологизированным моделям, их семантику и функционирование. Автор анализирует как грамматическую природу постоянных компонентов, так и лексическое наполнение схемы. В работе показано, что синтаксические фразеологизмы относятся к структурам экспрессивного синтаксиса, выражающим в дополнение к объективному содержанию предложения добавочные субъективно-модальные значения [Абукаева 2005].

Семантика адвербиальных марийских ФЕ в сравнении с фразеологизмами родственных языков описана в одной из статей А. Д. Зинькова. Автор предлагает рассмотрение лексико-семантических групп фразеологизмов некоторых финно-угорских языков, показывает методику их определения, включая и краткую информацию о марийских фразеологических единицах [Зиньков 1983: 18-22].

Лингвокультурные особенности отдельных фразеологизмов марийского языка рассматриваются в работе Г. Н. Казыро, в которой осуществляется анализ

смысловых доминант концепта «Семья» на материале марийских коммуникативных ФЕ. В статье учитывается фреймовая структура концепта, состоящего из таких значимых элементов, как «Патриархальная семья», «Нуклеарная семья» и «Родня по браку» [Казыро 2013: 674-678]. В следующей статье Г. Н. Казыро, написанной совместно с С. Л. Яковлевой, проводится сравнительный анализ фреймовой организации концепта «Семья», вербализуемого коммуникативными ФЕ марийского и финского языков [Яковлева, Казыро 2014: 649-652].

В области *мордовской фразеологии* первым систематизированным исследованием является работа Р. С. Ширманкиной «Фразеология мордовских языков» [Ширманкина 1970], в которой анализируются структурно-семантические особенности ФЕ мордовских языков (мокшанский и эрзянский) и подробно рассматриваются вопросы их образования. Автор предлагает описание структурно-грамматических характеристик исследуемых фразеологизмов. Практическим результатом теоретического осмысления материала стал «Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков» [Ширманкина 1973]. В 1998 году Р. С. Ширманкина выпускает еще одно составленное ею фразеографическое издание «Фразеологинь валкс: Кемекставозь меревксень» [Фразеологинь валкс 1998].

В последующие годы появился ряд статей, посвященных сопоставительному исследованию соматической фразеологии в мордовском (эрзя) и немецком языках. В них рассматривались структурно-грамматические характеристики соматических фразеологизмов [Денисова 2001: 61-64; 2002а; 2003б], экстралингвистические факторы их происхождения [Денисова 2002б: 135-137], понятийно-фразеологические категории во фразеологизмах с отдельными соматическими компонентами [Денисова 2003а: 118-120], явления омонимии [Денисова 2003в: 70-74].

В 2010 году составлен и издан многоязычный фразеологический словарь «PhraseologiaMordunica: Перечень эрзя-мордовских фраз, идиом и других выражений с русскими, эстонскими и финскими соответствиями». Список

фразеологизмов приводится в алфавитном порядке с учетом ключевых слов фразеологизмов эрзя-мордовского языка. Всего словарь включает 930 единиц, из которых 867 – субстантивные. Другие классы представлены 39 адвербиальными, 13 адъективными, а также 10 ФЕ с послелогоми и предлогами [Phraseologia mordunica 2010].

В *пермском языкознании* к первым работам, посвященным коми фразеологии, можно отнести словари, составленные И. И. Тарабукиным (1959) и Ф. В. Плесовским (1986). Словарь И. И. Тарабукина сконцентрировал наиболее употребительные ФЕ коми языка. Автор включил в издание следующие категории, взяв за основу их структурные характеристики: паремии; аллегорические выражения; устойчивые сравнения, сопровождаемые сравнительными послелогоми; постоянные эпитеты, состоящие из словосочетания; застывшие синонимические парные словосочетания, состоящие из самостоятельных слов; устойчивые словосочетания с усилительным повторением самостоятельных слов; усилительное повторение слов с переогласовкой (обычно одно из слов не имеет своего лексического значения); сочетания изобразительных слов с другими словами; застывшие архаические обороты речи; словосочетания с собственными именами, вошедшими в поговорку; рифмованные выражения и крылатые реплики [Тарабукин 1959].

В словаре Ф.В. Плесовского «Коми кывтэчвсьяс» систематизировано значительное количество коми фразеологизмов с примерами их контекстуального использования. Словарь составлен на материале диалектологических экспедиций и словарей, ранее изданных зарубежными и отечественными учеными [Плесовский 1986].

Коми лингвисты, изучающие теоретические аспекты фразеологии, в своих работах ссылаются на материалы и результаты, полученные А. С. Кривощевой-Гантман и обобщенные в вузовском учебнике «Коми-пермяцкий язык» [Кривощекова-Гантман 1962:131-146].

Отдельные вопросы теории коми фразеологии освещаются в трудах А. Н. Кармановой. В них анализируются семантические характеристики

некоторых тематических групп коми ФЕ, особенности их парадигматических отношений и этимология ряда групп фразеологизмов [Карманова 1985; 1989].

В работе О. А. Гагариной (Поповой) произведена систематизация и синхронное описание ФЕ коми-пермяцкого языка с точки зрения их структуры, лексико-грамматических групп, системных признаков и свойств, а также выявлены основные источники пополнения фразеологического фонда коми-пермяцкого языка. Автор осуществил сбор фразеологического материала; произвел его обработку синхронно-описательным и сравнительно-сопоставительным методами; провел лексико-грамматический анализ ФЕ; представил описание их системных признаков и свойств [Гагарина 1999]. Научное исследование послужило основой для создания одного из современных изданий словаря коми фразеологизмов [Попова 2010].

Теоретические основы удмуртской фразеологии обобщаются в работах И. В. Тараканова, в которых он обосновывает проблемы отношений фразеологизмов с отдельными лексемами и сложными словами, анализирует особенности фонетической, грамматической оформленности ФЕ, их синтаксические характеристики, затрагивает вопросы перевода фразеологизмов на другие языки [Тараканов 1971; 1992].

Удмуртские ФЕ систематизированы К. Н. Дзюиной. В ее словаре кратко рассматриваются некоторые вопросы теории фразеологии удмуртского языка. Дается обоснование группировки устойчивых оборотов по грамматическим признакам. В вступительном разделе словаря описываются также стилистические характеристики ФЕ и принципы их перевода на русский язык [Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь 1967].

Паремнологический материал по удмуртскому языку обобщен в словаре под редакцией М. Н. Гаврилова. В нем описываются их употребление, происхождение и фонетическая оформленность. Коммуникативные ФЕ систематизированы по тематическому принципу [Пословицаос но поговоркаос 1960].

Структурно-стилистические особенности афористических жанров удмуртского фольклора исследованы Т. Г. Перевозчиковой. Она рассматривает

традиционные определения и значения разных дефиниций терминов «пословица» и «поговорка». Одна из ее работ, подготовленных на основе рукописных и печатных источников XVIII-XX вв., включает удмуртские народные пословицы, афоризмы, поговорки, пожелания, проклятия и клятвы [Удмуртский фольклор 1987].

Значительный вклад в изучение фразеологии удмуртского языка внес труд Г. Н. Лесниковой, который посвящен систематизации и синхронному описанию удмуртских ФЕ с точки зрения структуры, лексико-грамматических разрядов, системных признаков и свойств, их частеречной соотнесенности. Фразеологизмы удмуртского языка разделяются автором на номинативные и коммуникативные типы [Лесникова 1994].

На базе накопленного опыта анализа фразеологических фондов отдельных языков возникают сравнительно-сопоставительные исследования. Исследование фразеологии славянских и финно-угорских языков представлено в трудах О. Б. Ткаченко. В них автор определяет типы межъязыковых соответствий между родственными языками, с одной стороны, и между ними и контактирующими неродственными – с другой. Исследователь анализирует языковые формулы, так называемые устоявшиеся обороты, имеющие обязательный характер в определенных коммуникативных ситуациях [Ткаченко 1976; 1979].

Следует отметить сравнительный словарь венгерского исследователя Д. Пацолаи «Венгерско-эстонско-немецко-англо-финско-латинский словарь пословиц и поговорок с марийским, коми-зырянскими и японскими соответствиями», в котором предпринята попытка систематизации паремий на основе межъязыкового соответствия с учетом семантических особенностей отобранных единиц [Paczolay 1987].

Сопоставительным исследованием фразеологии финно-угорских языков занимается также Г.А. Боброва, изучающая особенности репрезентации языковой картины мира удмуртов в сравнении с русскими на основе лексико-фразеологического материала выбранных языков [Боброва 2004: 224-226].

Ф. И. Тагирова рассматривает характер этноспецифической информации в составе фразеологизмов татарского и удмуртского языков, считая, что фразеологизмы способствуют отражению этноспецифической картины мира татарской и чувашской лингвокультур [Тагирова 2009: 139-140; Тагирова 2010: 17-20].

В монографии А.В. Егорова «Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской)» представлена классификация удмуртских фразеологизмов по соматическому признаку. Автором выделено 74 структурных типа, среди которых описываются наиболее распространенные. Кроме этого в работе показаны продуктивные фразообразовательные модели в удмуртском языке. При их сопоставлении с аналогичными группами венгерского языка обнаруживается большая степень совпадения структурных типов. Полученные данные представлены в табличном виде [Егоров 2011: 53-164].

Несмотря на перечисленные работы, выполненные исследователями за последние годы, в сфере изучения фразеологии языков волжско-пермской группы, как и в области марийской фразеологии, еще остаются пробелы, касающиеся объема фразеологии, структуры и семантики фразеологических единиц как номинативного, так и коммуникативного типов.

1.2. Лингвокультурный аспект изучения фразеологизмов

Исследования по лингвокультурологическому направлению во фразеологии различных языков показывают, что их главная цель заключается в выявлении компонентов этнической культуры, выраженных как в форме, так и значении фразеологизмов. Фразеология любого языка считается ценным лингвистическим наследием, в котором представлены такие компоненты национальной культуры, как обычаи, традиции, верования, история языка и история говорящего на нем народа. Национальную специфику культуры в ее многогранности и отраженную в языке этноса, невозможно выявить и описать методами традиционной лингвистики: необходим междисциплинарный подход. Лингвокультурология,

являясь синтезирующей наукой, объединяет многие аспекты изучения проблемы «язык и культура» и является ответом на современные вызовы исследовательского процесса. Фундаментальные исследования, заложившие основу новой парадигмы в лингвистической науке, отразились в работах по изучению связи языка и мышления в предложенной ранее лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта [1984; 1985], а также теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа [Whorf 1956; Уорф 1960; Сепир 1993], культурно-исторической теории развития психики Л. С. Выготского [1999], трудах по изучению знаковой системы культуры и ее констант, представленных Н. И. Толстым [1995], В. Н. Топоровым [1995], А. Н. Афанасьевым [1996], Ю. С. Степановым [1997], А. А. Потебней [2000] и др.

Национально-культурное своеобразие фразеологических единиц являлось объектом внимания ученых в течение длительного времени, и к настоящему моменту существуют обобщающие классификации различных подходов к их изучению. В большинстве рассмотренных работ ученые выделяют четыре основных направления: лингвострановедческий, контрастивный, когнитивный, лингвокультурологический [Чернякова 2013¹⁸; Чикина 2004: 2-20; Якушева 2011: 227-229].

При исследовании фразеологии с учетом *лингвострановедческого аспекта* ученые описывают и классифицируют явления окружающей действительности, отраженные в компонентном составе ФЕ. По мнению лингвистов, национально-культурная специфика фразеологических единиц выражается в упоминании тех или иных *экстралингвистических реалий*, характерных для данной культуры и принадлежащих к фоновым знаниям носителей языка [Крупнов 1987: 150; Этнопсихоллингвистика 1988: 19-31].

В обобщающей статье Е. А. Черняковой указано, что национально-культурные отличительные особенности фразеологизмов с учетом лингвострановедческого аспекта могут проявляться следующим образом:

¹⁸ URL: <http://tea4er.ru/home/volume5/3505-2013-12-29-16-47-59>

1) в совокупном фразеологическом значении национально-культурное своеобразие фразеологизмов связано с безэквивалентными фразеологизмами, существующими в любом языке, что объясняется избирательностью фразеологической номинации народов – носителей языков.

2) фразеологизмы с национально-культурным компонентом в своем составе содержат специфические для данного народа лексемы, входящие в состав ФЕ. Они могут обозначать какие-либо экстралингвистические реалии, известные носителям одной нации или нескольким нациям, связанным общностью культуры или религии, а также топонимы, антропонимы, характерные для какой-то одной страны.

3) во фразеологизмах отражаются традиции, обычаи и поверья народа, различные реалии, факты истории. Многие ФЕ уходят корнями в профессиональную речь. Следовательно, фразеологизмы выражают упоминания экстралингвистических реалий, типичных только для изучаемой культуры, что и служит национально-культурным своеобразием фразеологических единиц [Чернякова 2013].

Предметом изучения следующего подхода – *контрастивного* – является сопоставление или сравнение фразеологических аналогов разных языков с целью определения национально-культурного своеобразия фразеологизмов. Сопоставление фразеологических аналогов проводится для выявления различий, которые и составляют национально-культурную специфику сравниваемых фразеологических единиц в рассматриваемых языках. При исследовании национально-культурной специфики фразеологизмов в рамках сопоставительного подхода ученые нередко обращаются к рассмотрению плана содержания фразеологической единицы, в котором выделяют актуальное значение и образную составляющую, иными словами, коннотацию. Анализ последнего компонента позволяет определить культурно-мотивированные различия между языками. Однако культурно значимыми оказываются не все межъязыковые различия, а лишь те, которые связаны с культурно обусловленными кодами, т.е. фольклором, мифами, верованиями и т.д. [Баранов, Добровольский 2008: 260-273].

В статьях о *когнитивном подходе* к изучению фразеологии исследователи считают, что фразеологизм в когнитивной парадигме понимается как «микротекст, структурирующийся в ходе интерпретации носителем языка всех типов семантической информации фразеологизма в семантическом пространстве культурного знания, принадлежащего субъекту речевого общения» [Ковшова 1996: 2]. Процесс когнитивно-культурной интерпретации фразеологизма, по мнению М. Л. Ковшовой, имеет многоаспектный характер. Первый из них представляет собой восприятие фразеологизма сквозь призму базового культурного знания человека, содержащего архетипические формы сознания и моделирования мира. Второй аспект интерпретации – это соотнесение образа фразеологической единицы с кодами культуры (антропоморфным, соматическим, зооморфным, артефактным и др.). Третий слой когнитивно-культурной интерпретации фразеологизма связан с определением роли, которую приобретает данный языковой знак в ходе восприятия и описания мира; это может быть роль символа, эталона, стереотипа и др. [Там же: 311-315].

Следовательно, когнитивная лингвистика предлагает особый подход к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов, т.е. их коннотативной составляющей. При когнитивном анализе ФЕ исследователи предлагают использовать когнитивное моделирование, которое является формализованным представлением порождения актуального значения ФЕ с помощью метаязыка фреймов¹⁹ и сценариев²⁰ [Баранов, Добровольский 2008: 240]. В процессе моделирования осуществляется понимание плана содержания ФЕ в целом. При этом процессы метафоризации рассматриваются как совокупности базовых операций над компонентами (слотами²¹) фрейма, в виде которых фиксируются знания о мире в когнитивной системе человека. Фреймы (или сценарии) представляют собой подобия ситуаций, событий, положения дел, которые имеют или могут иметь место в мире, организуют знания о том, о чем

¹⁹ Когнитивная структура, предназначенная для представления стереотипной ситуации [Баранов, Добровольский 2008: 227].

²⁰ Отражает типизированную последовательность, динамику событий, обусловленную повторяющейся ситуацией; разновидность фрейма, фиксирующего события в виде смены кадров [Карасик 2009: 290].

²¹ Элемент фрейма, содержащий постоянные данные для определенной ситуации [Карасик 2002: 110].

сообщается в тексте [Телия 1996: 94-94, 153], типизированные ситуации, возникающие при взаимодействии человека с окружающим миром [Баранов, Добровольский 2008: 115]. Когнитивно-культурологический анализ фразеологических единиц позволяет описать закономерности лингвокреативного мышления носителя языка, которые и являются первопричиной возникновения национального своеобразия фразеологии [Вежбицкая 1996; Чернякова 2013].

Основной целью *лингвокультурологического* анализа фразеологических единиц, по мысли В. Н. Телия, является определение и «описание культурно-национальных коннотаций, узואльно сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками» [Телия 1993: 310]. Под культурной коннотацией понимается интерпретация денотативного и образно мотивированного аспектов значения в категориях культуры. Если фразеологизм обладает культурно-национальной спецификой, то он должен иметь свое средство воплощения в его знаковую организацию и свой способ указания на эту специфику [Телия 1996: 214-215]. Таким средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит образное основание. Оно интерпретируется и объясняется с учетом культурно-национальной специфики языкового сообщества.

При рассмотрении национально-культурной специфики фразеологизмов в рамках подхода особое внимание уделяется анализу концептов, выявляемых из фразеологического значения. *Концепт* рассматривается в виде «структур национального сознания, единых для всех представителей данного социума» [Телия 1996: 285]. Анализ совокупности ФЕ, каждая из которых каким-либо образом указывает на определенное понятие духовной культуры, создает полное представление исследуемого концепта во фразеологической картине мира.

В настоящей работе положения лингвокультурологического подхода рассматриваются как основополагающие. Национально-культурное своеобразие ФЕ заключается в комплексе представлений носителей языка о том или ином эталоне, стереотипе, концепте национальной культуры. Приемы лингвокультурологического подхода дополняются некоторыми положениями

когнитивного и контрастивного направлений к изучению фразеологизмов с компонентом-зоонимом марийского и финского языков. Синтезированное использование данных подходов позволяет выделить характерные связи между языковым выражением, концептуальной структурой и национальными культурами марийского и финского народов.

Лингвокультурология – продукт антропоцентрической парадигмы в языкознании, одна из наук, наиболее динамично развивающихся в последние десятилетия. Она имеет междисциплинарный характер, так как возникла на стыке лингвистики и культурологии и исследует «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2001: 9].

По мнению В. Н. Телии, фразеологический фонд любого языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996: 9]. Следовательно, в большинстве ФЕ содержится отражение национальной культуры. Информация о национальной культуре представлена *во внутренней форме фразеологизма* (образное основание), которая образно представляет мир, поэтому для лингвокультурологии одним из базовых понятий является *культурная коннотация* языковых единиц, в том числе и фразеологизмов [Там же: 9; Маслова 2001: 82].

Фразеологическое значение – это сложное семантическое целое, состоящее из аспектов: денотативного, сигнификативного и коннотативного. Вслед за А.В. Куниным, под денотативным и сигнификативным аспектами фразеологического значения понимаются соответственно предметная соотнесенность фразеологизма в речи и объем информации, выражаемой ФЕ в отношении обозначаемого ею элемента внеязыковой действительности. Стилистическая окраска фразеологизмов, их эмоционально-экспрессивная сторона являются коннотативным аспектом значения ФЕ [Кунин 1970:310].

Коннотативный аспект ФЕ в сравнительных исследованиях заслуживает особого внимания, так как именно он может показать национально-специфическое своеобразие косвенной номинации в анализируемых языках. В работе Е. В. Димитровой обобщаются теоретические мнения исследователей на

природу коннотации, которая в современном языкознании изучается в семиотическом, стилистическом, психологическом, философском, логическом и семантическом аспектах. Автор представляет культурную коннотацию как культурологическое созначение слова, которое является принадлежностью только определённого языка, поэтому слово, как историко-культурная сущность, может быть полностью понято только в контексте данной национальной культуры. При этом необходимы также представления о том, что коннотация культуры захватывает часть денотативного значения и является в этом смысле «предметным созначением» [Димитриева 2001: 52-55]. Согласно мнению большинства ученых, коннотации присущ признак дополнительности к денотативному аспекту значения. В этом признаке лингвисты выделяют эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты, наслаивающиеся на предметно-логическое, денотативное ядро значения [Лиховидова 1978: 4-5; Соколова 1981: 54-62; Шаховский 1987: 66]. Объясняя феномен культурной коннотации, ученые отмечают, что она является фактором, актуализирующим лингвокультурную специфику того или иного сообщества [Телия 1999: 13-24]. При изучении фразеологизмов в рамках *сравнительной лингвокультурологии* акцент делается на исследовании *культурной коннотации*.

Трудно не согласиться с мнением ученых о том, что исследование культурной коннотации фразеологизмов предполагает выяснение ряда вопросов, самыми важными из которых являются следующие: какова сущность культурной коннотации; какова культурно-национальная специфика ФЕ; какова технология воплощения культурной коннотации в содержание ФЕ как языкового знака [Потапушкин 2000: 12-23].

Как было указано ранее, средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологических единиц является внутренняя *форма фразеологизма*, или образное основание, которое может включать в себя культурно маркированные компоненты, обозначающие т.н. «культурные реалии» [Телия 1996: 214]. Внутренняя форма при этом понимается как способ

организации значения фразеологической единицы, как образ, лежащий в основе номинации фразеологизмом определенной ситуации объективной (или субъективной) действительности. В создании образа участвуют компоненты в составе ФЕ, которые и мотивируют его значение.

Необходимо подчеркнуть, что деление семантической структуры ФЕ на отдельные элементы является условным и предпринимается с целью более глубокого изучения семантических процессов. В действительности же значение фразеологизма не является простой суммой этих компонентов, а представляет собой единое сложное целое.

За образным основанием ФЕ часто стоит определенная структура знаний или ассоциативно-связанные значения, которые нередко мотивированы социально-культурным фоном, характерным для определенного периода времени. Чтобы определить содержание культурно-национальной коннотации фразеологизмов, необходима интерпретация внутренней формы фразеологизма с учетом культурных факторов национального языкового сообщества. Образное основание ФЕ определяется с помощью ассоциативного эксперимента, широко используемого в психолингвистике и применяемого в настоящей работе.

Лингвисты также предлагают определять и изучать коннотативный компонент, учитывая следующие основные показатели коннотации, присутствующие в лексикографических источниках: 1) этимологические данные, связывающие ФЕ с переменным словосочетанием и восстанавливающие образ; 2) дефиниция слова – компонента ФЕ – основы образа; 3) аллюзия на процесс фразеологизации; 4) объяснение значения переменного прототипа; 5) показатель стилистической маркированности [Лиховидова 1978: 4-6].

Для данной работы из всего вышеуказанного выводятся следующие методологически важные следствия:

1) культурные коннотации можно выявить из внутренней формы фразеологизма: в ней наличествуют «следы культур, предшествующих современному состоянию – обычаи и традиции, исторические события и элементы быта» [Добровольский 1988: 97];

2) определению культурных коннотаций может способствовать объяснение значения переменного прототипа, объясняемого с помощью этимологических данных;

3) стилистическая маркированность фразеологизма, присутствующая в словарях, реализуется в контексте художественного произведения;

4) культуру можно понимать как способ ориентации субъекта в эмпирической, культурной, духовной жизни на основе норм, эталонов, стереотипов, символов, мифологем и т.п. знаков национальной культуры, традиционно установившейся в определённом национальном (языковом) социуме. При таком понимании культуры переформулируется и понимание культурной коннотации: отнесённость к эталону и есть культурная коннотация [Потапушкин 2000: 12-23].

В работах В.Н. Телия, А.В. Масловой указано, что различные типы фразеологизмов по-разному отражают культуру. При этом проще всего понять и объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет *денотативный аспект*. В эту группу входят фразеологизмы, компоненты которых отражают предметы национальной культуры, факты национальной истории, национальные имена собственные.

Анализ фразеологического материала марийского языка показывает отсутствие зоонимических ФЕ, денотативный аспект которых свидетельствует об их национальной специфике. Однако фразеологизмы с зоонимами, в которых отражена история народа и присутствуют имена собственные, зафиксированы в финском языке. Например: фразеологизм *Suomen leijona(t)* ‘финский(-е) лев (львы)’ говорит о членах финской сборной команды по хоккею [Virkkunen 1981: 322]. Данная ФЕ используется и для обозначения геральдического герба Финляндии, на котором расположен лев, древний скандинавский символ власти и могущества.

Мотивация образного основания фразеологизма с компонентом *kissa* ‘кошка’ – *väkeä / miehiä kuin Vilkkilässä kissoja* ‘народа / людей, как кошек в Вилккиля’ [Varga, Saarinen 2009: 114] – связана с детской считалкой, в которой

говорится о деревне Вилккиля. При ней есть пять портов, на каждом порту по пять баб, у каждой бабы по пять коробов, в каждом коробе по пять кошек, у каждой кошки по пять котят (всего 3125 кошек). Кошки деревни Вилккиля выступают *эталонами большого количества*, который передается посредством данной ФЕ, указывающей на большое скопление людей.

Культурная информация рассмотренных ФЕ тесно связана с параметром денотации, так как компоненты *Suomi, Vilkkilä* свидетельствуют о культурно-исторических реалиях и вызывают образные ассоциации у носителей финского языка.

Исследования многих языков показали, что бóльшая часть их фразеологических фондов содержит культурную информацию во внутренней форме (образном основании), появляющейся благодаря *прототипной ситуации*. В.А. Маслова указывает, что за данной ситуацией, соответствующей буквальному значению ФЕ, закрепляется содержание, которое впоследствии переосмысливается. Формируется образ фразеологизма на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Возникает внутренняя форма ФЕ, в которой содержится основная информация, связанная с культурой. Отобранные образы показывают их связь с культурно-национальными эталонами и стереотипами. Тем самым культурная информация воплощается в коннотациях, отображающих связь образного основания с культурой. Фразеологизмы прямо (в денотате) или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире, социуме [Маслова 2001: 83-88].

Помимо денотативного значения компонентов, входящих в состав ФЕ и имеющих национально-культурную окраску, для раскрытия их культурного содержания представляется описание *эталонов, символов, стереотипов и ритуалов*.

Изученный материал показал, что рассматриваемые фразеологизмы в значительном количестве содержат понятия *эталона*, под которым понимается либо средство, либо комплекс средств измерений, обеспечивающих воспроизведение и (или) хранение единицы. В языке эталоны обычно существуют

в виде образных сравнений. В марийском и в финском языках обнаруживаются многочисленные примеры компаративных адъективных и глагольных ФЕ, содержащих культурные коннотации.

Эталоны передают то, в чем образно измеряется мир, а также сущность, представляющую свойства и качества предметов, явлений внешнего мира; он проявляется в качестве нормативных представлений о каких-либо характеристиках человека, предметах и явлениях окружающего мира. Под *образностью*, в свою очередь, понимается способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности [Там же: 44-45].

Эталоны вербализуются в языке посредством устойчивых сравнений, в которых выражается избирательность оценки, вычленение отдельных признаков того, с чем / кем сравнивают объект оценки. Свойство человека заменяется каким-либо доминирующим признаком другого объекта на основе его образа. Например, мар. *Чон (шўм) шорык поч гай (шорык почла) чытыра* ‘Душа (сердце) дрожит, как овечий хвост’ (в знач. «испытывать сильное волнение, страх») [Грачева 1989: 235] – *эталон страха*; фин. *puhua niin kuin (keitetystä) lampaan päästä* ‘говорить, как о (вареной) овечьей голове’ (в знач. «говорить глупости») [Kari 2003: 89] – *эталон глупости*.

Воспроизводимые из поколения в поколение эталонные сравнения связаны с миропониманием, потому что они являются «результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с «нечеловеческими» свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека» [Телия 1996: 241-242]. Эталон – это также устойчивое сравнение свойств человека или предмета со свойствами какой-либо реалии. В качестве реалии может выступать человек или объекты, которые с точки зрения обиходно-культурного опыта людей являются знаком доминирующего в них свойства: *баран* – глупый (глупый, как баран), *медведь* – неуклюжий (неуклюжий, как медведь), *заяц* – трусливый (трусливый, как заяц), *лиса* – хитрая (хитрый, как лиса) и т.п. Основания таких устойчивых сравнений составляют один из важных культурных

кодов определённого социума [Потапушкин 2000: 21-23].

При определении национальной специфики фразеологии внимание уделяется и прототипам ФЕ, связанным с архаичной культурой этноса, восходящей к *мифам*, в основе которых лежит представление о животных-тотемах, считающихся предками человека. Обычно тотемический предок выступает как культурный герой и творец мира. Миф, как инструмент познания мира, выполняет целый ряд функций – психологическую, социальную, религиозную, обрядовую, ритуальную, аксиологическую, объяснительную и коммуникативную [Алимжанова 2010: 31].

Исследование ФЕ, мотивированных мифологическими представлениями, способствует определению некоторых сходств и отличий в мифологии родственных народов и выявлению трансформаций в мифологических представлениях, являвшихся ранее общими для родственных лингвокультур. Такие изменения объясняются сменой территории проживания и контактами с другими этносами, в том числе, неродственными по языку. Подобные представления фиксируются в языках в виде ментальных моделей, лежащих в основе обыденной жизни, повседневных практик, имевших мифологическую или религиозную основу, связанную с культурными ценностями этноса [Телия 1996: 224-225].

Зоосемические ФЕ наиболее ярко отображают тотемическую культуру народа, которая сохранилась во внутренней форме устойчивых единиц исследуемого типа. Во фразеологизмах опредмечено миропонимание этноса, осознающееся в контексте определенной культуры: мар. *Маска ўдырым налеш* ‘Медведь женится’ (о мелком дожде в солнечный день) [Грачева 1989: 142]; (ср. [Акцорин 1990: 1980: 13-27; Сабитов 1980: 44-51; Alhonen A. Esivanhempien puu²²]).

Для определения образного основания фразеологизма, маркирующего его национальную специфику, в данной работе приводятся результаты *ассоциативного эксперимента*. Он был заимствован из психологии и в

²² URL: http://www.taivaannaula.org/esivanhempien_puu.pdf

применении к лингвистическому материалу варьируется в своей структуре в зависимости от целей исследования [Белянин, 2003; Залевская, 1999; Карасик, 2002; Леонтьев, 1977; 1997; Фрумкина, 2008]. Изначально, эксперимент был предложен в начале XX в. К.Г. Юнгом, и одновременно с ним – М. Вертгеймером и Д. Кляйном, исследовавшими мотивацию личности. В 20-е гг. XX века А. Р. Лурия разработал методы диагностики скрытых следов аффекта, представлявших собой такой вариант экспериментирования, когда испытуемые не определяют понятия, а вспоминают ситуации, признаки, связанные с предметом, упомянутом в эксперименте. Другие же определяют то или иное понятие в рамках системы связей, основанной на категориальных признаках предмета [Лурия 1998].

Структуру САЭ можно представить следующим образом. Ассоциативная структура – это пара слов, между которыми в сознании носителей национального языка существует некоторая связь: слово-стимул и слово-реакция ($S \rightarrow R$). Ассоциативная связь выявляется экспериментально. Крупной структурой является ассоциативное поле (упорядоченная по частотности совокупность слов- R , полученная в эксперименте на данное слово- S) [Овчинникова 1996: 165]. В связи со спецификой изучаемого материала, выделяются так называемые *ассоциативные фразеологические поля*, которые представляет собой упорядоченную по частотности совокупность слов, фраз и предложений- R , полученных на фразеологизм- S , предложенный в эксперименте. При этом исследование ассоциативного значения рассматривается как средство изучения содержания речевого поведения носителя языка. Все слова, которыми потенциально располагает говорящий, рассматривают как скрытые единицы вербального поведения, совокупность которых образует систему [Уфимцева 2011: 4, 120]. Частотные ответы называют стандартными (стереотипными) и индивидуальными (отдельными), при этом, стандартными считают реакции с частотностями более двух [Мартинович 1993: 96].

Ассоциативный эксперимент, основная цель которого состоит в наблюдении способа актуализации системы ассоциативных связей, позволяет выявить индивидуальные различия в ассоциативно-связанной системе знаний

носителей языка, а также социокультурные различия между группами людей. Некоторые типы ассоциативных тестов используются для выявления влияния коммуникативной среды, СМИ, поп-культуры и т.д. на мировосприятие человека [Городецкая 2002: 21-28].

В нашем случае был проведен двухэтапный *свободный ассоциативный эксперимент*. Первый этап был направлен на выявление *множественных свободных ассоциаций* на отдельно взятый зооним, лексический инвариант ФЕ. При этом респондент не ограничивается одним словом в ответ на стимул, а выдает все возможные лексемы, которые приходят ему на ум. На втором этапе эксперимента устанавливалась семантическая связь внутренней формы фразеологизма и реализуемым им значением.

Эксперимент был проведен со студентами института финно-угроведения (в настоящее время – институт национальной культуры и межкультурной коммуникации) ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет» (50 человек) и учащимися МОУ «Карайская СОШ» Волжского района Республики Марий Эл (20 человек). Возраст марийских реципиентов составил от 14 до 22 лет.

На первом этапе свободного ассоциативного эксперимента был предложен список из 20 зоонимов (стимулов-существительных), встречающихся в выбранных ФЕ марийского языка. Всего получено 1157 реакций и 49 «пустых» ассоциатов, т.е. случаев, когда на слово-стимул не было получено никаких ассоциаций. При этом минимальное количество реакций должно было бы составить 1400 единиц (20*70).

Более сложную структуру ассоциативных связей имеют ФЕ, которые были включены на втором этапе ассоциативного эксперимента, в котором участвовали носители марийского языка. Респондентам были предложены 22 фразеологизма, к которым было необходимо подобрать ассоциации. Результат эксперимента позволил выявить довольно богатый материал, представленный в ассоциативных полях. Всего было получено 788 ассоциаций. Количество «пустых» ассоциаций составило 306 случаев. Возможное количество реакций должно было бы составить 1100 единиц (22*50), если на каждое слово-стимул было бы получено

по одному ассоциату. Большинство из них имеют структуру словосочетаний или предложений. Лексемы представлены в меньшем количестве 378 единиц, среди которых также выделяются слова-реакции на русском языке.

Ассоциативный эксперимент на материале финского языка был проведен со студентами факультетов права, социальных наук и образования (27 человек), гуманитарного факультета (17 человек) университета г. Турку (Финляндия) и другими жителями данного города (6 человек). Возраст финских реципиентов составил от 19 до 41 года.

На первом этапе свободного ассоциативного эксперимента был предложен список 21 название животных (стимулов-существительных), встречающихся в рассматриваемых ФЕ финского языка. Всего получено 1000 реакций. Случаи, когда на слово-стимул не было получено ассоциаций, составляет 181 пропуск. При этом минимально возможное количество реакций должно было составить 1050 единиц ($21 \cdot 50$), если на каждое слово-стимул также было бы получено по одному ассоциату.

Как и в случае с результатами второго этапа САЭ с носителями марийского языка, полученные ответы-реакции на финском языке группируются на две группы ассоциатов. Всего получено 859 реакций. На часть стимулов не было получено никаких ассоциаций (191 «пустых» ассоциатов). Возможное количество реакций должно было бы составить 1050 единиц ($21 \cdot 50$).

Отсутствие реакций («пустые» ассоциаты) объясняется индивидуальными особенностями и опытом опрошенных носителей языка. Данные САЭ будут приводиться в следующих разделах диссертации.

Реакции на отдельные зоонимы, включенные в первый этап ассоциативного эксперимента, представляют собой ассоциации по смежности (во времени, пространстве) и по сходству [Мартинovich 1993: 95]. Их также разделяют на парадигматические и синтагматические типы реакций, где представленный стимул и полученный ассоциат рассматриваются в соотношении друг с другом, а ассоциаты – как функции от стимула [Уфимцева 2011: 134-135]. С учетом того, что результаты ассоциативного эксперимента представлены в большом объеме,

классификация реакций первого этапа эксперимента иллюстрируется на примере одного из частотных зоонимов, встречающихся в составе ФЕ марийского и финского языков – *лошадь* (мар. *имне*; фин. *hevonen*) (весь объем полученного материала первого этапа САЭ представлен в приложениях В и Д):

I. Парадигматические реакции: 1) категориальные реакции, принадлежащие к тому же семантическому полю, что и слово-стимул (мар. *талгыде* ‘жеребенок-стригунок’; фин. *ratsu* ‘конь’); 2) реакции, не принадлежащие к тому же семантическому полю, что и слово-стимул, а являющиеся близкими по значению (мар. *алаша* ‘мерин’; фин. *heppa* ‘лошадка’); 3) реакции, которые, в отличие от первых двух подгрупп, представляют собой некоторый признак, приписываемый слову-стимулу (сюда входят реакции, указывающие на внешние признаки животного) (мар. *поч* ‘хвост’; фин. *kaviot* ‘копыта’); 4) реакции, представляющие связанные с животными предметы и явления (мар. *пасу* ‘поле’; фин. *satula* ‘седло’).

II. Синтагматические реакции: 1) реакции, содержащие оценку внешних особенностей проявления и поведения животного (мар. *имне* → *нисе* ‘быстрый’; фин. *hevonen* → *uljas* ‘доблестный, отважный’); 2) синтаксические реакции (мар. *южо энгын имне гай воштылмыжо* ‘у некоторых людей смех, как у лошади’; фин. *syö kuin hevonen* ‘кушать, как лошадь’). Полученные ассоциаты частично передают фоновые знания (сведения культурно-, литературно-исторического характера) о животных, к которым относят указанные слова. Приведенная классификация не является абсолютной, но имеет относительный характер, так как часть реакций требует отдельных комментариев в связи с проявлением индивидуального опыта реципиентов. Например, мар. *пуре* ‘волк’ → *Пасет* (герой пьесы марийского писателя Н. Арбана ‘Янлык Пасет’ = ‘Черный волк’); фин. *kettu* ‘лиса’ → *Ylvis* ‘Юлвис’ (известный комедийный дуэт из Норвегии, выпустивший музыкальный клип *The Fox (What Does the Fox Say?)* ‘Лиса (Что говорит лиса?)’).

Ответы-реакции на фразеологизмы, представленные на втором этапе эксперимента, передают довольно разнообразные ассоциации (весь объем

полученного материала второго этапа САЭ представлен в приложениях Г и Е). Проиллюстрируем специфику семантики выделенных ассоциативных фразеологических полей на примере одних из наиболее распространенных ФЕ марийского (*ава ний* ‘собака / сучка’) и финского (*yksinäinen susi* ‘одинокий волк’) языков, которые были предложены в эксперименте. Часть реакций указывает на явления и предметы, ассоциируемые с денотатом, связанным с буквальным значением прототипа фразеологизма (мар. *пинеге* ‘щенок’; фин. *ulvoa kuutamossa* ‘выть при лунном свете’). Реакции передают и отношение к денотату самой ФЕ (мар. *путана* (ассоциат получен на русском языке)’; фин. *erakoitunut ihminen* ‘человек, ставший отшельником’). Ассоциаты выражают и коннотативный аспект устойчивой единицы, реализуемой в сигнификате ФЕ (мар. диал. *йыгылтеи* ‘бранит’, фин. *surullinen erakko* ‘грустный отшельник’). Выделяются реакции, отражающие индивидуальный опыт реципиентов, который особенно ярко выражается среди ассоциатов, приведенных носителями финского языка (*susi lampaiden vaatteissa* ‘волк в овечьей шкуре’ → *transvestiitti* ‘трансвестит’, *ulvoa susien mukana* ‘выть с волками’ → *3-sutta – T-paita* ‘три волка – футболка’). Встречаются случаи ассоциирования фразеологизма-стимула другими ФЕ: мар. *меж кочио шорык* ‘овца, поедающая шерсть’ → *кок тўран күзö* ‘как нож с двумя лезвиями’ (о двуличном, двойственном человеке); фин. *tarttua härkää sarvista* ‘взять быка за рога’ → *katsoa totuutta silmiin* ‘смотреть правде в глаза’).

Реакции, полученные на названия животных, позволяют выделить усредненные (стереотипизированные) представления о животном, проследить ассоциативные связи слов в процессе установления системы знаний и представлений об окружающей действительности, что подтверждается обращением к метаязыковому сознанию носителей языка в ходе эксперимента [Этнопсихоллингвистика 1988: 34]. Семантическое содержание ассоциативных рядов, полученных в результате эксперимента, указывает также на наличие образности зоонимов, что разрешает проследить мотивированность их использования в составе фразеологизмов и отнести некоторые из них к классу оценочных существительных – слов-названий [Национально-культурная

специфика речевого поведения 1977: 147] или переносных антропосемем [Сергеев 2013: 11].

Таким образом, прослеживаются черты наличия зоохарактеристик, существующих на базе собственно названий животных в марийском и финском языках. Лексикографические источники не всегда фиксируют зоохарактеристики, существующие на основе названий животных, поэтому в работе приводятся параллели лишь в тех случаях, где существуют соответствующие описания в словарях. Ассоциативный эксперимент способствует выявлению существующих особенностей представления связей слов в сознании человека, смысловую нагрузку, накладываемую на них; функциональные особенности компонентов-зоонимов и ФЕ (стимулов), а также их ценностную нагрузку в лингвокультуре [Попова 2007: 42]. Ассоциативные фразеологические поля, выделенные в результате САЭ, демонстрируют целую систему ассоциативно-образных представлений, связанных как с актуальным значением ФЕ, так и с его прототипом. Эксперимент позволяет проследить специфику когнитивных механизмов человека, отражающуюся в образовании фразеологизмов марийского и финского языков.

1.3. Принципы сравнительного лингвокультурологического анализа фразеологизмов

При сравнении зоосемических фразеологизмов марийского и финского языков для определения типов межъязыковых (фразеологических) соответствий в культурных коннотациях внутренней формы фразеологизмов используется синтезированная методика исследования, заимствованная из сравнительной фразеологии (структура и, частично, семантика) и сравнительной лингвокультурологии²³ (культурная коннотация в виде образно-метафорических представлений и эталонных сравнений, мифологических представлений (ритуал,

²³ В рамках сравнительной лингвокультурологии рассматриваются лексико-фразеологические средства, относящиеся к близко- или отдаленно-родственным языкам. В этом заключается ее отличие от сопоставительной лингвокультурологии, объектом изучения которой являются единицы неродственных языков.

табу, тотем)).

При описании фразеологии марийского и финского языков учитывались принципы сравнительных исследований, обобщенные в одной из работ А.Д. Райхштейна: 1) первичность внутриязыкового описания относительно межъязыкового; 2) примат фразеологических тождеств над различиями в исследовании; 3) изучение отдельных языков на базе единой теории, едиными методами, с помощью единого понятийно-терминологического аппарата; 4) одностороннее описание с последующим сравнением; 5) синхронно-сопоставительное описание; 7) сравнение явлений в каждом отдельном языке и речевом произведении на этом языке [Райхштейн 1980: 9-10].

Исходя из предложенной методики, сравнительное фразеологическое исследование лингвокультурных коннотаций зоосемических фразеологизмов состоит из ряда следующих этапов. На первом этапе исследования, посвященном, внутриязыковым особенностям ФЕ,

- был установлен количественный состав сравниваемых языков;
- определены методы отбора и анализа языкового материала;
- составлен корпус единиц, подлежащих исследованию, с использованием избранной методики;
- описаны структурно-семантические особенности анализируемых единиц в каждом отдельном языке, с учетом как лексико-морфологического, так и структурно-синтаксического аспектов ФЕ.

Выполнение данных требований в исследовании позволяет систематизировать фразеологизмы по аспектам их языковой актуализации по форме и содержанию с целью сопоставления особенностей выражения культурных коннотаций в значениях ФЕ рассматриваемых языков.

На втором этапе исследования устанавливается основа сравнения ФЕ, к которой относят план содержания, так как именно он лежит в основе акта коммуникации и является отражением действительности. Затем учитываются лексико-морфологические и структурно-синтаксические особенности компонентов, составляющих ФЕ с одинаковым планом содержания.

На третьем этапе анализа проводится выявление межъязыковых фразеологических соответствий.

Следовательно, из принципов сравнительно-сопоставительных работ, классифицирующих характер и число сопоставляемых языков, характер сравниваемых фразеологизмов и характер сравниваемых явлений, выводятся основные методы анализа фразеологии [Мокиенко 2002: 337-347; Райхштейн 1980: 11-12]. В данном исследовании осуществляется *сравнение семантики и семантических отношений (лингвокультурная коннотация) групп фразеологизмов, включающих одноподобный компонент (зооморфная лексика) в двух отдаленно-родственных (марийский и финский) языках.*

Сопоставление на уровне фразеологических групп разных языков может определить наиболее существенные черты сходства и различия в образном основании внутренней формы фразеологизмов двух или более языков, обусловленные лингвистическими и социокультурными факторами. Последний из выделенных аспектов выводит на понимание коннотации ФЕ, как одного из способов проявления национально-культурных представлений носителей того или иного языка.

При сравнительном анализе исследуемого материала возникает необходимость в его классификации в связи со следующими задачами: установление и рассмотрение существующих между двумя языками соответствий: 1) тождества (полные соответствия), 2) частичного различия (частичные соответствия), 3) полного различия (отсутствие соответствий). Проблема установления различных типов отношений, существующих между единицами разных языков, наиболее разработана в сфере перевода [Бархударов 1975; Рецкер 1950]. Выводы и наблюдения в работах по теории и практике переводческой деятельности, в которых рассматриваются три основных случая соответствий – полные, частичные и отсутствие соответствий в языках, могут быть применимы и для данного исследования.

В рассмотренном материале выделяются *полные, частичные соответствия и безэквивалентные фразеологизмы.*

Полные соответствия, под которыми понимаются фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках общее значение с одинаковой культурной коннотацией, одинаковый лексический состав компонентов и одинаковую структурно-грамматическую организацию – совпадение формы образности и содержания.

Частичные соответствия в исследуемом материале включают следующие случаи:

1) фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках *одно общее значение; одинаковый компонентный состав; одинаковый прототип; мотивирующий внутреннюю форму, одинаковую культурную коннотацию; один межъязыковой лексический инвариант²⁴, разную структурно-грамматическую организацию (надежи, порядок слов);*

2) фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках *разное значение; характеризующиеся различным компонентным составом; одинаковый прототип; мотивирующий внутреннюю форму; разную культурную коннотацию; один межъязыковой лексический инвариант, разную структурно-грамматическую организацию.*

3) безэквивалентные фразеологизмы, объединяемые в сферу исследования, благодаря наличию в их составе компонента-зоонима. Они характеризуются *различным компонентным составом, отличающимся прототипом, мотивирующим внутреннюю форму, имеют разную культурную коннотацию и отличаются структурно-грамматической организацией.*

Наряду с качественным типом межъязыковых отношений некоторые лингвисты [Райхштейн 1980] предлагают использовать еще и количественные характеристики межъязыковой соотнесенности ФЕ, к которым в данном исследовании можно отнести: 1) частоту вероятности использования компонента-зоонима в составе ФЕ; 2) сравнительную употребительность соотнесенных ФЕ в

²⁴ Межъязыковым лексическим инвариантом называется постоянный компонент, относящийся к одной и той же части речи, с тождественным лексическим значением, являющийся общим для всех тождественных в плане содержания фразеологизмов рассматриваемых языков [Гатиатуллина 1969:15-25]. В данной работе под инвариантом понимается зооморфный компонент фразеологизма.

произведениях художественной литературы; 3) число полных и частичных соответствий ФЕ в языках для выражения того или иного значения.

Указанные показатели будут использованы в данном исследовании.

Рассмотрение типов межъязыковых соответствий фразеологизмов в рамках сравнительной лингвокультурологии предполагает выяснение наиболее общих лингвистических и национально-культурных факторов, ведущих к образованию сходной или отличной культурной коннотации в реализуемом фразеологическом значении. Выделяемые особенности объясняют своеобразие мировосприятия представителей разных лингвокультур, что отражается в специфике вербализации фразеологическими средствами сравниваемых языков.

Как было указано в разделе 1.2., под фразеологическим значением понимается сложное семантическое целое, состоящее из денотативного, сигнификативного и коннотативного аспектов.

Коннотативный аспект ФЕ в сравнительных исследованиях заслуживает особого внимания, так как именно он может показать национально-специфическое своеобразие косвенной номинации в анализируемых языках. Исследователи выделяют в коннотативном аспекте следующие компоненты: 1) стилистически-функциональный, 2) экспрессивный, 3) эмоциональный, 4) оценочный. Несомненно, что разграничение экспрессивного, эмоционального и оценочного компонентов требует определенного обоснования понятий «экспрессивность», «эмоциональность» и «оценочность». Данные понятия относятся к социолингвистическим категориям, их подробное рассмотрение не входит в задачи нашего исследования, и мы удовлетворимся определениями, предложенными лингвистами на данном этапе решения проблемы соотношения между этими понятиями. *Эмоциональность* фразеологизмов – это их способность выражать различные эмоциональные оттенки значения говорящего или пишущего к денотату, т.е. тому элементу объективной действительности, к которому относится фразеологизм. *Экспрессивность* ФЕ – это их способность подчеркивать, усиливать или ослаблять интенсивность действия или признака [Кунин 1996: 93]. Экспрессивный компонент коннотации связан с

эмоциональным, который, выражая отношение к предмету и передавая целую гамму различных эмоций, характеризуется неразрывной связью с оценочным компонентом. В соотношении «эмоция» – «оценка» ведущая роль принадлежит оценке, обязательному компоненту коннотативного аспекта значения [Соколова 1981:54-62].

Исследованный материал показал, что оценки, выражаемые изучаемыми фразеологизмами, подразделяются на отрицательные, положительные и контекстуально-ситуативные. Не все ФЕ содержат достаточно четко выраженную ту или иную оценку. Необходимо помнить, что между двумя полюсами «отрицательное – положительное» существует целая гамма оценок, различающихся по степени положительности и отрицательности [Вольф 2002; Ильин 2001: 282-296; Кунин 1980: 165].

Сравнительные исследования фразеологических фондов родственных языков в лингвокультурном аспекте являются актуальными и относятся к весьма перспективным междисциплинарным направлениям в современной гуманитарной науке, так как, несмотря на существование обширной научной литературы, посвященной разработкам лингвокультурологического направления во фразеологии, остается не исследованным ряд вопросов, основным из которых считается факт, каким образом информация об этнической культуре сохраняется и передается в значении ФЕ. Всесторонний лингвокультурологический анализ фразеологических групп родственных языков, тесно переплетаясь с типологическими изысканиями, позволяет выявить общие (универсальные) и отличительные (национально-специфические) черты во фразеологических фондах сравниваемых языков.

Общие принципы и методы межъязыкового сопоставления языковых явлений распространяются и на сравнительные фразеологические исследования в лингвокультурологическом освещении.

Основой для сравнения фразеологизмов разных языков служит семантический аспект фразеологизмов, или план содержания. Одним из методов его исследования является компонентный анализ, основная цель которого –

обнаружение закономерных связей между фразеологическим значением и значением прототипического словосочетания, положенного в основу фразеологизма. Для тождественных ФЕ родственных языков выдвигается также требование частичной общности плана выражения, т.е. совпадения структурно-грамматической организации и лексико-морфологического состава компонентов фразеологизма.

При всевозможных различиях в плане выражения у одинаковых по содержанию разноязычных ФЕ обязательно присутствие хотя бы одного межъязыкового лексического инварианта, которым в исследуемом материале является компонент-зооним. Именно он способствует более полному и глубокому анализу фразеологических единиц в сравнительных исследованиях, так как создается благоприятная возможность уделить особое внимание семантической структуре фразеологизмов, системным отношениям между единицами, включенными в группу.

Установление существующих межъязыковых различий в марийской и финской зоосемической фразеологии позволяет зафиксировать *национально-специфичные* особенности восприятия окружающей действительности носителями данных языков. На основе выявленных типов межъязыковых соответствий зоосемических ФЕ и определения их культурно-коннотативных характеристик, можно составить представление о национальном своеобразии мышления представителей марийского и финского этносов.

Зоонимы, как лексические инварианты устойчивых языковых единиц, представляют особый интерес в исследованиях по фразеологии, что связано с достаточно высокими фразообразовательными возможностями названий животных. Устойчивые единицы с зоосемическим компонентом встречаются практически во всех языках мира, так как представители фауны окружают человека во многих местах его проживания и играют важную роль в хозяйственной и культурной жизни людей, что определяет совпадения в использовании зоонимов в составе ФЕ.

Отличия в распространенности определенных видов животных зависят от особенностей окружающей среды. Чаще всего зоонимы сохраняют в своей семантической структуре сему 'одушевленность', что соотносится с 'одушевленностью, лицом' человека, качества которого характеризуются зоосемическими фразеологизмами. Экстралингвистическая база многих зоохарактеристик (зооморфных метафор) довольно единообразна в языках, что объясняется сходством когнитивных механизмов восприятия действительности. Следует отметить, что существует отличие самого названия животного (зоонима) от подобной зоохарактеристики, функционирующей на его основе [Национально-культурная специфика речевого поведения 1977: 148]. В связи с этим выделяют разные термины для определения представителей фауны – фаунизмы (понятия, обобщающие непосредственные названия животных); анимализмы (номинативные и номинативно-производные наименования живых существ); зоонимы, зоосемизмы, зоологизмы (прямые наименования животных); зооморфизмы, зооморфические элементы, зоо-образы, антропонимы зоонимического типа и т.д. [Багана, Галиаскарова 2010: 13-14]. При использовании последних из них, как отдельных лексем, основные признаки животного (место обитания, образ жизни, внешний вид, поведение, размер, способ передвижения и т.д.) переносятся на свойства человека. Такой способ оязыковления предметов и явлений окружающей действительности связывается с многуровневой структурой механизмов восприятия человека, а именно: внешнее воздействие → внутренний психофизиологический процесс → внешнее проявление → когнитивная интерпретация [Шкапенко 2000: 17].

Антропоцентричность языка проявляется в описании действительности через восприятие внешнего мира как части осваиваемого пространства, окружающего человека. Данные особенности выражаются в обращении к сфере фауны при оценке происходящих явлений посредством переосмысления (метафоры) и сравнения. В итоге зооморфные метафоры отражают специфику тех ценностей, которые приняты в рамках определенного социума, и позволяют проследить ассоциативные связи, актуализируемые языковыми единицами.

Большинство ФЕ с компонентами-зоонимами передают отрицательную оценку качествам человека, что связывается с восприятием животного мира, как источника опасности; осознанием человеком своего иерархического превосходства, «сверхполноценности», в природе; спецификой оценки, которая обычно применяется по отношению к тому, что отклоняется от нормы, существующей в обществе [Миронова 2001: 149-151]. Этим объясняется высокая степень образности названий животных, применяющихся в составе фразеологизмов. Ввиду слабой изученности данной темы в финно-угорском языкознании, представляется возможность выявления национально-обусловленных особенностей восприятия мира на примере зоосемической фразеологии марийского и финского языков.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Синтезированный подход в изучении фразеологии позволяет моделировать значения зоосемических фразеологизмов с охватом их коннотативного аспекта. Комплексный контрастивный анализ ФЕ с применением методов лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и психолингвистики позволяет представить наиболее полную модель системы культурно-значимых понятий, вербализуемых средствами фразеологии марийского и финского языков.

Несмотря на различную степень изученности фразеологизмов в финно-угорских языках разных групп, подводя итоги краткому обзору имеющихся работ по фразеологии, можно обобщить описанные историографические факты и отметить, что из всех возможных сформировавшихся направлений исследований по данной лингвистической дисциплине и проанализированных вопросов [Федуленкова, Бечина 2011: 203-206] в финно-угорском языкознании достаточно неплохо изучены: 1) морфолого-грамматические характеристики фразеологических единиц; 2) группировка фразеологических единиц по структурным типам; 3) семантика ряда групп фразеологических единиц; 4) характер отношений фразеологических единиц и их компонентов со словом и словосочетанием; 5) стилистическое функционирование фразеологических единиц в произведениях художественной литературы; 6) источники происхождения фразеологических единиц, их этимология; 7) пути и способы фразеологизации словосочетаний; 8) фразеография и проблемы составления словарей; 9) вопросы моделированности в сфере фразеологии; 10) проблема системных отношений фразеологических единиц; 11) психолингвистические аспекты функционирования ФЕ в контексте речи; 12) лингвострановедческие аспекты фразеологизмов; 13) функционально-коммуникативные характеристики фразеологических единиц в социальном контексте; 14) возможности корпусной лингвистики для изучения фразеологизмов.

Однако до сих пор нет четкости в определении фразеологической терминологии, мало изучены вопросы фразеологической номинации,

фразеологические фонды диалектов финно-угорских языков. Недостаточно проработаны вопросы перевода фразеологических единиц различных функциональных стилей языков и актуализации фразеологизмов в рамках различных функциональных стилей; лингводидактический аспект фразеологии. Отсутствуют серьезные монографические исследования социолингвистического и лингвокультурного аспектов фразеологических единиц; неполно разработаны фразеологические системы языков с целью определения их роли в создании национально-культурной картины мира.

В целом, современные исследования в языкознании, в частности, в финно-угроведении, показывают, что изучение фразеологического материала языков является актуальным именно в рассмотрении культурно-маркированных понятий, представленных в языке. Необходим анализ семантических особенностей ФЕ и их актуализации в контексте использования с целью определения вербализованной ими фразеологической картины мира отдельных языков.

Данное диссертационное исследование, находясь в русле междисциплинарного подхода к изучению фразеологии марийского языка в сравнении с финским, показывает основные принципы выявления культурно-значимой информации, заключенной в коннотации фразеологизмов, с учетом их структурно-семантических особенностей, а также актуализации в контексте использования. Выделение типов межъязыковых соответствий, определение прототипов и их источников, сфер оценки фразеологическими средствами марийского и финского языков, предоставляет возможность комплексного анализа фразеологии с последующим выделением близких или отличных по специфике номинации культурно значимых понятий (фрагментов национальной картины мира), ценностных ориентиров, существующих в рамках марийской и финской лингвокультур.

ГЛАВА II. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЗООСЕМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

2.1. Лингвокультурные и семантические характеристики номинативных зоосемических фразеологизмов в марийском языке

2.1.1. Лингвокультурные и семантические характеристики глагольных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском языке

Изучаемые глагольные ФЕ марийского языка, составляющие 14,4% от исследованного материала, входят в группу номинативных фразеологизмов, являясь полностью или частично переосмысленными словосочетаниями с мотивированным или немотивированным значением. Среди зоосемических ФЕ марийского языка выделяются компаративные и некомпаративные глагольные фразеологические единицы. Преобладающей группой среди рассматриваемых глагольных фразеологизмов являются устойчивые единицы первого типа (65,4% от ФЕ рассматриваемого типа). В глагольных компаративных фразеологизмах в качестве первого компонента используются названия животных или части их тела, реальные или воображаемые действия, которые легли в основу устойчивых сравнений, употребляющихся в описании людей. В этой группе сравнение проявляется двумя способами. При использовании одного из них структура ФЕ характеризуется наличием сравнительных компонентов, а именно послелогов *гай* и *семын* ‘как’ (*меранг гай лүдаш* ‘бояться, как заяц’, *ний семын пураш* ‘грызть, как собака’), а при другом – изменением существительного в сравнительном падеже с показателем *-ла* ‘как’ (*шорык почла чытыраш* ‘дрожать, как овечий хвост’).

Наиболее частотными по вероятности появления в составе глагольных ФЕ являются такие зоонимы, как *меранг* ‘заяц’ и *ний* ‘собака / пес’ (по 19,2% от общего количества глагольных ФЕ). Значения изучаемых марийских фразеологизмов, зафиксированных в лексикографических источниках, текстах художественной литературы и периодических изданиях, объединяются в

семантические классы и группы, которые, в основном, относятся к понятийному классу «человек». Известно, что человек характеризуется по его внешности, внутреннему миру, а также как общественная сущность [Маслова 2007: 34-43]. В группе исследованных глагольных номинативных фразеологизмов преобладают ФЕ, обозначающие эмоции, чувства, характер, входящие в сферу психической деятельности человека. В психологии под эмоциями подразумевают процессы, отражающие в форме переживаний личную значимость и оценку внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности. Однако в настоящее время не существует общепринятой классификации эмоций и чувств, а в языке не существует достаточного количества лексем для обозначения всех оттенков эмоциональной сферы человека [Ильин 2001: 130-138].

Значительной частью зоосемических глагольных ФЕ марийского языка является первая группа, куда входят *эталонные сравнения*. Компоненты-зоонимы в рассматриваемых устойчивых фразеологизмах марийского языка выступают как эталоны сравнения на основе выделения целого набора семантических признаков, присущих названиям животных.

Наибольшую группу эталонных сравнений составляют ФЕ, выражающие оценку **ситуативных эмоций человека**. К примеру, *эталонном страха* выступает *меран* ‘заяц’ (в отдельных случаях – *шорык* ‘овца’) в ФЕ, указывающих на физиологические признаки переживания страха высокой интенсивности: *лүдшö меран гай (мерангла) куржаш (шикшалташ, чытыраш, т.м.)* ‘убегать (мчаться, дрожать и т.д.), как трусливый заяц’ (в знач. «трусливо убегать, уходить отсюда-л., дрожать и т.д.») [Грачева 1989: 136] (6 примеров из контекста): *Кушто йолташет-шамыч? Молан тыланет ышт полишо, а лүдшö мерангла чошышт?* ‘Где твои друзья? Почему не помогли тебе, а удрали, как трусливые зайцы’²⁵ [Федоров 2010: 80]. Данный фразеологизм указывает на такой вид проявления страха, как испуг, выражающийся в паническом бегстве. Результаты анализа ассоциативного фразеологического поля данного устойчивого сравнения показывает, что он используется для характеристики боязливого человека – *лүдшö*

²⁵ Здесь и далее в примерах из контекста художественных произведений сохранена орфография оригинала.

ен (айдеме) лияш ‘быть пугливым / боязливым’ (10), *трус* (на рус. яз.) (7), *чыла дечат лүдеш* ‘боится всего’ (5), *неш чот лүдшö нерген тыге кутырат* ‘так говорят об очень боязливом / пугливом’ (4) и т.д.

Испытание страха, отражающееся в физиологическом состоянии человека, вербализуется сравнительным оборотом *меранг поч гай (почла) чытыраш* ‘дрожать, как заячий хвост’ (в знач. «сильно бояться, трястись от страха»). Мотивационным стимулом его значения послужило знание о том, что при ощущении опасности, заяц начинает дрожать: *Яшпатыр ден сарзе-шамыч Маршан ден Олыкпайым кучен кондат. Яшпатыр: Теве кугыжа улам манишет меранг почла чытыра.* ‘Яшпатыр и охотники приводят, схватив, Маршана и Олыкпая. Яшпатыр: Вот, называющий себя царем, дрожит, как заячий хвост’ [Яндаков 2010: 148] (ср. ФЕ *шорык поч гай чытыраш* ‘дрожать, как овечий хвост’ [СМЯ 2004: 243] в контексте: *Урядникым ужынат да шорык поч гай чытырен шогет!* ‘Увидел урядника и дрожишь, как овечий хвост!’ [Коршунов 1989: 241]).

Мотивированность фразеологизмов с компонентом *меранг*, использующихся для описания эмоции страха, отражается и в результатах первого этапа эксперимента, в котором носители марийского языка приводят ассоциаты, характеризующие поведение зайца: *лүдшö* ‘пугливый’ (12), *трус* (на рус. яз.) (6), *трус айдеме* ‘трусливый человек’ (1) и т. д.

Заяц выступает и как *эталон затруднительности*, выражаемый фразеологизмом *кыдач пижше меранг гай лияш (кояш)* ‘быть (выглядеть), как заяц, застрявший поперек’ (в капкане) [Грачева 1989: 128]: *Пуэнат, Петр Петрович, мыланем маска лукышто тугай пашам, кыдач пижше мерангла тöриштылам, – кугун шүлалтыш Азиев* ‘Дал ты мне, Петр Петрович, такое место в медвежьем углу, прыгаю, как заяц, застрявший поперек, – глубоко вздохнул Азиев’ [Сапаев 1979: 309-310]. В данном случае трудности, испытываемые человеком, связаны с неудобным местом проживания, что отражается во фразеологическом насыщении контекста, выражающемся добавлением другой ФЕ – *маска лук* ‘медвежий угол’. Эксперимент показал затруднительность в приведении слов-реакций на данный фразеологизм, что связано с возможным

непониманием лексемы *кыдач* ‘посередине’ (< *кыдал* ‘середина, поясница’), которая используется для указания на зайца, застрявшего в капкане. Возможная семантическая связь ассоциата с актуальным значением ФЕ выражена только в одной реакции – *шкежлан ұшаныдыме ен* ‘человек, не верящий в себя’.

Эталоном страданий выступает зооним *пире* ‘волк’ посредством ФЕ *пире гай* (*пирыла*) *урмыжаши* ‘волком выть (выть, как волк)’ (в знач. «горько жаловаться, сетовать на страдания») [Там же: 182] (4 примера из контекста.): *ПМК кышкарыштет оржан пирыла урмыж кертат* (*конешне, жапше марте*), *но ту кышкар гыч лекмек, ночко чыве лияшет ынже логал* ‘В пределах своего ПМК можешь выть, как волк с гривой (конечно, до поры, до времени), но выйдя из тех пределов, как бы тебе мокрой курицей стать не пришлось’ [Юксерн 1983: 244-245]. Образное основание данного устойчивого сравнения мотивировано существованием ассоциативно-связанных знаний, которые иллюстрируются результатами эксперимента – *шорташи* ‘плакать’ (7), *чот шорташи* ‘сильно плакать’ (4), *кычкыраши* ‘кричать’ (3), (*эре*) *вурседылаши* ‘(постоянно) ругаться’ (2), (*чот*) *ойгыраши* ‘сильно горевать’ (2) и т.д., тогда как отдельно взятый зооним *пире* вызвал такие ассоциации, как *осал* ‘злой’ (26), *шужышо* ‘голодный’ (5) и т.д.

В некоторых случаях зооним *пире* ‘волк’ соотносится с эталоном гнева, выражающегося в невербальных признаках выражения эмоций, что передается посредством устойчивого сравнения *пирыла ончаш* букв. ‘смотреть, как волк’ [РМС 1999: 37]: – *Мемнажым вет пирыла ончат.* – *Тыят нунылан пирак лий* ‘– Ведь волком смотрят на нас. – И ты будь для них волком’ [Сапаев 1979: 88].

Следующие эталонные сравнения применяются для описания **характера человека**. К примеру, в рассмотренном материале эталон *нерешительности* и *робости* представляется зоонимом *презе* ‘теленок’, что выражается фразеологизмами *ночко презе гай лияши* (*кояши, шогылташи, т. м.*) ‘быть (выглядеть, стоять и т. д), как мокрый теленок’ (в знач. «иметь жалкий вид») [Грачева 1989: 163] (*Чылалан поро лияши тырышыме олмеш мыланем сайынрак полишыжо ыле!.. Ночко презе семын коштеши* ‘Вместо того, чтобы стараться всем

угодить, лучше б мне помог!.. Ходит, как мокрый теленок' [Тулай 2014: 43]) и устойчивым сравнением *нулыдымо презе гай лияш (кояш, шогылташ, т. м.)* 'быть (выглядеть, стоять и т.д.), как необлизанный теленок' (в знач. «выглядеть крайне робким, вялым») (*Семен, мо нулыдымо презыла шинчылтат? (Веня.) Мыйын гаем нулыдымо презе лият гын, тыгай вет. Нер йымачетак ўдырым солалтат* 'Семен, что сидишь, как необлизанный теленок? (Веня.) Если ты будешь таким необлизанным теленком, как я, вот так и происходит. Из-под носа девушку уведут' [Грачева 1989: 164-165]). Значение последнего фразеологизма мотивировано наблюдением за недавно родившимся теленком, от которого еще не отошел послед.

С эталоном обмана, манипуляции соотносятся компоненты *пырыс* 'кошка' и *мышь* 'коля', использующиеся в ФЕ *пырыс ден коляла модаш* 'играть в кошки-мышки' (в знач. «хитрить, лукавить, стараясь обмануть, провести кого-л.»): *Журналистлан пырыс ден коляла модмо огеш күл. Каласе, фельетонет вашке лектеи?* 'Журналисту не надо играть в кошки-мышки. Говори, скоро выйдет твой фельетон?' [Грачева 1989: 196]. Мотивация значения ФЕ вызвана знаниями об отношениях данных животных в природе, что проявляется в ассоциативных рядах отдельно взятых компонентов на первом этапе эксперимента: *пырыс* – *коля* 'мышь' (9), *чоя* 'хитрый' (4) и т.д.; *коля* – *пырыс* 'кошка' (9), *пырыс деч лүдшө* 'боящийся кошки' (1), *маче колям куча* волж. 'кошка ловит мышей' (1) и т.д.

Эталоном конфликтности выступает *ний* 'собака / пес' посредством ФЕ *ний семын пураш* 'грызть, как собака' (в знач. «ругать, бранить кого-л.»): *Матра: Йыван ден Осын ний семын икте-весьштым пурит* 'Матра: Йыван с Осыпом грызутся между собой, как собаки' [СМЯ 2000: 113]. Отрицательная коннотация устойчивого сравнения мотивирована оценкой агрессивного поведения собаки, что доказывает самая частотная ассоциативная реакция на стимул *ний* → *осал* 'злой' (20).

Оценка постоянных ссор, недружной жизни с акцентом на участников конфликта выражается устойчивым сравнением с компонентами *ний* 'собака' и *пырыс* 'кошка / кот' – *ний ден пырыс гай (пырысла) илаш (кояш, лияш, т.м.)*

‘жить (выглядеть, быть и т. д.), как кошка с собакой’ [Грачева 1989: 181] (3 примера из контекста): *Маршан: О, могай куан! Кугу кугыжа пörтылын. Тый дечет посна ме пий ден пырысла пуредыл илена* ‘Маршан: О, какая радость! Великий государь вернулся. Без тебя мы грыземся, как кошки с собаками’ [Яндаков 2010: 146]. Ассоциативное фразеологическое поле устойчивого сравнения включает объяснения его значения: *вурседылаш* ‘ругаться’ (8), *вурседылын илаш* ‘жить, ругаясь’ (8), *эре вурседыл(ын) да кучедал илаш* ‘жить постоянно ссорясь и дерясь’ (5), *ваш(ла) сырен илаш* ‘жить, злясь друг на друга’ (4) и т.д.

Эталон неразлучности представляется компонентом *пача* ‘ягненок’ и обозначается ФЕ *йыгыр пача гай кошташ (ляш)* ‘ходить (быть), как ягнята-двойняшки’: *Кок пошкудо йыгыр пачала эре пырля ляш тöча* ‘Два соседа всегда пытаются быть вместе, как ягнята-двойняшки’ [Грачева 1989: 83].

Зооним *пача* ‘ягненок’ выступает и как *эталон кротости, покорности*: *ишем үнгышö пача гай кучаш* ‘держаться, как безропотный ягненок’ (в знач. «держаться тише воды, ниже травы; робко, скромно, незаметно»): *А кызыт тудын (кугу начальник) ончылно шкенжым үнгышö пача гай куча* ‘А сейчас перед большим начальником держится тише воды, ниже травы’ [СМЯ 2000: 52]. Семантика ассоциатов на слово-стимул *пача*, связанных с поведенческими и внешними свойствами ягненка, доказывают положительное отношение к данному животному – *ныжылгылык* ‘нежность’ (1), *куан* ‘радость’ (1), *поро шинча* ‘добрые глаза’ (1) и т.д. Кроме этого, ягненок характеризуются как *вийдыме* ‘бессильный’ (1), *беспомощный* (на рус. яз.) (1), *лүдшö* ‘боязливый’ (1) и т. д.

Эталоном неумеренности предстает зооним *сöсна* ‘свинья’, включающийся в состав ФЕ *сöсна гай йүаш* ‘пить, как свинья’: *Голованов: Сöсна гай йүын шындам да мом ыштышашыштым огыт пале* ‘Голованов: Напьются как свиньи, и не осознают, что делают’ [Коршунов 1989: 248].

Некоторые устойчивые сравнения глагольного типа используются для описания **физиологического состояния** человеческого организма, который характеризуется посредством сравнения человека с собакой и волком.

В рассматриваемом случае собака передает *эталон физической усталости*, что иллюстрируется на примере использования ФЕ *пий семын нояш* ‘устать как собака’: *Серук, инанет-уке, пий гай ноенам!* ‘Серук, веришь, нет, устала, как собака’ [Никитин 2012: 122]. Ассоциативно-связанные значения фразеологизма, приведенного в эксперименте, проявляются в таких реакциях, как *чот нояш / ярнаш* ‘сильно устать / измотаться’ (14), *(неш) чот (шуко) пашам ышташ* ‘(очень) интенсивно (много) работать’ (10), *ярнаш* ‘изнемоочь’ (4) и т.д.

Волк же выступает как *эталон плохого пения* посредством вербализации упомянутого ранее полисемантического фразеологизма *пирыла урмыжаши* ‘выть как волк’: *Эрканай: Эй, мура вет, пирыла урмыжеши. Йозак погышо: Шкеже тыгат мурен ок мошто* ‘Эрканай: Вот поет – воет, как волк. Сборщик подати: Сам и так не умеет петь’ [Чавайн 2010: 104].

Отдельный случай употребления устойчивого сравнения связан с **эстетической оценкой** внешнего вида человека.

Эталон измученности и убогости обнаруживается в использовании компонента *коля* ‘мышь’ составе ФЕ *ночко коля гай лияш (кояш, т. м.)* ‘быть (выглядеть и т. д.), как мокрая мышь’ (в знач. «иметь жалкий, измученный вид»): *Шкеже омо дене писын куржаш тӧчымыжлан кӧра ала-мо чылт нощко коля гае лийын* ‘Видимо, от того, что пытался сильно бежать во сне, стал совсем как мокрая мышь’ [Грачева 1989: 163].

Таким образом, зооним в составе одного и того же фразеологизма или отличных ФЕ может выступать в качестве разных эталонов в зависимости от контекста, в чем проявляется культурно-коннотативная оценка фразеологизма. Данное явление говорит о многостороннем характере плана содержания ФЕ, выражающегося в разном ассоциативно-образном основании ее внутренней формы. План коннотации эталонных сравнений отражает образный и оценочный компоненты значения ФЕ по условной шкале «положительно» и «отрицательно». В изученных примерах преобладает отрицательная оценка предметов и явлений окружающей действительности.

Прототипами фразеологизмов компаративного характера могут выступать наблюдения из обыденной жизни и хозяйственной деятельности древних марийцев, мало отличающихся от культурно-исторических и географических условий проживания других этносов региона, поэтому ярко-выраженная национальная специфика отсутствует.

Группа *некомпаративных глагольных ФЕ* с компонентами-зоонимами в марийском языке представлена в меньшем количестве. Фразеологизмы данного типа выражают оценку характера и способностей человека.

Наиболее распространенным по использованию в контексте является устойчивый оборот *сӧсна кӱташ ок йӧрӧ* ‘не годен свиней пасти’ (в знач. «ни на что не способный») (2 примера из контекста), не зафиксированный в лексикографических источниках, но проявляющий все признаки фразеологичности – раздельнооформленность, семантическая целостность и воспроизводимость. Мотивированность его значения прослеживается в деривационной связи актуального значения ФЕ с ее прототипом: *Снегевий: Коранг, шакше айдеме! Тый, Маршан, кугыжа лияш огыл, а сӧсна кӱташ от йӧрӧ!* ‘Снегевий: Ты, Маршан, не то, чтобы царем быть, и свиней пасти не годишься’ [Яндаков 2010: 130]. В зависимости от коммуникативного намерения говорящего базовый глагол фразеологизма может употребляться и без отрицательной частицы, не меняя значения ФЕ: – *Тый урядник отыл! ...Тый сӧсна кӱтӱчылан веле йӧрет* – ‘Да ты не урядник! ...Ты годишься лишь свиней пасти’ [Лекайн 1987: 285]. Ассоциативное фразеологическое поле данного фразеологизма, предложенного в контексте, позволяет выявить образное основание данного выражения – *нимолан йӧрдымӧ* ‘ни на что не годный’ (8), *нимоланат ок йӧрӧ* ‘ни на что не годен’ (6), *пашам ышташ ок йӧрӧ* ‘не годен работать’ (5), *йӧрдымӧ* ‘негодный’ (2), *пашам ыштен моштыдымо* ‘не умеющий выполнять работу’ (2) и т.д.

Фразеологизм *коля рожыш пурен каяш* ‘провалиться в мышиную нору’ (ср. *коля рожыш пураш ямде / кеч коля рожыш пуру* ‘готов войти в мышиную нору / хоть входи в мышиную нору’ [Грачева 1989: 110-111]) позволяет передать

состояние человека при ощущении страха, стыда или волнения. Фразеологическая единица описывает проявление боязни, робости и растерянности, как виды переживания страха. В примере использования данного ФЕ отражается реакция человеческого организма на страх, выражающаяся в ступоре, стремлении съежиться, стать меньше, закрыться, чтобы защитить себя: *Лүдмыж дене коля рожыш пура ыле, ок лий* 'От страха провалился бы в мышиную нору, да нельзя' [Орай 1978: 78].

Мотивационный стимул данного ФЕ вызван ассоциативно-связанными знаниями о мыши и отражен в некоторых словах-реакциях, полученных в ходе эксперимента: *изи* 'маленький' (27), *рож* 'нора / дыра' (12), *лүдшö* 'пугливая' (2) и др. В ассоциативном фразеологическом поле ФЕ выделяются такие реакции, как *вожылаш* 'стесняться' (8), *изи* 'маленький' (5), *нигуш пурен каяш* 'некуда деться' (3) и т.д.

Мотивация ФЕ *пийым покташ / поктыл кошташ / поктылаш* 'собак гонять' (в знач. «бездельничать, слоняться без дела») [Казанцев 1972: 134; МРС 1991: 249] связана с русской игрой в «бабки», где «собака» являлась «шаром» в игре – «палка, кою гоняют сучку». В данном случае собака связывается с игровым кодом культуры [БФСРЯ 2006: 720]: – *Ну, Андрей эргым, эрла кече гыч – пашашке! Пий поктен куржталшыже тый дечет поснат шуко, – пелештыш ачаже* '– Ну, сын мой Андрей, с завтрашнего дня на работу! И без тебя хватает тех, кто гоняет собак, – произнес его отец' [Грачева 1989: 251].

Внутренняя форма фразеологизма *имне үмбач кычалаш* 'невнимательно, поверхностно, не вникая в суть дела, так себе (что-л. искать, делать, выполнять)' [Грачева 1989: 73] связана с прототипической ситуацией, описывающей занятия поисками, сидя верхом на лошади.

Ассоциативное фразеологическое поле данной устойчивой единицы, предложенной в эксперименте, включает такие объяснения, как *пеле-пуле кычалаш* 'искать так себе' (4), *шүкшын кычалаш* 'плохо искать' (4), *пеле-пуле ышташ* 'делать так себе' (2), *ок му* 'не находит' (2) и т.д.

Фразеологическая единица *кок мерангым покташ / кучаш* ‘гнаться за / ловить двумя(-х) зайцами(-ев)’ [Грачева 1989: 108] образована усечением коммуникативного ФЕ *Кок мерангым поктет гын, иктыжымат от кучо* ‘Если погонишься за двумя зайцами, ни одного не поймаешь’ [Китиков 1991а: 130]. Она указывает на желание выполнить два дела одновременно или добиться расположения двух людей: – *А тый, ватан марий, саде яришка деке пижынат. Кеч коклаштыда йöратымаш лиеш гын, керек, **коктынат вет кок мерангым поктеда!*** ‘– А ты, женатый мужчина, пристал к этой голодранке. Была б еще между вами любовь, хоть ладно, оба ведь пытаетесь угнаться за двумя зайцами!’ [Каткова 1965: 197]. Образное основание ФЕ мотивировано ситуацией охоты на зайцев.

Следующий фразеологизм *пийым кочкаш* ‘собаку съесть’ не отражает в своем значении связи с прототипом. Устойчивая единица заимствована из русского языка, в котором она появилась посредством усечения паремии «Собаку съел, а хвостом подавился» (в знач. «споткнуться на пустяке») с последующим изменением семантики на «приобрел большой навык, знания в чем-л.» [ЛФСРЯ 2003: 458]: *Шумелев:...Мый тулар марий лиям. Ок йöрате, манат? Чепуха! Кок-кум ойым пелештем гын, вигак шуйышкет кержалтеш. Тиде шотышто мый **пийым кочкынам*** ‘Шумелев: ...Я буду сватом. Говоришь, не любит? Чепуха! Если замолвлю два-три слова, сразу бросится тебе на шею. В этом я собаку съел’ [Арбан 1977: 51].

Следующим аспектом культурной коннотации анализируемых ФЕ некомпаративного характера являются «следы» *обрядов, поверий, ритуалов и мифологических представлений* о тотемах этноса. В группе некомпаративных зоосемических ФЕ были выделены лишь единичные примеры. В составе ФЕ *шем пырысым колташ (пурташ)* ‘(в)пустить черную кошку’ [Грачева 1989: 251] сочетание *шем пырыс* ‘черная кошка’ представляет символ несчастья, ссор и неудач (2 примера из контекста): *Изаже керек, енгаже туларташак толаша-с, накас... Теве мый **шем пырысым коклашкышт колтем*** ‘Ладно хоть его старший брат. Его жена, беда, пытается сосватать... Вот пуцу между ними черную кошку’

[Каткова 1965: 43-44] (ср.: *Шем пырыс кудал эртен* ‘Черная кошка пробежала’ [Грачева 1989: 251]).

Значение фразеологизма *маскам кушташ туныкташ* ‘научить медведя танцевать’ имеет сложную мотивацию. Прослеживается деривационная связь с его прототипической ситуацией, а также влияние контекста на образно-метафорическое основание ФЕ. Глагол в составе фразеологизма употребляется в своем прямом значении, а остальные компоненты – в переносном. В контексте использования зооним *маска* ‘медведь’ приводится в кавычках, что уже говорит о его метафорическом использовании в составе ФЕ: *А молан мыйын «маскама» кушташ туныкташ огыл? – шоналтыш семынже Верук. Вет Япи такшым маска дечат чапле маска. Күкшө, таза кап-кылан көтырем* ‘А почему бы не научить танцевать и моего ‘медведя?’ – подумала про себя Верук. Ведь Япи, вообще-то, (букв.) медведь лучше самого медведя. Высокий, плотного телосложения, нерасторопный’ [Александров-Арсак 2009: 230] (ср. *Ильш маскама кушташ туныкта* ‘Жизнь и медведя танцевать научит’ [Китиков 1991а: 79]). Мотивационным стимулом ФЕ является прототипическая ситуация, связанная с жизнью цыган и скоморохов, которые демонстрировали танцующего медведя во время своих представлений. В данном примере использования на образное основание фразеологизма накладывается культурно-обусловленное представление марийцев о медведе, как тотемическом животном. Лексема выступает в качестве мифологемы, указывающей на маскулинный признак, мужское начало, покровительство семейным отношениям [Тойдыбекова 2007: 158-159]. Поэтому в более широком контексте романа героиня описывает мужчину с точки зрения его семейного положения, уделяя особое внимание его сексуальным способностям. Такие представления отражены в ассоциативном поле зоонима *маска*, включающем некоторые реакции, характеризующее само животное и отражающее ассоциативно-образное представление о нем у носителей марийского языка: *кугу* ‘большой’ (19), *таза* ‘здоровый’ (6), *виян* ‘сильный’ (5), *патыр* ‘мощный / сильный’ (3), *сильный айдеме* ‘сильный человек’ (1), *мужик* (на рус. яз.) и т.д.

В связи с христианизацией марийского края, во фразеологическом фонде исследуемого языка появились и некоторые библеизмы. В частности, ФЕ *шорык коваштым чияш* ‘надеть овечью шкуру’ указывает на желание скрыть свои недобрые намерения, злой нрав, принять доброжелательный, дружелюбный вид: *Чиен святойшорык коваштым, толдал шинчын шем Максижат* ‘Надев святую овечью шкуру, явился и чёрный Макси’ [СМЯ 2004: 243]. Образные представления, связанные с данной ФЕ, отражаются в реакциях, вошедших в его ассоциативное фразеологическое поле – *ондалаш* ‘обманывать’ (4), *хитрый* (на рус. яз.) (3), *вес семын кояш* ‘вести себя по-другому’ (2), *айдеме, чын тусым шылтен, сайла коеш* ‘человек, скрывая свою реальную сущность, прикидывается хорошим’ (1) и т. д.

Коннотация большинства фразеологизмов данной группы не обладает ярко выраженными национально-культурными характеристиками. Их мотивированность связана с особенностями восприятия действительности и представляет наглядно-чувственное понимание явлений окружающего мира носителей марийского языка, что подтверждается и результатами ассоциативного эксперимента.

2.1.2. Лингвокультурные и семантические характеристики субстантивных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском языке

В состав исследуемых субстантивных фразеологизмов с компонентами-зоонимами входят полностью и частично переосмысленные фразеологические единицы со структурой словосочетания. Основными способами переосмысления ФЕ является метафора. Субстантивные фразеологизмы марийского языка, составляющие 27,8% от всего исследованного материала, обозначают лица, которым присущи определенные характеристики, и не-лица, указывающие на те или иные явления, предметы окружающей действительности.

Среди них выделяются наиболее частотные по использованию компоненты-зоонимы, а именно: *ний* ‘собака’ (26% от общего количества субстантивных ФЕ),

пире ‘волк’ (13,7%), *меранг* ‘заяц’ (10 %), *шорык* ‘овца’, *пире* ‘волк’ и *пырыс* ‘кошка’ (по 8%).

Основная часть субстантивных фразеологических единиц марийского языка с компонентами-зоонимами обладает мотивированным значением. Не все фразеологизмы данной группы культурно маркированы. План выражения многих фразеологизмов, не отражающих явные национально-культурные характеристики, объясняется путем интерпретации образно-метафорического основания их внутренних форм, которые выражают специфику языковой номинации в рамках рассматриваемой лингвокультуры, а также ценностные установки представителей этноса. Тем не менее, внутренняя форма фразеологизмов и прототипы, ставшие основой их значений, могут быть описаны с учетом контекстуального окружения ФЕ, что особо актуально при выяснении коннотации ФЕ, мотивацией значения которых стали обыденные знания об окружающем мире и мифологические представления этноса.

Рассмотрим функционирование отобранных ФЕ в контексте для более четкого представления образной основы их коннотаций. Фразеологизмы анализируются с учетом группировки по частотности их использования и их семантической близости в системе называемых ими явлений.

Анализ начинается с рассмотрения субстантивных фразеологических единиц, применяющихся для оценки **характера человека**.

Довольно частотными по использованию в контексте являются ФЕ *узо пий* ‘пес, кобель’ (о распутнике) (9 примеров из контекста) и *ава пий* ‘собака, сучка’ (о распутнице) (4 примера из контекста), которые не зафиксированы в лексикографических источниках в качестве фразеологизмов, однако, они обладают всеми признаками, характерными для ФЕ. Их образное основание мотивированно наблюдениями за поведением собак.

Примеры из марийских художественных произведений свидетельствуют о том, что ФЕ *узо пий* ‘кобель’ показывает основные недостатки мужчины, нетерпимые для семейной жизни, с точки зрения женщины. К ним относятся: злоупотребление спиртными напитками (*йүшö лийын* ‘был пьяным’ [Соловьев

2012: 138]); флирт с другими женщинами (*вычыматен шогылтеш* ‘воркует’ [Эсеной 1982: 64]); угодливость перед женщинами (*үдырамашлан көра чыла ышта* ‘все сделает ради женщины’); разрушение чужих семей, их финансового благополучия (*суртетым чыла куклышт* ‘погубили все хозяйство’ [Александров-Арсак 2008: 73, 241]); беспорядочные сексуальные связи (*йүд мучко сай пашам ыштыл пörдалын* ‘ всю ночь занимался хорошеньким делом’ [Сапаев 1979: 95]).

Ассоциативное фразеологическое поле данного фразеологизма, предложенного на втором этапе ассоциативного эксперимента, позволяет выявить возрастные характеристики мужчины, ведущего распутный образ жизни – *пörьен* ‘мужчина’ (6), *рвезе* ‘парень’ (6), *ен* (5) / *айдеме* (1) ‘человек’, *бабник* (на рус. яз.) (3), *мужик*, (на рус. яз. (1), а также свойственные для распутника признаки поведения – *гуляен кошшоен* (*пörьен*) ‘гулящий человек (мужчина)’ (7), *шуко үдыр ден келша* ‘встречается со многими девушками’ (2), *ушдымо, шуко үдырамашым йörата* ‘безумный, любит многих женщин’ (2), *үдыр-влакым ваишталтылаш йörатыше* ‘любящий менять девушек’ (1), *гуляши йörатыше, шотдымо* ‘любящий погулять, бестолковый’ (1), *ик семын илен моштыдымо айдеме* ‘не умеющий жить однообразно’ (1), *ватыж улмо вачын, вес үдырамаш дек коштеш* ‘встречается с другими женщинами, несмотря на наличие жены’ (1) и т.д. Данные ассоциаты показывают нестабильность, неразборчивость в отношениях с женщинами, которые подвергаются отрицательной оценке.

Контекстуальная актуализация ФЕ *ава пий* ‘распутница’ [Мустаев 2000: 533-534] показывает, что женщина, ведущая распутный образ жизни, может изменять (*түкым шындылат* ‘наставляешь рога’), ее могут сопровождать другие мужчины (*пеленже вүдалтен* ‘ведет с собой’ [Филиппов 2012: 127-128]); она разрушает чужие жизни и вступает в беспорядочные сексуальные связи (*эргым пытара* ‘уничтожит сына’, *күтлен, йыпишие теме* ‘насовокуплялась’ [Юксерн 1983 190-191]); она неразумна в своих действиях (*ушдымо* ‘безумная’ [Сапаев 1979: 180] и т.д.).

Ассоциативное поле фразеологизма *ава пий* ‘распутница’, включенного в список ФЕ эксперимента, представлен меньшим количеством ассоциатов. Тем не менее на их основе можно выделить возрастные характеристики, свойственные распутнице – *удырамаиш* ‘женщина’ (4), *удыр* ‘девушка’ (1), нейтральное – *айдеме* ‘человек’ (1), социальный статус – *путана* (на рус. яз.) (1), а также особенности ее поведения – *йорга* ‘флиртующая’ (2), *шуко пörьен-влакым йöрата* ‘любит многих мужчин’ (1), *шала* ‘распущенная’ (1), *гуляен коитшио* ‘гулящая’ (1), *коитшио айдеме* ‘гулящий человек (в значении «встречающийся с кем-л.»)’ (1) и т. д.

Для оценки распутного поведения женщины используется также устойчивая единица *йорга пий* ‘распутница, потаскуха’ (букв. ‘кокетливая / шаловливая’) [Мустаев 2000: 534]. Глупость женщины, граничащая с распутством, выражается в контексте фразеологизмом-калькой из русского языка *пий сүан* ‘собачья свадьба’: *Маюк: Рома, Шибуйын йочажым ок күл кучылтаиш, шкеат йочан улат. Рома: Тый! Мом тый умылет, миссис ‘Пий сүан’!* ‘Маюк: Рома, не трогай ребенка Шибую, у тебя самого есть ребенок. Рома: Ты! Что ты понимаешь, миссис «Собачья свадьба!»’ [Никитин 2012: 138].

Кроме данных фразеологизмов используется и синонимичное по значению выражение *күрт пий* ‘гулящая собака’, которая может использоваться и по отношению к мужчине, и к женщине – бран. ‘развратник, развратница; любовник, любовница’: *Карнавал ончаиш поп толын огыл, но тудын күрт пийже эрлашым чыла радамлен пуэн* ‘Смотреть карнавал поп не приходил, но его любовница на следующий день доложила ему всё по порядку’ [СМЯ 1994: 240].

Несмотря на то, что в имеющихся в наличии словарях марийского языка оборот *капкаймал пий* ‘дворняжка’ (букв. ‘подворотная собака’) (5 примеров из контекста) не включается в словарные статьи в качестве устойчивого выражения, на наш взгляд, он обладает всеми признаками ФЕ (ср. волж. *почеш пий* ‘шестерка’ (букв. ‘пес, ходящий следом за кем-л.’ – о безвольном, льстивом человеке)). Фразеологизм используется в качестве оценки проявлений двуличного, льстивого человека – страх вступить в ссору с применением физической силы; чрезмерная угодливость и лесть; конфликтность, выражающаяся в сварливости, которая, в

частности, приводит к непониманию между женщинами: *Орик: Вараш кодынат... Мыняр кўлешыжым нангаенам... Ведеса: Ах, керемет! Каварен кертдыме!.. Мачук (сырен, вуйжым нёлталеш). Чарнеда-огыда!.. Капка йымал пий тўшка!* ‘Орик: Опоздала... Сколько надо, уже унесла... Ведеса: Ах, чертовка! Окаянная!.. Мачук (разозлившись, поднимает голову). Перестанете, нет!.. Свора дворняг!’ [Шкетан 1987: 84].

Ассоциативное поле данного фразеологизма позволяет выявить его семантические особенности – *трус* (на рус. яз.) (5), *лўдшў* ‘пугливый’ (2), *безобразник* (на рус. яз.) (2), *вурседылаш йўратыше айдеме нерген ойлалтеи* ‘говорится о человеке, которому нравится ругаться’ (1), *шотлыдымо айдеме* ‘неуважительный человек’ (1), *осал* ‘злой’ (1), *шенгеч мыскыла, а шўргыш ок ойло* ‘за спиной оскорбляет, а в лицо не говорит’ (1) и т. д.

Ленивый человек оценивается фразеологизмом *його пий* ‘ленивая собака’ (бран. ‘лентяй’) [СМЯ 2000: 113] (3 примера из контекста): *Ведеса: Тый, чынак, таче нимогай пашам виктарен отыл! Эсогыл пўрт мушкашат полиен отыл. Орик: Тый ыштенат, його пий!* ‘Ведеса: Ты, и вправду, ничего сегодня не сделала! Даже не помогла полы помыть. Орик: Ты сделала, ленивая собака!’ [Шкетан 1987: 58]. Для описания ленивого человека используются фразеологизмы *його пырыс* ‘ленивый кот / кошка’ [Барцева 2003: 120] и *сурт пырыс* ‘домашний кот / кошка’ (в знач. «лентяй, лежебока») [Казанцев 1972: 137]. При использовании в контексте компонент *сурт*, входящий в состав последней ФЕ, может заменяться на синонимичное слово *пўрт*: – ...*Но чылт пўрт пырыс лийыныт. Йўдым дискотекыште эртарат, кечывалым малат* ‘...Но совсем домашними котами стали. Ночь проводят на дискотеке, днем спят’ [Илибаева 2010: 570].

Фразеологизм *шудо ўмбалне кийыше пий* ‘собака, лежащая на сене’, заимствован из русского языка посредством калькирования. Фразеологизм *собака на сене* характеризует человека, который сам не пользуется чем-либо и другим не дает сделать это. Значение устойчивой единицы мотивировано образом данного животного, встречающегося в басне Эзопа о собаке, которая рычит на животных,

не подпуская их к сену, хотя сама сена не ест [Эзоп. Заповеди, басни, жизнеописания 1999: 256].

В контексте авторских произведений марийских писателей ФЕ используется со значением «быть жадным, эгоистичным» и, соответственно, вербализуют *эталон жадности*: – *Огым, ег мелна дене ныллым чўктынет, нал шканет шке, ит янгыше!* – *Шудо ўмбалне кийыше пий дене иктаск ултат улмаш: шкат от коч, егланат от пу* – Нет, хочешь зажечь свечи на сороковой день на чужих блинах, возьми себе сам, не выпрашивай! – Ты точно собака на сене: и сам не ешь, и людям не даешь' [Ялкайн 1958: 28].

Национально-культурная специфика марийских зоосемических фразеологизмов прослеживается также в их сигнификативном компоненте значения, который указывает на определенные реалии марийской культуры. Например, фразеологизм *пий ора* 'собачья орава' указывает на общую свалку в детской игре [СМЯ 2000: 113]. Образность данного фразеологизма меняется в зависимости от его контекстуального окружения и приобретает отрицательный оттенок значения: *Изаж ден шольыжо ик ой дене илен огыт керт да, могай тушто эше артель? Пий ора лиеш! Вўрвузык кредал пытеда!* 'Старший и младший братья не могут жить дружно, да какая там еще артель? Будет собачья орава! Подеретесь в кровь!' [Сапаев 1979: 46]. В данных случаях фразеологизм указывает на 'одушевленность', 'лица' – беспорядочную группу людей, свалившихся друг на друга, что доказывает его семантическое своеобразие, заключающееся в его антропоморфизме.

Образно-метафорическая основа внутренней формы фразеологизма *йўшө пий* 'пьяная собака' (бран. 'пьяница') позволяет указать на интенсивность проявления субъективной оценки человека: *Зоя: Вожылдымо! Йўшө пий!* 'Зоя: Бесстыдник! Пьяница!' [СМЯ 2000: 113]. В волжском диалекте марийского языка сильное пьянство оценивается фразеологизмом *йўшө пире* 'пьяный волк'.

Фразеологическое значение оборота *пий ылыш* 'собачья жизнь' мотивировано знаниями об образе жизни собак и выражает оценку тяжелой, невыносимой жизни: *Тарзылык ылыш – пий ылыш* 'Батрацкая жизнь – собачья

жизнь' [СМЯ 2000: 113]. Характеристика неимущего человека без специального рода деятельности вербализуется фразеологизмом *озадьме пий* 'собака без хозяина' (о бродяге) [Казанцев 1972: 136].

Следующей группой ФЕ были определены субстантивные фразеологизмы с компонентом *меранг* 'заяц', среди которых самым частотным является фразеологизм *лүдшө меранг* 'пугливый / трусливый заяц' (6 примеров из контекста): *Шонгырак йолташыштым рвезе дене кучедалаш шонен воштылыт: – Меранг дене иктарк улат, рвезе дечат лүдат. – Эй, лүдшө меранг!* 'Высмеивают друга постарше, собравшегося подраться с молодым: – Ты, словно заяц, боишься даже молодого. – Эй, трусливый заяц!' [Ялкайн 1958: 44]. Мотивация фразеологического значения вызвана образом испуганного зайца. Данный фразеологизм довольно частотен в контексте художественных произведений, где оценивается страх человека перед нарушением закона, эмоциональным перенапряжением, применением физического насилия и поражением в драке. Следует отметить, что почти во всех рассмотренных примерах использования данной ФЕ осуждается проявление трусости и страха со стороны мужчины. Мотивированность фразеологической единицы *малыше меранг* 'спящий заяц' вызвана образом зайца в вялом состоянии и указывает на неповоротливого, нерасторопного человека [Грачева 1989: 140]: *Ынде тыйын верчет локтылалтеш', – манын иктыже. Чаманет малыше мерангетым, кола гын, пеш күлеш', – кычкырен весыже* 'Теперь из-за тебя испортится', – говорил один. 'Жалеешь своего спящего зайца, больно-то нужен, если и умрет', – кричал другой' [Элексейн 1987: 207].

Фразеологизм *канга меранг* 'тощий заяц' (в знач. «очень худой») [СМЯ 1998: 45] позволяет описать крайне худого человека: *Уке, мый ачат гай торжым ятыр ужынам. Канга меранг! Тыйым тегыт подеш поньыжаш гынат, ик чүчалтыш үет ок лек* 'Нет, я видел много недостойных, как твой отец. Тощий заяц! Тебя хоть в бочке с дегтем припеки, и капли жира не выйдет' [Шкетан 1991: 117]. Синонимичным по значению является ФЕ *ноля меранг* 'тощий

заяц' [РМС 1956: 358]. Компонент *ноля* встречается только в составе данной ФЕ, что говорит о высокой степени семантической слитности его компонентов.

Примеры использования фразеологизмов с компонентом *меранг* 'заяц' иллюстрируют передачу таких характеристик человека, как страх, трусость, вялость, худоба, затруднительность в решении проблем.

Довольно распространенным по использованию в контексте является фразеологизм с компонентом *маска* 'медведь'. Так, ФЕ *маска лук* 'медвежий угол' (о труднодоступном, глухом месте) [СМЯ 1998: 26] актуализирует разные оттенки значения (8 примеров из контекста): *Тый мылам иктым гына каласе: тиде маска лукышкыжо кузе логальыч? Лұмын ванген коштынат мо?* 'Ты мне вот что скажи: как ты попал в этот медвежий угол? Специально выискивал?' [Александров-Арсак 2008: 200]. В пространственной модели мира угол ассоциируется с непроходимым местом, откуда нет выхода [БФСРЯ 2006: 374].

Данное представление отражается и в контекстуальной актуализации ФЕ. Например, из всех рассмотренных отрезков текста можно понять, что в медвежьем углу прячутся (*шылын пёрдалыт*), оттуда хочется убежать (*шикшалтме шуэи*) [Сапаев 1979: 309, 312]), там можно распуститься (*пужлаш лиеш*), не найти средства к существованию (*йёным муын от мошто*), надоедает быть одному (*шкет киен, шер темеш* [Ялкайн 1958: 148, 233, 245]), туда можно уехать насовсем (*каен возаш* [Илибаева 2010: 253]).

Реакции, составляющие ассоциативное поле фразеологизма, доказывают связь его коннотативного аспекта и мотивирующего его значение признака животного – (*пеш*) *тора(се) вер* '(очень) далекое место' (3), (*пычкемыш*) *палыдыме вер* 'незнакомое место' (3), *шагал чонан* 'мало душ' (1), *умбалне* 'далеко' (1), *нимоат уке, нимогоай цивилизаций* 'ничего нет, никакой цивилизации' (1), *нигё ок иле тушто* 'никто там не живет', *тора вер (ял)* 'далекое место (деревня)' (1) и т. д.

В одном из марийских романов фразеологизм *маска вынем* 'медвежья берлога' (об отдаленном, глухом, малонаселенном месте, захолустье) [СМЯ 1998: 26] ассоциируется с деревней Нольмарий, лишенной ранее

электричества: – *Маска вынемлан шотлалтше Нольмарий кундем таче кече гыч Ильичын лампыж дене волгалт тўзлана* ‘– С сегодняшнего дня считающийся медвежьим углом Нольмарийский край осветился лампой Ильича’ [Юксерн 1978: 181].

Заимствованный из русского языка фразеологизм *маска польши* ‘медвежья услуга’ (о неумелой помощи) отражает желание осознанного нанесения вреда человеку оказанием мнимой помощи [СМЯ 1998: 27]: –...*Полшыметше маска польши улмаш. Прошенийым туге возенат, тудым лудмеке, мемнам вигак поген шындышит* ‘...Твоя помощь оказалась медвежьей услугой. Прощение написал так, что прочитав его, нас сразу посадили’ [Лекайн 1987: 249]. Зооморфная метафора данного фразеологизма отражает действия и поступки, связанные со стереотипным представлением о медведе, как о неповоротливом животном [БФСРЯ 2006: 375-376].

Группа фразеологизмов со следующим компонентом (*шорык* ‘овца’) является немногочисленной (всего 3 единицы). Значение фразеологизма *ангыра шорык* ‘глупая овца’ [СМЯ 1990: 87] (4 примера из контекста) основана на образном переосмыслении словосочетания-прототипа: – *Так, кō улат – пале огыл. ... Могай заданий дене кает – от ойло. Мемнам ангыра шорыклан шотлет?* ‘– Так, кто ты, не понятно. ... По какому заданию идешь, не говоришь. Считаешь нас глупыми овцами?’ [Рыбаков 2012: 33]. Одна из характеристик глупости вербализуется также ФЕ *сокыр пырысиге* ‘слепой котенок’ (о неразумных, наивных людях) [СМЯ 2001: 2001].

Фразеологизм *шорык кўтў* ‘стадо овец’ указывает на беспорядочную толпу, массу людей, вслепую бредущую, мечущуюся или безумно следующую за кем-л. [СМЯ 2000: 243] (2 примера из контекста): *Мыйын чўчкыдынак калык ўмба кычкырал колтымем шуэш! А калыкше – шорык кўтў!* ‘Мне часто хочется наорать на людей! А люди – стадо овец!’ [Тулай 2014: 44]. Живая внутренняя форма фразеологизма прослеживается в его ассоциативном фразеологическом поле, полученном в результате эксперимента – *ангыра* ‘глупый’ (6), *ангыра-шамыч* ‘глупые’ (2), *ангыра тўшка* ‘глупая толпа’ (1), *ушдымо ен-влак нерген* ‘о безумных

людях’ (1), *вуйдымо-влак; огыт шоно, а пашалан пижыт* букв. ‘безголовые; не думают, а принимаются за работу’ (1) и т. д.

Ярко выраженной национально-культурной коннотацией обладает марийский фразеологизм *кўрвал шорык* букв. ‘овца над лубом’ (прост. ‘грубиян, нахал, хам’)[СМЯ 1994: 236-237], где компонент *кўрвал* употребляется только в составе данной фразеологической единицы. В марийском языке *кўр* обозначает луб, кору липы, вяза и некоторых других лиственных деревьев, обладающих волокнистой внутренней частью, которая использовалась марийцами для изготовления бытовых предметов (лаптей, корзин, сумок и т.д.). Мотивационным стимулом культурной коннотации фразеологизма является образ овцы, поедающей лубок, что послужило основой для актуализации фразеологического значения «неуважительный, грубый, нахальный человек»: – *Мый колоткамат, памятникымат налаш йодын омыл, шке налын улыда, шкеак нангаен пуыза! Мыйын пашамат уке! – Ну, кўрвал шорык!* ‘– Я не просил покупать ни гроб, ни памятник; сами купили, сами же и отдавайте! Мне нет до этого дела! – Ну, нахал!’ [Новиков-ОрьюА. Ойлымаш]²⁶.

Фразеологизм *меж кочшо шорык* ‘овца, поедающая шерсть’ [Грачева 1989: 143; СМЯ 2004: 243] (3 примера из контекста) обладает сложной внутренней формой, образное основание которой реализовано посредством вторичной метафоризации прототипного словосочетания. Появление данной утойчивой единицы мотивировано наблюдением за овцами, которые начинают есть свою шерсть. Это связано с нехваткой в организме жвачных животных такого микроэлемента, как кобальт, что вызывает у них нарушение пищевого поведения. Актуальное значение ФЕ передает представление о зловредном человеке, причиняющем вред близким, родным, друзьям и т.д.: – *Тый меж кочшо шорык улат!* – *кычкырал колтыш Митрохин. – А мый, окмакешем, айдемылан шотлен, йодметым шукташ кōнышым.* ‘– Ты – овца, поедающая шерсть! – закричал Митрохин. – А я, по своей глупости, считая тебя за человека, согласился выполнить твою просьбу’ [Юксерн 1983: 244-245]. Ассоциативное поле данного

²⁶URL: <http://mari-el.in/literature/7265-a.novikov-0rju.html>

фразеологизма представлено меньшим количеством реакций по сравнению с другими ФЕ, что доказывает слабую связь внутренней формы с ее прототипом, однако, полученные ассоциаты доказывают, что фразеологизм обладает отрицательной коннотацией, что отражается в таких единицах, как *хитрый* (на рус. яз) (2), *пешкыде* ‘скупой’ (1), *икте дене сай коеш гын, весыланат келиши тӧча* ‘если с одним ведет себя хорошо, то и другому старается понравиться’ (1), *йыгыжге айдеме* ‘противный человек’ (1), *енгым пагалыдыме айдеме* ‘человек, не уважающий других’ (1), *вӱрым йӱшӧ* ‘кровопиец’ (1) и т.д.

Вредность характера оценивается также фразеологизмом *кагаз куголя* ‘канцелярская (букв. ‘бумажная крыса’), калькированным из русского языка. В качестве образного стимула его значения послужило представление о крысе, портящей бумагу, приносящей вред тем, кто имеет дело с печатной или письменной документацией: – *Эше ик гана корнемлан тореш шогалат гын, тарлен пидыктем да милицийыш ужатем. Тидым нер мучашешет лоден пыште, кагаз куголя!* ‘– Если еще раз встанешь на моем пути, заставлю повязать тебя и провожу в милицию. Заруби себе это на носу, бумажная крыса!’ [Юксерн 1983: 176].

В группе фразеологизмов с компонентом *сӧсна* ‘свинья’ есть ряд интересных примеров. Так, в устаревшем фразеологизме *сӧснан мамыкше* ‘пух свиньи’ (о мнимой, злой дружбе, нетерпении) [Ибатов 1960: 104] внутренняя форма ФЕ основана на вторичной метафоризации. На самом деле, волосяной покров свиньи составляет не пух, а грубая щетина. В данном случае пух свиньи олицетворяет ложность и мнимость, подмену правды на ложь: – *Кузе ом кай? Кайыде ок лий, – Кори чытырналте. – Тушто вучат. – Тиде сӧсна, ужат, ‘мамыкшым’ кӱрыктынеже* ‘– Как не пойду? Нельзя не идти, – вздрогнул Кори. – Там ждут. – Эта свинья, видишь ли, хочет заставить выдрать свой «пух»’ [Сапаев 1979: 169].

Фразеологизм *сӧсна поминка* ‘свинные поминки’ имеет значение «праздничный обильный ужин по случаю закалывания свиньи». Устойчивая единица обладает внутренней формой, основанной на ассоциативно-образном

представлении о воображаемой ситуации и используется в шутливой форме: *Овдоким: Куш? Марка: Сѡсна поминкаш. Овдоким: Куда? Марка: На поминки свиньи* ‘Овдоким: Куда? Марка: На свиные поминки’ [СМЯ 2001: 276].

Признаки фразеологичности прослеживаются в использовании оборота *лювык / лавыра(н) сѡсна* ‘грязная свинья’ (2 примера из контекста). Образ грязной свиньи является мотивирующим стимулом его фразеологического значения: *Осып: Тый ўдырамаш отыл! Эрла Миколо пайрем гынат, тувырым чодыраш кайышаш гайым пуэнат... Лювык сѡсна!* ‘Осып: Ты не женщина! Несмотря на то, что завтра день Святого Николая, дала рубашку, как для похода в лес... Грязная свинья!’ [Шкетан 1987: 64].

При оценке врожденных *внешних признаков* человека применяется ФЕ *ушкар шинча* бран. ‘коровий глаз’ (о человеке с выпученными глазами) [СМЯ 1991: 91], мотивацией значения которого послужил образ больших коровьих глаз. Однако следует отметить, что результаты ассоциативного эксперимента доказали, что в настоящее время ФЕ обладает и положительной коннотацией, поэтому коровьи глаза ассоциируются с красивой внешностью – *мотор чурыйвылышан* ‘с красивой внешностью’ (1), *ковыра, кугу шинчан айдеме* волж. ‘красивый человек с большими глазами’ (1) и т. д.

Образное основание следующего фразеологизма мотивировано *мифологическими представлениями* носителей марийской лингвокультуры. Мифологическая мотивированность ФЕ *кок йолан пуре* ‘двуногий волк’ прослеживается в его коннотации, что отражается при использовании в контексте: *Кыстынчи вате омса йўкеш помыжалтме гай лиеш. – Опкын! Кок йолан пуре! – манеш* ‘Жена Кыстынчия просыпается от звука двери и говорит: – Изверг! Двуногий волк!’ [Юксерн 1983: 20]. Фразеологизм используется для оценки дикости, злости человека.

Образ *пуре* ‘волка’, по мифическим представлениям мари, является человеком-оборотнем, в которого могли превращаться колдуны, ведьмы и обычные люди. Колдуны и знахари, воплощаясь в волка, приносили вред людям. По верованиям, колдун мог накладывать заклятье на большой или малый срок.

Человек, обращенный в волка, не нападал на скот и людей, избегал настоящих волков, мог испытывать страх от чего-либо [Тойдыбекова 2007: 158].

Значения других ФЕ с компонентом *пире* ‘волк’ мотивированы наблюдениями за данным животным, например, представлением о волке, пьющем кровь жертвы – *вүр йүшө пире* ‘кровососущий волк’: – *Тый мыйым, шочмо ачатым, пий манын мыскылет гынат, ом шыдешке. – Ачам отыл, вүр йүшө пире улат!* ‘– Я не обижусь, если даже оскорбишь, назвав собакой меня, своего родного отца. – Ты не отец, а кровососущий волк!’ [Ялкайн 1958: 201]. Фразеологизм, введенный в данный контекст, позволяет герою выразить свое негативное отношение к собеседнику в коммуникативной ситуации и высказать порицание его вредности и злости.

Свирепый, злой характер оценивается также ФЕ *янлык койыш* ‘животный характер’ [СМЯ 2005: 225]. Его значение мотивировано самоочевидным образом дикого животного, которому приписывается немотивированная агрессивность: *Снегевий: ...А шкендын янлык койыштым шочмо эл верч тыршыме шенгек шылташ тöчымет дене могай намысдыме улметым вик ончыктышыч.* ‘Снегевий: ...Ты сразу показал, насколько ты бесчестный в своем стремлении скрыть свой животный характер за заботой о родине’ [Яндаков 2010: 129].

Образ волка, привыкшего к разным звукам и шуму, отражается фразеологизмом *йүкеш тунемше пире* ‘волк, привыкший к звуку’ (о человеке, на которого не действуют никакие уговоры, угрозы) [МРС 1991: 250]. Он применяется для оценки непоколебимости, неподатливости человека.

Фразеологизм библейского происхождения *шорык коваштым чийыше пире* ‘волк в овечьей шкуре’ (2 примера из контекста) используется для оценки лицемерия других людей: *Чеверласыме годым Элнет тургыжланен мане: – Чузает деч шеклане. Тудо шорык коваштым чийыше пире* ‘Во время прощания, встревожившись, Элнет сказал: – Берегись своего дяди. Он волк в овечьей шкуре’ [Яндак 2007: 75]. В паремиологическом словаре А.Е. Китикова зафиксирована ФЕ

с аналогичным значением, но отличной структурой *пире чонан шорык* ‘овца с волчьей душой’ [Китиков 1991а: 217].

Фразеологизм *пире вўта* ‘волчий хлев’ применяется для оценки очень холодного, неуютного помещения, жилья. Его внутренняя форма основана на метафоризации прототипного словосочетания: *Йогор йўшитө пөрт көргым, кылме окнам первый гана ужшыла ончышто да шўвале: «Пөрт огыл, пире вўта!»* ‘Йогор сделал вид, что впервые увидел холодный дом, замерзшие окна, и плюнул: «Не дом, а волчий хлев!»’ [Грачева 1989: 182].

Мотивация следующего фразеологизма с компонентом *презе* ‘теленки’ основана на представлении о мокром теленке, имеющем очень жалкий вид – *ночко презе* ‘мокрый теленок’ [Грачева 1989: 163]. Фразеологическая единица используется для оценки безвольного, нерешительного или излишне робкого человека (2 примера из контекста) (ср. п. 2.1.1.): – *Ах, ножко презе! Кө тыйын чонетым почын ончалеш? Кольыч вет, – Усов лудын ончыктыш: эре йўын киет, ватетым кырет* ‘– Ах, мокрый теленок! Кто заглянет в твою душу? Слышал ведь, – демонстративно прочитал Усов: постоянно пьешь, бьешь свою жену’ [Александров-Арсак 2008: 72]. Полученное ассоциативное фразеологическое поле данного ФЕ, предложенного в эксперименте, позволило выявить такие характеристики *ночко презе* ‘мокрого теленка’, как *начар* ‘худой, слабый’ (3), *межнеч* ‘неженка’ (3), *самырык* ‘молодой’ (2), «*маминкин сынок*» (на рус. яз.) (2), *нюмырий* ‘нерасторопный’ (1), «*герой огыл*» *рвезе* ‘«не герой»-парень’ (1) и т. д.

Образно-метафорическое основание ФЕ *ава йымал презе* ‘сосунок; слабак, молодой’ (букв. ‘теленки под матерью’) [СМЯ 1999: 320] мотивировано представлением о теленке, сосущем молоко коровы (2 примера из контекста): – *Мыняр тыге кошташ лиеш? Тый – пөръен уждымо ўдыр семын, мый – ава йымал презыла* ‘– Сколько можно так ходить? Ты – как девушка, никогда не видевшая мужчин, я – как сосунок’ [Юксерн 1983: 55]. Следующий фразеологизм *кок вўльын чомаже* ‘сосунок (жеребенок) двух кобылиц’ (в знач. «двойственный; пользующийся выгодой из двух источников») используется в контексте в качестве словесной игры и отсылает к представлению о чем-то небывалом: – *Мо лийын?*

Kö? – **Кок вўлын чомаже!** ‘Что случилось? Кто? – Жеребенок двух кобылиц’ [Сапаев 1979: 304].

Использование ФЕ *ош вўльö (нерген) йомак* ‘сомнительная история; выдумки’ (букв. ‘сказка о белой кобылице’) обусловлено ситуацией общения, где выражается неверие услышанным историям: *Чыла тидым государственный обвинитель шкежат пала, мый дечем удан огыл! Ош вўльö нерген йомакым колыштын, шерже темын* ‘Государственный обвинитель отлично знает об этом не хуже меня! Ему надоело слушать сказки про белую кобылицу’ [Грачева 1989: 172]. В оригинальном тексте сказки повествуется о девушке-сироте, которая выходит в поисках своего счастья. Каждую ночь она останавливается на ночлег у старушек. У первой из них она просит ржаное зернышко, которое обманным путем она обменивает на курицу, курицу – на утку, утку – на гуся, гуся – на барана, барана – на быка, быка – на кобылицу с телегой. В итоге, волк, лиса и медведь, которым девушка встречается в дороге, обманывают ее, съев кобылицу девушки. Та мстит зверям, сталкивая их в яму. Благодаря деньгам, вырученным от продажи шкур этих животных, девушка богатеет [Сказки луговых мари 1992: 48-51].

Наиболее частотным в оценке хитрого человека является фразеологизм *чоя рывыж* ‘хитрая лиса’ (о хитром и льстивом человеке) (4 примера из контекста): *Субедей багатур: Ах, шайтан, чармыж кугыжа, мыйым, чоя рывыжым, ондален керте* ‘Субедей багатур: Ах, шайтан, черемисский царь, меня, хитрого лиса, смог обмануть’ [Яндаков 2010: 125]. Ассоциативное поле данного фразеологизма, предложенного в эксперименте, позволяет выявить актуальные для него объекты номинации и оттенки значений – *чоя айдеме* ‘хитрый человек’ (4), *чоя* ‘хитрый’ (4), *пеш чоя* ‘очень хитрый’ (3), *хитрый* (на рус. яз.) (3), *чоя ен* ‘хитрый человек’ (2), *жулик* (на рус. яз.) и т.д.

При описании пронырливого, лукавого человека применяется фразеологизм *шонго рывыж* ‘старая лиса’ [СМЯ 2001: 96]:– *Кутыраш, ойлаш! Мом? Кузе ныл ший оксалан... кузерак тый тунам... Ых-х, шонго рывыж!* ‘– Поговорить, высказать! Что? Как из-за четырех серебряных... как ты тогда... Ых-х, старый

лис!’ [Юксерн 1978: 198]. Синонимичное значение выражает ФЕ *шонго пырыс* ‘старый кот / кошка’ [Казанцев 1972: 136]. Значения данных ФЕ мотивированы наблюдениями за животными и оценкой их поведения человеком. Встречается и вариативное использование базового компонента ФЕ в текстах художественной литературы: *шонго алаша* ‘старый мерин’, *шонго каза* ‘старый козел’ [Сапаев 1979: 119, 89], *шонго ожо* ‘старый жеребец’ [Шкетан 1990: 55]. В данных случаях акцентируется внимание на хитрости мужчин, которые, к тому же, не оставили своих старых привычек и манер поведения.

Использование субстантивных фразеологизмов, проиллюстрированное примерами из художественной литературы, позволяет заключить, что большинство из них обладает мотивированным значением. Образная основа значительной части фразеологизмов связана с обыденными наблюдениями за окружающей действительностью, традиционными народными промыслами (охота, кустарное производство) и играми. Некоторые ФЕ обладают коннотациями, мотивированными мифологическими представлениями народа мари, а также описывающими ситуации из марийских народных сказок, в чем проявляется их национально-культурная специфика. Ярко выраженной национально-культурной спецификой обладают ФЕ, в составе которых используются компоненты, указывающие на определенные реалии марийской культуры (например, *кўрвал* ‘луб’). Следует отметить, что один и тот же фразеологизм может передавать разные оттенки значений в зависимости от коммуникативной ситуации и намерений говорящего.

2.1.3. Лингвокультурные и семантические характеристики адъективных и адвербиальных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском языке

Адъективные и адвербиальные ФЕ с компонентами-зоонимами в марийском языке составляют незначительное количество (6,7% и 1,7%). По своей структуре они являются некомпаративными и компаративными ФЕ, последние из которых

обладают в своем составе послелогом *гай* ‘как’. При этом первый элемент сравнительного оборота используется в своем прямом основном значении (основание сравнения), а второй – является объектом сравнения, который выполняет усилительную функцию, так как он обозначает степень признака, выраженного первым компонентом ФЕ. Субъектом сравнения выступает переменный элемент, находящийся в тексте [Грачева 1976: 41-51; Казанцев 1972: 129; Кунин 1996: 139]. Встречаются примеры и с отсутствующим основанием сравнения. В таком случае он выделяется в контексте.

Семантика адъективных ФЕ отличается выражением в своем значении характерных свойств человека. Почти все фразеологизмы данного типа передают определенные эталоны, в которых заключается культурная коннотация сравнительных оборотов марийского языка. Их появление связано с естественным природным окружением человека, явления которого часто наделялись человеческими качествами, отразившимися впоследствии в различных мифологических представлениях, верованиях, зафиксированных также в фольклорных текстах. Рассмотрим эталоны, вербализуемые устойчивыми сравнениями в марийском языке.

Оценка внешнего вида человека выражается в использовании устойчивого сравнения, в составе которого встречается компонент *сӱсна* ‘свинья’, выступающий *эталон* *упитанности* – *сӱсна гай коя* ‘жирный, как свинья’: *Кугу мӱшкыр поян, сӱсна гай коя, кужу ӱпан монах, поп кашакын, ... пашазым пызырымшитым чараиш луктын пыштымым кольым* ‘Я слышал, что пузатые богачи, жирные, как свиньи, свора длинноволосых монахов и попов подавляют рабочих’ [Элексеин 1987: 21].

Эталон *злости* предстает *пире* ‘волк’, воспринимающийся человеком, как злое и агрессивное животное: *Кольнам: степыште кресаньык-влакат хутор дене шкет-шкет илат маньт, пире гай осал лийын пытеныт, йорло калыклан пел акым тӱлен ыштыктат, а ынде поят, маньт* ‘Слышал, говорят, что и в степи люди живут хуторами, по одиночке; стали злыми, как волки; выплачивая

беднякам полцены, заставляют их работать, а теперь, говорят, богатеют’ [Ялкайн 1958: 194].

Одно и то же животное может служить в качестве разных эталонов, что зависит от особенности проявления личности человека, подвергающейся оценке, и признаков животного, сопоставляемых со свойствами человека.

Компонент *ўшкыж* ‘бык’ выступает в качестве *эталона упрямства* посредством ФЕ *ўшкыж гай ўскырт* ‘упрямый, как бык’ (вариант – *сўмсыр* ‘упертый, упрямый’): *Ўдыр лиям ыле гын, тыйым шўрынат ом ончал ыле. Ия гай шыде, ўшкыж гай сўмсыр улат* ‘Был бы девушкой, и не посмотрел бы на тебя. Злой, как черт, упрямый, как бык’ [Арбан 1977: 121] и *эталона физического здоровья и силы* через использование ФЕ *ўшкыж гай таза* ‘здоровый (крепкий) как бык’ (2 примера из контекста): – *А молан ўрат? – Але тудо, ўшкыж гай таза пўрўен, пашам ыштен огеш керт?* ‘– А почему удивляешься? – Он же мужчина, здоровый как бык, неужели не может работать?’ [Каткова 1965: 7-8].

Отдельный интерес представляет некомпаративный фразеологизм *меран поч кутыш (наре)* ‘(приблизительно) с заячий хвост’ [Грачева 1989: 144]. Он используется в значении «очень мал, невелик». В контексте художественных произведений ФЕ употребляется с послелогом *гай* ‘как’, вследствие чего приобретает структуру компаративного фразеологизма, посредством которого *меран* ‘заяц’ выступает *эталонм малого количества*: *Вара, меран поч гаят тиал укем шижын, корно ўмбалнысе ик олаште «Лесная» манын серыме кафе тура кудал толын шогале* ‘Потом, почувствовав, что удачи нет и с заячий хвост (букв. ‘(размером) как заячий хвост’), в одном городе по пути своего следования заехал в кафе с надписью «Лесная»’ [Анисимов 2014: 65].

Зооним *меран* ‘заяц’ передает также *эталон худобы*, что отражается в использовании ФЕ *коштымо меран гай* букв. ‘как сушеный заяц’ [Грачева 1989: 116]. Его образное основание мотивировано знанием о сушеном заячьем мясе и выражает оценку крайне худого человека.

Универсальным для многих языков и культур является *эталон хитрости*, который и в марийском языке передается посредством устойчивого сравнения

ривыж гай чоя ‘хитрый, как лиса’: *Метри: Япи Сардайын меран поктышо пийжыла коштеш. Оляйжат шонго ривыж гай чоя, ала-мом эре ванген коштеш.* ‘Метри: Япи ходит за Сардаем, как его гончая собака в погоне за зайцем. И Оляй, хитра, как старая лиса, постоянно что-то выслеживает’ [Шкетан 1990: 75].

С эталоном внешнего сходства сопоставляется *пача* ‘ягненок’ посредством фразеологизма *йыгыр пача гай* ‘как два ягненка-близнеца’ (в знач. «сильно похож (и), точь-в-точь») [Грачева 1989: 83].

Эталоном нерешительности и робости в марийском языке выступает только что родившийся теленок (*презе*), от которого еще не отошел послед: *нулыдымо презе гай* ‘как необлизанный теленок’: *Петя, тый моткочак «йоча» улат. Нимат от умыло. Чылт нулыдымо презе. Кузе тый денет илаш тўналаш?* ‘Петя, ты совсем «ребенок». Ничего не понимаешь. Точно необлизанный теленок. Как начать жить с тобой?’ [Грачева 1989: 164]. Данный зооним включается в состав ФЕ глагольного типа, если в его структуру включается глагол (ср. п. 2.1.2.).

Зафиксированные *адвербиальные фразеологизмы* марийского языка представлены в незначительном количестве. Базовым компонентом ФЕ данного типа выступают наречия, деепричастия и послеложные конструкции.

Фразеологизм *пий поч йымак* ‘псу под хвост’ используется в значении «напрасно, впустую, зря»: *Первый кугу вўдшор мемнан тыршымынам нулал кая! А тыршыме дене пырля... витле-кудло тўжем оксам – пий поч йымак!* ‘Первый паводок уничтожит наши старания! А вместе со стараниями... пятьдесят-шестьдесят тысяч денег – псу под хвост’ [Юксерн 1983: 196].

Мотивационный стимул фразеологизма *маскам лош* ‘медведя пополам, поровну’ (в знач. «совершенно одинаково, поровну; что-л. делать, поделить, распределить и т.д.; все поровну, так, чтобы никому не было обидно») [Барцева 2003: 136] связан с охотой на медведя, когда добычу делят пополам: *Горшков йолташ, кузе манаш ом пале. Но маскам лош ышташ логалеш. Планым тый ямдылет, а мый чогаш келшенам* ‘Товарищ Горшков, как сказать-то, не знаю. Но придется делить медведя пополам. Ты подготовишь план, а я уже согласился строить’ [Грачева 1989: 142-143].

Мотивационным стимулом фразеологизма *йолан имне дене* диал. ‘верхом; на лошади’ (букв. ‘на лошади с ногами’) является представление о наезднике, сидящем на спине лошади, поэтому животное представляется с «человеческими ногами»: *Милиционер йолан имньыште, а мый почешыже ошкедем* ‘Милиционер – верхом, а я иду вслед за ним’ [СМЯ 1992: 104].

Исследуемые зоосемические фразеологизмы адъективного типа отражают определенные свойства, характерные для человека и признаки действий, выполняемых им. Значения большинства рассмотренных ФЕ мотивированы наблюдениями за животными. Прототипными ситуациями, ставшими основой их актуального значения, выступают факты из социально-культурной и экономической жизни марийского этноса.

2.2. Лингвокультурные и семантические характеристики коммуникативных зоосемических фразеологизмов в марийском языке

Коммуникативные ФЕ (КФЕ) марийского языка (49,4%) (в фольклористике – пословицы и поговорки; паремии) составляют самую многочисленную группу среди зоосемических фразеологизмов марийского языка. В настоящее время некоторые ФЕ данного типа используются в усеченном варианте (вследствие эллипсиса) и входят в другие структурно-семантические группы фразеологизмов. Значительная часть из них находится в пассивном фонде языка, поэтому в данном случае рассматриваются фразеологизмы, зафиксированные в словарях и встречающиеся в контексте художественных произведений. Самыми распространенными по использованию компонентами-зоонимами в составе данных ФЕ являются такие названия животных, как *тий* ‘собака’ (22,5% от общего количества ФЕ коммуникативного типа), *пире* ‘волк’ (15,7%), *маска* ‘медведь’ (12,4%), *меран* ‘заяц’ (11,2%), *имне* ‘лошадь’ (10,1%), *шорык* ‘свинья’ (6,7%) и т.д.

Под пословицами (*калыкмут*) в марийском языке понимают краткие изречения с назидательным смыслом, способствующие выражению разных

мыслей и дающие характеристику человеку; в то время как поговорки (*ойсавыртмыш*) не обладают дидактической целью, их значение основано на метафорическом переосмыслении, позволяющем передавать образное описание явлений действительности [Китиков 1981: 5]. К коммуникативным фразеологизмам относятся устойчивые единицы, являющиеся по структуре предложениями. Они выступают как самостоятельные предложения или части сложных предложений. При употреблении в составе сложного предложения форма фразеологизма может изменяться, чаще всего, это относится к видо-временным формам предиката.

Возможность интерпретации культурной коннотации коммуникативных ФЕ марийского языка является довольно сложной. В данном случае должны учитываться значения компонентов, входящих в их состав, их актуальное значение, а также особенности функционирования в контексте использования. В связи с этим фразеологический материал располагается с учетом количественной представленности зафиксированных единиц, объединенных в рамках их семантической близости в номинации явлений окружающей действительности. Среди них выделяются сферы оценки, которые обобщаются в данном разделе.

1. Сфера психической деятельности и эмотивных оценок (37% от ФЕ коммуникативного типа). В данной группе самым частотным по вероятности появления в контексте является фразеологизм *Шем / ош пий кочшыжо, ош / шем пийлан йолаже* ‘Съевший – черный / белый пес, вина вменяется белому / черному’ [Китиков 1981: 67], применяющийся для образной оценки вменения вины (7 примеров из контекста): *Тудын шыде ойжо кызытат класс гыч классыш коштеш: «Намыслалт каргалтише шакше вор!» «Ворым тегыт вочкыш!»... – Шолыштышыжо иктаж шем пий, а йолажым чылан ўмбака сакаледа...* ‘Его злые слова до сих пор ходят из класса в класс: «Опозорившийся проклятый, мерзкий вор!» «Вора в бочку с дегтем!»... – Вор-то какой-нибудь черный пес, а вину всем вменяете...’ [Юксерн 1978: 70]. Сравнение виновного и невиновного происходит посредством противопоставления белой и черной собаки. Ассоциативно-связанные значения данного фразеологизма, выявленные в

результате эксперимента, указывают на наличие живой внутренней формы ФЕ – *иктыже ышта, весе(ылан) логалеш* ‘один совершает, а другому попадает’ (2), *титакым вес енлан кудалташ* ‘скинуть свою вину на другого’ (1), *иктыже пеш сай, а весыже осал* ‘один очень хороший, а другой плохой’ (1) и т.д.

Распускание слухов, клевета на другого человека соотносится с лаем пса, а их бессмысленность – с ветром, что отражается в КФЕ *Пий опта, мардеж нангая* ‘Собака лает, ветер уносит’ [Китиков 1981: 50]: ...«*Ольга плюс Султан... равняется... йӧратат*». Но ни Олю, ни Зосим, тидым колмек, *икте-весе деке йӧкшен огытыл*. «*Тек тӱгатышт йылмыштым: пий опта – мардеж нумалеш*», – *манын Соловьева* ‘...«Ольга плюс Султан... равняется... любят». Но ни Олю, ни Зосим, услышав это, не остыли друг к другу. «Пусть чешут языками: собака лает – ветер уносит», – говорила Соловьева’ [Юксерн 1978: 155].

Презрение, как социальное отвращение к человеку, совершившему недостойный поступок, может переходить в стойкое отрицательное отношение (см. [Ильин 2001: 189]), что выражается в речи посредством КФЕ *Пийын пашаже уке гын, почшым нула* ‘Если собаке нечего делать, она лижет свой хвост’ [Китиков 1981: 67]: –...*Эрге огыл – албаста! – Мончаште маленам, манеш. – Тьфу! Пропашый! Пийлан нимом ышташ гын, почшым нулен кия*‘– ...Не сын, а чертенок! – Говорит, что в бане спал. – Тьфу! Пропаций! Если псине нечего делать, она хвост лижет’ [Сапаев 1979: 95].

Обманчивость внешности и проявляемого человеком поведения оценивается коммуникативными фразеологизмами *Пият пеш коя, да кочкаш ок йӧрӧ* ‘Собака очень жирная, да не годится для съедения’ [Китиков 1991а: 214; Китиков 1981: 67]: – *Чужган Осып гай поянже кум волостыштыжат уке. Яшай поян ен дене родым ыштынеже, – весыже умылтара. – Пийынат шылже коя, да кочкаш ок йӧрӧ, – манеш кумшыжо*‘– Такого богатого, как Чужган Осып нет и в трех волостях. Яшай хочет сродниться с богатым, – поясняет другой. – И у собаки мясо жирное, да кушать не годится, – говорит третий’ [Чавайн 1981: 273].

Фразеологизм *Ӹнгышӧ пий шолып пурлеш* ‘Тихая собака кусает тайно’ [Китиков 1991а: 268] позволяет оценить неожиданное зло, наносимое человеком:

Тыглайже тудо ўнғышышын веле коеш. Но ўнғышö пий шолын пурлеш, маныт. Епремат тугаяк ‘Это он так выглядит тихоней. Но, говорят, тихая собака кусает незаметно. И Епрем такой’ [Лекайн 1987: 436].

Невозможность судить об умственных способностях человека по его внешнему виду отражается в образном сравнении козла с профессором, что передается фразеологизмом *Казат пондашан, да профессор огыл* ‘И козел бородат, да не профессор’ [Китиков 1981: 113]: – *А тый, Иван Петрович, пондашан поп веле туныктен сена мо, шонет? – туныктышо шотан йодышым ваштарешыже тушкалтыш. – Казат пондашан, да пропесыр огыл.* ‘– А ты, Иван Петрович, думаешь, что только бородатый поп сможет научить? – учитель добавил толковый ответ. – И козел бородат да не профессор’ [Сапаев 1979: 46].

Выбор человеком жизненного пути и встречающиеся трудности описываются ФЕ *Вик корнышто пий терыс, кадыр корнышто ўян терке* ‘На прямой дороге – собачий навоз, на кривой дорожке – тарелка с маслом’ [Китиков 1981: 40]: – *...Эй, ойлет-ыс, осал ег шуко ила, сай ег вашке кола. Тидым ме гына огыл, тошто марият шинчен. Молан манат гын, сай ег шуко годым вик корно дене кая, ончет гын, вик корнышто – пий терыс, кадыр корнышто ўян кышал* ‘– ...Эй, говоришь же, злой человек живет долго, добрый рано умирает. Это знали не только мы, но и древние марийцы. Если спросишь, почему, то хороший человек чаще всего по прямой дороге ходит; если посмотришь, то на прямой дороге – собачий навоз, на кривой – кисель с маслом’ [Ялкайн 1958: 46].

Неблагодарность человека за сделанное добро соотносится с укусом собаки: – *Моктанет гын, мокшет шўтла – тудым шинчет, Костя Иваныч?– Теве тылат, а? Мом ойлет! Пийым пеш пукшет гын, шкендым пурлеш, лач тугай улат* ‘– Если будешь хвастаться, то печень треснет – знаешь это, Костя Иваныч? – Вот тебе, на? Что говоришь! Если будешь хорошо кормить собаку, то она тебя же и укусит – ты такой же’ [Ялкайн 1958: 28].

Выражение *Пöлеклыме имньын пўйжым огыт ончо* ‘Дареному коню в зубы не смотрят’ [Китиков 1991а: 223] обнаруживается во многих языках. Мотивация фразеологизма связана с правилами проверки зубов коня при покупке. У старой

лошади зубы бывают стерты. Однако не принято осматривать зубы лошади, когда ее дарят, поэтому данный фразеологизм служит оценкой неблагодарности человека: *Макар: Пöлекше шерге огыл, кумылжо шерге. Аркадий: Пöлеклыме имнын пүйжым огыт ончо* ‘Макар: Подарок не дорог, дорого чувство. Аркадий: Даренному коню в зубы не смотрят’ [Рыбаков 1982: 30].

Коммуникативные фразеологические единицы марийского языка с зоосемическим компонентом используются также для оценки характера человека в его взаимоотношениях с другими людьми, включая возможность воздействия на него. Сдерживаемая, подавляемая агрессия человека выражается ФЕ *Шужен утышо пире, шорыкым ужмеке, тулышкат тöришташ ямде* ‘Голодный волк, увидев овцу, готов и в огонь прыгнуть’ [Китиков 1981: 98]: *Тиде рестан тöра кучызö кашакым мыйын ваитарешак ок тарвате гын? ...Калык кызыт вуянче. Шужен утышо пире, маньт, шорыкым ужмек, тулышкат тöришташ ямде* ‘Этот арестант-начальник не настроит ли свору нищих против меня? ...Народ сейчас скандальный. Говорят, изголодавшийся волк, увидев овцу, и в огонь готов прыгнуть’ [Юксерн 1978: 88]. Мотивация его образного основания связана со знанием о том, что волк способен переносить длительное голодание, а достав добычу, за один раз способен съесть большое количество мяса.

Коммуникативная ФЕ, заимствованная из русского языка (*Человека сто раз назови свиньей, то на сто первый раз он захрюкает*), отображает один из способов психологического воздействия на человека с целью убеждения, который заключается в частом повторении информации, которая направляет его мысли в соответствии с целью инициатора воздействия. При этом, такие повторения создают эффект привыкания, вследствие чего, информация начинает восприниматься истинной [Шейнов 2010: 18-39]. Например, *Мутда дене келшашат лиеш, но иктым мондыман огыл: айдемым лу пачаш сöсна улат, сöсна улат маньн лүмдымек, латикымше ганажлан тудо чынак сöснала йынгысаш тўнгалеш, маньт* ‘С вашими словами можно согласиться, но нельзя забывать одного: говорят, если десять раз назвать человека свиньей, на одиннадцатый раз он захрюкает’ [Юксерн 1978: 52].

Ярким примером использования КФЕ в конфликтной ситуации является применение такого вида воздействия, как заговор. Фразеологизм *Пий шудыш пирылан ок шу* ‘Собачьи проклятья до волка не дойдут’ [Китиков 1991а: 215, 293] употребляется в качестве отвода от себя негативной информации (3 примера из контекста): – ...*Эй, кугу юмо, кугу пүрүшө, чыла тиде шудышым нунылан намиен кучыкто! – Пий шудыш пирылан ок шу! – кычкыралеш Атбаш Вөдыр* ‘– ...Эй, великий бог, великий предопределитель, донеси до них это заклятье! – Собачьи проклятья до волка не дойдут! – крикнул Атбаш Фёдор’ [Лекайн 1987: 194].

Манипуляция, как один из видов воздействия на человека, отражается в значении КФЕ *Пырыслан – модыш, коялан – ойго* ‘Кошке – радость, мышке – горе’ [Китиков 1991а: 229]: – *Тудын деке толынат улмаш? – Вара көн деке? – Чаманенат? – «Пырыслан – модыш, коялан – ойго» манме гай воштылат, аман* ‘– Ты, оказывается, к нему пришла? – Еще к кому? – Пожалела? – Видимо, смеешься, приговаривая: «Кошке – игра, мышке – горе»’ [Сапаев 1979: 112].

Наличие стрессовой ситуации в соперничестве за что-либо, существование вражды между людьми выражается фразеологизмом *Кок маска ик вынемыште огыт иле* ‘Два медведя в одной берлоге не живут’ [Китиков 1991а: 129]:– *Кок маска ик вынемыште огыт иле, маныт ыле, лачак ала-мо. Мыйын эрге-шамыч лач туге лийыныт* ‘– Говорили, два медведя в одной берлоге не уживаются, точно так и есть, видимо. С моими сыновьями так и было’ [Орай 1978: 212].

Вражда, нетерпение между людьми оцениваются также на основании противопоставления волка и овцы посредством употребления КФЕ *Пире ден шорык тан (родо) огытыл* ‘Волк и овца не друзья (сородичи)’ [Китиков 1981: 67]: *Йылдавий: Пире ден шорык кунам келишат, кугыза!.. Мо тудо погынам йўын-кочкын кода, да йөра... руш вет рушак... Токтар: Парня ден парнят төр огыл, руш ден рушат!..* ‘Йылдавий: Когда волк и овца сдружатся, дедушка!.. Он выпьет, съест все наши припасы, и все... русский есть русский... Токтар: Палец с пальцем не равны, русский с русским тоже!..’ [Коршунов 1989: 227].

Непослушание, своеволие человека сопоставляются с поведением лошади: – *Уке, ватыжат ынде тудын мутшым ок колышт. Имне өрда гын, озажым чума,*

маньт ‘– Нет, и жена больше не слушается его. Говорят, если лошадь растолстеет, то будет лягать хозяина’ [Сапаев 1979: 181].

Рекомендация остерегаться опасности при достижении своей цели актуализируются КФЕ с компонентом *пире* ‘волк’: *Осал деч утлаиш маньн, пире умшаиш вуйым огыт пыште* ‘Голову не кладут в пасть волка, чтобы избежать опасности’ [Китиков 1991а: 199]: *А турок падышах кидыи пернаиш аллах ынже пүрө!.. Осал деч утлаиш маньн, пире умшаиш вуем пыштыме ок шу!* ‘Пусть бог не позволит попасть в руки турецких падишахов!.. Чтобы избежать опасности, не хочется класть голову в пасть волка!’ [Элексейн 1987:243].

Коммуникативный фразеологизм *Пире деч лүдат – чодыраиш ит миебукв.* ‘Боишься волков – не ходи в лес’ [Ибатов 1960: 44] позволяет передать пожелание не предпринимать никаких действий при неуверенности или тревоге в реализации задуманного:... *Ну, Салик, каласе-я, таче дискотекеши каена, уке? От лүд? – Пире деч лүдаиш гын, чодыраиш коитман огыл, – Салик кенета калыкмут дене ваетыиш* ‘...Ну, Салик, скажи-ка, сегодня идем на дискотеку, нет? Не боишься? – Если волка бояться, то в лес ходить не следует, – внезапно ответил пословицей Салик’ [Илибаева 2010: 567].

Глупость, отсутствие выдающихся умственных способностей оцениваются КФЕ *Ушыжым ушкал кочкын* ‘Его ум съела корова’ [Китиков 1981: 82, 86]: – *Тыйын мариет дене келшаиш мыйын ушем уке шонышыч мо? – Ушетшым ушкал кочкын, маньт!* ‘– Вы подумали, что я совсем с ума сошла, чтобы встречаться с вашим мужем? – Говорят, твой разум корова съела!’ [Лекайн 1987: 449].

Противопоставление умного и глупого мужчины в народном представлении передается фразеологизмом *Ушан ег имньыжым мокта, исер – куважым* ‘Умный человек хвалит свою лошадь, безрассудный – жену’ [Китиков 1981: 86]: *Марийжак нүшкө косор гай тўен пытарыи, шўргывылышыже, чылт энгыремышвотла койын, жап деч ончычак куптырген пытыи. Молан Йыванлан моторжо? Калык манмыла, ушан ег имньыжым мокта, исер ег – куважым. Йыванлан пашазе ўдырамаиш кўлын* ‘Муж испортил ее, как тупой косарь; ее лицо, похожее на паутину, сморщилось раньше времени. Для чего Йывану

красавица? Как говорят в народе, умный хвалит свою лошадь, безрассудный человек – жену. Йывану нужна была работающая женщина’ [Сапаев 1979: 75]. Данный фразеологизм отражает также понятие о первостепенности мужчины и ненадежности женщины [Saarinen 1992: 145-147]. В связи с этим контекстуальное использование данной устойчивой единицы передает представление о том, что не следует хвастаться внешними качествами своей жены, так как в небогатой семье в первую очередь ценится способность женщины к выполнению разных видов трудовой деятельности.

Преувеличение значимости чего-либо отражается в использовании КФЕ *Карме гыч ўшкыжым пуал оварта (луктеш)* ‘Из мухи выдувает (делает) быка’ [Китиков 1991а: 118], в котором компонент *ўшкыж* ‘бык’ подвергается замене при актуализации фразеологизма в контексте: *Колхоз вуйлатышым титаклаш пеш йёнан. Манмыла, карме гыч слоным ышташ лиеш* ‘Очень удобно обвинять председателя колхоза. Как говорится, можно сделать из мухи слона’ [Сапаев 1979: 266].

В некоторых случаях выражается оценка более абстрактного характера. Возможность совершения ошибок человеком в какой-либо ситуации, как объективно сложившейся совокупности обстоятельств, оценивается в связи с имеющимися у него потребностями и целями. Такая оценка складывающейся для него обстановки зависит от текущих обстоятельств, которые мешают в достижении какой-либо цели (см. [Ильин 2001: 36]): *Кажне кудышто тул йёрташ кўлишö ўзгар-влакат улыт да вўдат вочкыштышт тўржö дене тёр темыме шинча. Имне ныл йолан гынат, шўртня* ‘В каждом доме есть инструменты для тушения пожара и вода в бочках наполнена до краев. Лошадь на четырех ногах, и то спотыкается’ [Юзыкайн 1979: 397].

Противопоставление добра, как центральной категории морали, его антиценности злу выражается в значении КФЕ *Чодыра уло гын, маскажат уло* ‘Если есть лес, есть и медведь (волк)’ [Китиков 1991а: 273]: *Тидымат каласыде ок лий: чодыра уло гын, маскат уло манмыла, поянлык улмо годым ворт лектеш*

‘Нельзя не отметить и следующее: если есть лес, есть и медведь, когда есть богатство, и вор найдется’ [Ялкайн 1958: 48-49].

Идея о невозможности искоренить зло передается КФЕ *Ик пирым пуштат гын, весе кодеш* ‘Если убьешь одного волка, другой останется’ [Китиков 1991а: 73], которая используется в значении «со смещением одного, весь мир не изменишь» по отношению к людям, приносящим зло другим: –...*А ме Масоным сорвно кошартена. Коремеш. – Тидыже чылт уто, – пенгыдын каласыш Зорин. – Ик пирым пуштат – весе кодеш* ‘–...А мы все равно погубим Масона. В овраге. – Это уж совсем лишнее, – жестко сказал Зорин. – Убьешь одного волка – другой останется’ [Лекайн 1987: 48].

2. Социально-трудовые и родственные отношения человека (31,5%).

Утрата материальной собственности, близких людей, психологической выгоды сопоставляется с потерей коровы, что иллюстрируется коммуникативным фразеологизмом *Колышо ушкал – шöран* ‘Павшая (букв. ‘умершая’) корова всегда молочная’ [Китиков 2004: 5] (2 примера из контекста): *Вич ий лиеш, шкет ила. «Колышо ушкал шöран», – маныт. Илымыж годым куважлан чүчкыдын мушкыndo логалын* ‘Пять лет будет, как один живет. Говорят: «Павшая корова молочная». Несмотря на то, что при жизни его жене часто попадались кулаки’ [Элексейн 1987: 56]. Ассоциативное фразеологическое поле данного коммуникативного фразеологизма доказывает его семантическую мотивированность, отражающуюся в результатах эксперимента – *йомдарыме* ‘потерянное’ (1), *колымеке веле шотлаш* ‘ценить только после смерти’ (1), *колышо ен эре сай* ‘умерший человек всегда хороший’, *колышо-шамычым йöратат* ‘испытывают любовь к умершим’ (1), *сай айдеме* ‘хороший человек’ (1), *чылалан öпкельмаш* ‘сожалеть обо всем’ (1), *эртыше* ‘прошлое’ (1) и т. д.

Надежда на лучшее или благополучный выход из рискованного, трудного положения дел образно оценивается заимствованной из русского языка КФЕ *Юмо ок пу гын, сöсна ок коч* ‘Если бог не даст, свинья не съест’ [Китиков 1991а: 312]. Рассмотрим семантическую актуализацию данной ФЕ в контексте: *Тыгай ик нурышто, уржа озым коклаште, Илюш ден Ваньки йўын шинчылтыт. Куаненыт:*

Яран гыч ныл ула дене арака толеш! – Посана, илена-а! Юмо ок пу гын, сӧсна ок коч! ‘В одном из таких полей, среди всходов, сидели, пили Илюш и Ваньки. Обрадовались: на четырех подводах едет водка из Яранска! – Свояк, живе-е-ем! Если бог не даст, свинья не съест!’ [Сапаев 1979: 224]. В данном примере реализуется переносное значение компонента-зоонима в составе фразеологизма – *сӧсна* ‘свинья’ указывает на участников коммуникативной ситуации, которые ведут праздный образ жизни.

Указание на работу, с которой справится любой человек, передается КФЕ *Шотшо толмо годым ушкыжат пашам ӧрга* ‘При случае и бык работу забодает’ [Китиков 1991а: 293] (2 примера из контекста): *Түредме пашам ушкыжат ӧрга. Мый түредын кечеш 25-30 ырашым ыштем, вес пашаш каем гын, кечеш тенгем, тенгеат пелым налам*» ‘Сенокос и бык забодает. Я на сенокосе делаю 20-30 копеек в день, если иду на другую работу, получаю полтора-два рубля в день’ [Элексейн 1987: 95].

Спешка в делах оценивается как не приносящая должных результатов: – *Уверым йодеш. Пеш вашке ыштыктынет, – Сидоров дене келшыдымын, Азиев сангажым куптыртыш. – Пырысат вашкен игым ышта, да сокыр шочеш* ‘– Спрашивает новости. Очень быстро хочешь заставить сделать. – Не соглашаясь с Сидоровым, Азиев нахмурил брови. – Кошка быстро окотится, да котята слепыми рождаются’ [Сапаев 1979: 249].

Спешка в работе оценивается также ФЕ *Имне деч ончыч омытам (шӧрмычым) огыт нал* ‘До покупки лошади хомут (узду) не берут’ [Китиков 1991а: 83]: *А кызыт вигак тракторым йодын шогылтат. Тый мо **имне деч ончыч омытам налнет?** ...Первьяк имне верч тыршаш кулеш, вара омытажат лиеш* ‘А сейчас сразу трактор выпрашиваешь. Ты, что, хочешь раньше лошади хомут купить? ...Сначала надо потрудиться ради нее, потом и хомут будет’ [Сапаев 1979: 45].

Рекомендация о разумном распределении рабочей нагрузки на одного человека вербализуется коммуникативным фразеологизмом *Ик имньылан кок омытам огыт чикте* ‘На одну лошадь двух хомутов не надевают’ [МРС 1991:

222]. Часто в речи он используется в сокращенной форме (со структурой глагольной ФЕ) с заменой компонента *ик имньылан* ‘одной лошади’ на контекстуально-значимые, актуальные для речевой ситуации компоненты: ***Тыгай енлан кокомытам нигö огеи чикте, тудо шкежак пашам пугырак кычалеи. Альбиналан аваже лач тыгайла коеи*** ‘На такого человека никто два хомута надевать не будет, он сам быстрее работу найдет. Альбине мать такой и кажется’ [Грачева 1989: 108-109].

Осуждение хвастовства о преждевременных успехах в делах основано на прототипической ситуации, связанной с охотой на медведя:– *Маскажым кучыде (лүйыде), коваштыжым ит ньыкт* ‘Не поймав (застрелив) медведя, шкуру не сдирай’ [Китиков 1991: 171]) (2 примера из контекста): – *Сомылым тёрлатымеке, тый шке пашадарет налат, да мыйым мөнгеш ужалтарет. ...Маскам лүйымö деч ончыч пайлаш огына тўнал* ‘– Когда сделаешь свои дела, ты получишь свою зарплату, и проведешь меня обратно. ...Не будем делить медведя до того, как пристрелим его’ [Попов-Чэмэшэр 2012: 84].

Упущенная возможность, потеря чего-либо оцениваются как безвозвратные посредством использования КФЕ *Пий умшаи логалмеке, мөнгеш шупшыи от нал* ‘Что попало в пасть собаки, обратно не заберешь’ [Китиков 1991а: 215]. В рассмотренном контексте использования компонент-зооним *пий* ‘собака’ заменяется на *пырыс* ‘кошка’: *Маршан. ...Юмо гына тудым аралыже ыле. Утлыжо ыле манын, мыят шонем, но мо пырыс умшаи логалын, тудым шупшыи налын от керт* ‘Маршан. ...Пусть его Бог сбережет. И я думаю, чтоб он освободился, но что попало в кошачью пасть, то обратно не заберешь’ [Яндак 2010: 128].

Коммуникативный фразеологизм *Волжо лиеш гын, сөснаже лектеш* ‘Будет корыто, и свиньи найдутся’ [Китиков 1991а: 36] используется для оценки проявления корысти; людей, наживающихся на других, любящих все готовое: *Тоймет: Пура көчага дене шогылеи. Папка кува: Пайремлан ямдылалтеш. Уна-влакым вуча? Тоймет: Волжо лиеш гын, сөснажат лийыт* ‘Тоймет: Стоит у

корчаги²⁷. Старуха Папка: Готовится к празднику. Ждет гостей? Тоймет: Будет корыто, и свиньи найдутся' [Арбан 1977: 127].

Отсутствие практической пользы от чего-, кого-либо выражается КФЕ, заимствованной из русского языка, *Проку (толку, пользы), как от козла молока: – Мыланна нунын мынярын улмышит да сар-куралышит нерген пален налаш уто огыл. Шукерте огыл ик поным кондышна. Тудын деч пайдаже – узо казан шөржө наре. Адакие идейный – нимат ок ойло* ‘– Нам не будет лишним узнать, сколько их и сколько у них оружия. Недавно привели одного попа. От него пользы, как от козла молока. Еще и идейный – ничего не говорит’ [Попов-Чэмэшэр 2012: 53].

Оценка невнимательности, излишней экономии денег, приводящие к покупке некачественного товара, передается КФЕ *Шулдо каза кум йолан ‘У дешевой козы три ноги’* [Китиков 1991а: 300]: – *Илюш, мом шогет? – курык вуй гыч кычкырат. – Шелше кокырым!.. – Пеш шулдо улатыс! – Шулдо каза кум йолан* ‘– Илюш. Сколько стоишь?.. – Ломаный грош!.. – Ты уж слишком дешевый! – У дешевой козы три ноги’ [Сапаев 1979: 63]. В данном случае значение фразеологизма переигрывается в шуточной форме посредством использования в контексте омонимов *шогаш* ‘стоять’ и *шогаш* ‘стоять’.

В марийских художественных произведениях часто оценивается семейное и материальное положение человека посредством введения в контекст коммуникативных ФЕ. Например, нелегкая жизнь осиротевших и овдовевших описывается посредством КФЕ с компонентом *ний* ‘собака’, которые передают степень испытываемых страданий и жизненных проблем, выпадающих на их долю (*Тулык йоча ний чытымым чыта, маныт*. ‘Говорят, сирота терпит то, что выносит собака’ [Элексеин 1987: 248]) и их неприятие обществом (*Тулык энгым пият почшо дене луншалеш, манеш калык. Павыл ватынат лач тугак лийын* ‘«Осиротевшего человека и собака бьет хвостом», – говорят в народе. С женой Павла так и случилось’ [Каткова 1965: 8]).

²⁷ Большой глиняный горшок.

Значения следующих КФЕ мотивированы мифологическими представлениями марийского народа. Нелегкая доля женщины отражается в образном основании ФЕ *Ўдырамашын пиалжым пий кочкын* ‘Женское счастье собака съела’ [Китиков 1991а: 73]: *Пёръенгын пиалже уло, а ўдырамашыным пий кочкын, маныт* ‘Говорят, у мужчины есть счастье, а у женщины его съела собака’ [Сапаев 1979: 77]. Во фразеологизме заложена культурно-значимая информация, выраженная в предании о конце Золотого века. Во времена этого века люди собирали невиданный урожай, не знали голода и нищеты, до неба можно было достать рукой, а боги жили на верхушках деревьев. В марийском предании небрежность женщины была наказана отдалением неба от земли. Женщина оскорбила Юмо ‘Бога’ тем, что подтерла своего младенца хлебом или, по другой из версий, запихнула ребенка в грязных пеленках прямо в небо. После этого оно с грохотом отдалялось от земли. *Мланде-ава* ‘Мать-земля’ поглотила неопрятную женщину. Разозлившийся бог решил лишить людей хлеба, но взмолившаяся собака, попросила оставить ей кусок хлеба, чем смягчила негодование Юмо. Поэтому сейчас люди получают скудные урожаи хлеба [Марийский фольклор 1991: 51–52; Марийцы 2005: 219; Петрухин 2005: 264–265].

Оценка судьбы незамужней девушки отражается в коннотации КФЕ, мотивированной мифологическим представлением о медведе. К примеру, коммуникативный фразеологизм *Жап шуэи гын, ўдыр чодыра маскаланат марлан кая* ‘Придет время, девушка и за лесного медведя замуж выйдет’ отражает временные периоды ее жизни : *Проска: Шоналте, эргым. Пелшыр ўдыр мемнан ешлык огыл. Тудо кугун тунемше... Осяндр: ...«Жап шуэи гын, ўдыр маскаланат марлан кая»*, *маныт*. ‘Проска: Подумай, сынок. Девушка-фельдшер не для нашей семьи. Она хорошо образованная... Осяндр:...Говорят: «Придет время, девушка и за лесного медведя замуж выйдет»’ [Волков 1968: 74] .

Самопожертвование, ограничения, претерпеваемые родителями ради благополучия детей, отражаются в использовании КФЕ *Чомаже кочмо годым аваже ийым нуленат темеш* ‘Когда жеребенок ест, мать наедается, и лед облизывая’ [Китиков 1981: 91]: *Тамле йўд омыжыMAT тудо икшывылан верч*

монда, пултыш киндыжымат пурлде кода, вет, калык манмыла, чомаже улмо годым аваже ийым нуленат темеш ‘Она забывает и про приятный ночной сон, и кусок хлеба не доедает, ведь, как говорится в народе, когда жеребенок ест, мать наедается, даже лед облизывая’ [Сапаев 1979: 92].

Разница в материальном положении богатых и бедных отражается посредством коммуникативной ФЕ *Поянын вўта тич вольык, незерын – пўрт кўргў икшыве* ‘У богатого хлев полон скотины, у бедняка дом полон детьми’ [Китиков 1981: 69]: *Пўртыштў йоча-влак, ег пурымым ужын, кў куш мошта, тушко куржын пытышт...* *Калык манмыла, поянын – вўта тич вольык, незерын – пўрт кўргў икшыве* ‘Дети в доме, увидев, что заходит человек, попрятались, кто куда успел.... Как говорят в народе, у богатого хлев полон скотины, у бедняка дом полон детьми’ [Сапаев 1979: 118].

3. Характер человека (22,5%). Коммуникативные фразеологические единицы марийского языка, использующиеся для оценки черт характера как относительно постоянных психических свойств, определяют особенности отношений и поведения человека в обществе. Степень выраженности данных качеств оценивается на основании сопоставления человека с животными. Например, его разносторонний характер соотносят с пятнистым окрасом коровы: *Кў мом шона, палаш йўсў. Калык манмыла, ушкал тўжсвач ола, айдеме – кўргў гыч* ‘Трудно узнать, кто, что думает. Как говорится в народе, корова пестра снаружи, человек – изнутри’ [Сапаев 1979: 45].

Проявление характера человека в форме лени передается КФЕ *Паша пуре огыл, чодыраш ок кудал* ‘Работа – не волк, в лес не убежит’ [Китиков 1991а: 207]: – *Нуным пашаш кычкыман ыле. Паша айдемым нигунам локтылын огыл. Мўнгешла, айдемым гына ыштен, – Пагул Эчан шонымыжым тура каласыш. – Паша пуре огыл* ‘– Их надо было запрячь на работу. Работа никогда никого не портила. Наоборот, только человека из людей делала, – прямо высказал свои мысли Пагул Эчан. – Работа не волк’ [Илибаева 2010: 571]. Необходимость преодоления лени описывается ФЕ *Пырым йолжсо пукша* ‘Волка ноги кормят’ [Китиков 1981: 67; Китиков 2004: 71]: –...*Пырым йолжсо пукша, маныт. Тулык*

йочат шке шотшио дене туддеч пешыжак ойырлен огыл: тудат кочкышым пирылак кычал орлана ‘...Говорят, волка ноги кормят. И сиротка не отходила от него: и она ходит и страдает, как волк в поисках еды’ [Юксерн 1978: 35].

Чувство уверенности в себе при ощущении человеком своего личного пространства отражается посредством использования ФЕ *Капка йымал пият шке пыжашыштыже ырла* ‘И дворняжка (букв. ‘собака под воротами’) лает в своей будке’ [Китиков 1991а: 118]: – *Лек! Кает-уке?! – Капка йымал пият шке пыжашыштыже ырла. Ха-ха-ха! Тый мыйым лукнет?* ‘– Выходи! Уйдешь-нет?! – И дворняжка лает в своей будке. Ха-ха-ха! Ты хочешь меня выгнать!’ [Сапаев 1979: 91].

Отсутствие способности оценивать собственные недостатки сравнивается с поведением свиньи, что иллюстрируется контекстуальным использованием КФЕ: *«Лиеш» манмым вучыдеак, пундыш үмбаке шинчеш. – Сита, үмбакем маскала ит ончо. Пошкудо улына. Ончыкшо мыланна адак пырля илаш... «Чын ойлат: сӧсна шке пӱгыржым ок уж»* ‘– Не дождавшись разрешения, садится на пенек. – Хватит. Не смотри на меня, как медведь. Мы соседи. В будущем нам и дальше вместе жить... «Правду говорят: Свинья не видит своего горба»’ [Юксерн 1978: 171].

Уязвимость, ограниченность способностей и силы человека, выражается фразеологизмом *Маска вяян, да тудымат кучат* ‘Медведь хоть и силен, да и его ловят’ [Китиков 1981: 51]: – *Лудынат? Эх, тый, лапка чонан лийынат, Григорий Ефимыч! Маска вяян, да тудымат кучат.* ‘– Испугался? Эх, ты, Григорий Ефимыч, твоя душа стала приземленной! Медведь силен, да и его ловят’ [Сапаев 1979: 83].

Выполнение работы по мере возможностей и способностей человека отражается в ФЕ *Маскат моштымыж семын кушта* ‘И медведь танцует, как умеет’: *Ала ончыкшым колхозшат озадыме күтүла шаланен кая? Тудо вет вольыкым веле поктыл тунемын. ...Айда ынде тек айдеме күтүчӧ лийже. Шогылт ончыжо, вет маскат моштымыж семын кушта* ‘Может, в будущем и колхоз распадется, как стадо без хозяина? Ведь он привык лишь скотину гонять.

...Айда, пусть теперь будет пастухом для людей. Пусть попробует, ведь и медведь танцует, как умеет' [Сапаев 1979: 126]. Образное основание ФЕ мотивировано представлением о скоморохах и цыганах, показывавших на своих представлениях танцующих медведей (ср. п. 2.1.1.).

Бестолковый, неприемлемый для других, неуживчивый характер человека образно сопоставляется с несъедобной и для собаки или свиньи пищей – *Койышыжым пият (сӧснат) ок коч* 'Его (ее) характер и собака не съест' [Китиков, 1981: 37]: – *Айдеме огыл, албаста улат. Кунар кушкат, тунар мут колыштдымо лият. Койышетым пий ок коч* '– Ты не человек, а дьявол. Сколько вырастешь, настолько непослушным становишься. Твой характер и собака не съест' [Сапаев 1979: 96].

Обманчивость человека сравнивается с поведением собаки, что отражается в переигрывании в контексте значения и структуры КФЕ *Пий ок ондале, ен ондала* 'Собака не лжет, лжет человек' [Китиков 1981: 66]: *Карачи: Акпарсын вийже могай? Тумет: Уло курык марий. Карачи: Ондалет. Тумет: Пий ондала* 'Карачи: Каковы силы Акпарса? Тумет: Все горные марийцы. Карачи: Лжешь. Тумет: Собака лжет' [Арбан 1977: 213].

Стремление угодить, достичь компромисса в отношениях передается фразеологизмом *Пирьжат темже, шорыкишат ылыше кодышо* 'Чтоб и волки были сыты, и овцы живы' [Китиков, 1981: 67] (3 примера из контекста): – *А-а, тый шорыкшымат тичмаш кодынет, да пирьжат темше лийже, шонет? Мыйымат, Аркашымат окмакеш ужын, коклаштына ала почетым гына пӱтыркалет, а?!* '– А-а, ты хочешь и овцу целой оставить, да и волка насытить? И меня, и Аркаша, считая за дураков, может быть, лишь хвостом вертишь между нами, а?!' [Илибаева 2010: 471].

Упрямство человека сравнивается с поведением лошади и описывается как черта, которую необходимо обуздать в процессе работы: – *Олю, кожмакрак тарваныл! Пакма имнылан сола возеи* '– Олю, двигайся шустрее! Вялой лошади кнут попадается' [Юксерн 1978: 41].

Рекомендация не доверять ненадежному человеку в чем-либо выражается КФЕ *Казам ковышта оролаш огыт шогалте* ‘Козла не ставят сторожить огород’ [Китиков 1991а: 113; Китиков 2004: 49]: *Шкем кучен, сорлыклен моштыман. Айда-лийже койыш йоратымашын ойыртемеже огыл... Ковышта оролаш казам огыт кодо* ‘Надо уметь, держать себя в руках, управлять собой. Такое-сякое поведение – не отличительная черта любви... Козла капусту сторожить не ставят’ [Сапаев 1979: 322].

4. Формы существования бытия (6,7%):

А. Время. В выделенной группе рассматриваются КФЕ, указывающие на темпоральные характеристики окружающей действительности. Например, *Меран тупышко шинчын вола* ‘Спускается (проходит) на спине зайца’ (о времени, жизни, дне и т.д.): *Кече меран тупышко шинчын волаш тўнгалын гынат, игече тугаяк лўп-лўп* ‘Несмотря на то, что солнце начало спускаться на спине зайца, погода такая же душная’; *Телым кечывал деч вара кече меран тупеш шинчын вола, маныт* ‘Говорят, зимой после полудня солнце спускается на спине зайца’ [Грачева 1989: 144]).

В древности заяц у луговых мари считался жертвенным животным, он олицетворял легкость тела и быстроту движений [Степанова 2005: 173].

Образно-метафорическое основание фразеологизма *меран поч кушмеке* ‘когда заячий хвост вырастет’ (ср. рус. *когда рак на горе свистнет*) позволяет указать на неопределенное время в будущем и выражает значение «когда-либо, неизвестно когда или никогда»: – *Кунам пөлекетым пуэт? – Меран поч кушмеке* ‘– Когда свой подарок отдашь? – Когда заячий хвост вырастет’ [Грачева 1989: 144]. Одним из психологических препятствий для человека в достижении его целей выступают постоянные размышления о прошлом, что представляется напрасным действием и сравнивается с собакой, гонящейся за собственным хвостом: *Анай: ...Фотонам ончал, тошто мурынам муралте. Илика: Тоштым шарнаш – тиде почшым поктышо пий гай пөрдаш* ‘Анай: ...Посмотри на наше фото, затяни нашу старую песню. Илика: Вспоминать прошлое – это крутиться, как собака, гонящаяся за своим хвостом’ [Никитин 2012: 97].

Б. Пространство. Отдельные ФЕ применяются для характеристики природных явлений, к числу которых относится фразеологизм *Маска ўдырым налеш* ‘Медведь женится’ (о мелком дожде в солнечный день), который довольно часто используется в речи носителей марийского языка: *Күшнӧ кече шыргыжеш, кодшо пыл гыч йӱр лыжса. Маска ўдырым налеш* ‘Высоко светит солнце, дождик капает с остатков туч. Медведь женится’ [Грачева 1989: 142]. Ассоциативное фразеологическое поле данного ФЕ указывает на объекты его номинации: *йӱр йӱреш* ‘идет дождь’ (14), *кече онча, йӱр йӱреш* ‘светит солнце, идет дождь’ (3), *кечан игечыште йӱр йӱреш* ‘в солнечную погоду идет дождь’ (1) и т.д.

В. Движение. Единичный случай использования составляет фразеологизм *Шым пий денат от му* ‘И с семью собаками не найдешь’ [Грачева 1989: 142], который указывает на интенсивность поисков чего-либо.

5. Физиологическое состояние организма (2,3%). Фразеологизмы данной группы указывают на врожденные свойства человека. Например, отсутствие музыкального слуха, фальшивого пения выражается фразеологизмом-калькой из русского языка *Пылышым маска тошкалын* ‘Медведь на ухо наступил’, образное основание которого мотивировано представлением о неповоротливости медведя и большом размере его тела, так что если животное наступит на кого-либо, то получения травм не избежать [БФСРЯ 2006: 374]: *Шокташ тунемаш пешак толашыш, но шот ыш лек. Калык манмыла, пылышыжым маска тошкалын, векат* ‘Очень старался научиться играть, но толка не вышло, медведь на ухо наступил, наверное’ [Илибаева 2010: 23].

Для указания на *внешний вид* человека в речи носителей марийского языка используется КФЕ *Презе нулалын* ‘Теленок лизнул’, который применяется для образной характеристики волос человека, которые растут в другом направлении и торчат в разные стороны. Мотивация значения ФЕ связана с реальным образом животных (быка, коровы, теленка), у которых волосы, шерсть на вихре от природы образуют своеобразный круговорот.

Фразеологизмы, входящие в выделенные группировки, семантически взаимосвязаны между собой, оттенки их значений описывают разные явления

окружающей действительности, воспринимаемые человеком. Определенные трудности составляет идеографическая классификация всех ФЕ данного типа, что связано с возможностью разной интерпретации их семантики. Коммуникативные фразеологизмы данной группы отражают фрагменты национальной картины мира народа мари, выраженные в понятиях о праве на жизнь, труд, закрепившиеся морально-нравственные понятия, устои и представления об окружающем мире (см. далее в п. 4.3).

Сфера социально-трудовых и родственных отношений отражается в оценке разных проявлений человека. К примеру, возможность утраты материальной собственности или близких людей связывается с неумением сберечь обладаемое. Трудовая деятельность считается несостоятельной из-за спешки в делах, попыток достичь двух разных целей, неумения разумно распределять рабочую нагрузку на одного человека, хвастовства о преждевременных успехах. Проявление трудолюбия и желания улучшить свое благосостояние выражается в стремлении заработать деньги при любой возможности. Согласно исследуемому материалу, излишняя экономия денег, скупость человека ведут к покупке дешевого и некачественного товара. Отдельное внимание уделяется определению нелегкой участи осиротевших и овдовевших; описывается тяжелая судьба женщины и положение незамужней девушки. Основополагающим принципом в поддержании семьи предстает забота о детях, защита своего дома, осознание ценности домашних животных в хозяйстве. В связи с этим объясняется разница в материальном положении богатых и бедных.

Сфера психической деятельности и эмотивных оценок, предполагающая порицание нарушения морально-нравственных норм, этических пороков, эмоций и чувств, охватывает целый ряд понятий.

Наиболее осуждаемым, согласно контексту, является вменение вины. Распускание слухов, клевета на другого человека, пустословие также подвергаются отрицательной оценке. Презрение проявляется в отвращении к человеку, совершившему плохой поступок. Восприятие внешних признаков и поведения нередко выступают как недостоверные, обманчивые в оценке реальной

сущности человека. Выбор жизненного пути сопоставляется с видами трудностей, появляющихся вследствие сделанного выбора. Неблагодарность человека за сделанное добро также оценивается как его отрицательная черта. Сдерживаемая, подавляемая агрессия, психологическое воздействие на других, манипуляция, вражда и нетерпение, соперничество, непослушание и своеволие выступают как виды взаимодействия между людьми. В проблемных ситуациях рекомендуется не отступать перед возникающими трудностями. Глупость, хитрость, пронириливость, преувеличение значимости чего-либо оцениваются как отрицательные качества личности. При этом не исключается возможность совершения ошибок человеком в какой-либо области. Ощущение страха определяется фразеологизмами данного типа как проявление сильных переживаний, приносящих внутренний дискомфорт. В коммуникативных фразеологизмах с зоонимами проявляется и противопоставление добра и зла как центральных категорий морали.

При определении *характера человека* указывается на разносторонние качества; отличие во мнениях по сравнению с другими людьми; индивидуальные свойства, характерные для каждого члена социума. Лень как черта характера выступает отрицательным проявлением человека. Отмечается, что человек чувствует себя уверенно при ощущении своего личного пространства и наличии территории проживания. Отсутствие способности оценивать собственные недостатки; бестолковый, неприемлемый для других, неуживчивый характер человека; его лживость; стремление угодить всем, достичь компромисса в отношениях; упрямство оцениваются как нежелательные для жизни в социуме. Однако посредством КФЕ отмечается, что человек может быть уязвим, ограничен в способностях и силе и т.д. Единичные случаи использования составляют КФЕ, характеризующие *формы существования матери, внешнего вида и физиологического состояния* организма человека.

Источниками коннотации анализируемых КФЕ являются наблюдения за внешним миром и жизнедеятельностью человека, а также мифологические и религиозные представления носителей марийской лингвокультуры.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Проанализированные зоосемические фразеологизмы марийского языка, представленные номинативными и коммуникативными структурно-семантическими типами, отражают целый ряд явлений окружающей действительности.

Наиболее частотными по вероятности появления в составе марийских фразеологизмов являются зоонимы *пий* 'собака / пес' (22%), *меран* 'заяц' (13,3%), *пире* 'волк' (11,7%), *маска* 'медведь' (10%), *шорык* 'овца' (6,7%), *имне* 'лошадь' (6%), *сӱсна* 'свинья' (5,6%) и *пырыс* 'кошка' (5%). Зоосемизмы включаются в состав марийских ФЕ в своих прямых или переносных значениях. При контекстуальном использовании компоненты-зоонимы могут заменяться другими, что не влияет на изменение актуального значения устойчивых единиц.

Номинативные ФЕ указывают на определенные «лица» и «не-лица», действия и состояния человека, а также на отдельные признаки, присущие, как человеку, так и объектам внешнего мира. Рассмотренные *глагольные фразеологизмы* марийского языка используются для оценки разных свойств человека, представленных в эталонных сравнениях и некомпаративных фразеологических единицах. Зоосемические фразеологизмы компаративного типа отражают эталоны робости, нерешительности; страха; затруднительности; страданий; плохого пения; обмана, манипуляции; конфликтности; физической усталости; неразлучности и неумеренности. Некомпаративные глагольные фразеологизмы применяются для оценки таких проявлений человека, как отсутствие способностей или некомпетентность в каком-либо деле, страх и стеснительность, лень, невнимательность в поиске чего-либо, стремление выполнить несколько дел одновременно, лицемерие и преднамеренное разжигание ссоры между людьми. Только один фразеологизм используется в качестве положительной оценки мастерства и знаний человека (*пийым кочкаш* 'собаку съесть').

Субстантивные ФЕ марийского языка применяются для оценки характерных черт человека, не соответствующих общепринятым нормам, бытующим в рамках марийской культуры, а именно: распутства; подлости и двуличности; лени; жадности; неумеренности; убогой жизни; страха; вялости; глупости; неуважения и грубости; вредительства; мнимой дружбы; неаккуратности; злости; неподатливости; лицемерия; неопытности и слабости. Отдельные ФЕ выражают оценку внешности человека и форм существования бытия. Посредством *адъективных ФЕ* марийского языка, зоонимы выступают в основном в качестве эталонов внешних проявлений человека, в частности, упитанности; упрямства; физического здоровья и силы; малого количества; худобы; затруднительности; хитрости; внешнего сходства; робости. *Адвербиальные ФЕ* с зоонимами представлены в незначительном количестве и используются для оценки и описания напрасных стараний, разделения чего-либо и способа передвижения в пространстве.

Более сложной семантикой обладают *коммуникативные фразеологизмы* марийского языка. Довольно часто их значение невозможно истолковать без учета контекста, так как некоторые из них интерпретируются в буквальном смысле, что говорит об их прямой связи с прототипом высказывания. Коммуникативные фразеологизмы с компонентами-зоонимами в марийском языке употребляются для оценки социально-трудовой сферы жизнедеятельности человека, его характера и психофизиологических особенностей. Отдельные единицы используются для описания форм существования бытия, внешнего вида человека и атмосферных явлений.

Источниками интерпретации коннотации зоосемических ФЕ марийского языка выступают наблюдения за поведением животных, социально-культурная и экономическая действительность, мифы и поверья, фольклорные и библейские тексты, национальные игры, а также религиозно-обрядовая культура народа мари. Проведенное исследование иллюстрирует существующие ценностные ориентации (фрагменты ценностного опыта) представителей марийской лингвокультуры.

ГЛАВА III. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЗООСЕМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

3.1. Лингвокультурные и семантические характеристики номинативных зоосемических фразеологизмов в финском языке

3.1.1. Лингвокультурные и семантические характеристики глагольных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в финском языке

Глагольные ФЕ финского языка (37,1%) входят в группу номинативных единиц, среди которых выделяются компаративные и некомпаративные фразеологизмы. Все они выполняют функцию названия действий человека или указывают на состояние, в котором он находится.

Основным типом глагольных фразеологизмов финского языка являются компаративные обороты, где 52% от общего количества глагольных ФЕ включают в себя послелог *kuin* ‘как’.

Среди рассматриваемых ФЕ выделяются наиболее частотные компоненты-зоонимы, участвующие в образовании ФЕ – *susi* ‘волк’ (17,8% от общего количества глагольных ФЕ), *sika* ‘свинья’ (13,7%), *koira* ‘собака / пес’ (11%), *kissa* ‘кошка’ (9,6%) и *hevonen* ‘лошадь’ (8,2%). Компоненты-зоонимы в составе фразеологизмов функционируют как эталоны сравнения, за основу которых принимаются определенные свойства, присущие животным. Исследованные глагольные фразеологизмы представляют собой полностью или частично переосмысленные обороты, основным типом переосмысления которых является метафора.

Коннотация финских зоосемических ФЕ глагольного типа является мотивированной. В зависимости от условий контекста они передают разные оттенки значений, что отражает многоуровневый характер структуры их внутренней формы. При анализе их контекстуальной актуализации следует учитывать и устойчивые единицы, зафиксированные в лексикографических

источниках финского языка с целью определения степени их включенности в синонимические и антонимические связи с другими фразеологизмами, а также для указания на специфику отражения вербализуемых ими явлений окружающей действительности.

Рассмотрим особенности использования *компаративных ФЕ* финского языка с учетом их количественной представленности и объединения в рамках той или иной семантической группы эталонных сравнений. Значительная часть проанализированных фразеологизмов применяется для оценки **характера человека**.

Самым распространенным по использованию в контексте является ФЕ *olla hiljaa kuin hiiri* ‘быть тихим, как мышь’ [Kari 2003: 37; Varga, Saarinen 2009: 44] (10 примеров из контекста), посредством которого зооним *hiiri* ‘мышь’ выступает в качестве *эталона безмолвия*: – *Muistakin liikkua hiljaa, kuiskasi hän hississä, – näissä taloissa kuuluu kaikki seinien lävitse. – Olen hiljaa kuin hiiri, hymyili Jali vastaan* ‘– Не забывай двигаться тихо, – прошептал он влифте. – В этих домах слышно сквозь стены. – Я буду тихим, как мышь, – улыбнулся в ответ Яли’ [Kivimaa 1931: 34-35]. Ассоциативно-связанные значения данного фразеологизма выражены в результатах эксперимента, в которых отражаются такие признаки проявления «тихого» человека, как *ujo* ‘застенчивый’ (8), *ääneton* ‘безмолвный’ (3), *hiljainen* ‘тихий / медленный’ (3), *ujo ihminen* ‘стеснительный человек’ (2), *hyvin hiljaa* ‘очень тихий’ (2), *hissukka* ‘домосед’ (1) и т. д.

Синонимичным для данного сравнительного оборота является ФЕ *äänettä / ääneton kuin hiiri* ‘беззвучный / безмолвный, как мышь’: *Taavetti: Putoo, jos olemme äänettä kuin hiiret* ‘Таветти: Пролетит (букв. ‘уменьшится’), если будем безмолвными, как мыши’ [Kivi 1961: 224] (о времени). В отдельных случаях безмолвие является реакцией на эмоциональное переживание: *Kun Kalle huusi häntä luokseen, hän piiloutui nurkan taakse ja oli siellä äänettömänä kuin hiiri* ‘Когда Калле позвал его к себе, он спрятался за углом и сидел там безмолвным, как мышь’ [Canth M. Lyhyitä kertomuksia]²⁸.

²⁸URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/lyhyita-kertomuksia>

Частотными компонентами-зоонимами являются также *sika* ‘свинья’ и *porsas* ‘поросенок’, которые выступают в качестве разных эталонов. Одним из них является *эталон глупости*, который передается посредством устойчивого сравнения *ei ymmärrä enempä kuin sika / porsas hopealusikasta* ‘не разбираться (смыслить), как свинья / поросенок в серебряной ложке’ [Varga, Saarinen 2009: 301, 358] (6 примеров из контекста). Его компоненты часто подвергаются замене при актуализации в контексте, что не приводит к изменению его значения (ср. *ei ymmärrä* ‘не понимает’ → *eitiedä* ‘не знает’; *hopealusikasta* ‘о серебряной ложке’ → *helmistä* ‘жемчуге / бусах’, *tuuli myllystä* ‘о ветряной мельнице’ и т.д.). Возникновение фразеологизма связано с текстом Библии (Матфея 7: 6).

В диалектах финского языка встречается вариация компонентов данного устойчивого сравнения: *ei ymmärrä kuin sika Pohjantähdestä / taivaasta / päivännoususta / pyhäpäivästä / satulasta* ‘не смыслить, как свинья в Полярной звезде / небесах / восходе солнца / праздничном дне / седле’ или *ei ole ymmärrystä enempä kuin siällä saparostaan* ‘нет понимания больше, чем у свиньи о (своем) хвосте’ [Länsimäki 2003: B9].

Данный фразеологизм обладает ярко выраженным образно-метафорическим основанием и применяется в рассмотренных примерах для выражения непонимания, неразборчивости человека в укладе жизни других людей, философском осмыслении человеческой сущности и военном деле. Кроме этого он описывает незнание деталей быта в силу обладания большим богатством, что не требует занятия ежедневной работой по хозяйству: *Olet yhä lapsellisen mielesi etkä ymmärrä jokapäiväisen elämän järkevistä asioista enempä kuin sika helmistä* ‘Ты все еще наивен в своем мнении; не разбираешься в благоразумных делах будничной жизни, как свинья в жемчуге’ [Waltari 2009b: 258].

По мнению некоторых ученых, устойчивый оборот *ei ymmärrä enempä kuin sika / porsas hopealusikasta* считается фразеологизмом-донором, «хозяином» (host / donor construction) семантически связанной с ним фразеологической единицы *heittää ä sioille* ‘метать жемчуг перед свиньями’ (в знач. «напрасно объяснять или

доказывать что-л. кому-л., кто не способен понять или оценить это») [Petrova 2011: 14-37].

Результаты анализа ассоциативного фразеологического поля данного устойчивого сравнения, предложенного в эксперименте, указывают на оценку крайней степени непонимания чего-л. и низких умственных способностей человека, что отражается в таких реакциях, как *tyhmä* ‘глупый’ (6), *tietämätön* ‘несведущий’ (2), *tyhmyys* ‘глупость’ (1), *idiootti* ‘идиот’ (1), *eitajua* ‘нет понятия’ (1), *yksinkertaisuus* ‘простота / тупость’ (1), а также в описательных предложениях с наличием грамматического предиката *eiymmärrä* ‘не понимает’ (8) и т. д. Обнаружен и ассоциат, являющийся дериватом данного ФЕ – *helmiä sioille* ‘жемчуг свиньям’ (2), который был получен и на отдельный компонент *sika* ‘свинья’, предложенный на первом этапе эксперимента.

В качестве эталона глупости также выступает зооним *lammas* ‘овца’, использующийся в составе ФЕ *puhua niin kuin (keitetystä) lampaan päästä* ‘говорить, как о (вареной) овечьей голове’ (в знач. «говорить глупости») [Kari 2003: 89]: *Sinä puhut niinkuin keitetystä lampaan päästä. En suinkaan minä voi sinua kuolemasta estää* ‘Ты говоришь глупости (букв. ‘говоришь, как о вареной овечьей голове). Я совершенно не способен предотвратить твою смерть’ [Päivärinta P. Isäin rahat teot lasten päällä]²⁹. Крайняя степень глупости человека оценивается и фразеологизмом (*olla*) *tyhmä kuin aasi* ‘быть глупым, как осел’ [Varga, Saarinen 2003: 1].

Эталонем *неумеренности* выступает зооним *sika* ‘свинья’, использующийся в составе устойчивых сравнений *juoda kuin sika* ‘пить, как свинья’, (*olla*) *humalassa kuin (taivaan) sika* ‘быть пьяным, как (небесная) свинья’ (в знач. «быть сильно пьяным») [Kari 2003: 39; Varga, Saarinen 2009: 50], *olla päissään kuin sika* ‘быть совершенно пьяным, как свинья’ [Varga, Saarinen 2009: 358]), что подтверждается в контексте использования: *Vai oletko aivan yksinkertaisesti juonut itsesi humalaan kuin sika, niin ettet enää tajua lainkaan, miten sopimattomasti*

²⁹URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/isain-pahat-teot-lasten-paalla>

käyttäydyt ‘Или ты совсем напился вдрызг, как свинья, так что уже совсем не осознаешь, как неприлично себя ведешь?’ [Waltari 2009b: 279].

Зооним *sika* ‘свинья’ соотносится и с *эталонном жестокости*. Жестокость по отношению к другому человеку отражается в нанесении тяжкого вреда здоровью (физическом насилии) и является последствием деструктивной ярости, актуализирующейся устойчивыми сравнениями *iskeä (kiinni) kuin sika limpuun* ‘(при)бить, как свинья каравай’ [Varga, Saarinen 2009: 64] и *lyödä jkta kuin vierasta sikaa* ‘бить кого-л., как чужую свинью’ [Там же: 179]: *Ja jos joku olisi tullut teurastajapuukko kädessä minua pistämään, niin varmaan olisin silmiä räpäyttämättä antanut pistää niinkuin vierasta sikaa* ‘И если бы кто-нибудь пришел с ножом мясника для того, чтобы зарезать меня, так, возможно, не моргнув глазом, дал бы себя зарезать (букв. ‘зарезали, как чужую свинью’)’ [Ivalo S. Hellaassa]³⁰. Образное основание фразеологизма мотивировано такой прототипической ситуацией, когда человек не жалеет чужую свинью, как свою собственную, поэтому проявляет большую степень жестокости. Фразеологическое значение устойчивого сравнения прослеживается и в его ассоциативном поле, включающем в себя такие реакции, как *julma* ‘жестокий, свирепый’ (3), *raakuus* ‘грубость / жестокость’ (2), *(olla) aggressiivinen* ‘(быть) агрессивным’ (2), *lyödä kovaa* ‘бить сильно’ (1), *raivokas* ‘бешеный / яростный’ (1), *iskeä* ‘ударить / бить’ (1), *lasten rahoinpitely* ‘плохое обращение с детьми’ (1) и т. д.

Свинья передает также *эталон безответственности* посредством использования устойчивого сравнения *elää / olla kuin sika vatukossa* ‘жить / быть, как свинья в малиннике’ (вариант – *tosissaan kuin sika rukiissa* ‘вправду, как свинья во ржи’), выражающего пренебрежение общепринятыми нормами, несоблюдение правил, законов и инструкций, существующих в обществе: *Harvalla meistä on niin ensiluokkaiset geenit, että voimme elää kuin siat vatukossa* ‘У редкого человека есть такие первосортные гены, чтоб мы могли жить, как свиньи в малиннике’ [Länsimäki 2003: B9]. Образное основание ФЕ мотивировано ситуацией, в которой свинья попала в малинник и портит там заросли кустарника.

³⁰URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/hellaasa>

Компонент *porsas* ‘поросенок’ участвует также в отражении эталона *крепкого сна*, что передается устойчивым сравнением *nukkuu kuin porsas* ‘спать, как поросенок’ [Kari 2003: 146; Varga, Saarinen 2009: 225], описывающим физиологическую особенность глубокого и крепкого сна.

Не менее распространенным по использованию в составе ФЕ является зооним *susi* ‘волк’, который выступает в качестве эталона *злости (гнева)*, включаясь в состав устойчивых сравнений. Некоторые из них описывают невербальное проявление испытываемого гнева, выражающегося в нахмуренном и угрожающем выражении глаз, фиксирующихся на объекте, вызывающем злость [Ильин 2001: 198]: *katsoa vihaisesti kuin susi* ‘смотреть сердито, как волк’ [БРФС 1963: 89]. Агрессия, как следствие испытанного гнева, с проявлением враждебности актуализируется ФЕ *katsella jkta kuin nälkäinen susi lammasta* ‘разглядывать кого-л., как голодный волк овец’ (в знач. «смотреть сердито, с ненавистью или жадностью») [Tammi 2008: 125]. Мотивация данных ФЕ объясняется ассоциативно-связанными знаниями носителей финского языка о волке и отрицательной оценкой его поведения. Это отражается в результатах ассоциативного эксперимента, в котором зооним *susi* ‘волк’ вызвал такие словареакции, как *pelottava* ‘пугающий’ (3), *ilkeä* ‘злой / злобный’ (2), *paha* ‘плохой / дурной’, *vihainen* ‘сердитый’ (1), *lauma* ‘стадо’ (1), *pelko* ‘страх’ (1) и т. д.

Гипероним *peto* ‘зверь / хищник’ также применяется для указания на невербальные признаки проявления злости человека: *katsoa kuin peto (petona)* ‘смотреть, как зверь (зверем)’ [Там же: 129]. Гнев сильной интенсивности (ярость) обозначается устойчивыми сравнениями с компонентами *eläin* ‘животное / зверь’ и *leijona* ‘лев’, указывающими на вербальное выражение испытываемых эмоций: *riehua kuin eläin* ‘буянить / свирепствовать, как зверь’ [Kari 2003: 22], *karjua kuin leijona* ‘рычать, как лев’ [Heinonen 2010: 350].

Ярость человека выражается и ФЕ с компонентом *karhu* ‘медведь’ – *olla äkäinen (kiukkuinen) kuin takapuoleen / perseeseen ammattu karhu* ‘(быть) злым (сердитым), как раненый (подстреленный в зад) медведь’ [Varga, Saarinen 2009:

380]. Мотивация его фразеологического значения основана на знании о том, что раненный медведь становится очень свирепым.

Зооним *susi* ‘волк’ выступает также в качестве *эталона чувства голода*, что отражается в употреблении ФЕ *syödä kuin susi* ‘есть, как волк’ (в знач. «кушать много и жадно») [Kari 2003: 183], описывающей процесс утоления физического голода. Аппетит человека оценивается также устойчивым оборотом *syödä kuin hevonen* ‘есть, как лошадь’ (в знач. «есть с большим аппетитом, плотно наедаться») [Varga, Saarinen 2009: 380], посредством которого зооним *hevonen* ‘лошадь’ передает *эталон хорошего аппетита*.

Эталон плохих манер выступает зооним *porsas* ‘поросенок’ с помощью включения в состав устойчивого сравнения *syödä kuin porsas* ‘есть, как поросенок’ (в знач. «есть некультурно, неаккуратно») [Там же: 301].

Фразеологические единицы нередко актуализируют уровень развития конфликта между людьми. Так, воздействие с применением физического насилия вербализуется устойчивыми оборотами, подвергающимися некоторым трансформациям в зависимости от требований контекста (например, замене или добавлению переменных компонентов в составе ФЕ).

В качестве *эталона конфликтности* используется зооним *susi* ‘волк’, употребляющийся в составе ФЕ *tapella kuin sudet* ‘драться, как волки’ [Там же: 373] (2 примера из контекста): – ...*Sinä Jukolan kristillinen veliparvi, ja sitten tapelkaamme kuin hullut sudet.* – *Huomatkaat: mies vihan vimmassa on verta janoova peto, vaan ei ihminen* ‘– ...Ты – собрат христианской церкви Йукола, и подеремся, как глупые волки. – Заметьте: человек в неистовой ярости – зверь, жаждущий крови, а не человек’ [Kivi 1984: 28].

Волк также выступает как *эталон насилия* посредством использования зоонимов *susi* ‘волк’ и *lammas* ‘овца’ в составе ФЕ *päästää kuin susi (sudet) lammaslaumaa* ‘выпускать, как волка(-ов) в овечьё стадо’ (2 примера и зконтекста): *Sitten näin minä Isonturkin nousevan ja kauheasti hävittävän kaikki; ja hänen jäljessään asteli se suuri sarvipää Mammona, ajellen ihmiskua maan-ärestä maan-ääreen kuin susi lammaslaumaa* ‘Затем я увидел восстающего и разрушающего все

Великого турка³¹ и ступающего за ним рогатого Маммона³², гоняющего род человеческий с одного места на другое, как волк овечье стадо» [Kivi 1984: 265].

Эталон пронырливости обнаруживается в использовании компонента *kissa* ‘кошка’, встречающегося в составе наиболее частотного по вероятности появления в контексте устойчивого сравнения *kiertää (kiertellä) kuin kissa kuuma puuroa* ‘крутиться, как кошка вокруг горячей каши’ (в знач. «ходить вокруг да около; вынюхивать, разузнавать, любопытствовать») [Kari 2003: 69; Varga, Saarinen 2009: 106] (4 примера из контекста). Оттенки его значения варьируются в зависимости от контекстуального окружения, в котором фразеологизм используется для указания на нежелание обсуждать определенные вопросы; проявление хитрости для получения материальной выгоды, а также на способ овладения интересующей информацией как стратегически важной составляющей. Например, в условиях войны: *Omat koirat urkkivat ja naapurimaan agentit kiertelevät meitä sotilashenkilöitä kuin kissa kuuma puuroa. Tehdäthän sinä* ‘Свои собаки вынюхивают, и иностранные агенты крутятся вокруг наших солдат, как кошки вокруг горячей каши’ [Penttilä 1990: 92]. В основе мотивированности данного фразеологизма лежит описание действия кошки, ожидающей подходящего момента для поедания пищи. Во всех рассмотренных случаях контекстуального использования фразеологизма выражается сильное желание достижения намеченной цели.

Реакции, входящие в ассоциативное фразеологическое поле данного устойчивого сравнения, указывают на его отрицательную коннотацию, что представляется такими ассоциатами, как *vältellä (jotain)* (4) / *välttää jotakin* (3) ‘избегать чего-либо’, *malttamaton* ‘нетерпеливый’ (2), *vaania* ‘выслеживать, подстерегать’ (2), *vältellä puheenaihetta* ‘увиливать от темы разговора’ (1), *uteliaisuus* ‘любопытство’ (1) и т.д.

Эталон изворотливости выступает зооним *koira* ‘собака’, который используется в составе устойчивого сравнения *päästä kuin koira veräjästä* ‘убежать, как собака из ворот’ (в знач. «легко выпутываться, отделаться») [Varga,

³¹ В романе А. Киви – ислам.

³² В Библии «имение, блага земные»; в финском языке – синоним денег и богатства.

Saarinen 2009: 117]. Фразеологизм довольно частотен по использованию в публицистических текстах: *Hän toivoi, että "vitsejä kertomalla tai asiaa harhaan johtamalla ei kukaan pääsisi kuin koira veräjästä"* 'Он надеялся, что «рассказами анекдотов или введением дел в заблуждение, никто не отделается»' [Pohjanpallio 2013: A 10]. Его образное основание мотивировано прототипической ситуацией, в которой собака выбегает из ворот, спасаясь от наказания. Ассоциативно-связанные значения данного устойчивого сравнения отражаются в реакциях, полученных в эксперименте – *päästä pälkähästä* 'выпутаться из затруднительного положения' (5), *onnekas* 'счастливый, удачливый' (2), *jäädä ilmanrangaistusta* 'остаться безнаказанным' (1), *petturuus* 'обман, предательство' (1), *livetä tilanteesta* 'выпутаться из ситуации' (1), *sluibata* разг. 'прогуливать (что-л.)' (1), *syullinen pääsee rakoön* 'виновный бросается в бегство' (1) и т. д.

Эталоном страха представляется зооним *jänis* 'заяц', который используется в устойчивом сравнении *pelätä kuin jänis* 'бояться, как заяц': *Samassa lähti tytöt, peloissaan kuinjänikset, ja pojat perästä* 'Таким же образом ушли девушки, боясь, как зайцы, а за ними и парни' [Kauppinen Н. Mäkijärvelaiset]³³. Мотивация значения данного ФЕ объясняется наблюдениями за данным животным в природе.

Активное проявление страха (паника) описывается фразеологизмами *juosta kuin (kissa) pistoksissaan alla/kuin olisi tuli hännän / juosta kuin (kissa) pistoksissa* 'бегать, как ужаленная кошка / как если бы на хвосте был огонь' [Varga, Saarinen 2009: 237].

С эталоном паники соотносится зооним *rotta* 'крыса' через ФЕ *paeta kuin rotat uppoavasta laivasta* 'бежать, как крысы с тонущего корабля' [Varga, Saarinen 2009: 358], указывающую на активную форму проявления эмоции страха, которая мгновенно охватывает человека. Мотивационным стимулом фразеологизма является такая ситуация, когда крысы, предчувствуя крушение корабля, начинают убегать оттуда, что, впоследствии, стало дурной приметой для моряков. В финском языке фразеологизм используется в значении «думая о собственной

³³ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/makijarvelaiset>

выгоде, потерпеть неудачу в попытке достичь своих целей» [SKP 1990: 667]. Образ крысы ассоциируется с человеком, обладающим низкими моральными качествами, что связано с приписыванием крысе отрицательных свойств. Это отражается и в ассоциатах, приведенных в качестве слов-реакций на отдельно взятый зооним *rotta* ‘крыса’: *saastaisuus* ‘мерзкость, грязь’ (1), *saastainen* ‘грязный, мерзкий’ (1), *inhottava* ‘отвратительный’ (1), *kivottava* ‘тошнотворный, дурной’ (1), *ilkeä* ‘злой’ (1), *kurja ihminen* ‘жалкий, убогий человек’ (1) и т. д.

Эталоном доверия предстает зооним *pukki* ‘козел’, что реализуется посредством ФЕ *luottaa jkhuun kuin pukki (suuriin) sarviinsa* ‘надеяться, как козел, на (большие) рога’ (в знач. «сильно доверять») [Kari 2003: 149; Varga, Saarinen 2009: 176]: – *Etkö luota siis minuun? – Luotanhan minä sinuun kuin pukki suuriin sarviinsa! Mitä sitä pitäisi luottaa?* – Ты, значит, не доверяешь мне? – Я полагаюсь на тебя, как козел, на свои большие рога! Зачем я должен доверять?’ [Pakkala T. Lapsuuteni muistoja]³⁴. Образное основание фразеологизма выражает представление о сильном, не подвергающемся сомнению доверии человека чему-, кому-либо. Мотивировка фразеологизма отражается лишь в некоторых ассоциатах, полученных на слово *pukki* ‘козел’: *sarvet* ‘рога’ (9), *itsepäinä* ‘упрямый’ (1), *tukeva* ‘подпирающийся, устойчивый’ (1) и т. д.

Зооним *hevonen* ‘лошадь’ выступает как *эталон усердия в работе*, что отражает ФЕ *tehdä työtä (töitä) kuin hevonen* ‘работать, как лошадь’ [Kari 2003: 22]. Мотивационным стимулом ФЕ послужило знание о высокой работоспособности и выносливости лошади при выполнении работы: *Liisa. Soisisen emäntä Riistavedeltä kehui Homsantuuta maasta taivaaseen tässä tuonnoin. Kuuluu olleen heillä koko kesän ja tehneen työtä kuin hevonen* ‘Лииса. Недавно хозяйка Соисинена из общины Рииставеси перевозила Хомсантуу до небес. Говорят, были у них все лето и работали, как лошади’ [Canth M. Työmiehen vaimo]³⁵.

С *эталонном проворности* в каком-либо деле соотносится зооним *kärppä* ‘горноста́й’, употребляющийся в составе фразеологизм *olla / mennä kärppänä jnnek*

³⁴URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/lapsuuteni-muistoja>

³⁵URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/tyomiehen-vaimo>

/ *jssak* ‘быть / идти горностаем в чем-л. / куда-л.’ [Varga, Saarinen 2009: 145] отражает специфичный для финского языка образ проворности, легкости в выполнении какого-либо дела, что подтверждается результатами ассоциативного эксперимента, где на слово *kärppä* были получены такие реакции, как *jääkiekko* ‘хоккей’ (11), *vikkelä* ‘проворный, шустрый’ (4), *nopea* ‘быстрый’ (2), *Oulun kärpät* ‘горностаи Оулу’ (хоккейный клуб из Оулу) (1), ”*olla kärppänä paikalla*” – *vikkelyys* ‘«быть на месте горностаем» – проворность, быстрота’ (1), *sanonta ”olla kärppänä” eli olla heti ensimmäisenä paikalla (esim. alennusmyynneissä)* ‘выражение «быть горностаем», т.е. самым первым (например, на распродаже)’ (1) и т. д.

Лошадь также выступает в качестве *эталона хороших речевых способностей*, что отражается в компаративных ФЕ *rihua jtk kuin hevonen* ‘говорить что-л., как лошадь’ (в знач. «отлично, прилично говорить на каком-л. языке») [Varga, Saarinen 2009: 305], *osata englantia kuin hevonen* ‘владеть английским, как лошадь’ [Kari 2003: 36]. Образное основание ФЕ мотивированно представлением о легкости ржания лошади.

Отдельные фразеологизмы, зафиксированные в лексикографических источниках финского языка, отражают оценку различных действий человека. Так, зооним *lehmä* ‘корова’ выступает в качестве *эталона неуклюжести*. Устойчивый оборот с данным компонентом чаще всего выражает оценку физиологической характеристики женщины, проявляющейся в ее неуклюжей походке – *kävellä kuin lehmä* презр. ‘ходить, как корова’ [Kari 2003: 92]. С данным эталоном соотносится также зоосемизм *norsu* ‘слон’, который встречается в составе ФЕ *käyttäytyä kuin norsu posliinikaupassa* ‘вести себя, как слон в фарфоровой лавке’ [Kari 2003: 121].

Компонент *lehmä* ‘корова’ участвует также в выражении *эталона упадка / ухудшения*, что отражается в ФЕ *laskea kuin lehmän häntä / kasvaa alaspäin kuin lehmän häntä* ‘опускаться / расти вниз, как коровий хвост’ [Там же: 92]. Мотивированность фразеологизма связана с образом опускающегося хвоста, поэтому устойчивый оборот указывает на быстрые ухудшения состояния здоровья или хода текущих дел.

Эталоном конфликтности выступают компоненты *kissa* ‘кошка’ и *koira* ‘собака’, встречающиеся в составе ФЕ *olla kuin kissa ja koira* ‘быть, как кошка с собакой’ [Varga, Saarinen 2009: 114], указывающей на постоянные ссоры между людьми (4 примера из контекста). В контексте фразеологизм используется с заменой базового компонента-глагола и употребляется для оценки отношений между соседями, политическими лидерами, коллегами по работе и членами семьи: *Tämä oli huono yhtälö. Kumlanderin ja Lönnqvistin suhteet olivat kuin kissan ja koiran ystävyys* ‘Это был плохой союз. Отношения Кумландера и Лённквиста – это как дружба собаки и кошки’ [Koski 2007: 23].

Ассоциативное поле данного фразеологизма включает реакции, отражающие образное основание фразеологизма – *vastakohtat* ‘противоположности’ (3), *(olla) erilaiset* ‘(быть) разными’ (2), *ei sovi yhteen* ‘быть несовместимыми’ (2), *mies ja nainen* ‘мужчина и женщина’ (1), *riitapukarit* ‘скандалисты’ (1), *kilpasilla, riidoissa* ‘в соперничестве, ссоре’ (1), *odottamattomat kaverukset* ‘нетерпеливые друзья’ (1) и т. д. В некоторых случаях устойчивое сравнение ассоциируется с ФЕ, противоположной по значению – *olla kuin paita ja perä* ‘быть, как рубашка и зад’ (в знач. «быть всегда вместе») (2).

Проанализированные компаративные ФЕ глагольного типа в финском языке представляют целый ряд эталонов. Зоонимы как компоненты фразеологизмов отражают разные признаки, характеризующие действия человека. Нередко одно и то же название животного выступает в качестве разных эталонов, что указывает на широкий спектр ассоциативно-связанных знаний и образных представлений носителей финской лингвокультуры. Образным основанием представленных устойчивых сравнений являются мотивированные знания об окружающей действительности, что проиллюстрировано результатами ассоциативного эксперимента. В некоторых случаях контекстуальное окружение компаративных ФЕ предполагает некоторые трансформации их компонентного состава для актуализации необходимой информации, передаваемой их значениями.

Группу *некомпаративных глагольных фразеологизмов* с компонентами-зоонимами в финском языке составляют устойчивые единицы с осложненной

семантикой, некоторые из них требуют отдельного рассмотрения реализации их коннотативного аспекта.

Наиболее распространенным зоонимом по использованию в составе ФЕ этой группы является компонент *susi* ‘волк’. Он часто употребляется в речи в качестве отдельно взятой лексемы с переносным значением – ‘испорченный, бракованный, неисправный продукт, изделие’, что отражается и в составе фразеологической единицы *jstak tulee susi* букв. ‘из чего-л. получается волк’ (в знач. «получилось не то, что задумано; вышло плохо, испортилось» [Varga, Saarinen 2009: 373]: *Veneestä tulisusi* ‘Лодка испортилась’ (букв. ‘Из лодки получился волк’) [SKP1994: 175]. Указанное значение зоонима влияет на смысл и другого фразеологизма *olla täysin susi* ‘быть совсем фальшивым’ (букв. ‘быть совсем волком’) [Varga, Saarinen 2009: 248]. Фразеологическая единица *rakentaa suttu ja sekunda* разг. ‘плохой товар, брак’ (букв. ‘строить волков и второй сорт’) [Kari 2003: 183] часто используется в просторечии при оценке некачественно построенных зданий или домов, находящихся в плохом состоянии.

Следующая ФЕ отражает безответственность человека в трате денег и совершение необдуманных покупок без проверки качества товара: *ostaa sika säkissä* ‘купить кота (букв. ‘свинью’) в мешке’ (в знач. «сделать необдуманную покупку») [Varga, Saarinen 2009: 358] (ср. *Kerttu: ...En päättä vielä sinne enkä tänne, ennenkuin näen, minkälainen mies on. Kauppaneuvos: Suostutaan, suostutaan. ‘Ei sikaä säkissä osteta’, sanoo suomalainen sananlasku* ‘Кертту:...Не склоняюсь ни к тому, ни к этому, пока не увижу, какой человек. Торговый советник: По рукам, по рукам. «Свинью в мешке не покупают», – говорится в финской пословице’ [Canth M. Papin perhe; Hän on Sysmästä; Spiritistinen istunto]³⁶).

Его образно-метафорическое представление прослеживается и в другом названии животного – *hukka* ‘волк, серый’ [Финско-русский и русско-финский словарь 2009: 57], который употребляется в составе фразеологизма *mennä / joutua hukkaan* букв. ‘пойти / попасть к волку’ [Varga, Saarinen 2009: 75], выражающем состояние, процесс разрушения, порчи, исчезновения, неудачи, гибели чего-либо

³⁶URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/papin-perhe-han-sysmasta-spiritistinen-istunto>

(ср. *olla (huutavassa) hukassa* букв. ‘быть в (рычащем) волке’ (в знач. «погибнуть, умереть, исчезнуть») [Там же: 49]): *Mutta tämä huolenpitoni meni hukkaan ja minä tyhmyri riemuitsin sydämessäni ajattellessani* ‘Но мои заботы пошли насмарку, и я, дурак, возрадовался сердцем при своих мыслях’ [Waltari 2009b: 65].

Фразеологизм *joutua suden suuhun* ‘попасть волку в глотку’ (в знач. «попасть в опасную ситуацию») [Там же: 75] указывает на исключительные затруднения, проблемы, встречающиеся в жизни человека. Семантически близкой является и ФЕ *heittää susille* ‘подвергнуть кого-л. / что-л. жестокой участи, уничтожению’ (букв. ‘бросить волкам’) [Kari 2003: 183]. Данный фразеологизм является близким по свойству прототипа по отношению к ФЕ *päästä pukille* ‘попасться козлу’ (в знач. «попасть в проблемную ситуацию») [Varga, Saarinen 2009: 307]. Он указывает на переживание затруднений или опасности в определенный момент времени. Однако ФЕ *heittää susille* описывает степень выражения большей опасности, которая приводит к гибели и разрушению.

Финский фразеологизм *olla susi sukuu* букв. ‘быть волчьей породы’ [Там же: 246] актуализирует в контексте значение «быть злым, жестоким, свирепым»: *Eihän voi luonnon voimia vihata, eihän saa sallimusta vastaan kiukutella, mutta tuo likainen vesi, tuo raaka voima, joka ei kysy muuta kuin mistä itse parhaiten yli pääsisi, ...karkaa aina kurjien niskaan, repii repaleita, raastaa raukkoja – se on susi sukuansa* ‘Невозможно ненавидеть силы природы, нельзя капризничать в отношениях с судьбой, но та грязная вода, грубая сила, которая не требует иного, чем освободиться самой, требует отступить от всего, впасть в отчаяние, ...раздирает в клочья, раздирает жалких – все это волчьего рода’ [Aho J. Minkä mitäkin Tyrolista]³⁷.

В данных примерах образ волка выступает как символ разорения, опустошения и проявляемой злости, что отражается и в ассоциативном поле данного названия животного, предложенного в эксперименте: *paha* ‘плохой, дурной’ (2), *pelottava* ‘пугающий’ (3), *uhka* ‘риск, угроза, опасность’ (2), *ilkeä* ‘злой, злобный’ (2), *vihainen* ‘сердитый, злой’ (1), *pelko* ‘страх’ (1) и т. д.

³⁷URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/minka-mitakin-tyrolista>

Фразеологизм *ulvoa / lauman / (sutena) susien mukana* ‘выть со стадом / волками’ [Kari 2003: 183; Varga, Saarinen 2009: 373, 419] (2 примера из контекста) указывает на вынужденное подчинение кому-либо, кто сильнее говорящего. Так, подчинение помогает избежать проблем в делах или опасностей для жизни: *Eerik: Koko maailma on – hassu! Schmidt: Susien kanssa täytyy ulvoa – tahi joutuu niitten kitaan* ‘Эрик: Весь мир – странен! Шмидт: Следует выть с волками, иначе они тебя съедят (букв. ‘напиться вдрызг’)’ [Willman-Eloranta 2007: 334].

Встречаются случаи, когда базовый глагол вышеупомянутого фразеологизма, указывает на звуки, издаваемые природными объектами, что отражается в эталонном сравнении, используемом в контексте: – *Meri sai ja meri antoi ja merellä oli mitä antaa. Nyt sillä ei ole mitään antaa ja se ulvoo kuin nälkäinen susi* ‘Море получило и море отдало, и у моря было, что отдавать. Теперь ему давать нечего, и оно воет, как голодный волк’ [Aho J. Omatunto saaristokertomus]³⁸.

Ассоциативные реакции на предложенный в эксперименте фразеологизм *ulvoa susien mukana* позволили выявить специфику его семантической реализации в речи носителей финского языка, которая отражается в оценке вынужденного подчинения – *laumahenki* ‘стадный дух’ (1), *tehdä samaa kuin muut* ‘делать то же, что и другие’ (1), *joukossa tyhmyys tiivistyy* ‘в толпе глупости становится больше’ (1), *hullua* ‘глупые’ (1), *haaveilla turhaan* ‘напрасно мечтать’ (1), *joukkohysteria* ‘групповая истерия’ (1), *kilpalaulanta* ‘состязательная песня’ (1), *itku* ‘плач’ (1), *ryhmänpanostus* ‘натиск, давление группы’ (1). Мотивирующими признаками данного ФЕ выступают ассоциативно-связанные знания о волке, отраженные и в других реакциях, полученных на первом этапе САЭ, как *ulvoa* ‘выть’ (7), *ulvoo* ‘воет’ (2), *ulvonta* ‘вой’ (2), *ulvominen* ‘вой’ (4), *kuutamo* ‘лунный свет’ (1) и др.

Использование зоонимов *susi* ‘волк’ и *lammas* ‘овца’ в составе ФЕ *ei pitää suden ja lampaan puolta / (ei halua) asettua sudden eikä lampaan puolelle* букв. ‘не заступаться ни за волков, ни за овец = хотеть сохранить нейтралитет’ [Kari 2003: 183] способствует отражению уровня политических пристрастий человека. Однако контекстуальное использование ФЕ указывает на то, что

³⁸ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/omatunto-saaristokertomus>

фразеологизм может использоваться и безотносительно к политике: ...*Mutta tällä matkallani tulin huomaamaan, että samanlaisia juonimaakareita ne ovat molemmat, niin että tästä puolin minä en aio pitää suden paremmin kuin lampaankaan puolta* ‘...Но в эту поездку я заметил, что они наводят интригу так, чтобы я не намеревался заступаться ни за волка, ни за овцу’ [Wilkuna K. Aikojen yöstä]³⁹.

Следующий фразеологизм *sanoa kissaa kissaksi* ‘назвать кошку кошкой’ объясняется в словаре С. Вирккунена, как «сильно устать»: *Laila Hietamiehen romaanissa Elämän huipulla (1974) urheiluliiton naissihteeri Tuija sanoo rankan päivän jälkeen: «Tänään en jaksa kissaa sanoa... en jaksa..., hän puhui hiljaisella äänellä»* ‘В романе Лайлы Хиетаминен «На вершине жизни» (1974) секретарь женского спортивного союза Туия сказала после дождливого дня: «Сегодня совсем устала (букв. ‘не способна произнести даже слово «кошка»)... не могу...», – говорит она тихим голосом’ [Virkkunen 1981: 129]. Однако в других фразеологических словарях, в которых зафиксирован данный фразеологизм, его значение интерпретируется как «говорить прямо, называть вещи своими именами» [Kari 2003: 69; Varga, Saarinen 2009: 114]. Данные несоответствия могут быть объяснены тем, что в первом случае в контексте актуализируется совокупность буквальных значений компонентов ФЕ, что не было учтено составителем словаря.

Довольно широкий ряд фразеологизмов финского языка выражает оценку трудовой деятельности человека. В таких ФЕ используются разные компоненты-зоонимы. Оценка безответственного подхода к делу передается фразеологизмом *panna kissaa makkaran vahdiksi* ‘поставить кошку сторожить колбасу’ [Kari 1991: 105], выражающим значение «поставить ненадежного человека охранять что-либо». Устойчивый оборот с компонентом *pukki* ‘козел’ используется в качестве фразеологического синонима данной ФЕ (*panna pukki kaalimaan vartijaksi* ‘поставить козла сторожить капусту’ [Varga, Saarinen 2009: 274]) и актуализирует значение «поставить на работу человека, не заслуживающего доверия».

В словаре С. Вирккунена объясняется, что следующая фразеологическая единица с компонентом *kissa* ‘кошка’ – *nostaa kissaa pöydälle* ‘поднять кошку на

³⁹ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/aikojen-yosta>

стол' (в знач. «взяться за решение / обсуждение затруднительного дела») – образовалась на основе устаревшего фразеологизма *Konstit on monet sanoit akka kun kissalla pöytää pyyhki* '«Способов много», – сказала баба, когда котом стол вытирала' [Virkkunen 1981: 224]. Однако следует отметить, что наиболее тесная семантическая связь прослеживается с ФЕ *Kuka koiran / kissan hännän nostaa, jos ei (jollei) kissa itse* 'Кто поднимет хвост собаки / кошки, если не она сама' (в знач. «приняться за решение сложного дела») [Varga, Saarinen 2009: 114]. Поэтому можно предположить, что глагольный фразеологизм *nostaa kissaa pöydälle* образовался путем эллипсиса данной КФЕ.

Образное основание фразеологизма *tarttua härkää sarvista* 'взять быка за рога' мотивировано ситуацией из жизни, когда человек берет быка за рога для его усмирения, пригибая его голову к земле. Фразеологизм говорит о выполнении какой-либо сложной задачи решительными мерами, не избегая ее: *'Palmu astui salin ovelle. 'Ja nyt tartumme häkkää sarvista', hän sanoit ja astui Amalia Rygseckin kasvojen eteen* 'Палму прошел в двери зала. «А теперь будем брать быка за рога» – сказал он и повернулся лицом к Амалии Рюксек' [Waltari 2010: 178]. Реакции, полученные на данный фразеологизм, предложенный в эксперименте, указывает не на его связь с прототипом, а на специфику его семантики, выражаемой его актуальным значением – *ryhtyä toimeen* 'приняться за работу' (8), *tarttua toimeen* 'взяться за работу' (6), *ahkera* 'старательный' (1), *ryhtyä tuumasta toimeen* 'переходить от дум к делу' (1), *taltuttaminen* 'усмирение, обуздание, усмирение' (1), *aktiivisuus* 'активность' (1), *päätäväinen* 'решительный' (1) и т. д. Один ассоциат представлен фразеологизмом *ottaa itseään niskasta kiinni* 'овладеть собой' (букв. 'взять себя за шиворот').

Коннотация отдельной ФЕ *panna kärryt hevosen eteen* 'ставить телегу впереди лошади' (в знач. «спешить в деле, неразумно подходить к выполнению работы») [Varga, Saarinen 2009: 146] основано на образно-метафорическом переосмыслении и отражает оценку спешности в делах.

Есть основание предположить, что следующий фразеологизм с зоонимом *jänis* 'заяц' отражает общее для финно-угорских народов мифологические

представления об окружающей действительности, выраженное в его образном основании *ei (tässä) olla jäniksen selässä* ‘не быть (здесь) на спине зайца’ (в знач. «не спешить») [Varga, Saarinen 2009: 79; Virrkunen 1981: 104]. Данный фразеологизм отражает в контексте (3 примера из контекста) желание не спешить, неспешку в движениях, но спешку в делах: –...*Onko se samanlaista nyt kuin ennenkin, että malttaa ja odottaa pitäisi? – Vai aikaa tiedustelemassa sinä olet. Onko sinulta aika joutunut niin jäniksen selkään?*. букв. ‘–...Сейчас так же, как и прежде, нужно потерпеть и подождать? – Ты еще спрашиваешь о времени. Попало ли твое время на спину зайца?’ [Kauppinen H. Mäkijärvelaiset]⁴⁰. Ассоциативно-образное основание ФЕ отражается в реакциях, полученных в эксперименте – *ei ole kiire* ‘не спешит’ (6), *kiire* ‘спешка’ (1), *kiirettömyys* ‘неспешка’ (1), *vauhditon* ‘без скорости’ (1), *hidas* ‘медлительный’ (1), *hidastella* ‘медлить, мешкать’ (1), *kulkee hitaasti* ‘ходить медленно’ (1) и т.д.

Следующий фразеологизм с зоонимом *sika* ‘свинья’, отражает поведенческие характеристики человека, выражающиеся в его неприличных, непристойных, грубых манерах – *olla sikana* ‘быть свиньей’ [Varga, Saarinen 2009: 246] (3 примера из контекста): ‘*Kurre. ...Sinä olet sika!*’ ‘*Ush, älä käytä tuota nimeä....Sano Kurt!*’ ‘«Курре. ...Ты свинья!» «Ух, не используй этого имени.... Скажи «Курт!»» [Waltari 2005: 416]. Зооним *sika* ‘свинья’ введен в состав ФЕ уже в его переносном значении «неприличный, или неприлично и грубо ведущий себя человек» [SKP 1994: 79].

Порицание нарушения морально-нравственных норм отражается и посредством сленгового фразеологизма *olla pukilla* ‘быть на козле’ [Kari 2003: 149], который обозначает действия мужчины и передает значение «соединяться, объединяться; совокупляться». Реакции, полученные на данный зооним, представлены следующими единицами: *naistenmies* ‘бабник’ (1), *petturi* ‘обманщик, предатель’ (1), *miehet* ‘мужчины’ (1), *seksi* ‘сексуальный’ (1), *irstaus* ‘распутство, разврат’ (1), *epäluotettava* ‘ненадежный’ (1) и т. д.

⁴⁰ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/makijarvelaiset>

Коннотации глагольных ФЕ финского языка с компонентом *koira* ‘собака / пес’ основаны на наблюдениях за поведением собаки. Фразеологическое значение одного из них указывает на чуткий сон человека: – *Minun täytyy aina nukkua koiran unta, Nelly kerran sanoi* ‘«Мне всегда приходится спать собачьим сном», – сказала однажды Нелли’ [Jaatinen 2011: 122]. Другие представляют способы плавания (*uida koiraa* ‘плыть по-собачьи’ [Kari 2003: 71]) или же описывают убогую, жалкую смерть человека (*saada koiran kuolema* ‘получить собачью смерть’ [Там же: 71]).

Основой внутренней формы следующей ФЕ выступает образно-метафорическое переосмысление словосочетания-прототипа – *tehdä kärpäsestä härkänen* ‘делать из мухи быка’ (ср. *tehdä kissasta karhun* ‘делать из кота медведя’). Фразеологизм указывает на преувеличение существующей проблемы или выделение реального увеличения ее масштаба: *Topias: Mutta ken olis asian luullut näin pitkälle käyvän? Se ensin oli kuin kärpänen, mutta kasvopa kuin härkänen* ‘Топиас: Но кто думал, что дело пойдет так далеко? Сначала оно было как муха, но выросло, как бык’ [Virkkunen 1981: 155].

Образность фразеологизма *jakaa vuohiin ja lampaisiin* букв. ‘делить на коз и овец’ также связан с библейским текстом (Матфея 25: 31-33), где коза олицетворяет греховность человека, а овца – смиренных перед Богом людей (‘отделить овец от козлищ’). В контексте же использования в финском языке людей разделяют по профессиональным качествам или уровню образования: *...Johannes Koikkalainen sanoi: «Ei sovi, että sd:n jäseniä ryhdytään jakamaan vuohiin ja lampaisiin koulutuksen perusteella»* ‘...Йоханнес Койккалайнен сказал: «Не годится делить членов социально-демократической партии на коз и овец по уровню их образования»’ [Virkkunen 1981: 93].

Проанализированные ФЕ финского языка используются для оценки разных проявлений человека, которые представлены в значительном количестве эталонных сравнений и некомпаративных фразеологических единиц. Рассмотренные фразеологизмы указывают на наличие у них живой внутренней формы, коннотация которой мотивирована прототипными ситуациями,

связанными со знаниями о поведении животного, условиями его обитания. Результаты ассоциативного эксперимента показали своеобразие ФЕ финского языка. Это выражается в специфике образных и стереотипных представлений о явлениях окружающей действительности и проявляется в том, что фразеологические значения некоторых из них оформлены под влиянием переносного значения зоонима как отдельной лексемы, использующейся в финском языке.

3.1.2. Лингвокультурные и семантические характеристики субстантивных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в финском языке

В состав субстантивных фразеологических единиц с компонентами-зоонимами в финском языке (20,8%) входят полностью или частично переосмысленные фразеологические единицы со структурой словосочетания. Основным типом их переосмысления является метафора. Исследуемые ФЕ финского языка обозначают лицо или группу лиц и нелица (место, время и абстракции разного рода), которым характерны определенные свойства и признаки. Среди рассмотренных субстантивных ФЕ выделяются наиболее частотные компоненты-зоонимы, а именно: *hevonen* ‘лошадь’ и *koira* ‘собака’ (по 9,8% от общего количества субстантивных ФЕ). Структурная характеристика данных ФЕ позволила выделить те единицы, которые включают в себя сравнительный компонент *kuin* ‘как’ (14,6% от субстантивных ФЕ).

Как и в случае с фразеологизмами других типов, при определении фразеологических значений субстантивных ФЕ финского языка и выявлении их коннотативного аспекта, учитываются исторические и социокультурные условия проживания представителей этноса. Применяется и прием когнитивной лингвистики – фреймовое описание, как способ ситуативной интерпретации мотивированности их внутренней формы.

Один и тот же зооним может входить в состав разных фразеологических единиц, использующихся для оценки целого ряда предметов и явлений

окружающей действительности. Исследуемые фразеологизмы рассматриваются в рамках группировки по понятийной близости описываемых ими сфер человеческой жизнедеятельности.

Наибольшую группу фразеологизмов составляют единицы, применяющиеся для описания свойств характера человека и его психических и физиологических особенностей.

Одной из распространенных по использованию среди субстантивных фразеологизмов является устойчивая единица *musta lammas* ‘черная овца’ (= ‘паршивая овца’) [Virkkunen 1981: 210; Kari 1993: 113] (3 примера из контекста). Фразеологизм используется для обозначения человека, отличающегося от остальных членов группы, коллектива, семьи. Определение возникло в связи с появлением рецессивного гена в участке ДНК овец среди животных с доминантным геном белой окраски. За основу ее фразеологического значения взято дополнительное представление о том, что шерсть черной овцы не такая ценная по сравнению с шерстью белой, так как не могла быть окрашена. Ассоциативное фразеологическое поле данной ФЕ, предложенного в эксперименте, позволяет представить образ человека, отличного от других – *erilainen* ‘различный, отличный’ (10), *erilainen kuin muut* ‘отличный от других’ (3), *poikkeava* ‘исключительный’ (2), *eristetty* ‘изолированный’ (1), *suvun häpeäpilkku* ‘позорное пятно рода’ (1), *surjitty* ‘пренебрегаемый, отверженный’ (1), *suvun ainut kannabiksen polttaja* ‘единственный в роду курильщик каннабиса’ (1) и т.д. В отдельных случаях ФЕ используется для наименования целого явления, например, популярной и массовой культуры, сильно отличающейся от традиционной: *Viime vuosikymmeninä suhtautuminen tähän kulttuurin ‘mustaan lampaaseen’ on kuitenkin muuttunut* ‘В прошлые десятилетия отношение к такой культуре, как к «паршивой овце», все-таки изменилось’ [Kostinen 1995: 5].

Происхождение следующего фразеологизма *susi lammasten / lampaan vaatteissa* ‘волк в овечьей шкуре’ [Varga, Saarinen 2009: 373; Virkkunen 1981: 325] связано с библейским текстом (Матфея 7: 15) (2 примера из контекста). Фразеологическая единица применяется для оценки лицемерного человека,

скрывающего свои истинные намерения: *Siitä nyt näet, mitä ne ovat nuo valtionkirkon papit? Susia lammasvaatteissa he ovat. He antavat kiviä leivän sijasta.* ‘Ты видишь, каковы эти священники государственной церкви? Они волки в овечьих шкурах. Они дают камень вместо хлеба’ [Ahrenberg J. Hihhuleita]⁴¹. Ассоциативно-образное представление о лицемере, оцениваемом данным ФЕ, выражается в результатах эксперимента – *huijari* ‘аферист’ (7), *petturi* ‘обманщик, предатель’ (6), *petollinen* ‘коварный, обманчивый’ (4), *valehtelija* ‘лжец’ (2), *naamioitunut* ‘замаскированный’ (2), *kaksinaamaisuus* ‘двуличие’ (1), *liian ystävällinen naapuri* ‘слишком дружелюбный сосед’ (1) и т. д.

Образ собаки на сене, восходящий своим происхождением к басне Эзопа отражается во фразеологическом значении оборота *kuin koira heinäkuorman päällä* ‘как собака на сене’ (ср. п. 2.1.2.).

Умственные способности человека, отражающиеся в его поведении (хитрости, пронырливости, лживости) оцениваются довольно распространенным фразеологизмом *vanha kettu* ‘старый лис’ (об опытном, хитром, пронырливом человеке) [Varga, Saarinen 2009: 104], значение которого также мотивировано знанием о поведении лисы (7 примеров из контекста): *Vilander: ...Se vanha kettu. ...Mutta ei auta, rahaa minun pitää saada, muuten olen hukassa* ‘Виландер: ...Этот хитрый лис... Но не поможет, мне нужно получить деньги, иначе пропаду’ [Kiljander R. Kihlajaiskemut]⁴².

Оценка хитрости, пронырливости человека вербализуется также фразеологизмом *vanha koira* ‘старая собака’, значение которого мотивировано представлением об опытной старой собаке с уже неприглядным внешним видом (2 примера из контекста): *Minä olen vain vanha koira’, hän nyuhkytti.* ‘«Я лишь старый пес», – он начал всхлипывать’ [Waltari 2009b: 44].

Субстантивный фразеологизм *tyhmä pässi* ‘глупый баран’ [Varga, Saarinen 2009: 117; Kivi 1961: 82] употребляется для оценки глупости человека, которая может проявляться в непонимании сферы интересов собеседника, неразвитых

⁴¹ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/hihhuleita>

⁴² URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/kihlajaiskemut>

умственных способностях или излишне медленной реакции на явления окружающей действительности (4 примера из контекста): *Mikko: Sinä tyhmä pässi, kuuleppas tätä kelloa!* ‘Микко: Ты, глупый баран, послушай же эти часы!’ [Kivi 1984:112].

Проявление эмоций страха, также осуждается посредством фразеологизма *arka jänis* ‘трусливый заяц’ [Varga, Saarinen 2009: 79], образное основание которого мотивировано знанием о пугливости животного: *Canzio: Miksi rohkenee siis arka jänis härsytellä jalopeuraa?* ‘Канзио: Почему, стало быть, смеет трусливый заяц злить льва?’ [Kivi 1961: 224].

На выражение мимолетной эмоциональной реакции на неуважительное, неприличное поведение собеседника указывает использование ФЕ *siivoton sika* ‘грязная свинья’ [ФРС 1975: 565].

Память как одна из высших психических функций человека описывается с помощью фразеологизма *hevosen muisti* ‘лошадиная память’ (о хорошей памяти) (ср. *kanan muisi* ‘куриная память’ (о короткой памяти)) [Varga, Saarinen 2009: 112]. Мотивация значения ФЕ основана на знании о том, что, у лошадей очень хорошая зрительная, тактильная и слуховая память.

Физиологическое состояние человека, выражающееся в сильном голоде, описывается ФЕ *suden nälkä* ‘волчий аппетит’ (о хорошем аппетите) [Varga, Saarinen 2009: 373]. Образное основание фразеологизма мотивировано наблюдениями за этими животными.

В отдельном случае эталоном хорошего аппетита выступает *hevonen* ‘лошадь’ посредством употребления устойчивого сравнения *ruokahalu kuin hevotella* ‘аппетит, как у лошади’: *Onni: ...Niin no, kun sinä otit tuon palasen, niin minä vähän naurahdin ja sanoa tokaisin: Hilmalla on ruokahalu kuin hevotella* ‘Онни: ...Так, ну, когда ты взяла тот кусок, то я немного усмехнулся и выпалил: «У Хилмы аппетит, как у лошади»’ [Kiljander R. Pahassa pulassa]⁴³.

Фразеологизмы финского языка, входящие в следующую группу, передают оценку особенностей взаимоотношений между людьми.

⁴³ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/pahassa-pulassa>

Субъективное отношение человека, выражающееся в отрицательной оценке его качеств, представлено целым рядом ФЕ.

Выражение негативного отношения говорящего к собеседнику реализуется фразеологизмами *senkin koira* ‘эдакая собака’ и *kirottu koira* ‘проклятая собака’ [Там же: 113]. На мимолетную эмоциональную реакцию человека указывает также фразеологизм *kapinen koira* ‘вшивый пес’: *Ulkomin. Rudolf Holsti oli Genevessä Kansainliiton kokouksessa ollessaan eräillä illallisilla kutsunut Hitleriä ‘kapiseksi koiraksi’, minkä vuoksi hän joutui eroamaan.* ‘Министр иностранных дел, Рудольф Холсти, был в Женеве на собрании Лиги наций, во время ужина назвал Гитлера «вшивым псом», из-за чего был отправлен в отставку’ [Virkkunen 1981: 131].

Происхождение фразеологической единицы *kadonnut lammas* ‘заблудшая овца’ [Varga, Saarinen 2009: 84] (2 примера из контекста) связано с библейскими текстами (Матфея 18: 12-13; Луки 15: 4-6)), в которых животное выступает как образ человека, отступившего от веры, сбившегося с истинного пути. Фразеологизм позволяет выразить отрицательное отношение к собеседнику: *Jahka nyt sedän huomenna seulovat mullan, niin eiköhän kadonnut lammas löydy* ‘Если только в завтрашний день дяди просеют землю, так еще и найдет какая-нибудь паршивая овца’ [Talvio 1951: 365] (о потерянном кольце).

Подчинение и манипуляция как виды информационного насилия оцениваются посредством употребления ФЕ *kissa ja hiiri-leikki* ‘игра в кошки-мышки’. Мотивационным стимулом ее значения выступает наблюдение за поведением кошки, долго играющей с пойманной мышью перед тем, как ее съесть: *Arvopapereiden ostajien ja myyjien kissa ja hiiri-leikki jatkuu edelleen Helsingin arvopaperipörssissä* ‘Игра покупателей и продавцов в кошки-мышки продолжается дальше на фондовой бирже в Хельсинки’ [Virkkunen 1981: 129].

Обман и мошенничество человека при использовании общественного транспорта оценивается ФЕ *jäniksen passi* ‘заячий билет’ (букв. ‘заячий паспорт’) [Там же: 105]. Мотивация его фразеологического значения связана с представлением о несуществующем предмете. Фразеологизм употребляется по

отношению к человеку, едущему на общественном транспорте без билетов или же с фальшивыми документами: *Erittäinkin miehet sellaiset, joista tiettiin, että ne ovat varsin kernaita käyttämään jäniksen passia, ne vasta melun pitivät* ‘Особенно такие люди, о которых знают то, что они охочи до бесплатного проезда (букв. ‘в использовании заячьего билета’); им выгоден шум’ [Alkio S. Puukkojunkkarit]⁴⁴.

Следующие фразеологизмы применяются в оценке проявлений человека в *сфере социально-трудовых отношений*.

Положение человека в обществе образно передается фразеологизмом *yksinäinen susi* ‘одинокий волк’ (о нелюдимом, одиноком человеке) [Kari 2003: 183; Varga, Saarinen 2009: 373; Virrkunen 1981: 325] (6 примеров из контекста), являющимся довольно распространенным в финском языке. Особенно часто он используется в публицистической литературе при описании биографических фактов из жизни людей. Фразеологизм применяется по отношению к человеку, который предпочитает быть один, без компании и обходиться без помощи других: *‘Olen yksinäinen susi, nyt kun Sarjalakin kuoli.’ Espoonlahden koulun rehtori Jukka Penttinen arvioi itsekin* ‘«Я одинокий волк, сейчас, когда Сарьяла⁴⁵ умерла», – сказал о себе Юкка Пенттинен, ректор школы Эспоонлахти’ [Liiten M. Varaudutaan ääritilanteisiin]⁴⁶. Мотивация фразеологизма связана со знанием о жизни волков. Как известно, некоторые волки, повзрослев, покидают стаю, чтобы скитаться в одиночку.

Особенности ассоциативно-образного основания фразеологизма отражаются в результатах САЭ – *erakko* ‘затворник, отшельник’ (11), *oman tien kuilkija* ‘ходящий по своей дороге’ (2), *erilainen* ‘другой’ (2), *yksinäinen ihminen* ‘одинокий человек’ (1), *orpo* ‘сирота’ (1), *antisosiaalinen* ‘антисоциальный’ (1), *joku, joka elää oman elämänsä* ‘кто-то, кто живет своей жизнью’ (1) и т.д.

Субстантивная фразеологическая единица *koiran virka* ‘собачья должность’ [Varga, Saarinen 2009: 442] применяется для оценки плохой должности человека. Мотивация значения ФЕ отображается в коммуникативном ФЕ финского языка

⁴⁴ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/puukkojunkkarit>

⁴⁵ Здесь: жена Юкки Пенттиненна.

⁴⁶ URL: <http://www.hs.fi/kotimaa/a1371620871167>

Sehän koiran virka on että haukkuu ‘Собачья должность такова, чтобы лаять’ [Krikmann 2001: 21]⁴⁷.

Плохие условия жизни определяются устойчивой единицей *koiran elämä* ‘собачья жизнь’ [ФРС 1975: 246]. С целью проверки степени фразеологичности и семантической целостности ее компонентов ФЕ была предложена в ассоциативном эксперименте, который показал, что его идиоматичность выражена слабо. Многие ассоциаты непосредственно связаны с самим животным. Однако образность таких связей проявляется, например, в таких реакциях, как *kurja* ‘жалкий, убогий’ (1), *huono elämä* ‘плохая жизнь’ (1), *vaikeaa* ‘трудный’ (1), *kurja elämä* ‘жалкая жизнь’ (1), *kurjuus* ‘нищета, бедность’ (1) и т.д.

Разделение объектов окружающего мира на однородные части с учетом их количественных характеристик выражается фразеологизмом *miehiä kuin Viron susiä* ‘людей (много), как эстонских волков’ [Varga, Saarinen 2009: 202] (ср. *Viron susi* ‘эстонский волк’ [Virkkunen 1981: 386]): *Paavo: ...Mutta kapteeni itse käskee. Täällähän on teidän miehiänne kuin Viron susia* ‘Пааво: ...Но капитан сам приказал. Здесь у вас людей, как эстонских волков’ [Pakkala T. Meripoikia]⁴⁸. Мотивация его образного основания связана с тем фактом, что на территории Эстонии было много волков, что представлялось большой проблемой для жителей страны.

Особенность проявления пространственно-временных отношений передается фразеологизмом *suden virsta*⁴⁹ ‘волчья верста’ (неопределенно долгое путешествие) [Varga, Saarinen 2009: 373], мотивировочный стимул которого связан со знанием того, что волк способен проходить довольно большое расстояние в поисках пищи.

Отдельных комментариев требуют фразеологизмы, связанные с религиозными представлениями, существующими в рамках разных культур и заимствованные в финский язык.

Образное основание некоторых из них связано с традициями других этносов. Например, ФЕ *pyhä lehmä* ‘священная корова’ используется для указания

⁴⁷URL: <http://haldjap.folklore.ee/folklore>

⁴⁸ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/meripoikia>

⁴⁹Virsta – заимствование из русского языка (русская единица измерения расстояния, равная 1 066,8 метра).

на то, что высоко ценится, почитается людьми: ...*On 'pyhä lehmäksi' sanottu million mitäkin muodissa olevaa asiaa kuten Televisioteatterua, yleisiä nurmikenttiä...* '...«Священной коровой» были названы такие модные формы существования вещей, как телетеатр, общественные площадки...' [Virkkunen 1981: 165]. Как известно, корова считается священным животным в традиционной культуре Индии.

Фразеологизм *valkoinen elefantti* 'белый слон' [Kari 1993: 22] является калькой с английского языка, в котором он обозначает какой-либо предмет, разорительный для своего владельца. Образное основание ФЕ мотивировано фактами традиционной культуры Сиама (в настоящее время – Таиланд), где белый слон-альбинос считался священным животным, которое не должно было использоваться в работе. Король Сиама дарил таких слонов неудобным ему людям. Содержание такого слона обходилось очень дорого его владельцу. В финском языке данный фразеологизм применяется для наименования товара, негодного для продажи и не имеющего спрос.

Фразеологизм *kultainen vasikka* 'золотой телец' [Varga, Saarinen 2009: 133] обладает библейским происхождением и связан с ветхозаветной историей о пророке Моисее. В настоящее время ФЕ используется для указания на предмет чрезмерного почитания, поклонения и выступает как символ богатства, власти золота и денег: *Ja minä olenkin iskenyt! Ollut kuin Mooses Sinain juurella, jylissyt ja pauhannut ja iskenyt raukkamaisuuden kultaisia vasikoita murskaksi* 'Я побил! Как Моисей под горой Синай, нагремел, нашумел, разбил жалкого золотого тельца вдребезги' (о драке с мужчинами-крестьянами, которые были богаче говорящего) [Linnankoski J. *Laulu tulipunaisesta kukasta*]⁵⁰.

Мотивация образно-метафорического основания ФЕ *lampaat ja vuohet* 'овцы и козы' [Varga, Saarinen 2009: 158] также связано с библейскими текстами (ср. п. 3.1.1.). Фразеологизм используется с целью противопоставления «хороших» и «плохих» людей в определенной коммуникативной ситуации.

⁵⁰URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/laulu-tulipunaisesta-kukasta>

Образным стимулом для мотивации ФЕ *koiran taivas* ‘собачий рай’ послужил сюжет ирландско-американского мультфильма «Все псы попадают в рай» (*All Dogs Go To Heaven*, 1989), в котором пес Чарли попадает в собачий рай после смерти: *Joku pojankloppi oli tietenkin kurvannut siihen bemarilla ja Eppu oli jäänyt alle. Eppu oli nyt koirien taivaassa...* ‘Какой-то парнишка, конечно же, гнался там на БМВ, и Эппу попала под него. Эппу теперь в собачьем раю...’ [Tuominen 2012: 154].

Коннотации некоторых субстантивных ФЕ финского языка связаны с мифами. Например, образное основание фразеологизма *suden hetki* ‘волчье мгновенье’ (время с трех до пяти утра) [Kari 2003: 183; Varga, Saarinen 2009: 373; Virkkunen 1981: 325] мотивировано мифами скандинавских народов. В ранних письменных источниках финского языка компонент *hetki* использовался в значении «час». Устойчивая единица не относится к исконно финскому фразеологическому фонду. Фразеологизм начал активно использоваться после выхода на экран шведского фильма ужасов И. Бергмана «Час волка» (*Vargtimmen*, 1968), герой которого мучается бессонницей и в данные «часы» находится в состоянии между сном и реальностью, что приводит его к психической и физической смерти. По преданию, в указываемое фразеологизмом время, человек мог умереть от болезни или старости, если, будучи ослабленным, он не мог начать новый день. Данное время суток считалось самым призрачным и страшным. Именно тогда сны человека воспринимались как вещи. Согласно скандинавской мифологии, раскрытая пасть волка Фенрира могла достать от земли до неба. А его вой означал начало конца света. Однако изначально к данным событиям не был привязан «волчий час» с настоящим значением [Häkkinen K. Mistä juontaa sanonta suden hetki]⁵¹.

Ассоциативно-образная связь с мифологическими представлениями финнов прослеживается в коннотации ФЕ *Suomen karhu* ‘финский медведь’, использующейся для наименования Финляндии [Virkkunen 1981: 322]. В финской традиционной культуре *karhu* ‘медведь’ является почитаемым животным, что

⁵¹ URL: http://www.tiede.fi/artikkeli/kysy/mista_juontaa_sanonta_suden_hetki

доказывает наличие целого ряда лексем, связанных с ритуалами охоты на медведя. Почитание данного животного у финно-угорских народов восходит еще к прауральской эпохе [Петрухин 2005: 55].

Соотношение России с образом медведя выражается фразеологизмом *Pohjolan karhu* ‘северный медведь’ (старое название России) [Virkkunen 1981: 259].

На определенные явления природы и места пребывания человека указывают фразеологизмы с компонентами *leijona* ‘лев’ и *karhu* ‘лев’. Фразеологическая единица *leijonan luola* ‘львиная нора’ [Varga, Saarinen 2009: 175] имеет библейское происхождение (1 Царств 17: 34-36). Она употребляется для указания на место, куда идут только хладнокровные и храбрые.

Фразеологизм *Ernestin koirat* ‘Эрнестовы собаки’ [Virkkunen 1981: 46] использовался для наименования членов Радикальной народной партии, активной в 40-50-е гг. XX в. в Финляндии. Ее лидером был Эрнест Хентунен (1885-1951), основавший ее в 1944 году. Программа партии выступала за вынесение сурового приговора за разжигание войны, попытки корпоративной социализации, а также за амнистию дезертиров, в частности, тех, кто занимался политикой.

Образное основание фразеологизма *karhun pesä* ‘медвежья берлога’ связано с представлением о берлоге медведя как о тихом, глухом и неудобном месте (2 примера из контекста): *Olisipa, Mari, sinulla ollut tarjolla paremmatkin päivät, kauniimpi leipä ja mukavampi asunto, kuin tää karhun pesä* ‘Были бы у тебя, Мари, дни получше, хлеб вкуснее и жилье удобней, чем эта медвежья берлога’ [Päivärinta P.Tintta Jaakko]⁵².

Незначительное количество фразеологизмов используется для номинации разных явлений окружающей действительности.

Полное отсутствие звука, сохранение тишины или молчания отражается в ассоциативно-образном основании фразеологизма *hiiren hiljaa* букв. ‘мышинная тишина’ [SMS 1995: 60]: *Hänen äänensä on mielenliikutuksesta sortunut ja tulee kuin syväältä maan alta. Käytävässä on tähän saakka ollut hiiren hiljaista* ‘Ее голос охрип от душевных переживаний и исходит будто бы глубоко из-под земли. В коридоре до

⁵² URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/tintta-jaakko>

сих пор стояла гробовая тишина (букв. ‘мышинная тишина’)’ [Wilkuna K. Kahdeksan kuukautta Shpalernajassa]⁵³.

Образное основание фразеологизма *punainen koira* ‘красная собака’ [Varga, Saarinen 2009: 117] мотивировано представлением о красной сыпи на коже во время болезни, поэтому ФЕ используется для наименования краснухи.

Устаревшая фразеологическая единица финского языка *kissan kirkko* ‘кошачья церковь’ [Virkkunen 1981: 129] использовалась для образной характеристики основания длинной юбки женщины. Мотивационным стимулом значения ФЕ послужило знание о привычке кошек лежать на коленях у людей. Компонент *kirkko* позволяет ассоциировать подол со спокойным и теплым местом.

Пронализированные фразеологизмы финского языка отражают разные проявления окружающего мира. Коннотация одних обоснована прототипичными ситуациями. Образное основание других определяется через ритуалы и мифы, а также посредством определения их денотата. Денотативный аспект значения субстантивных ФЕ финского языка выявляется в тех из них, в составе которых используются наименования реалий, связанных с социально-историческими фактами финской культуры, что указывает на ярко выраженные национально-культурные особенности данных языковых единиц.

3.1.3. Лингвокультурные и семантические характеристики адъективных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в финском языке

Адъективные ФЕ (*vertaukset, vertausrakenteet*) составляют наименьшую группу среди рассмотренных фразеологизмов финского языка. Они указывают на определенные качественные характеристики предмета и поведения человека (13,7%). Первый элемент выражения используется в своем прямом основном значении (основание сравнения), а второй составной элемент является объектом сравнения, выполняющим усилительную функцию и обозначающим степень признака, выраженного первым компонентом. В данной группе объектами

⁵³ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/kahdeksan-kuukautta-shpalernajassa>

сравнения выступают животные. Первый компонент адъективных ФЕ финского языка выражается такими частями речи как прилагательное, существительное в лишительном падеже (*abessiivi*) с показателем *-tta / -ttä* и причастием с показателем *-nut / -nyt*. Вторая часть сравнительных оборотов финского языка состоит из двух и более компонентов. Все адъективные ФЕ финского языка составляют фразеологизмы с компаративным элементом *kuin* ‘как’, посредством которого передается образное выражение высказывания. Кроме того, встречается и конструкция *niin + adjektiivii + että / kuin* ‘так(ой) + прилагательное + что / как’ [Heinonen 2010: 348-350]. Подобный тип ФЕ называют также компаративными или устойчивыми сравнениями. Данный тип сравнений финского языка представлен в словаре *Haisee kuin eilinen silli. Suuri vertailu sanakirja* ‘Пахнет, как вчерашняя селедка. Большой словарь сравнений’, в который включено около 50 000 сравнительных оборотов [Tammi 2008].

В исследованной группе ФЕ варьируются элементы сравнения, которые рассматриваются как варианты одного и того же фразеологизма, так как при таких вариациях значение ФЕ не меняется. Общая систематизация по семантическим полям позволяет представить полную систему значений исследуемых оборотов, выделить синонимические и антонимические, полисемантические связи между ними и фразеологизмами других групп в рамках выделяемого поля.

Рассматриваемые устойчивые сравнения представляют собой определенные *эталон*ы, существующие в финской лингвокультуре. Исследуемые фразеологизмы финского языка группируются на основе общих семантических признаков ФЕ с компонентами-зоонимами в передаче определенных эталонов с учетом их количественной представленности в выделенных группах ФЕ.

Самым частотным по вероятности появления в контексте является фразеологизм *köyhä kuin (kirkon)rotta* ‘бедный, как (церковная) крыса’ [Kivi 1961: 70; Varga, Saarinen 2009: 113] (6 примеров из контекста). Его значение мотивировано представлением о крысе, живущей в церкви, в которой она не может удовлетворить потребности, необходимые для жизнедеятельности, так как отсутствуют кладовые с продуктами. Посредством данного фразеологизма *rotta*

‘крыса’ выступает *эталон* бедности: *Iivari: Äsken köyhä niin kuin rotta, nyt seittemän sadan rixsin mies!* ‘Ийвари: Недавно был бедным, как церковная крыса, а теперь мужчина с семьей сотнями риксдалеров⁵⁴!’ [Kivi 1961: 70-71]. Контекстуальный анализ предложений, содержащих упомянутую ФЕ, показывает, что фразеологизм говорит о бедности человека, которая связывается с неимением какого-либо имущества и наличием долгов.

В результате эксперимента были выявлены ассоциативные представления, связанные с данным фразеологизмом – *rahaton* ‘безденежный’ (5), *koditon* ‘бездомный’ (3), *opiskelija* ‘студент’ (3), *ei ole rahaa* ‘нет денег’ (2), *kirkko* ‘церковь’ (2), *likainen* ‘грязный’ (2), *puliukko* разг. ‘алкаш’ (1), *työtön* ‘безработный’ (1) и т. д.

Следующий зооним *härkä* ‘бык’ передает *эталон физической силы* посредством устойчивого сравнения *vahvakuin härkä* ‘крепкий, как бык’ (2 примера из контекста) (ср. *jollakulla on voima kuin härällä* ‘у кого-л. силы, как у быка’ [Kari 2003: 223]): *Olet vahva kuin härkä ja rohkea kuin leijona. Lääkäriinä tuskin voin sinua auttaa* ‘«Ты крепкий, как бык и храбрый, как лев. Едва ли могу помочь тебе как лекарь’ [Waltari 2009b: 53]. В данном случае происходит фразеологическое насыщение контекста: наряду с описываемым фразеологизмом, передающим *эталон физической силы*, появляется и устойчивое сравнение *rohkea kuin leijona* ‘храбрый, как лев’. В приведенном контексте *leijona* ‘лев’ соотносится с *эталон* храбрости [Varga, Saarinen 2009: 162]. Зооним *härkä* представляет *эталон физической силы* и посредством ФЕ *väkevä kuin härkä* ‘сильный, как бык’ [Waltari 2009b: 393].

Эталон физической силы выступает также *karhu* ‘медведь’ (синоним – *kontio*), что вербализуется устойчивым сравнением *väkevä kuin karhu* ‘крепкий / сильный, как медведь’ [Varga, Saarinen 2009: 394]: *Väkevänä kuin karhu ponnisteli kyllä Vesainen syrjäyttääkseen hänet edestään* ‘Сильный, как медведь, Весайнен,

⁵⁴ Шведская денежная единица, использовавшаяся в Финляндии вплоть до XIX века.

приложил все силы для того, чтобы убрать его со своего пути’ [Ivalo S. Juho Vesainen]⁵⁵.

Ассоциативное фразеологическое поле фразеологизма позволяет выявить представления о сильном человеке, что иллюстрируется на примере полученных реакций – *voimakas* ‘сильный’ (3), *väkivahva* ‘чрезвычайно сильный’ (2), *vahva* ‘крепкий / сильный’ (2), *erittäin iso mies* ‘исключительно большой мужчина’ (1), *voimamies* ‘силач, атлет’ (1) и т. д.

Фразеологическое насыщение контекста посредством добавления еще одного устойчивого сравнения, передающего *эталон быстроты* (выражается зоонимом *hirvi* ‘лось’), позволяет дополнить описание психофизиологического здоровья человека, в частности, внешнего проявления физической активности, что выражается компонентом *karhu* ‘медведь’: *Hän oli suuri kuin mies, komea varreltaan ja näöltään, voimakas kuin karhu ja nopea kuin hirvi* ‘Он был крупным, как мужчина, с хорошей фигурой и внешностью, сильным, как медведь и быстрым, как лось’ (о мальчике) [Pakkala T. Pikku ihmisiä]⁵⁶.

Ассоциативно-образное представление о скорости реакции и движений отражается и в сравнительном обороте *vikkelä kuin kärppä* ‘проворный / шустрый, как горноста́й’, посредством которого *kärppä* ‘горноста́й’ так же выступает в качестве *эталона быстроты* [Varga, Saarinen 2009: 145, 257]: *Tiskin takana liikkui pieni mies, nopea kuin kärppä ja äkäinen kuin kissa* ‘За прилавком передвигался маленький мужчина, быстрый, как горноста́й и злой, как кошка’ [Aho J. Helsinkiin]⁵⁷. В данном случае быстрота действий человека является следствием раздражительности, что дополняется устойчивым сравнением *äkäinen kuin kissa* ‘злой, как кошка’.

Эталон физического здоровья передается зоонимом *pukki* ‘козел’, что иллюстрируется на примере использования ФЕ *terve kuin pukki* ‘здоров, как козел’ [Varga, Saarinen 2009: 394] (2 примера из контекста): *Tosihan se oli, että hän oli terve ja väkevä, ajatteli hän nytkin. Terve kuin pukki.* ‘«И действительно было так,

⁵⁵ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/juho-vesainen>

⁵⁶ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/pikku-ihmisia>

⁵⁷ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/helsinkiin>

что он был здоров и силен», – сразу подумал он. – Здоров, как козел’ [Pakkala T. Vaaralla. Kuvia laitakaupungilta]⁵⁸.

Ассоциативное фразеологическое поле устойчивого сравнения позволило выявить такие свойства человека, как *terveys* ‘здоровье’ (4), *täysin terve* ‘совершенно здоровый’ (2), *terve* ‘здоровый’ (2), *todellaa terve* ‘действительно здоровый’ (2), *ei sairauksia* ‘нет болезней’ (2), *reipas* ‘бодрый’ (2), *hyväkuntoinen* ‘в хорошей форме’ (1) и т.д.

Эталон нежности и любезности обнаруживается в использовании зоонима *lammas* ‘овца’ в составе ФЕ *laupias / lauhkea kuin lammas* ‘нежный / любезный, как овца’: *Minä olin ensin iloinen ja laupias kuin lammas* ‘Я сначала был весел и любезен, как овца’ [Aho J. Muuan markkinamies]⁵⁹.

Овца соотносится также с *эталон* *невинности* и *безобидности* – *viaton kuin lammas* ‘невинный, как овечка’ (2 примера из контекста): *Juhani: Sinä ilman yhtään makua vielä, viaton kuin lammas* ‘Юхани: Ты... уже вовсе без (чувства) вкуса, безобидный, как овца’ [Kivi 1984: 182].

Мотивационным стимулом устойчивого сравнения *nälkäinen kuin susi* ‘голодный, как волк’ [Kivi 1961: 74; Varga, Saarinen 2009: 228] является представление об очень голодном волке. С помощью данного названия животного выражается *эталон чувства голода* или *злости*, что зависит от контекстуального окружения устойчивого сравнения: *Mikko: Väsynyt kuin koira! Esko: Ja minä nälkäinen kuin talvinen susi...* ‘Микко: Уставший, как собака! Эско: А я голодный, как волк зимой (букв. ‘голодный, как зимний волк’)’ [Kivi 1961: 74]. В приведенном примере фразеологическое насыщение контекста позволяет наиболее полно представить голодного человека. Описание дополняется использованием фразеологизма *väsynyt kuin koira* ‘уставший, как собака’, который является производным от ФЕ глагольного типа *väsyä kuin koira* ‘устать, как собака’, т. к. в данном случае базовое слово является причастием прошедшего

⁵⁸ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/vaaralla-kuvia-laitakaupungilta>

⁵⁹ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/muuan-markkinamies>

времени активного залога с показателем *-nut* и по семантике указывает на признак обозначаемого предмета.

Ассоциативно-образное основание ФЕ *nälkäinen kuin susi* отражается в реакциях, полученных в результате эксперимента – *sudennälkä* ‘волчий аппетит’ (2), *todella nälkäinen* ‘действительно голодный’ (2), *tosi nälkäinen!* ‘очень голодный!’ (3), *todella kova nälkä* ‘действительно сильный голод’ (2), *kova nälkä* ‘сильный голод’ (2), *peto* ‘зверь’ (2), *humalainen teini mcdonaldsilla* ‘пьяный тинэйджер в Макдоналдсе’ (1) и т. д.

Следующий зооним *kettu* ‘лиса’ соотносится с эталоном *хитрости*, который проявляется в использовании ФЕ, основание сравнения которого может варьироваться – *varova / viisas / ovela / viekas kuin kettu* ‘осторожный / умный / хитрый / ловкий, как лиса’, что зависит от признаков, которым уделяется внимание в коммуникативной ситуации: *Ivari: Olisin vahva kuin kontio, siivo kuin lammas ja viisas ja varova kuin kettu...* ‘Ивари: Я был бы сильным, как медведь, кротким, как овца, умным и осторожным, как лиса...’ [Kivi 1961: 57]. В рассмотренном примере фразеологическое насыщение контекста позволяет обратить внимание на выражение желания обладать необходимыми для человека личностными характеристиками.

Эталоном *веселья* выступает зооним *vasikka* ‘теленок’ в сравнительном обороте *iloinen kuin (laitumelle laskettu) vasikka* ‘веселый, как теленок (выпущенный на пастбище)’ [Varga, Saarinen 2009: 430]: *Hän oli iloinen kuin vasikka, hyppi ja nauratteli koko perekuntaa hullunkurisuudellaan* ‘Он был веселым, как теленок, скакал и смешил всю общину своим дурачеством’ [Ivalo S. Vesainen Juho]⁶⁰.

В некоторых случаях с эталоном *веселья* соотносится зооним *kärppä* ‘горноста́й’: *Vastoin äitinsä luuloa oli hän iloinen kuin kärppä, myöhemmin illalla rauhaavakin, jopa vähän tunkeileva* ‘Вопреки предположениям матери, он был

⁶⁰ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/juho-vesainen>

веселым, как горноста́й, позднее же вечером шумным, даже немного назойливым’ [Ahrenberg J. Hihhuleita]⁶¹.

Эталонем веселья выступает также *hevonen* ‘лошадь / конь’, что вербализуется фразеологизмом *iloinen kuin kolmen markan hevonen / viidenpennin hevonen* ‘веселый, как лошадь за три марки / пять пенни’ (в знач. «очень веселый») [Heinonen 2010: 359; Kari 1993: 46; Varga, Saarinen 2009: 42]. Образное основание фразеологизма связано с обыкновением цыган поить чахлую лошадь вином, чтобы она казалась резвой и здоровой перед тем, как повести продавать ее на рынок.

Эталон страха обнаруживается в использовании зоонима *jänis* ‘заяц’ в составе устойчивого *arka kuin jänis* ‘боязливый, как заяц’ [Kivi 1961: 74; Varga, Saarinen 2009: 79] (2 примера из контекста): *Kaupungilla oli hän käynyt tämän jälkeen pelolla ja vavistuksella, arkana kuin jänis aavikolla. Hän alituisesti pelkäsi sitä herraa* ‘После этого он шел по городу в страхе и трепете, боязливым, как заяц по пустыне’ [Pakkala T. Elsa]⁶².

Фразеологизм, предложенный в эксперименте, вызвал реакции, указывающие на свойства и действия, присущие пугливому человеку – *ujo* ‘застенчивый’ (7), *pelokas* ‘боязливый, пугливый’ (5), *säikky (säikkyä)* ‘пугается (пугаться)’ (3), *pensas* ‘куст’ (2), *todella ujo* ‘очень застенчивый’ (2), *jänishousu* ‘заячья душа (букв. ‘заячьи штанишки’)’ (1) и т. д.

Фразеологизм *valkea kuin jänis* ‘белый, как заяц’, считающийся уже устаревшим в финском языке, отражает ассоциативно-образное представление о насыщенности белого цвета. Использование данного фразеологизма указывает на передачу эталона белизны и бледности, что демонстрируется на примере применения данной ФЕ для описания состояния сильной тревоги: *Ei, tämä on vain unta. Mutta miksi en herää? ...Häneltä pääsi parahdus...Hän seisoi keskellä lattiaa, kädet ylhäällä. Joku hyppäsi karsinan nurkasta penkiltä ja harppasi huutaen ulos, paitasillaan, valkea kuin jänis* ‘Нет, это лишь сон... Почему не могу проснуться?’

⁶¹URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/hihhuleita>

⁶²URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/elsa>

Она закричала... Она стояла посередине пола, подняв руки вверх. Кто-то спрыгнул с угла скамейки у закута и, крича, пошел наружу в одной рубашке, белым, как заяц' [Pakkala T. Elsa]⁶³

Следующий зооним *koira* 'собака' передает *эталон верности* посредством ФЕ *uskollinen kuin koira* 'верный, как пес / собака' [Varga, Saarinen 2009: 421]: *Minä tulen, Marta, mina tulen, rakas serkku, sinä tiedät etten mina koskaan ole väistynyt sinun rinnaltasi, minä olen uskollinen, uskollinen kuin koira* 'Я иду, Марта, я иду, дорогая кузина, ты знаешь, что я никогда не отступлю от тебя; я верный, верный, как пес' [Kihlman 1983: 150].

Верность ассоциативно связывается носителями финского языка с такими понятиями, как *luotettava* 'надежный' (4), *ystävä* 'друг' (4), *ystävyyus* 'дружба' (2), *paras ystävä* 'лучший друг' (2), *rehti* 'порядочный, честный' (1), *todella uskollinen* 'действительно верный' (1), *uskollisuus* 'верность' (1) и т. д.

Эталоном глупости в финской лингвокультуре выступают баран или осел – *tyhmä kuin pässi / aasi* 'тупой, как баран / осел' [Varga, Saarinen 2009: 413] (ср. п. 3.1.2.).

Единичные случаи употребления представляют адъективные ФЕ, использующиеся для оценки внешнего вида человека.

Например, с *эталонном упитанности* соотносится *sika* 'свинья', что иллюстрируется на примере ФЕ *rasvainen kuin sika* 'жирный, как свинья': *Hän oli isomahainen mies, rasvainen kuin sika, ja haisi sipulilta* '...Он был пузатым мужчиной, жирным, как свинья, и от него пахло луком' [Waltari 2009b:67].

С *эталонном убогости* соотносятся собака и кошка, что прослеживается в использовании фразеологизма *märkä kuin uitettu koira / kissa* 'мокрый, как искупанная собака / кошка' [Tammi 2008: 270; Varga, Saarinen 2009: 229] для указания на сильно промокший объект, о котором идет речь (2 примера из контекста): *Junkka: Onnen herran korea kukko! Paavo.: Korea se on, oikein korea. Mutta nyt se on märkä kuin uitettukissa* 'Юнкка: Красивый цветок господина Онни!

⁶³URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/elsa>

Пааво: Красив он, красив. Но сейчас он промокший, как искупанная кошка' [Pakkala T. Meripoikia]⁶⁴.

Эталон милovidности передается зоонимом *sika* 'свинья', что реализуется с помощью ФЕ *nätti kuin sika pienenä* 'хорошенький, как свинка' [Varga, Saarinen 2009: 229].

Анализ фразеологических единиц адъективного и адвербиального типа в финском языке позволил выявить культурно значимые понятия, вербализуемые устойчивыми сравнениями с компонентами-зоонимами.

Как и в случае с компаративными фразеологизмами финского языка глагольного типа, один и тот же зооним в составе рассматриваемых ФЕ данной группы может участвовать в номинации разных эталонов финской лингвокультуры, что зависит от выбранных признаков, присущих животным. Коннотация большинства ФЕ мотивирована знаниями о поведении животного, социо-культурными и историческими фактами жизни представителей финского этноса.

3.2. Лингвокультурные и семантические характеристики коммуникативных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в финском языке

Коммуникативные фразеологические единицы (КФЕ) составляют одну из самых многочисленных групп среди зоосемических фразеологизмов финского языка (28,4%). В исследованиях по финскому фольклору для их наименования используют термины *sananlasku* 'пословица', *sananparsi* 'поговорка' и *sanonta* 'выражение, оборот речи'. Часть из них используется в усеченном варианте и входит в глагольные ФЕ. В представленном разделе рассматриваются коммуникативные фразеологизмы, зафиксированные в лексикографических источниках и произведениях финской художественной литературы с целью выделения наиболее распространенных единиц, функционирующих в активном фонде фразеологии финского языка.

⁶⁴ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/meripoikia>

Исследование показало, что наиболее распространенными по использованию в составе ФЕ данного типа являются зоонимы *koira* ‘собака’ (32% от общего количества КФЕ) и *susi* ‘волк’ (10,7%).

Финские зоонимы, будучи семантическим центром коммуникативных фразеологических единиц, играют основополагающую роль в их метафорическом переосмыслении. Фразеологическое значение данного типа устойчивых выражений позволяет наиболее полно выразить специфику процесса присвоения животным качеств человека, с последующим переносом образа животных на свойства, характерные людям. Коммуникативные ФЕ с компонентами-зоонимами в финском языке описывают в основном особенности проявления характера человека в социальной сфере.

Коммуникативные фразеологизмы, анализируемые в разделе, располагаются с учетом их количественной представленности и объединения в рамках семантического поля на основании близости их значений в процессе вербализации тех или иных явлений окружающей действительности. Выявленные сферы оценок обобщаются в рамках выделенных далее семантических групп.

1. Социально-трудовые отношения человека (42,9% от ФЕ коммуникативного типа).

Проявление инициативности человека в работе передается фразеологизмом *Kukas koiran hännän aidalle nostaa, jollei itse* ‘Кто поднимет хвост собаки на забор, если не она сама’ [Kari 2003: 71] (в знач. «приступить к решению сложного дела»), где образ собаки выступает как субъект, ответственный за совершение работы.

Оправдания и отговорки человека при нежелании работать выражены следующей КФЕ: *Kyllä sika syitä keksii / löytää* ‘Свинья выдумывает / находит причины’ [Varga, Saarinen 2009: 56] (ср. *Kyllä sika syitä keksii, milloin on maa roudassa, milloin kärsä kipeä* ‘Свинья придумывает отговорки, когда земля замерзает, когда рыло болит’).

Опоздание в решении проблем отражается в образном основании КФЕ *Aika hiiren haukotella kun on pää kissan kidassa* ‘Довольно зевать мыши, когда ее голова

наполовину в пасти кота’, использующейся в одном из примеров в шуточной форме: *Toppo: Mies on vaimon pää, niinkuin kissa on hiiren pää. Kustaa: Ja myöhä on hiiren haukotella, kun on puoliksi kissan suussa* ‘Топпо: Муж – глава жене так же, как кошка – глава мышке. Кустaa: И поздно зевать мыши, когда она наполовину в пасти кота’ [Canth M. Työmiehen vaimo]⁶⁵.

Коммуникативная ФЕ *Kun menee sutta pakoon, karhu tulee vastaan* ‘Когда убежал от волка, медведь вышел навстречу’ [Varga, Saarinen 2009: 93] отражает вопрос выбора: при наличии проблем не следует отказываться от решения одного вопроса ради другого, если он не менее проблематичен. Волк и медведь выступают здесь как образы препятствий и проблем, возникающих на протяжении всей человеческой жизни.

Преувеличение существующих затруднений отражается во фразеологическом значении КФЕ *Kun kissasta tulee karhu, niin se röppä onkin* ‘Когда кошка превращается в медведя, она становится чудовищем’. Оттенки значения наиболее полно отображаются в контексте использования, где в одном случае ФЕ указывает на утрирование проблем (*Mutta sinä olet aina niin turhantarkka. Teet kissasta karhun ja säikähdytät itsesi aivan hukkaan, tyhjämpäiten* ‘Но ты всегда так мелочна. Делаешь из кошки медведя и сама пугаешься до смерти’ [Canth M. Sylvi; Kovan onnen lapsia]⁶⁶), а в другом – на возникающие осложнения, усугубляющие сложившуюся ситуацию (*Mutta se on vanha totuus: kun kissastatulee karhu, niin se vasta röppö onkin* ‘Но есть старая истина: когда из кошки получается медведь, она становится лишь чудовищем’ [Canth M. Lyhyitä kertomuksia]⁶⁷).

В образном основании коммуникативного фразеологизма *Joka härillä ajaa, se häristä puhuu* ‘Кто едет на быке, тот о нем и говорит’ [SKP 1990: 511, 259; Varga, Saarinen 2009: 56] бык ассоциируется с работой, занятиями человека. В данном случае актуализируется значение «В разговоре каждый постоянно

⁶⁵ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/tyomiehen-vaimo>

⁶⁶ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/sylvi-kovan-onnen-lapsi>

⁶⁷ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/lyhyita-kertomuksia>

возвращается к тому, что является значимым и важным для него», что позволяет оценить степень оформленности круга интересов человека.

Коммуникативная ФЕ *Sanasta miestä, sarvesta härkää* ‘Человека – по словам, быка – по рогам’ [Varga, Saarinen 2009: 56] применяется в речевой ситуации в целях акцентуации внимания на необходимости выполнять данные обещания. Высказывание отражает сопоставление человека с быком. Сила быка заключается в его рогах, а доверие к другим людям зависит от умения держать свое слово (4 примера из контекста). Фразеологическое значение единицы (‘Давши слово – держись’), используемой в контексте, выражает стремление верить не бумагам, а конкретным поступкам человека: *Kauppaneuvos: Sinä suostut menemään naimisiin serkkusi, Kerttu Virneenkanssa? Valter: Suostun. Kauppaneuvos: Kättä päälle. Valter. Tuossa. Kauppaneuvos. Hyvä on. Sanasta miestä, niinkuin muistat. Heikki: Ja sarvesta härkää!* ‘Торговый советник: Ты согласен жениться на своей двоюродной сестре Кертту Вирне?.. Вальтер: Согласен. Торговый советник: По рукам.... Человека – по словам, как ты помнишь. Хейкки: Быка – по рогам’ [Canth M. Papin perhe; Hän on sysmästä; Spiritistinen istunto]⁶⁸.

В других примерах из произведений художественной литературы фразеологизм имеет несколько оттенков значения: поиск общих интересов для достижения цели; сложность сдержать свое слово после данного обещания; доверие человеку после совместных договоренностей.

Ассоциативное фразеологическое поле данного фразеологизма, предложенного в эксперименте, не включает стереотипные ассоциации, однако объединяет семантически однородные реакции, связанные со значением ФЕ – *luotettava* ‘надежный’, *luotettavuus* ‘надежность’, *pitää puhua totta* ‘надо говорить правду’, *rehellisyys* ‘честность’, *ryhtyä seistä sanojen takana* ‘отвечать за слова’, *tehdä niin kuin on sanonut* ‘поступать как сказано’, *ryhtyätoimeen* ‘приняться за работу’, *totuus* ‘правда, истина’, *tuumasta toimeen* ‘от дум к делу’ и т. д.

Коммуникативная цель говорящего, заключающаяся в желании намекнуть собеседнику о том, чтобы он говорил по сути дела и не высказывался о

⁶⁸ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/papin-perhe-han-sysmasta-spiritistinen-istunto>

незначительных вещах, выражается в использовании КФЕ с зоосемизмом *pukki* ‘козел’: *Puhu pukille!* ‘Рассказывай козлу!’ (в знач. «не говори чепухи») [Varga, Saarinen 2009: 17].

Осведомленность, знание истинного положения дел обозначаются КФЕ *Mistä päästä lehmä poikkii* ‘Как телится корова’: *Osaatkos sinä tämmöisessä talonjussin paikassa ollakaan, tietko edes, mistä päästä lehmä pokkii?* ‘Можешь ли оказаться на месте такого дворника, знаешь ли хотя бы истинное положение дел (букв. ‘как телится корова’)?’ [Virkkunen 1981: 275].

Безответственность человека в каком-либо деле выражается КФЕ *Itselleen porsas kiusaa tekee, kun purtilonsa kaataa* ‘Поросенок сам мучается, когда опрокидывает корыто’ (в знач. «Человек сам виноват в своих проблемах; он сам затрудняет себе жизнь») [Varga, Saarinen 2009: 56]. Этот же зооним используется и в другом фразеологизме *Kyllä routa porsaan kotiin ajaa* ‘Сильные морозы гонят поросенка домой’ [Там же: 4]. Его образное основание связано с представлением о человеке, испытывающем жизненные трудности и который возвращается туда, где ему безопасно.

Амбициозность личности, ее индивидуализм выражается посредством ФЕ *Oma suu lähempänä kuin sian suu* ‘Свой рот ближе, чем пасть свиньи’ (в знач. «кто-то действует в своих интересах»): *Bayer: Oma suu lähempänä kuin sian suu. Englannin lähettiläs: Ulkoministeriö on vahvistanut teille jo aiemmin esittämäni, että kuninkaani Henrik VIII on valmis korottamaan summaa kolmella tuhannella* ‘Байер: Свой рот ближе, чем пасть свиньи. Посол Англии: Министр иностранных дел подтвердил сделанный мною ранее доклад о том, что король Генрих VIII готов увеличить сумму на три тысячи’ [Rintala 1990: 35].

Фразеологическое значение следующей КФЕ с компонентом *lehmä* ‘корова’ указывает на выражение личных интересов говорящего: *(Jollakulla) on oma lehmä ojassa / Oma lehmä ojassa* ‘(У кого-л.) своя корова в канаве’ (в знач. «свои интересы под угрозой»): *Minulla ei ole omaa lehmää ojassa, olen ottanut sananvuoron siksi, ettei yhteinen lehmä ...lankeaisi ojaan* ‘У меня нет своей коровы в

канаве, я взял слово потому, чтобы общая корова... не упала в канаву' [Virkkunen 1981: 165].

2. Характер человека (28,6%).

Следующая группа КФЕ объединяет единицы финского языка, описывающие устойчивые черты характера человека, не соответствующие требованиям нормы, и проявление определенного члена соиума по отношению к другим людям.

Одним из частотных по использованию в контексте финских художественных произведений являются ФЕ, построенные по типу синтаксических фразеологизмов (X есть X). Например, ФЕ *Koira on koira* 'Собака есть собака' позволяет передать оценку плохого характера человека (3 примера из контекста): –...*Vaan olen aina elänyt omistani, vaikka kaikki minua vainoovat sekä täällä että kotipuolella... koirat on koiria ... kaikkialla, koko maailmassa!* '...Но я всегда жил сам по себе, хотя все гонят меня – как тут, так и на родине... Собаки есть собаки... везде, во всем мире!' [Aho J. *Hellmannin herra; Esimerkin vuoksi; Maailman murjoma*]⁶⁹.

Фразеологизм *Koiralla on koiran kujeet* 'У собаки собачьи проделки' [Krikkmann 2001: 17] актуализируется в контексте посредством замены одного из компонентов с целью осуждения безнравственного поведения человека: *Imari: Totta. Urmas panee jumalat ja manalat liikkeelle, saadakseen miehet käymään – hameissa! Flöide. Ylenkatseellisesti: Koiralla on koiran polku!* 'Имари: Правда. Урмас привлекает богов и царство мертвых для того, чтобы позволить мужчинам ходить в юбках! Флёрде (пренебрежительно): У собаки собачья тропа!' [Linnankoski J. *Kirot*]⁷⁰.

Подлость и предательство близких людей связывается с образом собственной собаки: *Omat koirat purevat* 'Свои собаки кусают' (в знач. «неожиданное причинение вреда со стороны близких») [Kari 2003: 71; Varga,

⁶⁹ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/hellmannin-herra-esimerkin-vuoksi-maailman-murjoma>

⁷⁰ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/kirot>

Saarinen 2009: 255]: *Mutta kipeimmin omat koirat puree* ‘Но свои собаки кусают больнее всех’ [Virkkunen 1981: 132].

Образное основание ФЕ *Söisi kissakin kaloja, vaan ei katsaisi kynsiään* букв. ‘Кошка съела бы рыбы, но не сломала бы когти’ (= ‘Кошка любит рыбу, но не любит мочить лапы’) [Kari 2003: 70] мотивировано наблюдениями за ленивыми кошками, что позволяет использовать данный фразеологизм для оценки бездеятельного и безынициативного человека.

Коммуникативные ФЕ с разными или вариативными зоосемическими компонентами указывают на наличие двух объектов сравнения. Например, в КФЕ *Kun kissa on poissa, hiiret hyppivät pöydällä* ‘Когда кошки нет, мыши прыгают на столе’ [Varga, Saarinen 2009: 114] образ кошки выступает в качестве обладателя власти, хозяина, а мыши – подчиненных, которых необходимо держать под контролем.

Во фразеологизме *Koirat haukkuvat, karavaani kulkee* ‘Собаки лают, караван идет’ [Varga, Saarinen 2009: 117] представление о собаке выступает, как символ злословия и сплетен, как и в случае с КФЕ *Koira haukkuu, tuuli kantaa* ‘Собака лает, ветер уносит’ и *Ei haukkuva koira pure* ‘Лающая собака не кусает’ [Kari 2003: 71] животное ассоциируется с людьми, распространяющими ложную информацию. Устойчивое выражение акцентирует внимание на том, что не стоит обращать внимания на слухи и критику без необходимости.

В качестве предостережения от обмана используется КФЕ *Älä usko, rakas sielu, että kissa lentää* ‘Не верь, дорогая душа, что кошки летают’, в коннотации которой образ летающей кошки связывается с ложной информацией. Фразеологизм используется в контексте таких коммуникативных ситуаций, где опровергаются надежды человека на желаемые события: *Toppo (hyräilee):... Muistatkos vielä, mitä sinulle häissäsi sanoin? Rahat ovat minun, niitä et tuhlaakaan niin juuri kuin tahdot. Kävikö toteen? Risto: No, ei käynyt, ole siitä varma. Oho toki! Älä usko, rakas sielu, että kissa lentää* ‘Топпо (тихо напевает): ...Помнишь ли еще, что я сказал тебе на своей свадьбе? Деньги мои, ты не потратишь их, как

захочется. Сбылось ли? Ристо: Ну, не сбылось, будь уверен в этом. О, конечно! Не верь, милая душа, что кошка летает' [Canth M. Työmiehen vaimo]⁷¹.

Образное основание КФЕ *Ei vanha koira istumaan opi / Ei vanha koira opi uusia temppuja* букв. 'Старая собака сидеть не учится / Старая собака не обучается новым трюкам' [Kari 2003: 71; Varga, Saarinen 2009: 22] мотивировано ситуацией дрессировки собаки. Фразеологизм используется в значении «С возрастом трудно избавиться от старых привычек и обучиться новым»: *Sotaväen päällikkö, kenraali Hugo Österman totesi, ettei tässä iässä enää kannata tehdä mitään päätöksiä. On jo liian myöhäistä opettaa vanhaa koiraa istumaan* 'Начальник войск, генерал Хюго Йостерман, отметил, что в таком возрасте уже не стоит принимать никаких решений. Уже слишком поздно учить старую собаку сидеть' [Virkkunen 1981: 370].

Влияние привычек более сильного человека на привычки другого отражается в значении КФЕ *Millainen ampuja sellainen koiransa* 'Каков стрелок, такова его собака' [Kivi 1950: 73].

3. Сфера психической деятельности и эмотивных оценок (21,4%).

В качестве маркеров тех или иных эмоций выступает распространенный по использованию фразеологизм *kissa viekään!* (вариант – *Kissan viikset!* 'Усы кошачьи!') 'Черт! Все равно! (букв. 'Кошка побери!')' [Kari 2003: 69; Varga, Saarinen 2009: 114]. В зависимости от коммуникативной ситуации, ФЕ используется для выражения сильной радости, восхищения, досады, разочарования, огорчения и иронии (5 примеров из контекста): *Teuvo: ...Kissa viekään tämä on niin sukkelaa ja samalla niin pistävää, että tahtoisin nähdä, mitä osaavat sanoa. Jussi. ... 'Nuori Suomi' pilkkaa uskontoa, ivaa kansan pyhimpiä tunteit* 'Теуво: ...Черт побери, это так умно и иронично, что пожелал бы увидеть, что они смогут сказать. Юсси. ...«Молодая Финляндия»⁷² осмеивает религию, насмехается над святыми чувствами народа' [Canth M. Papin perhe; Hän on sysmästä; Spiritistinen istunto]⁷³. Основная часть ассоциаций, полученных на

⁷¹ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/tyomiehen-vaimo>

⁷² Буржуазно-демократическое движение, зародившееся в Финляндии 80-90-х гг. XIX в.

⁷³ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/papin-perhe-han-sysmasta-spiritistinen-istunto>

данный фразеологизм, составили близкие по значению и модальности выражения и слова – *voi ei!* ‘о, нет!’ (3), *hitto!* ‘черт!’ (3), *voi hitsi!* ‘Вот досада! Ничего себе!’ (3), *pahus* ‘черт’ (2), *mitä ihmettä* ‘что удивляет’ (1), *harmittelu* ‘досада’ (1), *yllätys* ‘неожиданность, сюрприз’ (1), *hämmästyys* ‘изумление’ (1) и т. д.

Синонимичным по структуре и семантике указанной ФЕ является фразеологизм *Koira vieköön!* ‘Черт! Все равно! (букв. ‘Пес побери!’)’ [Kivi 1950: 43].

В качестве выражения чувства презрения как социализированного эмоционального феномена, базирующегося на отвращении, используется КФЕ *Mitäpä koira kirkossa tekee – pois sieltä koirakin ajetaan* ‘Что кошка делает в церкви – собаку тоже гонят оттуда’. В контексте использования компонент-зооним может заменяться на другие лексические инварианты, что не влияет на актуальное значение ФЕ: *Peltola: Kauppaako sinä jumalaton hierot pyhäpäivänä? Laitatko itsesi kirkkoon siitä? Hoppulainen: Mitäpä koira kirkossa tekee, ei siellä haaskaa ole* ‘Пелтола: Магазин ли ты, безбожный, моешь в святой день? Готовишь ли себя так к церкви? Хоппулайнен: Что собаке делать в церкви, стервецу там не место’ [Canth M. Murtovarkaus; Roinilan talossa]⁷⁴.

Рекомендация быть веселыми, не предаваться унынию передается посредством фразеологизма *Olkaa iloisia, ettei susi ole meitä pienenä syönyt* ‘Радуйтесь тому, что волк не съел нас маленькими’ (в знач. «нужно быть довольным») используется в качестве ободрения слушающих. В то же время в употреблении данного ФЕ присутствует элемент устрашения: *Niin että syökää, arvoisat ystävät ja heimoveljet, marjoja surutta: Syökää ja hilotkaa ja olkaa iloisia, ettei susi ole meitä pienenä syönyt* ‘Так что, уважаемые друзья и братья, ешьте ягоды без печали: ешьте и варите варенье, и радуйтесь тому, что волк не съел нас маленькими’ [Virkkunen 1981: 325].

Образным стимулом для мотивации фразеологического значения некоторых устойчивых выражений с компонентом *hevonen* ‘лошадь’ послужили наблюдаемые поведенческие характеристики животного, которые соотносятся с

⁷⁴ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/murtovarkaus-roinilan-talossa>

проявлениями человека. Например, громкое ржание – со звонким человеческим смехом: *Hevosetkin nauravat (sille)* ‘Даже лошади ржут’ [Kari 2003: 39].

Отдельный фразеологизм с компонентом *norsu* ‘слон’ применяется для характеристики долгой памяти человека – *jklla on norsun muisti* ‘у кого-л. (букв. ‘есть’) слоновья память’ [Kari 2003: 121; Varga, Saarinen 2003: 223]. Значение фразеологизма мотивировано общеизвестным знанием о способности слона хорошо запоминать информацию.

Мотивация фразеологизма *Sekoira älähtää, johon kalikka kalahtaa* ‘Та собака воеет, которую палка бьет’ [SKP 1990: 511; Varga, Saarinen 2009: 350] связана с ситуацией, когда собаку наказывают за провинность. Образ собаки выступает как объект, выражающий злость и раздражение на критику, что служит признаком ее виновности. В данном случае КФЕ передает осуждение бессовестности, что является следствием отсутствия чувства вины как способности личности осуществлять самоконтроль, формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить оценку совершаемых поступков [Ильин 2001: 185].

Фразеологизм *Ei ole koiraa karvoihin katsomista* ‘О собаке по шерсти не судят’ [Kari 2003: 71] используется в качестве предупреждения об обманчивости внешности человека: *‘Niin täällä maalla näkee niin paljon kummallista, mutta ehkäpä täällä on sellainen tapa’, sanoi Mathilda nenäkkäästi... ‘Ei ole koira karvoihin katsominen’, vastosi ylioppilas* ‘«Здесь видно очень много странностей, но, возможно, таков здесь обычай», – дерзко сказала Матильда. «О собаке по шерсти не судят», – ответил студент’ [Jansin K. Erkki ja Aino]⁷⁵.

Устойчивое выражение *Ei koira perään haukkuu* ‘Собака вслед не лает’ [Varga, Saarinen 2009: 117] используется, когда в процессе коммуникации не обращают внимания на собеседника. Его происхождение связывается с карело-финским эпосом «Калевала» [Virkkunen 1981: 131].

В коммуникативной ситуации, когда спрашивают кого-либо или кто-то не реагирует на речь собеседника и прекращает говорить, используется

⁷⁵ URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/erkki-ja-aino>

фразеологизм *Viekö kissa kielen?* ‘Кот унес язык?’ [Varga, Saarinen 2009: 105] с целью обратного включения человека в процесс беседы.

Отдельного объяснения требуют некоторые ФЕ, значение которых обладает четкой ситуативной обусловленностью. Например, в случае, когда у собеседника открылась ширинка, используется КФЕ *Hevoset karkaavat tallista* ‘Лошади рвутся из конюшни’ [Varga, Saarinen 2009: 158] в качестве вежливого упоминания человеку, который не заметил произошедшего. С конем же соотносят мужской половой орган.

4. Формы существования материи и характеристика физиологических особенностей животных (7,1%).

А) Пространство. На большое количество материальных предметов указывает ФЕ с зоонимом *lammas* ‘овца’: (*Jtk. on / Jstak on jklla*) *vaikka lampaat söisi* ‘(Чего-л. у кого-л.) хоть овцам на съедение’ [Varga, Saarinen 2009: 158].

Ассоциативно-образное представление о безмолвности мыши реализуется в финском фразеологизме с компонентом *hiiri* ‘мышь’, который используется для характеристики акустических свойств окружающей действительности (тишины) – *Ei kuulu hiiren hiiskausta* ‘Не слышно и мышиного писка’ [Varga, Saarinen 2009: 17] (2 примера из контекста): *Naputan jälleen seinään ja kuuntelen. Ei hiiren hiiskausta vastaukseksi* ‘Снова стучусь в стену и слушаю. Не слышно и мышиного писка’ [Wilkuna K. Kahdeksan kuukautta Shpalernajassa]⁷⁶.

К данной группе ФЕ относится коммуникативный фразеологизм, обладающий мифологическим происхождением: *Kissalla on yhdeksän henkeä* ‘У кошки девять жизней’ [Kari 2003: 69; Varga, Saarinen 2009: 114; Virkkunen 1981: 129]. В мифах многих культур, например, в итальянской и арабской, у кошки семь или девять жизней, что мотивировано знанием о естественной гибкости, быстроте данного животного, которые помогают ей в выживании [Lentävien lauseiden sanakirja 1982: 192].

Анализ зоосемических фразеологизмов коммуникативного типа в финском языке позволил выявить специфические качества человека, порицаемые в

⁷⁶URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/hihhuleita>

финской лингвокультуре, а также определить характер образной оценки форм существования материи.

Согласно результатам исследования КФЕ, *социально-трудовые отношения человека*, выражающиеся во взаимодействии с другими людьми, проявляются в целом ряде оценок.

Так, приветствуется инициативность в принятии решений. Бездеятельность человека представляется как черта, влекущая за собой определенные неприятности. Опоздание в решении трудных вопросов приводит к неудачам в делах. Преувеличение существующих проблем проявляется как неприемлемое в адекватной оценке ситуации. В связи с этим фразеологизмы предупреждают о возможных опасностях и неудобствах. Выбор плохих методов мотивации при выполнении какого-либо дела указывает на безуспешность начатой работы.

Рекомендуется благодарить, оплачивать чужой труд, а также ценить полученные подарки. Результат практического опыта проявляется в последующей оформленности круга деловых интересов человека. С важным качеством во взаимодействии с другими людьми соотносится умение исполнять обещания и определять суть какого-либо дела. При этом ценится способность устанавливать истину, выделять правдивые сведения в массе получаемой информации. Кроме того, небрежное отношение к работе, безответственность определяются как нежелательные качества.

Отмечается, что человек, испытывающий затруднения и проблемы, предпочитает возвращаться туда, где ему безопасно. В некоторых случаях, порицается его излишняя консервативность и амбициозность. При этом учет личных интересов проявляется как допустимое и правомерное.

При оценке черт *характера человека* также учитывается специфика его адаптации в социуме. Порицаются такие качества человека, как наглость, неуважение других; скверный, неуживчивый характер; конфликтность; непристойное, грубое поведение; предательство. Чувство обиды проявляется в пожелании отмщения. Распускание слухов и неоправданная критика, обман и плутовство проявляются как способы негативного воздействия на других. В связи

с этим рекомендуется предостерегаться обмана. Отмечается также, что старые привычки человека неисправимы.

Сфера психической деятельности и эмотивных оценок человека, описываемая фразеологизмами, выражается в проявлении удивления, презрения, страха, отсутствии ощущения собственной вины. Ситуативным характером обладает рекомендация не подвергаться унынию, быть веселыми. Образная оценка громкого смеха обладает нейтральным характером. Доверие внешним проявлениям человека определяется как обманчивое явление. В некоторых случаях невнимание собеседника проявляется в использовании вербальных способов привлечения интереса, а рекомендация по исправлению временных погрешностей во внешнем виде – в вежливом упоминании об этом собеседнику. Отдельные единицы применяются для характеристики *форм существования бытия* (большое количество чего-л.) и *физиологических особенностей животных*.

Источниками интерпретации коннотации коммуникативных фразеологизмов финского языка являются мифологические представления, ритуалы, обычаи обыденной жизни или наблюдения за явлениями окружающей действительности, в частности, поведением животных.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Рассмотренные фразеологизмы финского языка составляют устойчивые единицы номинативного и коммуникативного типов. Проведенные подсчеты позволяют заключить, что наиболее частотными по использованию в составе финских ФЕ являются такие зоонимы, как *koira* ‘собака’ (15,2%), *susi* ‘волк’ (11,1%), *kissa* ‘кошка’, *sika* ‘свинья’ (по 9,1%), *hevonen* ‘лошадь’ (7,6%), *lammas* ‘овца’ (5,5%), *karhu* ‘медведь’ (4,5%) и *hiiri* ‘мышь’ (4%).

Чаще всего зоонимы финского языка входят в состав фразеологизмов уже в переносном значении, поэтому зоохарактеристика, передаваемая некоторыми из них, влияет на актуальное значение «будущего» фразеологизма (ср. *vasikka* ‘теленочек’, *susi* ‘волк’).

Фразеологические единицы *номинативного типа* характеризуют определенные «лица» и «не-лица», действия и состояния, а также признаки и свойства объектов окружающей действительности.

Зоосемические *глагольные фразеологизмы* компаративной группы представляют эталоны глупости; неумеренности; жестокости; безответственности; настойчивости; порядка в группе людей; гнева; чувства голода; плохих манер; конфликтности; насилия; ловкчества, пронырливости; изворотливости; физической усталости; страха; паники; доверия; усердия в работе; проворности; хороших речевых способностей; безмолвия; неуклюжести; упадка, ухудшения; конфликтности и манипуляции. Некомапаративные глагольные фразеологизмы финского языка используются для оценки признаков проявления человека и окружающей его действительности, а именно: прямолинейности; безответственного подхода в выборе работника; решительности в совершении дел; спешки в делах; неспешки в движениях; медлительности; неприличного поведения; проявлений сексуального характера; обмана, мошенничества; притворства; физиологических признаков сна; преувеличения значения проблемы и умения отделять хорошее от плохого; некачественного изделия или услуги; совершения необдуманных покупок с приобретением товара плохого качества; разрушения и нарушения

благополучия; подчинения в группе; сохранения нейтралитета.

Зоосемические фразеологизмы *субстантивного типа* употребляются для описания характерных особенностей человека, а также предметов и явлений реального мира. В данном случае выделяются следующие свойства: лицемерие; хитрость, пронырливость; суть вопроса; жадность; глупость; страх; сильный голод; броский внешний вид; презрение; подчинение, манипуляция; обман, мошенничество; одиночество; убогая жизнь; плохая должность; долгое путешествие; предмет поклонения; негодный товар; утреннее время; наименование стран; опасное место; неудобное жилье; тишина; болезни; части женской одежды. Кроме того, некоторые ФЕ рассматриваемого типа передают эталон хорошего аппетита и большого количества кого-, чего-либо. *Адъективные* ФЕ используются для передачи эталонов бедности; физического здоровья и силы; храбрости; быстроты; нежности и любезности; безмолвия; чувства голода; хитрости; веселья; страха; белизны / бледности; верности; глупости; упитанности; убогости; миловидности и запутанности.

Рассмотренные *коммуникативные фразеологические единицы* финского языка с компонентами-зоонимами носят рекомендательный характер. Они используются для предостережения от возможных неприятностей или нарушения морально-нравственных норм, а также для осуждения пороков человека или описания черт характера, проявляющихся в различных видах деятельности.

Прототипами финских зоосемических ФЕ являются разные ситуации из жизни человека. Источниками интерпретации коннотаций зоосемических ФЕ финского языка выступают такие прототипные ситуации, как наблюдения за животным миром; занятия охотой и другие виды социально-культурной и экономической жизни представителей финского этноса; мифы и поверья; фольклорные, библейские тексты и художественные произведения; продукция СМИ; кинематография; религиозная культура финнов, которая отражает некоторые традиции и мифы, заимствованные из других культур.

ГЛАВА IV. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЗООСЕМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ МАРИЙСКОГО И ФИНСКОГО ЯЗЫКОВ В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

4.1. Типы межъязыковых соответствий фразеологизмов марийского и финского языков

Семантический анализ фразеологических единиц, проведенный отдельно для марийского и финского языков, позволил выявить сферы человеческой жизни, которые подвергаются оценке посредством зоосемической фразеологии. Он дает возможность провести межъязыковое сравнение, что позволяет, с одной стороны, выявить типы межъязыковых соответствий, а с другой – сделать определенные выводы о лингвокультурной характеристике исследуемых фразеологических соответствий.

Основным объектом оценки фразеологическими средствами изучаемых языков является характер человека, который представляет собой совокупность индивидуальных психических свойств, складывающихся в деятельности и проявляющихся в типичных для человека формах поведения. Главная особенность характера как психического феномена состоит в проявлении в определенной деятельности, в отношении человека к окружающей действительности и людям [Маклаков 2001: 567]. Социальность, в свою очередь, является важным условием человеческого существования, воспроизводства и трансляции культуры в процессе актуализации различных форм его жизнедеятельности [Философский словарь 2001: 653]. В зависимости от общественных условий и обстоятельств, происходит формирование устойчивых черт характера человека, свойства которого могут зависеть и от исторической эпохи.

Исследуемые фразеологизмы вербализуют своеобразие ряда существующих этических норм и эстетических представлений в рамках марийской и финской

лингвокультур, специфические признаки которых выявляются путем сравнительного анализа их зоосемической фразеологии.

Общее количество исследуемых зоосемических фразеологизмов марийского языка составило 180 единиц, в которые входят номинативные (субстантивные (27,8%), глагольные (14,4%), адъективные (6,7%), адвербиальные (1,7%)) и коммуникативные (49,4%) типы фразеологических единиц.

Фразеологизмы финского языка, представленные 197 единицами, так же объединяются в рамках номинативных (глагольные (37,1%), субстантивные (20,8%), адъективные (13,7%)) и коммуникативных (28,4%) структурно-семантических групп. Количественное соотношение марийских и финских ФЕ разных структурно-семантических типов представлено в диаграмме на рисунке 1.

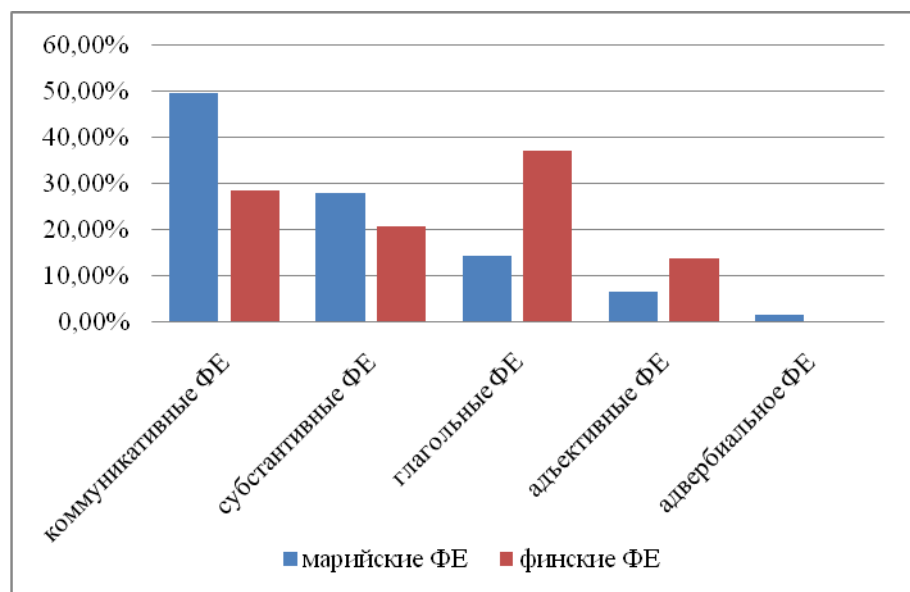

Рисунок 1 – Сравнительная диаграмма представленности структурно-семантических типов марийских и финских ФЕ с компонентами-зоонимами

Зооним, как лексический инвариант данных фразеологизмов, выступает определяющим свойством, выражающим близость фразеологических единиц по форме и значению в исследуемых языках. Если в семантически близких фразеологизмах сравниваемых языков нет лексического инварианта, они не всегда могут включаться в состав эквивалентных языковых единиц. В свою очередь, сходство фразеологизмов с компонентом-зоонимом объясняется

совпадением социально-исторических условий и общих закономерностей развития человечества.

Фразеологические единицы марийского и финского языков включают в себя целый ряд зоосемических компонентов, объединяющих названия домашних и диких животных.

В составе номинативных и коммуникативных ФЕ марийского языка используется 23 зоосемических компонента, а именно: *каза* ‘коза / козел’, *коля* ‘мышь’, *куголя* ‘крыса’, *меранг* ‘заяц’, *маска* ‘медведь’, *рывыж* ‘лиса’, *пырыс* ‘кошка / кот’, *пий* ‘собака / пес’, *сӧсна* ‘свинья’, *пире* ‘волк’, в число которых включаются зоонимы, указывающие на половые отличия одного и того же животного (*алаша* ‘мерин’, *ожо* ‘жеребец’ – *вӱльӧ* ‘кобыла’, *имне* ‘лошадь’ (используется и как лексический инвариант, обобщающий оба пола животного); *ушкал* ‘корова’ – *ушкыж* ‘бык’; *шорык* ‘овца’). Кроме этого, употребляются зоонимы, которые указывают на возрастные характеристики животного (*пача* ‘ягненок’, *презе* ‘теленки’, *пырысиге* ‘котенок’, *чома* ‘жеребенок’), а также гиперонимы (*вольык* ‘домашнее животное, скотина’, *янлык* ‘животное, зверь’), применяющиеся для наименования домашних и диких животных. В некоторых ФЕ используется компонент *иге* ‘детеныш’, указывающий на потомство животных, рыб и пчёл. Достаточно часто в составе ряда фразеологизмов встречается употребление двух разных зоонимов (например, *пире* и *шорык*) или компонентов-зоонимов, обозначающих животное одного и того же вида с разными возрастными и половыми характеристиками (например, *имне* и *чома*, *вӱльӧ* и *чома*).

Частота появления компонентов-зоонимов в составе марийских ФЕ обобщается в диаграмме на рисунке 2 (данные представлены в числах).

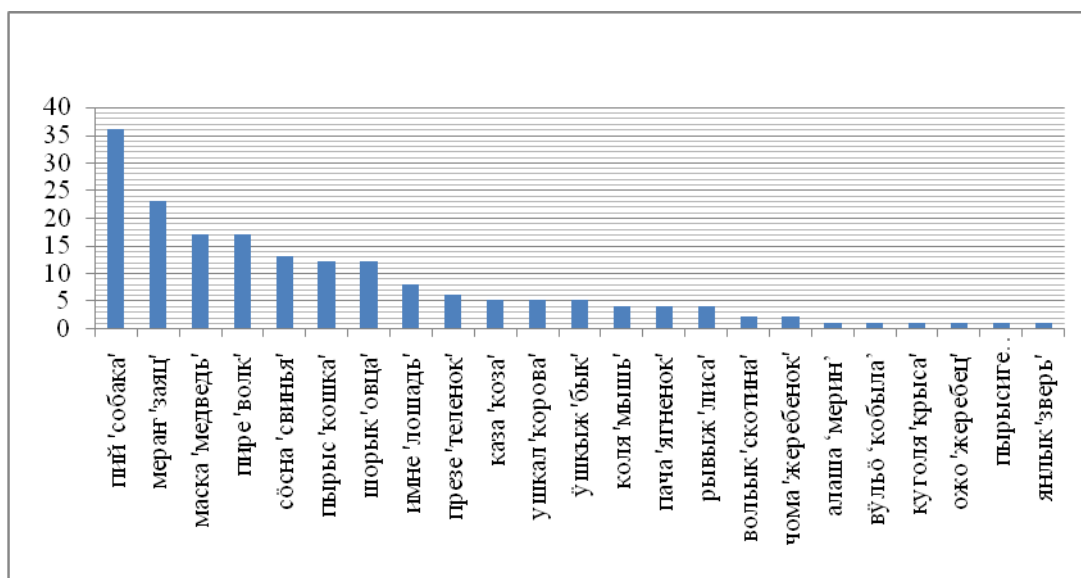

Рисунок 2 – Диаграмма распределения вероятностей появления компонентов-зоонимов в составе марийских ФЕ

В составе зафиксированных зоосемических фразеологизмов финского языка используется 31 зооним, а именно: *aasi* 'осел', *elefantti / norsu* 'слон', *hiiri* 'мышь', *hirvi* 'лось', *kettu* 'лиса', *kissa* 'кошка / кот', *koira* 'собака / пес', *kärppä* 'горноста́й', *leijona* 'лев', *karhu / kontio* 'медведь', *jänis* 'заяц' (и его разговорный вариант *piru* 'зайчик'), *rotta* 'крыса', *sika* 'свинья', *susi / hukka* 'волк', *orava* 'белка'. К этой группе относятся зоонимы, указывающие на половые отличия животного (*lammas* 'овца' – *pässi* 'баран', *vuohi* 'коза' – *pukki* 'козел', *lehmä* 'корова' – *härkä / härkänen* 'бык', *hevonen* 'лошадь' (используется и как лексема, обобщающая оба пола животного)), его возрастные характеристики (*porsas* 'поросенок', *vasikka* 'теленки'), а также гиперонимы (*eläin* 'животное, зверь' и *peto* 'зверь, хищник'). Как и в случае с марийскими ФЕ, в составе некоторых фразеологизмов встречается одновременное применение двух зоонимов (например, *koira* и *orava*, *lehmä* и *vasikka*).

Частота появления компонентов-зоонимов в составе финских ФЕ иллюстрируется диаграммой на рисунке 3 (данные представлены в числах).

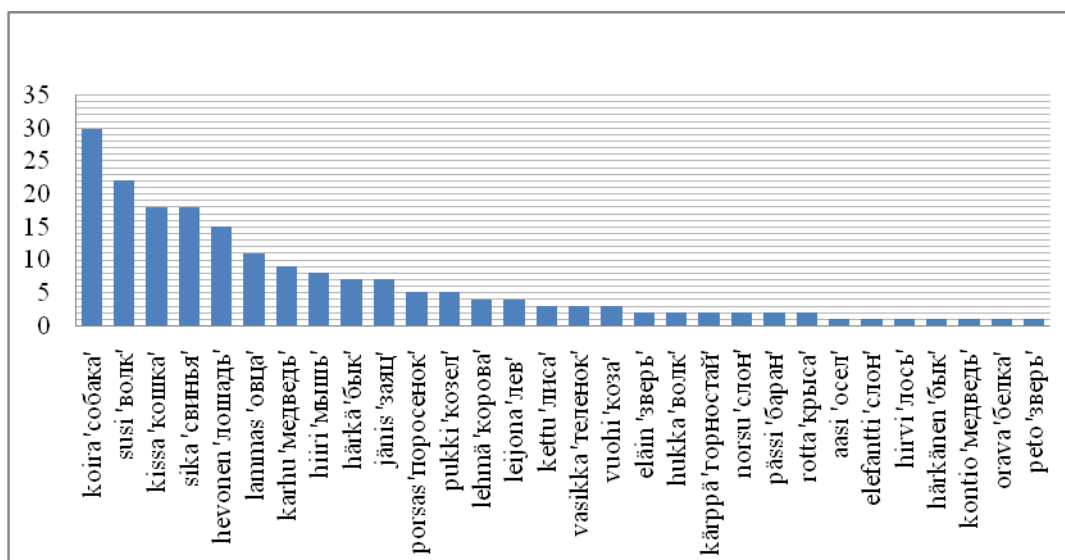

Рисунок 3 – Диаграмма распределения вероятностей появления компонентов-зоонимов в составе финских ФЕ

Результаты количественных подсчетов позволяют указать на то, что в список наиболее распространенных зоонимов включаются семь одинаковых названий животных – *собака* (мар. *nii*, фин. *koira*), *волк* (мар. *nipe*, фин. *susi*), *кошка* (мар. *пырыс*, фин. *kissa*), *свинья* (мар. *cöсна*, фин. *sika*), *лошадь* (мар. *имне*, фин. *hevonen*), *овца* (мар. *шорык*, фин. *lamma*), *медведь* (мар. *маска*, фин. *karhu*). В качестве самого частотного по появлению в составе фразеологизмов как марийского, так и финского языков, предстает зооним *собака*. Полученные данные частично соотносятся и с выводами, сделанными А. Крикманном. На основе исследования паремиологических фондов целого ряда языков мира, включая марийский и финский языки, исследователь выделяет восемь названий живых существ (зоонимы и орнитонимы), которые являются самыми частотными по вероятности появления в составе паремий, к которым относятся: 1) собака; 2) лошадь; 3) корова / бык; 4) курица / петух; 5) волк; 6) свинья; 7) кошка; 8) овца / баран [Krikmann 2001: 12]⁷⁷.

При рассмотрении семантики зоосемических фразеологических единиц сравниваемых языков были выявлены сходства и отличия в номинации явлений окружающей действительности. Характер типов межъязыковых соответствий данных фразеологизмов отличается большим разнообразием. В исследуемом

⁷⁷URL: <http://haldjap.folklore.ee/folklore>

материале выявляются *полные* и *частичные* фразеологические соответствия, а также *безэквивалентные* фразеологизмы.

Полные фразеологические соответствия характеризуются одинаковой семантикой, структурно-грамматической организацией и компонентным составом, совпадением формы образности и содержания. В изучаемом материале они представлены в незначительном количестве (2,6%).

К ним мы относим такие примеры, как мар. *лүдшө меран* – фин. *arka jänis* = ‘трусливый заяц’, мар. *маска вынем* – фин. *karhun pesä* = ‘медвежья берлога’, мар. *шонго рывыж* – фин. *vanha kettu* = ‘старая лиса’ и мар. *Пий опта, мардеж нангая* – фин. *Koira haukkuu, tuuli kantaa* = ‘Собака лает, ветер уносит’.

В рамках указанных нами типов выделяются и *частичные* соответствия (14,6%). К ним относятся такие типы частичных соответствий, как:

1. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках одно общее значение; одинаковый компонентный состав; разную структурно-грамматическую организацию (падежи, порядок слов); один межъязыковой лексический инвариант; одинаковый прототип; мотивирующий внутреннюю форму; одинаковую культурную коннотацию (7,4%).

Большая часть марийских и финских фразеологизмов, составляющих данную группу, являются эталонными сравнениями, структура которых отличается лишь местом базового слова (прилагательного, существительного или глагола) в составе ФЕ. Выявленные единицы передают одинаковые эталоны, свойственные марийской и финской лингвокультурам, к которым относятся:

- эталон физической силы (мар. *маска / үшкыж гай таза* ‘здоровый, (сильный), как медведь / бык’ – фин. *väkevä / vahva kuin härkä* ‘сильный / крепкий, как бык’);

- эталон хитрости (мар. *рывыж гай чоя* – фин. *viekas kuin kettu* = ‘хитрый, как лиса’);

- эталон неумеренности (мар. *сөсна гай йүаш* – фин. *juoda kuin sika* = ‘пить, как свинья’);

- эталон конфликтности (мар. *пий ден пырыс гай лияш* = ‘быть, как кошка с собакой’ – фин. *olla kuin kissa ja koira* = ‘быть, как кошка с собакой’ (ср. *Ик пусақыште пий ден пырыс илен огыт керт* ‘Кошка и собака не могут жить в одном углу’));
- эталон обмана и манипуляции (мар. *пырыс ден коляла модаш* ‘играть в кошки-мышки’ – фин. *leikkiä kissaa ja hiirtä jkn kanssa* ‘играть с кем-либо в кошки-мышки’);
- эталон страха (мар. *меранг гай лүдаш* – фин. *pelätä kuin jänis* = ‘бояться, как заяц’) и т. д.

Отдельные единицы указывают на сходство в оценке убогой, тяжелой жизни (мар. *пий ылыш* – фин. *koiran elämä* = ‘собачья жизнь’). Выделяется и общность в осуждении лицемерия человека посредством ФЕ мар. *шорык коваштым чийыше пуре* – фин. *susi lammasten / lampraanvaatteissa* ‘волк в овечьей шкуре’. Ассоциативное фразеологическое поле данных ФЕ, предложенных в эксперименте для носителей марийского и финского языков, отражает сходство ассоциативно-связанных значений данных ФЕ. Как марийские, так и финские реципиенты ассоциируют ФЕ с лжецом, лицемером и предателем, скрывающем свою истинную сущность.

Семантическим синонимом для финского ФЕ является мар. *пуре чонан шорык* ‘овца с волчьей душой’, которая описывает устойчивую черту характера человека, проявляющуюся в отношении к другим людям (бездушие и злость) (ср. *шорык коваштым чияш* ‘надеть овечью шкуру’).

Эквивалентные фразеологизмы мар. *Пөлеклыме имнын пүйжым огыт ончо* и фин. *Ei pidä katsoa lahjahevosen suuhun* ‘Дареному коню в зубы не смотрят’ обладают рекомендательным характером и применяются для указания на необходимость быть благодарным за полученный подарок, какой бы ценностью он ни обладал (см. п. 2.2. и п. 3.3.).

2. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках одинаковое значение; разный компонентный состав и структурно-

грамматическую оформленность; разный инвариант; разный прототип, одинаковую культурную коннотацию (1,9%).

Прототипами ФЕ мар. *ночко коля гай лияш (кояш, т. м.)* ‘быть (выглядеть и т. д.), как мокрая мышь’ и фин. *märkä kuin uitettu koira / kissa* ‘мокрый, как искупанная собака / кошка’ выступают образы разных животных, промокших где-либо и имеющих жалкий, убогий вид. Зоонимы *коля* ‘мышь’ и *koira / kissa* ‘собака / кошка’ выражают один общий для данных лингвокультур *эталон измученности* и *убогости*, посредством которых передается эстетическая оценка внешнего вида человека.

Сходство в невербальных способах передачи злости отражается ФЕ мар. *пирыла ончаш* ‘волком смотреть’ и фин. *katsoa kuin peto (petona)* ‘смотреть, как зверь (зверем)’. Волк и некий хищник в марийском и финском языках способствуют передаче *эталона гнева*, что мотивируется общностью механизмов восприятия и оценки окружающего мира носителями рассматриваемых языков. Передача эталона злости отражается в использовании разных зоонимов в составе синонимичных ФЕ, в том числе компонентов мар. *пуре* ‘волк’ и фин. *kissa* ‘кошка’.

3. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках тождественное значение; разный компонентный состав; отличную структурно-грамматическую оформленность; одинаковый лексический инвариант; одинаковый прототип и культурную коннотацию (1,6%).

Фразеологические значения устойчивых единиц мар. *Карме гыч үшкыжым пуал оварта (луктеш)* ‘Из мухи выдувает (делает) быка’ и фин. *tehdä kärpäsestä härkänen* ‘делать из мухи быка’ мотивировано ассоциативно-образным сопоставлением объектов окружающей действительности маленьких и больших размеров. Фразеологизм используется в обоих языках для характеристики человека, преувеличивающего значимость какой-либо проблемы.

Мотивационным стимулом следующих ФЕ мар. *лүдшö меранг гай (мерангла) куржаш (шикшалташ, чытыраш, т. м.)* ‘убегать (мчаться, дрожать и т.д.), как

трусливый заяц’ и фин. *arka kuin jänis* ‘боязливый, как заяц’ послужило знание о пугливости зайца.

Субстантивные фразеологизмы мар. *шудо ўмбалне кийыше тий* ‘собака, лежащая на сене’ и фин. *kuin koira heinäkuorman päällä* ‘как собака на сене’ считаются заимствованными из басни Эзопа (см. п. 2.1.2. и п. 3.1.2.).

4. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках разное значение; различный компонентный состав; одинаковый прототип, мотивирующий внутреннюю форму; разную культурную коннотацию; один межъязыковой лексический инвариант, разную структурно-грамматическую организацию (1,6%).

К данной группе ФЕ относятся фразеологизмы мар. *пуре гай (пурыла) урмыжаш* ‘волком выть’ (букв. ‘выть, как волк’) и фин. *ulvoa sutena / susien tikana* ‘выть с волками’. В марийском языке устойчивая единица передает значение ‘горько жаловаться, сетовать на страдания; плохо петь’, а финский фразеологизм – ‘делать что-л. сомнительное с моральной точки зрения по примеру других и против своей воли’. В финском языке встречается единичный случай использования ФЕ *ulvoa kuin susi* ‘выть, как волк’, аналогичной марийскому фразеологизму по структуре и семантике.

Есть основания предположить, что значения следующих фразеологизмов мар. *Меранг тупышко шинчын вола* ‘Сидя на спине зайца, спускается, проходит’ и фин. *(ei) olla jäniksen selässä* ‘(не) быть на спине зайца’ (в знач. «(не) спешить») мотивированы мифологическими представлениями, ранее общими для финно-угорских народов. Оба фразеологизма употребляются для характеристики проявления времени.

В марийском языке ФЕ используется для указания на быстротечность времени, как общей категории существования бытия, проявляющейся в определенное время суток: *Кече кечывал марте кече ўшкыж йол дене кўза, кечывал деч вара меранг йол дене кудал вола* ‘До полудня солнце поднимается на ногах быка, а после полудня скачет вниз на ногах зайца’ [Китиков 1991а: 122].

В финском же языке фразеологизм *(ei) olla jäniksen selässä* более частотен, чем его аналог в марийском языке, и в зависимости от применения отрицательной частицы с базовым глаголом высказывания может выражать оценку спешки или неспешки человека в какой-либо деятельности. Этот факт отразился и в результатах эксперимента, которые также позволили проследить его дополнительное значение, выражающее неспешку / спешку в физических движениях (см. приложение Е).

Выявленные характеристики прототипа фразеологизма указывают на наличие этнокультурной связи в мифологии родственных по языку народов и составляют тотемические и космогонические представления, проявляющиеся в образном основании языковых единиц [Акцорин 1980: 15].

Следующие фразеологические единицы мар. *Казам ковышта оролаш огыт шогалте* ‘Козла не ставят сторожить огород’ и фин. *panna rukki kaalimaan vartijaksi* ‘поставить козла сторожить капусту’ передают оценку не заслуживающего доверия человека, которого попросили выполнить определенную работу. Марийский зоосемический фразеологизм обладает структурой предложения и имеет рекомендательный характер. Финский фразеологизм указывает на непосредственное действие – доверие безответственному человеку (ср. мар.-вост. *Ковышта саклаш мерангым огыт тарле* ‘Зайца не нанимают охранять капусту’, фин. *panna kissaa makkaran vahdiksi* ‘поставить кошку сторожить колбасу’).

5. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках тождественное значение; одинаковый компонентный состав и структурно-грамматическую организацию; разный инвариант; одинаковый прототип и культурную коннотацию (1,6%).

Фразеологизмы мар. *шонго алаша / каза / ожо / пырыс* ‘старый мерин / козел / жеребец / кошка’ и фин. *vanha kettu* ‘старый лис’, *vanha koira* ‘старая собака’ чаще используются для выражения субъективной оценки пронырливости и хитрости человека, обычно умеющего манипулировать людьми в корыстных целях.

6. Фразеологические единицы, имеющие в сравниваемых языках тождественное значение; одинаковый компонентный состав и структурно-грамматическую организацию; разный инвариант (зоонимы, обозначающие животное разного пола, для которых используются разные лексемы); одинаковый прототип и коннотацию (0,5%).

В данную группу включаются фразеологизмы мар. *ангыра шорык* 'глупая овца' и фин. *tyhmä pässä* 'глупый баран', используемые для оценки глупости или безрассудства человека.

Остальные фразеологизмы составляют группу *безэквивалентных фразеологизмов*. Они характеризуются наличием различного компонентного состава; разной структурно-грамматической организацией; отличающимся прототипом, мотивирующим внутреннюю форму; разной культурной коннотацией (82, 8%).

Безэквивалентные ФЕ по-разному отражают культуру марийского и финского этносов, так как к данной группе фразеологизмов относятся те единицы, которые обладают ярко-выраженной национально-культурной спецификой. Заметную роль в значениях таких ФЕ играет их денотативный аспект.

4.2. Лингвокультурная характеристика прототипов, мотивирующих коннотацию зоосемических фразеологизмов марийского и финского языков

Исследование зоосемической фразеологии марийского и финского языков показало, что бóльшая часть изученных фразеологизмов содержит культурную информацию, содержащуюся во внутренней форме. Информация о культуре этноса лежит в основе *прототипной ситуации* и может быть извлечена (получена) с использованием комплексной методики, объединяющей приемы и методы лингвокультурологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики. Поэтому с целью выявления национально-культурной специфики ФЕ анализируются прототипы, мотивирующие коннотацию зоосемических фразеологических единиц. Буквальное или переосмысленное значение их

прототипа составляет важную часть семантической структуры данных языковых единиц. Мотивированность ФЕ связана с передачей определенной информации, выступающей в качестве обобщенной формы отражения сознанием разных объектов и явлений окружающей действительности. Интерпретация коннотации позволяет описать ассоциативно-обусловленные представления и знания, связанные с объектами номинации, обозначаемыми марийскими и финскими фразеологизмами с компонентами-зоонимами.

В исследованном материале выделяются *универсальные прототипы* или прототипические ситуации, мотивирующие значение зоосемических фразеологизмов марийского и финского языков. Это объясняется сходством когнитивных механизмов человека, одинаковостью представителей фауны на территории проживания этносов, а также общностью культурно-исторической действительности в определенный период времени.

На основе проведенного анализа, выделяются пять групп универсальных прототипов, выявляемых в мотивировке значений марийских и финских ФЕ. Классификация первой наиболее частотной группы прототипов основана на таксономии, предложенной А. Крикманном. Она составлена на базе описания характеристик, связанных с изучением повадок разных животных [Krikmann 2001: 13-40]⁷⁸.

1. Наблюдения за поведением животных (73,85%). В данном случае выделяются ФЕ, прототипы которых основаны на описании характеристик, связанных с животными:

- поведение и жизнедеятельность животных: мар. *кўрт пий* ‘гулящая собака’, *Пырысат вашкен игым ышта, да сокыр шочеш* ‘И кошка быстро котят рождает, да они слепыми рождаются’; *Мерангым шенгел йолжо ашна (пукша, утара)* ‘Зайца задние ноги содержат (кормят, спасают)’; фин. *jklla on norsun muisti* ‘У кого-л. (букв. ‘есть’) слоновья память’; *Koiralla on koiran kujeet* ‘У собаки собачьи проделки’;

⁷⁸URL: <http://haldjap.folklore.ee/folklore>

- отношения между человеком и животными: *Имне өрда гын, озажсым чума* ‘Когда лошадь растолстеет, то будет лягать хозяина’, *Пакма имньылан сола возеш* ‘Вялой лошади кнут попадается’; фин. *Omat koirat purevat* ‘Свои собаки кусают’;
- отношения между животными: *Кок маска ик вынемьште огыт иле* ‘Два медведя в одной берлоге не живут’; *Ик пусақыште тий ден пырыс илен (келшен) огыт керт* букв. ‘Собака и кошка не могут ужиться в одном углу’; *Kun kissa on poissa, hiiret hyppivät pöydällä* ‘Когда кошки нет, мыши прыгают на столе’;
- отношения между животными и явлениями окружающей действительности: *Сöсна кавам (кечым) ок уж* ‘Свинья небо (солнце) не видит’, *Чодыра уло – маска уло, ял уло – осал уло* ‘Есть лес – есть медведь, есть деревня – есть зло’; фин. *Itselleen porsas kiusaa tekee, kun purtilonsa kaataa* ‘Поросенок сам мучается, когда опрокидывает корыто’, *Koirat haukkuvat, karavaani kulkee* ‘Собаки лают, караван идет’.

К данной группе относятся также ФЕ, прототипы которых соотносятся с определенной жизненной ситуацией (реальной или воображаемой) (см. п. 2.1.). Значение прототипического словосочетания не метафоризируется, а связывается с конкретной ситуацией – фрагментом действительности, откуда извлекаются лишь некоторые черты подобия из обозначаемого действия человека. Мотивировка значения ФЕ утрачивается в том случае, если изначальная прототипическая ситуация забывается или перестает узнаваться. Это связывается с тем, что роль каких-либо предметов быта или занятий теряет свою значимость в жизни людей. Например, прототип ФЕ *күрвал шорык* прост. ‘грубиян, нахал, хам’ связан с ситуацией, в которой овца поедает *күр* ‘лубок’ (кору липы, вяза или других листовых деревьев, обладающих волокнистой внутренней частью). Ранее луб широко использовался марийцами для изготовления предметов бытовой утвари. Традиционно подобные обороты включают в состав фразеологических сращений.

2. Социально-культурная действительность проживания этноса (10,35%). К данной группе относятся прототипы, связанные с *социальным и материальным положением человека* (мар. *Тулык еным пият почи дене*

лупшалеш ‘Сироту и собака хвостом бьет’, фин. *kulkea jonossa kuin köyhän talon porsaат* ‘ходить в очереди, как поросята бедного дома’) и его хозяйственной деятельностью (мар. *сӧсна кӱташ ок йӧрӧ* ‘не годен свиней пасти’, фин. *Joka härillä ajaa, se häristä puhuu* ‘Кто едет на быке, тот о нем и говорит’). *Торгово-денежные отношения* отражаются в прототипических ситуациях, мотивирующих образное основание некоторых ФЕ обоих языков. Например, прототипы фразеологизмов мар. *Шулдо каза кум йолан* ‘У дешевой козы три ноги’ и фин. *ostaa jäniksen jälkiä* ‘купить заячьи ноги’ связаны с ситуацией покупки дешевого товара, с выявляющимися после покупки дефектами, что может происходить из-за неосмотрительности или скупости покупателя. Прототип финской ФЕ *ostaa sika säkissä* ‘купить кота (букв. ‘свинью’) в мешке’ связан с покупкой животного без предварительной проверки содержимого мешка. Актуальное значение фразеологизма применяется для оценки невнимательности при приобретении товара.

В группе данной разновидности прототипов выделяются ситуации, связанные с охотой. В прототипах фразеологизмов отражается непосредственный процесс подготовки к охоте (мар. *Пычалже – олаште, меранже – чодыраште* ‘Ружье – в городе, заяц – в лесу’; фин. *Ei se koira oravaa tuo, kun väisin metsään viedään* ‘Белку не приносит та собака, которую насильно ведут в лес’), преследование животного и его вылавливание (мар. *Шого меранг, пычал пудырген!* ‘Стой, заяц, ружье сломалось!’; фин. *olla äkäinen (kiukkuinen) kuin takaruoleen / perseeseen amattu karhu* ‘(быть) злым (сердитым), как раненый (подстреленный в зад) медведь’, *kutsua koirat takaisin* ‘отозвать собак обратно’), *дележ добычи* (мар. *маскам лош* ‘медведя пополам, поровну’, *Мерангым кучен огыл, коваштыжым ньыктеш* ‘Зайца не поймал, а шкуру сдирает’) и т. д.

Специфичным только для марийских ФЕ является наличие прототипов, связанных с традиционными играми и развлечениями (см. п. 2.1.2.).

3. Мифы и поверья (3,7%). Прототипы ФЕ данной группы передают экстралингвистические факторы мотивации. Например, как в марийской, так и в финской лингвокультурах мифологический образ медведя связан с мужским

началом. Такие верования объясняются анимизмом древней культуры, когда люди наделяли человеческими свойствами объекты, предметы и явления окружающей действительности. Это отражается в древних верованиях в родство человека с животными. В марийской мифологии *маска* ‘медведь’ является тотемным животным, покровителем, хозяином леса, выступающим также в качестве фольклорного персонажа. Среди марийских охотников бытовало табуизированное название медведя – *чодыра оза* ‘хозяин леса’. В легендах отражается архаическая идея содействия зверя плодородию, позже превратившая его в покровителя семейно-брачных отношений [Тойдыбекова 2007: 158-159]. В марийской лингвокультуре использовалось и другое слово-табу *мөмө*, обозначавшее медведя, а позднее замененное на слово *маска* [Кузнецова 2010: 63]. Со временем *мөмө* претерпело изменение в своем значении и стало указывать на «страшилище; нечто страшное» [СМЯ 1998: 85]. В древний исторический период подобные священные животные являлись посредниками, регулирующими отношения людей с явлениями природы, в частности, источником существования – животным миром [Акцорин 1980: 16].

Согласно древним верованиям финнов, у медведя была сильная связь с человеческим родом. По внешним характеристикам медведь ассоциировался с человеком, который мог принимать образ данного животного. Считалось также, что медведь понимал речь человека и даже угадывал его мысли. По поверьям, животное не наносило вреда женщинам. В Беломорской Карелии вплоть до начала XIX века употребление мяса медведя в пищу сопоставлялось с каннибализмом [Alhonen A. Esivanhempien puu]⁷⁹.

В финском языке перенос образа данного животного на человека отражается лишь в ассоциативном фразеологическом поле ФЕ *vahva kuin karhu* ‘сильный, как медведь’, предложенной в ассоциативном эксперименте, в котором выделяется соотношение силы медведя с мужчиной: *isä* ‘отец’, *painija* ‘борец’, *painonnostaja* ‘тяжелоатлет, штангист’, *(iso) voimamies* ‘(большой) силач, атлет’, *lihakset* ‘мускулы’, *jäntevuus* ‘мускулистость’, *vahva henkilö* ‘сильная личность’,

⁷⁹ URL: http://www.taivaannaula.org/esivanhempien_puu.pdf

erittäin iso mies ‘исключительно большой мужчина’ и *mies joka pystyy kantamaan sohvan yksin viidenteen kerrokseen* ‘мужчина, который один может поднять диван на пятый этаж’ и т. д. (см. приложение Е).

Индивидуальный характер мотивации значения финских ФЕ отражается в использовании фразеологизма *suden hetki* ‘волчье мгновенье’ (о времени с трех до пяти утра). Его образное основание связано с мифами скандинавских народов о волках-оборотнях (см. п. 3.1.1.).

В марийском языке коммуникативный фразеологизм *Ўдырамашын пиалжым пий кочкын* ‘Женское счастье собака съела’ мотивирован мифом об отдалении неба от земли (см. п. 2.2.). Он используется для оценки положения женщины в социуме и для указания на отсутствие женского счастья, как состояния полного удовлетворения жизнью (ср. *Пий пиал кинде дене веле илена* ‘Живем лишь на хлебе, выпавшем на счастье собаке’; *Пиал – пий умшаште* ‘Счастье в пасти собаки’). В финских древних рунах кошка связывалась с лешим, жившим в ущельях, крупных камнях, лесах и т. д. Кошки и лешие ассоциировались с магией и колдовством.

4. Фольклор, тексты художественной литературы, продукты СМИ и кинематографии (смешанные прототипы) (2,85%). В рамках данной группы обобщаются такие ФЕ, как *ои вўльö (нерген) йомак* ‘сомнительная история; выдумки’ (букв. ‘сказка о белой кобылице’) (из сказки о белой кобылице); фин. *villakoiran udin* ‘сущность (мозг) пуделя’ (из трагедии «Фауст» И. Гёте); *Pohjolan karhu* ‘северный медведь’ (старое название России – из телепрограммы компании ВВС и европейских карикатур); *koiran taivas* ‘собачий рай’ (из ирландско-американского мультфильма «Все псы попадают в рай») и т. д.

5. Религиозная культура (1,85 %). В одних случаях прототипы связаны с традиционной религией своего народа (мар. *Юмо ок пу гын, сōсна ок коч* ‘Если бог не даст, свинья не съест’), в других отражаются религиозно-обрядовые обычаи других этносов (фин. *valkoinen elefantti* ‘белый слон’, *pyhä lehmä* ‘священная корова’ (см. п. 3.1.2.)). Отдельно выделяются прототипы, связанные с христианскими традициями и текстами Библии, которые являются довольно

распространенными в финской лингвокультуре (фин. *kultainen vasikka* ‘золотой телец’, *jakaa vuohiin ja lampaisiin* ‘делить на коз и овец’, *leijonan luola* ‘львиная нора’, *kadonnut lammas* ‘заблудшая овца’ и т. д.).

Вышеперечисленные особенности зоосемических ФЕ марийского и финского языков позволяют проследить национальную специфику отражения и оценки действительности. Эквивалентные фразеологические единицы указывают на некоторые сходства формы и содержания зоосемических ФЕ. Отличия в особенностях прототипов выражаются и в использовании эталонных сравнений, использующихся для оценки характера человека и форм существования бытия. Прототипы безэквивалентных ФЕ, мотивирующих их коннотацию, передают особенности образного восприятия действительности носителями марийского и финского языков.

4.3. Специфика семантики межъязыковых фразеологических соответствий в вербализации культурно-значимых понятий в марийском и финском языках

Марийские и финские зоосемические фразеологизмы используются для описания социального и индивидуального характера человека. При его исследовании используется классификация черт человека в избранном аспекте, которая выделяет систему отношений к *другим людям, труду* (деятельности в общем понимании), *себе и собственности* в соответствии с направленностью личности. В процессе общения и влияния на других людей формируется действенная сила характера, что проявляется в поступках человека; опосредованно, через взаимодействие с другими людьми, устанавливается отношение к самому себе; в труде отражается отношение между характером человека и его способностями и склонностями [Рубинштейн 1999: 620-633].

В отечественной психологии черты характера человека делят также на четыре ведущих типа – *эмоциональные, волевые, интеллектуальные и моральные*, которые и проявляются в системе вышеперечисленных отношений [Аверин 1991:

63-67] (дополнительно *эстетические* [Маклаков 2001: 566-569; Рубинштейн 1999: 575]). Они связываются с психическими процессами человека. Эмоциональная составляющая характера обладает ситуативной природой и выражает оценочное отношение к имеющейся или возможной в будущем ситуации, а также к своей деятельности в данных обстоятельствах. При этом чувство как устойчивое эмоциональное отношение носит объектный характер и зависит от предметной сферы, к которой оно относится. По этой причине, эмоции, связанные с социальными потребностями человека, относят к чувствам. Воля и интеллект, как проявления психики, также связываются с характером человека. Это находит отражение в особенностях его деятельности (например, смелость, рассудительность) [Ильин 2001: 139-200].

На основании вычленения семантически однородных ФЕ, можно выделить свойства характера, подвергающиеся этической и эстетической оценке зоосемической фразеологией данных языков, а также специфику наименования явлений окружающей действительности.

Особенности осуждения проявлений характера средствами марийской и финской зоосемической фразеологии представлены в таблице 1, составленной на основе количественных подсчетов результатов семантического анализа некомпаративных фразеологизмов марийского и финского языков.

Таблица 1 – Специфика оценки характера человека некомпаративными фразеологическими средствами марийского и финского языков

Симптомокомплексы черт характера в системе отношений личности	Проявления человека в описании средствами марийского языка	Проявления человека в описании средствами финского языка
По отношению к другим	вражда, нетерпение, соперничество; вредительство; грубость, неуважение других; забота о детях, корысть; лживость; лицемерие, манипуляция; мнимая дружба; неблагодарность человека за	грубость, неуважение других; излишняя сексуальная активность (распутство); конфликтность; лицемерие; манипуляция; мошенничество; нарушение благосостояния / погибель; невнимание к собеседнику; неприличное поведение;

Продолжение таблицы 1

	сделанное добро; непослушание и своеволие;	обман, плутовство; подчинение
	отчуждение от осиротевших и овдовевших; подлость; преднамеренное разжигание ссоры между людьми; пустословие; распускание слухов, клевета на другого человека; распутство; рекомендация не доверять ненадежным людям; угодливость; хитрость, пронырливость	поклонение ложным идеалам; предательство; притворство; разрушение / нарушение распущение слухов и неоправданная критика; рекомендация остерегаться обмана; сохранение нейтралитета; необходимость выполнения обещаний; хитрость, пронырливость
По отношению к труду (деятельности)	<i>Проявление воли:</i> лень; напрасные старания; рекомендуется не отступать перед возникающими трудностями; <i>Объединение рабочих операций в комплексы выполняемых действий:</i> стремление заработать деньги при любой возможности; попытки достичь двух разных целей; спешка в делах; стремление выполнить несколько дел одновременно; <i>Оценка способностей:</i> мастерство и знания человека в чем-л.; неумение разумно распределять рабочую нагрузку на одного человека; ограниченность способностей и силы; отсутствие практической пользы от кого-л. в чем-л.; отсутствие способностей или некомпетентность в каком-либо деле; хвастовство о преждевременных успехах	<i>Проявление воли:</i> бездеятельность человека, влекущая за собой неприятности; инициативность в принятии решений; лень; неспешка в движениях, медлительность; решительности в совершении дел; спешки в делах; <i>Организация деятельности:</i> безответственность; безответственный подход к выбору работника; необходимость благодарить, оплачивать чужой труд; опоздание в решении проблемных вопросов; плохая должность; плохие методы мотивации при выполнении работы; предупреждение о возможных опасностях и неудобствах
По отношению к себе	глупость; бестолковый, неживучивый характер человека; выбор жизненного пути,	глупость; амбициозность; излишняя консервативность; наглость;

Продолжение таблицы 1

	влекущий за собой разные трудности; затруднительное положение	неисправимость старых привычек; одиночество (замкнутость);
	незамужней девушки; индивидуальность в выражении мнения; неизбежность совершения ошибок в какой-либо области; неопытность и слабость; неподатливость; неумеренность; неудовлетворенность жизнью (тяжелая судьба женщины); отсутствие способности оценивать собственные недостатки; разносторонние качества, проявляемые им; трусость; уверенность при ощущении своего личного пространства при наличии территории проживания; умение разделять хорошее от плохого; упрямство	оформленность круга деловых интересов человека; скверный, неуживчивый характер; ощущение надежности своего дома; умение разделять хорошее от плохого; учет личных интересов
По отношению к собственности	жадность; защита своего дома; неаккуратность; неумение сберечь обладаемое; осознание ценности домашних животных в хозяйстве; рекомендация ценить полученные подарки; справедливое (раз)деление / распределении чего-л.; стремление воспользоваться готовыми благами других людей; покупка некачественного товара, вследствие излишней экономии денег	жадность; рекомендация ценить полученные подарки; покупка некачественного товара, вследствие неосмотрительности; производство некачественного изделия / товара; негодный к продаже товар

Отдельные объекты оценки связаны и с другими психофизиологическими свойствами человека [Белянин 2003: 3-8; Маклаков 2001: 163-392; Уфимцева 1986: 114-115; Физиология человека 1985: 278-511; Физиология человека, Т I 2005: 270-320;] и основными формами существования материи (бытия), которые

охватывают такие атрибуты, как пространство, время и движение [Морковкин 1977: 18-23; Философский словарь 2001: 104, 144].

Это отражается в следующих формах проявления психофизиологических особенностей человека:

I. Когнитивные процессы:

1) мышление:

- обманчивость впечатления о человеке: мар. *Пиѧт пеш коѧ, да кочкаш ок ѧӧрӧ* ‘Собака очень жирная, да мясо не вкусное’, фин. *Ei ole koiraa karvoihin katsomista* ‘Собаку по шерсти не судят’;

- способность устанавливать истину, выделять правдивые сведения в массе получаемой информации: фин. *Susi suorassa, lammas väärässä* ‘Волк – по прямой, овца – по кривой’;

- определение сути вопроса: фин. *Koira haudattuna / (johonkin / jossakin) on koira haudattuna* ‘Где-то / в чем-то собака зарыта’;

- нечеткость, неясность полученных результатов: фин. *Siitä jstak ei susikaan saa selvää* ‘Чего-либо и волк не поймет’;

2) воображение (преувеличение значимости чего-либо: мар. *Карме гыч ѧшкыжым пуал оварта (луктеш)* ‘Из мухи выдувает (делает) быка’, фин. *tehdä kärpäsestä härkänen* ‘делать из мухи быка’);

3) речь (прямолинейность): фин. *sanoa kissaa kissaksi* ‘назвать кошку кошкой’;

4) память: *hevosen muisti* ‘лошадиная память’;

Отдельное место в данной группе занимает ФЕ, использующаяся для оценки плохого пения (мар. *Пылышым маска тошкалын* ‘Медведь на ухо наступил’).

II. Психические состояния:

- утомление, угнетенность: мар. *мальше меран* ‘спящий заяц’;

- сон: фин. *nukkua koiran unta* ‘спать собачьим сном’;

III. Физиологическое состояние организма:

- худоба: мар. *канга меран* ‘тощий заяц’;

- гомеостатические влечения (голод): фин. *suden nälkä* ‘волчий аппетит’;
- болезнь: фин. *punainen koira* ‘красная собака’ (о краснухе).

Единичные фразеологизмы марийского языка передают эстетическую оценку внешнего вида человека (см. п. 2.1.2; 2.2.)

Группировки ФЕ, охватывающие формы существования бытия (см. Глава I, II), обобщаются в таблице 2 с учетом объектов выражаемой оценки. В данном случае иллюстрируются сходства и отличия в описании явлений окружающей действительности посредством вербализации фразеологическими средствами обоих языков.

Таблица 2 – Специфика оценки особенностей форм бытия фразеологическими средствами марийского и финского языков

Формы существования бытия	Объекты оценки средствами марийского языка	Объекты оценки средствами финского языка
Пространство (положение / количество / качество)	<i>Положение:</i> место пребывания (глушь; неуютное и холодное помещение); <i>Количество:</i> количество людей; <i>Условия жизни:</i> убогая жизнь; разница в материальном положении богатых и бедных; <i>Атмосферные явления природы:</i> дождь	<i>Положение:</i> место пребывания (неудобное место, глушь); наименование стран; <i>Количество:</i> Большое количество предметов / людей; <i>Условия жизни:</i> убогая жизнь; <i>Акустические свойства окружающей действительности:</i> тишина
Время	быстротечность времени; неопределенное время в будущем; размышления о прошлом	утреннее время суток (от трех до пяти часов); неопределенно долгое путешествие
Движение	способ передвижения (на лошади); интенсивность поисков чего-либо; невнимательный поиск чего-либо	интенсивность поисков

Некомпаративные фразеологизмы марийского и финского языков отражают также определенные ситуативные эмоции человека, проявляющиеся в активной (в

действии) или пассивной (без ярко-выраженных проявлений) форме. При их исследовании используется классификация рассматриваемого типа эмоций, предложенная К. Э. Изардом [1999] и Е. П. Ильиным [Ильин 2001].

При ощущении *эмоции ожидания и прогноза*, связанной с предположениями о будущем, оценивается ситуация, вызванная определенным раздражителем. Ответ человека на данную ситуацию выражается в заблаговременной реакции на актуальное событие – предвидение ее значимости в будущем. Например, ощущение тревоги, переходящей в страх, связывается с проявлением сильных переживаний, приносящих внутренний дискомфорт (мар. *Pure dech lūdat – чодыраш ит мие* ‘Боишься волков – в лес не ходи’, фин. *Jklla / jkllle menee ruri / jänis housuihin / röksuun / röksyihin* ‘кому-л. в брюки / штаны запрыгнул зайчик / заяц’).

В контексте использования ФЕ марийского и финского языков страх человека связывают с условиями опасности для жизни, что позволяет определить его как ситуативную эмоцию. Однако если он проявляется как робость, нерешительность, то его относят к чувствам – устойчивым отношениям человека, а также к свойствам его характера (трусость). Ощущаемая затруднительность отражает отчаяние и безнадежность человека в какой-либо ситуации (мар. *кыдач пижше меранг* ‘заяц, застрявший в капкане’, фин. *Hukka perii jkn* ‘Волк гонится за кем-либо’).

Фрустрационные эмоции, описывающиеся фразеологическими средствами сравнимых языков, связываются с непреодолимым для человека препятствием, блокирующим достижение поставленной им цели. Фрустрации указывают на эмоциональное состояние человека, которое возникает после неудачи в чем-либо, после упреков со стороны других людей и неудовлетворением определенной потребности. Впоследствии это сопровождается появлением сильных эмоций вины, враждебности, гнева, досады и т.д. Переживания по поводу обнаружения вины проявляются в стремлении вменить ее другому человеку (мар. *Шем / ош пий кочшыжо, ош / шем пийлан йолаже* ‘Съевший – черный / белый пес, вина вменяется белому / черному’) или ощущении сильной досады после выявления

виновного (фин. *Se koira älähtää, johon kalikka kalahtaa* ‘Та собака воеет, которую палка бьет’) (ср. рус. *На воре шапка горит*). В подобных случаях оценивается чувство вины, как отражение совести человека, но в отрицательном проявлении, т.е. его бессовестности.

Пожелание возмездия, мести кому-либо выступает как результат смешанного эмоционального состояния, возникающего на основании двух сосуществующих потребностей человека, а именно, удовольствия и гнева: мар. *Пий шудыш пирылан ок шу* ‘Собачьи проклятья до волка не дойдут’; фин. *Koiralle on koiran kuolema* ‘Собаке собачья смерть’ и т.д.

Коммуникативные эмоции связываются с потребностью человека в общении. Они представляют собой реакции на неудовлетворение или удовлетворение желания общаться, эмоциональной близости и т. д. Оцениваются смущение, стеснительность человека (мар. *коля рожыш пурен каяш* ‘провалиться в мышиную нору’, фин. *Hevoset karkaavat tallista* ‘Лошади рвутся из конюшни’), презрение, возникающее на основании двух эмоций, отвращения и гнева. Примерами могут служить следующие фразеологизмы: мар. *Пийлан нимом ышташ гын, почшыш нула* ‘Если собаке нечего делать, она лижет свой хвост’, фин. *Mitä kissa kirkossa tekee – pois sieltä koirakin ajetaan* ‘Что кошка делает в церкви – собаку тоже гонят оттуда’, *Hevosetkin nauravat (sille)* ‘Даже лошади ржут’.

Следующий вид психического состояния человека описывает *интеллектуальные эмоции*, которые заключаются в специфических переживаниях, проявляющихся в процессе мыслительной деятельности. Например, удивление, а в отдельных случаях досада: фин. *Kissa / Koira vieköön! Kissan viikset!* ‘Черт побери! Черт!’.

Эталонные сравнения марийского и финского языков также передают оценку черт характера и ситуативные эмоции, ощущаемые человеком.

Симптомокомплексы характера человека, организованные в порядке количественной представленности, отражаются в таблице 3.

Таблица 3 – Симптомокомплексы черт характера, вербализуемые средствами марийского и финского языков

Симптомокомплексы характера в системе отношений личности	Вербализация средствами марийского языка	Вербализация средствами финского языка
Отношение к другим	<i>Эталоны</i> конфликтности; неразлучности; обмана, манипуляции; хитрости	<i>Эталоны</i> насилия; изворотливости; конфликтности манипуляции; хитрости; ловкачества; нежности и любезности; плохих манер; доверия; верности; храбрости
Отношение к труду	/	<i>Эталоны</i> безответственности; усердия в работе
Отношение к себе	<i>Эталоны</i> нерешительности; робости. упрямства; настойчивости; неумеренности	<i>Эталоны</i> жестокости; проворности; пронырливости; глупости; неумеренности

В рассмотренных примерах *эмоции прогноза и предвидения* связываются с ощущением затруднительности и безнадежности. Активная форма проявления страха отражается в использовании марийских ФЕ, в которых содержится зооним *меран* ‘заяц’.

Горе и страдание, как эмоциональный тон, объясняется переживанием неудовольствия посредством ФЕ *тире гай (тирыла) урмыжаши* ‘волком выть (букв. ‘выть, как волк’)’. При этом фразеологизм способствует выражению ориентировочной функции данной эмоции в сообщении организму о нежелательности определенного воздействия, что выражается в проявлении обратной связи посредством «воя», жалоб, причитаний, нытья и т. д.

Финские зоосемические ФЕ компаративного типа выражают и активное проявление страха (паники) (*juosta kuin kissa pistoksissaan alla / kuin olisi tuli hännän* ‘бегать, как ужаленная кошка / как если бы на хвосте был огонь’ и др.),

ситуативное выражение агрессии и алчности (*katsella jkta kuin nälkäinen susi lammasta* ‘разглядывать овец, как голодный волк’ и др.).

Фрустрационные эмоции отражаются посредством применения таких ФЕ, как мар. *nure gaj osal* ‘злой, как волк’ и фин. *äkäinen kuin kissa* ‘злой, как кошка’ и т. д. Целый ряд ФЕ с компонентами *теленка, свинка, лошадь* способствуют передаче коммуникативной эмоции веселья в финском языке.

Рассматриваемый способ вербализации эмоций указывает на своеобразный переход физических состояний в психические и определяет специфику оязыкования таких состояний как внутренних психических процессов, отражающихся в марийской и финской зоосемической фразеологии. Это отражает сложный процесс развития концептуально-языкового оформления унифицированных эмоций человека в рамках разных лингвокультур, развивающихся в специфичных для них условиях проживания. Данное явление передает также особенности номинации эмоций (семантическая двуплановость, метафоричность), которые характеризуются обогащением свойств раздражимости, присущих живым тканям, свойством переживаемости, естественным для человека [Шкапенко 2000: 15-22].

Отдельную группу компаративных ФЕ марийского и финского языков составляют единицы, отражающие формы проявления следующих психофизиологических особенностей человека:

I. Физиологическое состояние организма:

- худоба: мар. *коштымь меран гай* букв. ‘как засушенный заяц’;
- упитанность, полнота: мар. *сӧсна гай коя* – фин. *rasvainen kuin sika* = ‘жирный, как свинья’;
- гомеостатические влечения: фин. *syödä kuin hevonen* ‘есть, как лошадь’, *nälkäinen kuin susi* ‘голодный, как волк’ (голод), *ruokahalu kuin hevosella* ‘аппетит, как у лошади’ (хороший аппетит);
- усталость: фин. *пий семын нояш* – фин. *väsyä kuin koira* ‘устать, как собака’;

- психомоторные способности: фин. *norea kuin hirvi* ‘быстрый, как лось’, *vikkelä kuin kärppä* ‘шустрый, как горностай’, *käyttäytyä kuin norsu posliinikaupassa* ‘вести себя, как слон в фарфоровой лавке’ и др.

- хорошее физическое здоровье и сила: мар. *ушкыж гай таза* ‘здоровый (крепкий), как бык’, фин. *terve kuin pukki* ‘здоров, как козел’, *väkevä kuin härkä / karhu (= kontio)* ‘сильный, как бык / медведь’ и др.;

- плохое здоровье (в зависимости от контекста): фин. *laskea kuin lehmän häntä / kasvaa alaspäin kuin lehmän häntä* ‘опускаться / расти вниз, как коровий хвост’;

- результат поражения кровеносных сосудов: фин. *Verta tulee kun härän kurkusta* ‘Кровь течет, как из горла быка’.

II. Психические процессы:

- речь (владение языками): фин. *puhua jtk kuin hevonen* ‘уметь / говорить что-л., как лошадь’ (в знач. «отлично, прилично говорить на каком-л. языке»), *osata englantia kuin hevonen* ‘владеть английским, как лошадь’.

Отдельное место в данной группе занимает ФЕ, использующаяся для оценки проявления психофизиологического процесса, который проявляется в плохом пении и описывается посредством марийской КФЕ *Пылышым маска тошкалын* ‘Медведь на ухо наступил’ и рассмотренным ранее глагольным фразеологизмом *пире гай (пирыла) урмыжаш* ‘волком выть’ (букв. ‘выть, как волк’).

III. Психические состояния:

- сон: фин. *nukkua kuin koira / porsas* ‘спать, как собака / поросенок’ (в знач. «чутко / крепко спать»).

Свойства форм проявления материи также описываются фразеологическими средствами марийского и финского языков.

Особенности проявления пространства в значительной мере отражаются в характеристике тишины, безмолвия (фин. *hiljaa kuin hiiri* ‘тихий / безмолвный, как мышь (в контексте применяется и по отношению к человеку)'), формы и положения в пространстве (фин. *kulkea jonossa kuin köyhän talon porsaat* ‘ходить в

очереди, как поросята бедного дома'). Количественные характеристики материального мира выражаются малым (мар. *меран поч кутыш (наре)* 'с заячий хвост') и большим (фин. *väkeä / miehiä kuin Vilkkilässä kissoja* 'народа / людей, как кошек в Вилккиля' и др.) количеством чего-, кого-л. Отдельными единицами финского языка оценивается материальное положение человека (*köyhä kuin (kirkon)rotta* 'бедный, как (церковная) крыса').

Некоторые из ФЕ применяются для передачи эстетической оценки внешнего вида или предметов окружающей действительности, в частности, *внешнего сходства* (мар. *йыгыр пача гай* 'как два ягненка-близнеца'), *красоты и миловидности* (фин. *nätti kuin sika pienenä* 'хорошенький, как свинка'), *броской внешности* (фин. *kokoa ja näköä kuin mustalaisen hevossa* 'размером и видом, как цыганская лошадь'), *убогого вида* (фин. *märkä kuin uitettu koira / kissa* 'мокрый, как искупанная собака / кошка'), *сложности покроя одежды* (фин. *tutkikas kuin sian kirkkotie* 'извилистый / сложный, как дорога свиньи до церкви') и *белизны чего-л.* (фин. *valkea kuin jänis* 'белый, как заяц').

Проанализированные эталонные сравнения марийского и финского языков указывают на то, что чаще всего их мотивация связана с внешними проявлениями человека. В создании образного основания рассматриваемых зоосемических ФЕ лежит аналогия «животное – человек». При этом психофизиологические свойства животных переносятся на особенности человека. Выделяются некоторые сходства в выборе названий животных и в передаче определенных эталонов, выражающихся зоосемической фразеологией марийского и финского языков.

Зоонимы, выступающие в качестве разных эталонов в исследуемых языках, отражаются в таблице 4 (ср. таблица 5).

Сводные таблицы 4, 5 демонстрируют особенности передачи разных эталонов посредством использования зоонимов в составе ФЕ. Значительное количество фразеологизмов отражает целый ряд отличий в выборе свойств, характерных для определенных объектов оценки (ср. таблица 1, 2).

Таблица 4 – Сходства в выражении эталонов в марийском и финском языках

Компоненты-зоонимы, встречающиеся в составе ФЕ марийского и финского языков	Участие зоонима в передаче эталона в марийском языке	Сходство в передаче эталона в обоих языках	Участие зоонима в передаче эталона в финском языке
бык	упрямство;	физическая сила;	
волк	страдание; плохое пение	злость (гнев)	чувство голода; конфликтность; насилие
заяц	затруднительность; малое количество; худоба	страх	белизна
лиса		хитрость	
кошка		конфликтность; обман, манипуляция;	ловкачество; паника; убогость
свинья		неумеренность; упитанность;	глупость; жестокость; безответственность; настойчивость; запутанность
собака		конфликтность; физическая усталость	верность; изворотливость; убогость

Например, в качестве *эталона убогости* отбираются разные зоонимы (мар. *коля* ‘мышь’, фин. *kissa / koira* ‘кошка / собака’). Только семь зоонимов отражают сходство в передаче эталонов, из которых четыре зоонима (*собака, волк, кошка, свинья*) включаются в состав названий животных, являющихся самыми распространенными по использованию в исследуемых фразеологизмах и выделенных для обоих языков посредством комплексного анализа ФЕ. Например, при передаче эталона *конфликтности* в обоих языках используются зоонимы ‘кошка’ и ‘собака’ (мар. *пырыс, пий*; фин. *kissa, koira*), *хитрости* – ‘лиса’ (мар. *рывыж*; фин. *kettu*), *страха* – ‘заяц’ (мар. *меран*; фин. *jänis*), *упитанности* – ‘свинья’ (мар. *сöсна*, фин. *sika*), *физической усталости* – ‘собака’ (мар. *пий*; фин. *koira*), *физической силы* – ‘бык’ (мар. *уйкыж*; фин. *härkä*) и т. д.

Таблица 5 – Отличия в выражении эталонов в марийском и финском языках

Компоненты-зоонимы, встречающиеся в составе ФЕ марийского и финского языков	Участие зоонима в передаче эталона в марийском языке	Участие зоонима в передаче эталона в финском языке
горностай		проворность; быстрота; веселье
козел		физическое здоровье; доверие
корова		неуклюжесть; упадок / ухудшение
крыса		паника; бедность
лев		храбрость; физическая сила
лось		быстрота
лошадь		хороший аппетит; усердие в работе; хорошие речевые способности; веселье
медведь		физическая сила
мышь	убогость	безмолвие, тишина
овца		глупость; нежность / любезность; невинность / безобидность
слон		неуклюжесть
теленоч	робость, нерешительность	веселье
ягненок	неразлучность; внешнее сходство; кротость, покорность;	
зверь, хищник		гнев

Полученные результаты позволяют судить об универсальности в передаче культурно-значимых понятий, а также выделить индивидуальные особенности, характерные исследуемым лингвокультурам. Выявленные особенности формируются под влиянием таких факторов, как территориально-географические, социально-экономические условия проживания представителей этноса в определенный исторический период. Сходство когнитивных механизмов

восприятия окружающей действительности определяет близость в описании поведения животных и в выборе специфических черт, присущих им, с последующим переносом их свойств на описание человека. Данные характеристики отражаются и в передаче рассмотренных эталонных сравнений средствами фразеологии.

Анализ зоосемических фразологизмов марийского и финского языков позволил выявить сходство и различия в вербализации символического значения некоторых зоонимов в изучаемых языках. Например, в марийском языке выделяются такие символы, как *собака* – лицемерие, обман, *заяц* – трусость, *медведь* – сила, *бык* – упрямство и сила, *лиса* – хитрость и пронырливость, *овца* – глупость, *свинья* – грубость и неуважение и т. д.; в финском языке: *собака* – манипуляция, обман, *волк* – злость, разрушение и фальшь, *кошка* – изворотливость и обман, *медведь* – сила, *бык* – сила и надежность, *заяц* – трусость, *козел* – ненадежность. Такие компоненты ФЕ являются элементами фразеологической символики, словами-символами, характеризующими те или иные понятия и явления, а также имеющие в ряде единиц одинаковое значение.

Специфика многих фразеологизмов отражает особенности вторичной номинации, свойственные марийской и финской лингвокультурам. Однако, анализ исследуемых ФЕ позволил выявить целый ряд фразеологизмов, заимствованных из других языков: в марийском языке – кальки и заимствования из русского языка, а в финском – из шведского, английского и немецкого языков. Факт заимствования указывает на процессы обогащения фразеологических фондов рассматриваемых языков за счет социокультурного взаимодействия представителей данных этносов с другими народами.

Значения некоторых фразеологизмов отражают фоновые знания в среде носителей рассматриваемых лингвокультур. Полученные реакции на представленные зоонимы в экспериментах с носителями марийского и финского языков отражают восприятие окружающей действительности, что проявляется в описании психо-физиологических характеристик животных (см. приложения В, Д).

Примеры из художественной литературы представляют собой зафиксированные образцы (способы) внешней деятельности, которые не определяются как элементы актуальной познавательной деятельности, а являются средством такой обусловленности.

Полученные результаты отражаются в итогах ассоциативного эксперимента, который позволяет выявить традиционные модели поведения, влияющие на включение слов-стимулов в определенную систему связей, типичных для конкретного социума. Таким образом, наличие большого количества одинаковых ассоциаций доказывает универсальность, общность когнитивных механизмов человека, вне зависимости от его принадлежности к той или иной лингвокультуре.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV

Национально-культурное своеобразие в описании внешнего мира отражает особенность национального мышления и стереотипизированность разных оценок в рамках марийской и финской лингвокультур. Данное явление прослеживается и на лексическом уровне изучаемых языков, в которых отдельные названия животных выступают в качестве определенных символов. Проведенный анализ зоосемической фразеологии марийского и финского языков выявил преобладание этических и эстетических оценок предметов и явлений, окружающих человека.

Значительное количество фразеологизмов передают описание и оценку характера человека, проявляющегося в системе отношений к себе, другим людям, труду (деятельности) и собственности. Преобладающее количество зоосемических фразеологизмов применяется для порицания и оценки отрицательных свойств человека.

Сходство в вербализации этических оценок по отношению к *другим* людям реализуется лишь при нахождении человека в социальной среде, что проявляется в использовании изучаемых фразеологизмов при осуждении манипуляции другими людьми; лицемерия и притворства; грубости и неуважения других; лживости и обмана; хитрости и пронырливости; распускания слухов и клеветы; распутства; подлости и предательства. Выделяются и отличия в оценке соперничества; враждебности; разжигания ссор; неблагодарности за сделанное добро; отчуждения от осиротевших и овдовевших; угодливости; вредительства; мнимой дружбы, а также заботы о детях в марийском языке. В финском языке оценивается невнимание к собеседнику; предательство; поклонение ложным идеалам; сохранение нейтралитета; нарушение благосостояния и необходимость выполнения обещаний.

Общность оценки отношения к *труду* проявляется в порицании лени и спешки в делах. Значительны отличия в описании проявления волевых качеств человека. Марийские фразеологизмы применяются для описания объединения рабочих операций в комплексы выполняемых действий (например, стремление выполнить несколько дел одновременно), а также оценки деятельностных

способностей человека (например, некомпетентности). Финские зоосемические фразеологизмы отличаются использованием в сфере оценки неудовлетворительной организации деятельности, трудового процесса (например, опоздания в решении проблемных вопросов).

Заметные отличия наблюдаются и в оценке отношения человека *к себе* и собственности в вербализации средствами зоосемической фразеологии двух языков. Сходство выявлено лишь при описании ощущения надежности своего дома; умения разделять хорошее от плохого; скверного и неуживчивого характера человека и глупости. Марийские и финские фразеологизмы используются для оценки проявления интровертного типа личности. При описании отношений *к собственности* в марийском и финском языках осуждается жадность, выражается рекомендация благодарить за полученные материальные блага.

Фразеологические единицы с компонентами-зоонимами в рассматриваемых языках охватывают описание *психических процессов, психофизиологических состояний* человека; *эстетических оценок, форм существования бытия и ситуативных эмоций* человека (эмоции ожидания и прогноза, фрустрационные, коммуникативные и интеллектуальные эмоции).

Незначительные сходства выражаются в передаче эталона страха, гнева, конфликтности, физической усталости, обмана и манипуляции, неумеренности, упитанности, физической силы и хитрости. Анализ контекстуального использования фразеологизмов выявил преобладание оценок страха, робости / нерешительности и распутства в марийской лингвокультуре, а в финской – молчаливости / безмолвности, одиночества и замкнутого образа жизни человека, что указывает на высокую степень значимости данных явлений в жизни представителей марийской и финской лингвокультур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход современной лингвистики на антропоцентрическую парадигму исследования стимулировал разработку новых методов в исследовании фразеологизмов с точки зрения междисциплинарного подхода к изучению языковых явлений.

В представленной работе проведено сравнительное исследование лингвокультурных особенностей языковых единиц на материале зоосемической фразеологии марийского и финского языков. В соответствии с поставленными целью и задачами исследования изучение рассматриваемого языкового материала проводилось в несколько этапов с применением целого комплекса синтезированных методов, употребляющихся в лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и психолингвистике.

Вследствие осуществленного исследования были получены следующие выводы.

1. Обзор истории изучения фразеологии финно-угорских языков свидетельствует о сходстве в развитии научной парадигмы исследования устойчивых единиц в сравниваемых языках. Начало их изучения связывается с процессом собирания фольклорных текстов, составлением словарей разных видов и разработкой образовательного материала для носителей финно-угорских языков. Историографические факты изучения финно-угорской фразеологии указывают и на различную степень изученности устойчивых языковых единиц, что обобщается в работах, посвященных исследованию фонетической, структурно-грамматической оформленности фразеологизмов; их стилистических функций в языке; источников происхождения и способов образования; фразеографии; психолингвистических и лингвострановедческих аспектов фразеологизмов, их функционально-коммуникативных характеристик и т.д. Рассмотренные работы по фразеологии определили выбор темы сравнительного исследования лингвокультурной специфики зоосемических фразеологизмов в связи с отсутствием междисциплинарного изучения выбранного объекта.

Изучение фразеологизмов марийского и финского языков показывает, что в составе анализируемых устойчивых единиц употребляются относительно одинаковые компоненты-зоонимы, что связано со сходством природно-климатических, территориальных условий проживания данных этносов. На основе рассмотрения 180 устойчивых оборотов марийского языка и 197 единиц финского языка выявлены наиболее частотные группы фразеологизмов с одинаковыми инвариантами. К ним отнесены семь названий животных, совпадающих по использованию в сравниваемых языках. Самым распространенным по употреблению как в марийском, так и в финском языках оказался зооним *собака* (мар. *пий*, фин. *koira*).

2. В составе большинства фразеологизмов компоненты-зоонимы теряют свое первоначальное значение, однако в часть из них они вводятся переосмысленными. Основным типом переосмысления номинативных и коммуникативных ФЕ марийского и финского языков выступает метафора. Значения преобладающего количества исследованных фразеологизмов некомпаративного типа являются мотивированными. Зоонимы в составе компаративных ФЕ выступают в качестве эталонов морально-нравственных качеств человека и свойств, присущих предметам окружающей действительности, что связано с процессом сопоставления и сравнения одного явления с другим.

3. Национальное своеобразие выбранных фразеологических единиц с однотипным лексическим инвариантом проявляется в их *культурной коннотации*, специфические особенности которой выявлены посредством анализа семантики и семантических отношений групп фразеологизмов, в двух отдаленно-родственных марийском и финском языках. По этой причине одна из задач исследования реализована путем рассмотрения уровней проявления семантических отношений фразеологизмов в их совокупном (актуальном) значении; значении отдельных лексических компонентов (зоонимов), а также прототипах, мотивирующих их образное основание.

4. На базе реализованного анализа семантических характеристик фразеологических единиц разных структурно-семантических групп

(номинативные и коммуникативные), проведено сравнение *межъязыковых фразеологических соответствий*, в результате чего вывлены полные, частичные и безэквивалентные фразеологизмы. Первый тип представлен в небольшом количестве (2,6%). Частичные фразеологические соответствия составляют 14,6% среди рассмотренных устойчивых единиц и представлены шестью группами, которые объединяют фразеологизмы марийского и финского языков на разном уровне семантических отношений. Они дифференцируются с учетом актуального значения изучаемых языковых единиц, их компонентного состава, структурно-грамматической оформленности, наличия общего лексического инварианта, прототипов, мотивирующих внутреннюю форму зоосемических ФЕ, а также спецификой их коннотации. Большую часть межъязыковых соответствий составляют безэквивалентные фразеологизмы, по-разному отражающие марийскую и финскую лингвокультуры (82,8%). Ярко-выраженными национально-культурными особенностями обладает первая группа безэквивалентных ФЕ, в значении которых определяющая роль отводится их денотативному аспекту. Данное явление отображается в наличии в составе фразеологизмов названий культурных реалий, имен собственных, географических объектов и фактов национальной истории. Среди марийских устойчивых оборотов не обнаружены единицы, обладающие подобными наименованиями. Однако встречается использование некоторых названий предметов из бытовой жизни носителей марийской лингвокультуры (материал для изготовления ремесленных изделий).

5. Определяющую роль при сравнении лингвокультурных особенностей отобранных фразеологизмов играет изучение их коннотации, мотивирующей разными *прототипными ситуациями*. В результате исследования выявлены пять разновидностей прототипов, выделению которых способствует интерпретация их коннотативного аспекта, что позволяет определить сходства и отличия в выборе значимых явлений окружающей действительности, подвергающихся стереотипизации в рамках марийской и финской лингвокультур.

Анализ ФЕ показал разный уровень проявления прототипов, мотивирующих

внутреннюю форму рассматриваемых устойчивых языковых единиц. В качестве прототипов фразеологизмов выступают *наблюдения за животными*; разные виды проявления *социально-культурной жизни* данных этносов; *мифы и поверья*, являющиеся исконно финно-угорскими или развившимися под влиянием изменившихся условий жизни после расхождения первоначальной этнокультурной общности; *фольклор, тексты художественной литературы, продукты средств массовой информации кинематографии; религиозная культура*, специфичная для марийского и финского этносов, которая отражает собственные и заимствованные традиции данных народов.

6. В результате проведенного сравнительного исследования выявлены сходства и различия в вербализации *культурно-значимых понятий*, существующих в рамках рассматриваемых лингвокультур. Следует отметить, что ФЕ с выделяемым лексическим инвариантом, специфичным для марийской и финской фразеологии, обладают высокой степенью экспрессивности при оценке явлений окружающей действительности. Близость в вербализации данных понятий объясняется универсальностью когнитивных механизмов человека и сходством природных условий проживания, что доказывается и результатами ассоциативного эксперимента с носителями марийского и финского языков.

Антропоцентризм в зоосемической фразеологии выбранных языков отражается в целом ряде оценок, касающихся *характера человека*, который проявляется в системе разных отношений (к другим, себе, труду и собственности); *ситуативных эмоций* разных видов (эмоции ожидания и прогноза; фрустрационные, коммуникативные и интеллектуальные эмоции); *форм существования бытия* (время, пространство и движение) и отдельных *психических процессов и психофизиологических состояний* организма человека. Отдельное место занимают ФЕ, передающие *эстетические оценки* внешнего вида человека (врожденные и временные внешние свойства, одежда и т. д.). Следует отметить, что значительные отличия в передаче культурно-значимых понятий выявлены при анализе эталонных сравнений, что отражается в выборе «доминирующих» признаков, свойственных животным, при передаче

определенного эталона. Данное явление позволяет составить наиболее полное представление о специфике выражения зооморфного кода культуры, символов, существующих в рамках сравниваемых лингвокультур. Выявлены некоторые сходства и отличия в передаче эталонов в рассматриваемых языках, что иллюстрируются на примере применения названий ряда животных в качестве основы сравнения. В контексте марийских художественных произведений наиболее частотны фразеологизмы, употребляющиеся для оценки *ситуативного страха, распутства и неудобного, лишнего благ цивилизации места пребывания или проживания*. В финских художественных текстах (частично – публицистических источниках) распространено применение зоосемических ФЕ с целью оценки *молчаливости и безмолвности, одиночества или замкнутости, нерациональности и глупости человека*.

При этом объединение фразеологизмов разных структурно-семантических типов по идеографическим полям показало количественное преобладание ФЕ, использующихся для оценки *страха и боязни (3,9%), нерешительности и робости (3,9%), конфликтности (2,8%), распутства, глупости, лицемерия и лени (по 2,2%)* в марийском языке, а также *злости и агрессии (3%), безмолвия и молчаливости (2,5%), некачественного товара, услуги (2,5%) и глупости (2%)* в финском языке.

Вышеизложенные результаты указывают на то, что зоосемические фразеологизмы марийского и финского языков отражают фрагменты языковой картины мира рассматриваемых этносов, обусловленные общими когнитивными механизмами, что отражается в системном характере оценки проявлений человека и свойств окружающей действительности. Значительная часть данных языковых единиц выражает осуждение специфических черт человека, порицаемых в рамках сравниваемых лингвокультур.

Проведенное исследование марийских и финских зоосемических фразеологизмов указывает на то, что в языке отражается познавательная деятельность человека, как носителя определенной культуры. В языке категоризируется реальная действительность, что проявляется в выделенных

фрагментах лингвокультурных понятий. В данном случае зоосемические ФЕ характеризуют и признаки стереотипного поведения носителей исследуемых лингвокультур, что обуславливается их ценностными ориентирами.

Проведенное исследование доказывает выдвинутую гипотезу о том, что фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках отражают одну из сторон категориального языкового мышления, структурирующегося под влиянием внешних (социально-исторический фон) и внутренних (когнитивные механизмы) факторов.

Значимость выполненной научной работы определяется дальнейшей возможностью сравнительного исследования марийского и ряда родственных или неродственных ему языков для изучения национально-культурной специфики восприятия окружающей действительности посредством вербализации фразеологическими средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абукаева, Л. А. Синтаксические фразеологизмы в марийском языке: монография / Л. А. Абукаева. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2005. – 191 с.
2. Абукаева, Л. А. Синтаксические фразеологизмы оценки в марийском языке / Л. А. Абукаева // II Вавиловские чтения: диалог наук на рубеже XX-XXI веков и проблемы современного общественного развития. – Йошкар-Ола, 1999. – С. 322-323.
3. Абукаева, Л. А. Экспрессивные синтаксические конструкции в прозе М. Кудряшова / Л. А. Абукаева // VII Игнатьевские чтения. Проблемы горномарийского языка, литературы, истории, литературы: Материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции. Козьмодемьянск, 1 апреля 2007 г. – Йошка-Ола, 2007 – С. 6-13.
4. Аверин, В. А. Психология личности / В. А. Аверин. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 89 с.
5. Акцорин, В. А. Историко-генетические связи финно-угорских племен по данным мифологии / В. А. Акцорин // Вопросы марийского фольклора и искусства. – 1980. – Вып. 2. – С. 13-27.
6. Алимжанова, Г. М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, единицы: автореф. дис. ... д. филол. наук. 10.02.20: / Гаухар Мухташевна Алимжанова. – Алматы, 2010. – 50 с.
7. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону, 1964. – 316 с.
8. Афанасьев, А. Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / А. Н. Афанасьев / Сост., подготовка текста, статья, коммент. А. Л. Топоркова. – М.: Индрик, 1996. – 640 с.
9. Багана, Ж. Галиоскарова, В. Р. Обзор исследований зоолексикологии и вопросов терминологии: зооним, фауноним и т.д. / Ж. Багана, В. Р. Галиоскарова; НИУ БелГУ // Язык профессионального общения и лингвистические

исследования: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара / НИУ БелГУ; Отв. ред. Т. В. Самосенкова, Л. Г. Петрова. – Белгород: БелГУ, 2010. – С. 13-16.

10. Баранов, А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

11. Бархударов, Л.С. Язык и перевод: (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 241с.

12. Барцева, Л. И. Кызытсе марий йылме. Лексикологий / Л. И. Барцева, И. С. Галкин – Йошкар-Ола: Издательский дом, 2003. – 224 с.

13. Барцева, Л. И. К вопросу о становлении устойчивых сочетаний на метонимической основе в марийском языке / Л. И. Барцева // Финно-угроведение. – 1997. – №2. – С. 53-57.

14. Барцева, Л. И. Полисемия в марийских фразеологизмах / Л. И. Барцева // *Congressus Nonus internationalis fenno-ugristarum*. 7. – 13.08.2000. Tartu. Pars II. Summaria acroaism in sectionibus et symposiis factarum. *Linguistica/ Redegerunt: Anu Nurk, Triinu Palo, Tonu Seilenthal*. Tartu, 2000. – S. 25-26.

15. Белянин, В. П. Психолингвистика: Учебник / В. П. Белянин. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 232 с.

16. Боброва, Г. А. Языковая картина мира удмуртов в сопоставлении с русскими / Г.А.Боброва // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / Сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина; отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 224–226.

17. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – М.: Просвещение, 1965. – 490 с.

18. Вакк, Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: / Феликс Вакк. – Таллин, 1964. – 30 с.

19. Васикова, Л. П. Фразеологизмы – золотой фонд марийского языка / Л. П. Васикова // V Игнатъевские чтения Проблемы теории и практики преподавания горномарийского языка, литературы, истории, литературы:

Материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции. Козьмодемьянск, 1 апреля 2005 г. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 24-32.

20. Васильев, В. М. Идиомы, иносказательные изречения, слова пережитки в марийском языке / В. М. Васильев // Ученые записки МарНИИ. Т. 1. – Вып. 1. – Йошкар-Ола: Марийское гос. изд-во, 1948. – С. 107-129.

21. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

22. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1974. – 614 с.

23. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. / Е. М. Вольф. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.

24. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 352 с.

25. Гагарина, О. А. Фразеология коми-пермяцкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Ольга Анатольевна Гагарина. – Ижевск, 1999. – 24 с.

26. Гатауллина, З. З. Сравнительные исследования фразеологических единиц с компонентом глаголом движения на материале английского, немецкого и шведского языков: дис. ... канд. филол. н. / Зайтуна Зинатулловна Гатауллина. – М., 1968. – 203 с.

27. Городецкая, Л. А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях / Л. А. Городецкая // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. – 2002. – Вып. 1. – С. 21-28.

28. Грачева Ф. Т. Фразеологизмы в романе Н. Игнатьева «Савик» // Вопросы марийского языкознания / Ф. Т. Грачева. – Йошкар-Ола, 1976а. – С. 18-24.

29. Грачева, Ф. Т. О древнейшем пласте марийских фразеологизмов / Ф.Т. Грачева // Труды по финно-угроведению. – 1978. – Вып. 5. – С. 37-42.

30. Грачева, Ф. Т. Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами / Ф. Т. Грачева // Вопросы марийского языка. – 1975. – С. 146-164.

31. Грачева, Ф. Т. Сопоставительный анализ фразеологических единиц марийского и русского языков (на материалах одной микротемы) / Ф. Т. Грачева // Проблемы русско-финно-угорского двуязычия и межъязыковых контактов. – Йошкар-Ола, 1988. – С. 60-66.

32. Грачева, Ф. Т. Сравнение как средство создания образа в произведениях Н. П. Игнатьева / Ф. Т. Грачева // V Игнатьевские чтения Проблемы теории и практики преподавания горномарийского языка, литературы, истории, литературы: Материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции. Козьмодемьянск, 1 апреля 2005 г. – Йошкар-Ола, 2005а. – С. 36-43.

33. Грачева, Ф. Т. Структурные особенности глагольных фразеологизмов в марийском языке / Ф. Т. Грачева // Тезисы докладов на научной сессии МарНИИ по итогам работы за 1971-1975 гг. – Йошкар-Ола, 1976в. – С. 78-84.

34. Грачева, Ф. Т. Фразеологий – сылнымут ойсавыртыш (Фразеология – средство художественного слова) / Ф. Т. Грачева // Ончыко. – 1976б. – №. 1. – С. 105-108.

35. Грачева, Ф. Т. Фразеология марийского языка: автореф. ... дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / Фаина Тихоновна Грачева. – Тарту, 1977. – 21 с.

36. Грачева, Ф. Т., Мустаев Е. Н. Фразеологизмы со значением качественной оценки человека в марийском языке / Ф. Т. Грачева, Е. Н. Мустаев // Проблемы марийской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Йошкар-Ола, 2005б. – С. 19-27.

37. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт / В. фон Гумбольдт, пер. с нем., под ред. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

38. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / Гумбольдт В. фон. М.: Прогресс, 1985. – 452 с.

39. Данилова, М. Э. Семантика рифм современной английской лексики (фоносемантический аспект): автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.04 / М. Э. Данилова – Пятигорск, 2007. – 23 с.

40. Денисова, Г. И. Набор понятийно-фразеологических категорий в фразеологических единицах немецкого и эрзянского языков с компонентом «нос» / Г. И. Денисова // Межкультурная коммуникация: язык – культура – личность (теоретические и прикладные проблемы) Материалы Всерос. науч.-практ конф. 22-23 сентября 2003. / МГУ им. НИ. Огарева, Правительство РМ. – Саранск, 2003а. – С. 118-120.

41. Денисова, Г. И. Немецко-эрзянские фразеологические эквиваленты (на примере соматических фразеологических единиц) / Г. И. Денисова // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр./ Отв. ред. Ю.К. Воробьев. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002а. – С. 15-16.

42. Денисова, Г. И. Соматические фразеологические единицы эрзянского и немецкого языков (сопоставительный анализ): автореф. дис. ...канд. филол. н.: 10.02.02 / Г. И. Денисова. – Саранск, 2003б. – 18 с.

43. Денисова, Г. И. Структурно-грамматические особенности соматических ФЕ эрзянского и немецкого языков (на примере субстантивных ФЕ) / Г.И. Денисова. // Финно-угристикань кевкстематне (Вопросы финно-угроведения) / Отв ред. М. Д. Имайкина и др. – Саранск, 2001. – С. 61-64.

44. Денисова, Г. И. Экстралингвистические факторы генезиса соматических ФЕ эрзянского и немецкого языков / Г. И. Денисова // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях: Сб. науч. тр., посвящ. 50-летию ф-та иностр яз. Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева / Отв. ред. Ю.М. Трофимова. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2002б. – С. 135-137.

45. Денисова, Г. И. Явление омонимии в соматической фразеологии (на примере эрзянского и немецкого языков) / Г. И. Денисова // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации – теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. К. Воробьев. – Саранск, 2003в. – С. 12-15.

46. Димитрова, Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: дисс... канд. филол. наук: 10.02.20 / Елена Владимировна Димитрова – Волгоград, 2001. – 173 с.

47. Динисламова, О. Ю. Коннотации в английских и мансийских фразеологизмах как выявление национально-культурной специфики языков / О. Ю. Динисламова // Вестник Югорского государственного университета – Вып. 1 (12). – 2009 – С. 5–8.

48. Динисламова, О. Ю. Лингвокультурологический аспект фразеологизмов английского и мансийского языков / О.Ю. Динисламова // Языки и культура народов Югры: материалы регион. студен. науч.-практ. конф. (Ханты-Мансийск, 11 апр. 2008 г.). – Екатеринбург, 2008. – С. 40-46.

49. Динисламова О. Ю. Фразеологическая картина мира народа манси / О. Ю. Динисламова // Вестник Югорского гос. ун-та. – 2010. – № 2. – С. 31-34.

50. Динисламова, О. Ю. Фразеологическая картина мира народа манси / О. Ю. Динисламова // Ежегодник финно-угорских исследований / Науч. ред. А. Е. Загребин; сост.-ред. А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова; отв. ред. Д.И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – Вып. 2. – С. 29-34.

51. Добровольский, Д. О. О возможности моделирования внутренней формы фразеологизма / Д. О. Добровольский // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. Сб. статей. / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССРМ., 1988. – С. 87-97.

52. Егоров, А. В. Материалы для «Удмуртско-венгерско-русского фразеологического словаря» / А. В. Егоров // Вестник Удмуртского университета. филологические науки. – 2007. – № 5(1). – С. 181-184.

53. Егоров, А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской) / А. В. Егоров. – Екатеринбург – Ижевск: УрО РАН, 2011. – 200 с.

54. Егоров, А. В. Фразеология удмуртского и венгерского языков в лингвокультурологическом аспекте / А. В. Егоров //Dissertationes sectionum:

Linguistica. Pars IV. Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010 / Red. P. Csúcs, N. Falk, V. Tóth – Piliscsaba, 2011 – S. 84-90.

55. Егоров, Н. П. Крылатые слова и выражения в творчестве Н.В. Игнатъева / Н. П. Егоров // VI Игнатъевские чтения. Проблемы теории и практики преподавания горномарийского языка, литературы, истории, литературы: Материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции. Козьмодемьянск, 1 апреля 2006 г. – Йошкар-Ола, 2006. – С. 102-104.

56. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М.: «Высшая школа», 1986. – 310 с.

57. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 382 с.

58. Зиньков, А. Д. Марий да моло родо-тукым йылмысе фразеологический савыртыш-влак нерген / А. Д. Зиньков // Марий филологий. Статья сборник. – Йошкар-Ола, 1983. – С. 18-22.

59. Золтан А., Федосов О., Янурик С. Об одной специальной воде в русской и венгерской фразеологии (рус. фарватер, венг. Farvíz) / А. Золтан, О. Федосов, С. Янурик // «Вода» в славянской фразеологии и паремиологии = Avízazslávfrazeológiában ésparemiológiában. Waterin Slavonic Phraseology and Paremiology. – Budapest: Tinta, 2013. – С. 64-66.

60. Изард К. Э. Психология эмоций / Перев. с англ. – СПб: Изд-во «Питер», 1999. – 464 с.

61. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин – СПб: Питер, 2001. – 752 с.

62. Казанцев, Д. Е. Современный марийский язык. Лексикология / Д. Е. Казанцев, Г. С. Патрушев. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1972. – 184 с.

63. Казыро, Г. Н. Концепт семьи в пословичной картине мира марийского языка / Г. Н. Казыро // Фундаментальные исследования. – 2013. – №10. – С. 674-678.

64. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
65. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис. – 2009. – 406 с.
66. Карманова, А. Н. К лексикографической разработке коми фразеологизмов / А. Н. Карманова // Грамматика и лексикография коми языка: Труды Ин-та яз., лит. и ист. / АН СССР. УрО. КНЦ. – 1989. – Вып. 46. – С. 32-41.
67. Карманова, А. Н. Фразеология / А. Н. Карманова // Современный коми язык. Лексикология / АН СССР. Коми филиал ИЯЛИ. – М.: Наука, 1985. – С. 160-173.
68. Китиков, А. Е. Адекватные пословицы финно-угорских и тюркских народов / А. Е. Китиков // Межнациональные связи марийского фольклора, литературы и искусства. – Вып. 4. – 1984. – С. 15-26.
69. Ковшова, М. Л. К вопросу о культурной интерпретации фразеологизмов / М. Л. Ковшова // С любовью к языку: Сборник научных трудов. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 311-315.
70. Ковшова, М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: Когнитивные аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01 / Мария Львовна Ковшова. – М., 1996. – 22 с.
71. Кондратюк, С. Ю. Развитие семантики лексемы «масло» в украинских, русских, английских, немецких, французских и венгерских поговорках и фразеологизмах и особенности их перевода / С. Ю. Кондратюк // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 269-271.
72. Кривощекова-Гантман, А. С. Лексика и фразеология / А. С. Кривощекова-Гантман // Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: Учебник для высших учебных заведений / под ред. В. И. Лыткина. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1962. – С.110-146.
73. Кривощекова-Гантман, А. С. Фразеология / А. С. Кривощекова-Гантман // Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология:

Учебник для высших учебных заведений / под ред. В. И. Лыткина. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1962. – С.131-146.

74. Крупнов, В. Н. Лексикографические аспекты перевода / В. Н. Крупнов. – М.: Высшая школа, 1987. – 192 с.

75. Кузнецова, А. И. Диахроническая информация лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии обско-угорских и самодийских языков (на примере идиоматических эвфемизмов) / А. И. Кузнецова // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2001. – С. 99–103.

76. Кузнецова, М. Н. Названия диких и домашних животных в марийском языке / М. Н. Кузнецова. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. – 316 с.

77. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996 – 381 с.

78. Кунин, А. В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки / А. В. Кунин // *Вопросы фразеологии: Сб. науч. тр.* / Моск. Гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1980. – Вып. 168. – С. 158-185.

79. Лебедева, Э. Н. Грамматический анализ марийских пословиц и поговорок / Э. Н. Лебедева // *Linguistica Uralica*. – 1999а. – №1. – Р. 35-44.

80. Лебедева, Э. Н. Марийские пословицы и поговорки со структурой простого предложения / Э. Н. Лебедева // *Узловые проблемы современного финно-угроведения*. – Йошкар-Ола, 1995а. – С. 349-352.

81. Лебедева, Э. Н. Структурная характеристика марийских пословиц и поговорок / Э. Н. Лебедева // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10. – 15.8.1995. Pars IV. Sessiones sectorium. Syntax i setsemantica*. – Jyväskylä, 1996а. – 70-73.

82. Лебедева, Э. Н. Структурная характеристика марийских пословиц и поговорок (сложное предложение) / Э. Н. Лебедева // *Финно-угроведение*. – 1997. – №1. – С. 95-100.

83. Лебедева, Э. Н. Структурный анализ марийских пословиц и поговорок (сложное предложение) / Э. Н. Лебедева // *Структура и развитие волжско-*

финских языков: Тезисы докладов международной научной конференции. – Йошкар-Ола, 1996б. – С. 56-58.

84. Лебедева, Э. Н. Язык марийских пословиц и поговорок: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.07 / Элина Николаевна Лебедева. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет. – 1995б. – 18 с.

85. Леонтьев, А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. – С. 5-16.

86. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

87. Лесникова, Г. Н. Фразеология удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Галина Николаевна Лесникова. – Ижевск, 1994. – 24 с.

88. Лиховидова, Т. В. Фразеологическое толкование коннотативного аспекта значения фразеологических единиц (на материале адвербиальных фразеологизмов современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Татьяна Викторовна Лиховидова. – М., 1978. – 25 с.

89. Лурия, А. Р. Языкисознание / А. Р. Лурия / под ред. Е. Д. Хомской. – М.: МГУ, 1998. – 336 с.

90. Маклаков, А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков. – СПб: Питер, 2001– 592 с.

91. Марийский фольклор: мифы, легенды, предания = Марий калык ойпого: тоштыен ой-влак / Сост. В. А. Акцорин; под ред. С. С. Сабитова. – Йошкар-Ола, 1991. – 288 с.

92. Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. – 336 с.

93. Мартинович, Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента / Г. А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 93-99.

94. Маслова, В. А. *Homolingualis* в культуре: монография / В. А. Маслова. – М.: Гносис, 2007. – 319 с.
95. Маслова, В. А. *Лингвокультурология* / В. А. Маслова – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
96. Миронова, И. В. Зоометафора в свете антропоцентричности языка (на материале английской лексики) / И. В. Миронова // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание* / Под ред. И. А. Стернина. – Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 149-151.
97. Миски, Г. Передача русских фразеологизмов при помощи перевода на венгерский язык / Г. Миски // *Slavica tergestina*. 5. Славянские языки и перевод: доклады первого международного симпозиума, г. Печ, Венгрия, 28-29 апреля 1995 г. – 1997. – С. 365-375.
98. Мокиенко, В. М. О методологии сопоставительного исследования русской и немецкой фразеологии / В. М. Мокиенко // *Rossica OIOMU CENSIA XXXVIII*. – 2000. – С. 337-350.
99. Морковкин, В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке) / В. В. Морковкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 168 с.
100. Национально-культурная специфика речевого поведения / ред. кол. А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: «Наука», 1977. – 352 с.
101. Овчинникова И. Г. Ассоциативные структуры и текст / И. Г. Овчинникова // *Семантика и коммуникация. Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания*. – 1996. – Вып. 4.– С. 163-178.
102. Петрухин, В. Я. Мифы финно-угров / В. Я. Петрухин. – М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2005. – 465 с.
103. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попов, И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.

104. Потапушкин, Н. А. Фразеологические единицы русского языка в лингвокультурологическом аспекте / Н. А. Потапушкин. – М.: Изд-во УМУ РУДН, 2000. – 123 с.
105. Потевня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потевня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
106. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1980. – 144 с.
107. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М.: Просвещение, 1967. – 544 с.
108. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: Международные отношения, – 1974. – 216 с.
109. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: ЗАО Изд-во «Питер», 1999. – 720 с.
110. Сабитов, С. С. Образ медведя в марийских и удмуртских сказках / С. С. Сабитов // Вопросы марийского фольклора и искусства. – 1980. – Вып. 2. – С. 44-51.
111. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 656 с.
112. Серасхова, М. Е. Фразеологическое поле хантыйского языка (приуральский диалект) / М. Е. Серасхова // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – Вып. 3. – С. 10-15.
113. Сергеев В. И. Лингвокультурология и национально-культурная семантика: учеб. пособие / В. И. Сергеев, Ю. Н. Исаев, А. Л. Филиппов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. – 300с.
114. Соколова, Г. Г. Составляющие коннотативного значения фразеологических единиц / Г. Г. Соколова // Лингвистические проблемы перевода. – М., 1981. – С. 54 – 62.
115. Соловар, В. Н. Соматическая фразеология в хантыйском языке / В. Н. Соловар // Перспективы и направления развития в современном финно-угроведении. – М., 1997. – С. 81-82.

116. Соловар, В. Н. Фразеологизмы с соматическим компонентом в хантыйском языке / В. Н. Соловар // *Linguistica Uralica*. – 1999. – № 4. – С. 286-90.
117. Соловар, В. Н. Фразеологизмы хантыйского языка, связанные с укладом жизни и обычаями / В. Н. Соловар // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7 – 13.8, Tartu, 2000. – Pars II*. – pp. 272.
118. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языка русской культуры», 1997. – 824 с.
119. Степанова, И. А. Маритюр. Встречи с марийской вышивкой / И. А. Степанова. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2005. – 160 с.
120. Тамминиеми, Э. История собирания и изучения финно-угорских пословиц и поговорок / Э. Тамминиеми // *Культура. Коммуникация. Корпоративность: Материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей и студентов по проблемам межкультурной коммуникации 21 февраля 2007 года: Часть I*. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 110-114.
121. Тараканов И. В. Удмурт лексикая очеркъяс / И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 96 с.
122. Тараканов, И. В. Туала удмурт кыл: Лексикология / И. В. Тараканов. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – С. 105-114.
123. Тарасов, Е. Ф. «Культурный знак» Л.С. Выготского и гипотеза Сепира-Уорфа / Е. Ф. Тарасов // *Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР / ред. кол. А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, Ю. Н. Сорокин*. – М.: Наука, 1982. – С. 5-19.
124. Телия, В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов / В.Н. Телия // *Славянское языкознание. XI международный съезд славистов*. – М.: Наука, 1993. – С. 302-310.
125. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа, «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

126. Тимеа, Ч. Фразеологизмы в русском и венгерском языках: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Чэтэ Тимеа. – М., 1999. – 131 с.
127. Ткаченко, О. Б. Одна общая семантико-фразеологическая изоглосса финно-угорских и русского языков (к вопросу финно-угорского субстрата в русском языке) / О. Б. Ткаченко // Советское финно-угроведение. – 1976. – № 4. – С. 245-253.
128. Ткаченко, О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков / О. Б. Ткаченко. – Киев: Наукова думка, 1979. – 299 с.
129. Тойдыбекова, Л. С. Марийская мифология. Этнографический справочник / Л. С. Тойдыбекова. – Йошкар-Ола: 2007. – 312 с.
130. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Изд-во «Индрик», 1995. – 512 с.
131. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.
132. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф. // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 135-168.
133. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М.: «Наука», 1986. – 239 с.
134. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – с. 252.
135. Федуленкова, Т. Н. Современные направления в изучении фразеологии / Т. Н. Федуленкова, И. В. Бечина // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – Вып. 3. – С. 203-206.
136. Физиология человека / Под ред. Г. И. Косицкого. – М.: Медицина, 1985. – 544 с.
137. Физиология человека: В 3-х томах. Т. 1. Пер. с англ. / Под ред. Р. Шмидта и Г. Тевса. – 3-е изд. – М.: Мир, 2005. – 323 с.

138. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
139. Фрумкина, Р. Т. Психоллингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р. Т. Фрумкина. – М.; Изд. центр «Академия», 2008. – 320 с.
140. Чикина, Е. Е. Фразеология в аспекте христианской культуры: (на материале нем., англ. и рус. яз.) / Е. Е. Чикина. – Владимир: Изд-во Нижегород. гос. лингвист. ун-та, 2004. – 300 с.
141. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1964. – 310 с.
142. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1987. – 192 с.
143. Шейнов, В. П. Убеждающее воздействие / В. П. Шейнов. – Минск: Харвет, 2010. – 368 с.
144. Ширманкина, Р. С. Фразеология мордовских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: / Раиса Семеновна Ширманкина. – Тарту, 1970. – 24 с.
145. Шкалина, Г. Е. Традиционная культура народа мари / Г.Е. Шкалина. – Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола. – 2002. – 160 с.
146. Шкапенко, Т. М. К вопросу языковой категоризации эмоций / Т. М. Шкапенко // Исследования в области когнитивной лингвистики. Сборник научных трудов. – Калининград: Калининградский гос. ун-т, 2000. – С. 15-22.
147. Эстонский фольклорный архив / Под. ред. Ред. Калмре Э. – Тарту: Эстонский литературный музей. – 1996. – 75 с.
148. Этнопсихоллингвистика / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, А. Н. Крюков и др.; отв. ред. и автор предисл. Ю. А. Сорокин. – М.: «Наука», 1988. – 192 с.
149. Якимова, Э. С. К вопросу о происхождении марийских соматических фразеологизмов / Э. С. Якимова // Труды по финно-угроведению. – 1975а. – Вып. 1. – С. 149-156.

150. Якимова, Э. С. Некоторые особенности глагольных соматических фразеологизмов марийского языка / Э. С. Якимова // Труды по финно-угроведению. – 1976. – Вып. 3. – С. 11-19.

151. Якимова, Э. С. О соматической фразеологии марийского языка / Э. С. Якимова // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1975в. – С.140-147.

152. Якимова, Э. С. Марийские фразеологизмы со словом «голова» / Э. С. Якимова // Советское финно-угроведение. – 1974а. – №2. – С. 83-91.

153. Якимова, Э. С. Соматические фразеологизмы в марийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Эмма Семеновна Якимова. – Таллин, 1975б. – 26 с.

154. Якимова, Э. С. Способы образования марийских соматических фразеологизмов / Э. С. Якимова // Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание: Тезисы докладов и сообщений. – Петрозаводск, 1974б. – 70-72.

155. Якимова, Э. С. Фразеологические заимствования в марийском языке // Труды по финно-угроведению. – 1978. – Вып. 5. – С. 44–50.

156. Якимова, Э. С. Фразеологические параллели в марийском и коми языках / Э. С. Якимова // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар, 1979. – С. 76-77.

157. Яковлева, С. Л., Казыро Г. Н. Сравнительный анализ метафорических моделей концепта «семья» в марийской и финской паремиологии / С. Л. Яковлева, Г. Н. Казыро // Фундаментальные исследования. – 2014. – №5. – С. 649-652.

158. Якушева, Е. Г. Современные подходы выявления национально-культурной специфики фразеологических единиц (на материале немецких фразеологических единиц с компонентом-флоронимом) / Е. Г. Якушева // Современная филология: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). – Уфа. – С. 227-229.

159. Genetz, A. Ost-tscheremissische Sprachstudien. I. Sprachproben mit deutscher Uebersetzung. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja / A. Genetz // Journal de la Société Finno-Ougrienne VII. – Helsinki: SKSn Kirjapainossa, 1889. – 181 s.

160. Gottlund, C. A. De Proverbiis Fennicis dissertation / C. A. Gottlund. – Upsaliae: Zeipel et Palmbland, 1818. – 39 s.
161. Györke, Z. Az orosz és a magyar szomatikus fraseologizmusok egybevető vizsgálata: PhD disszertáció / Z. Györke. – Debrecen. – 2002. – 291 l.
162. Hadrovics, L. Magyar frazeológia: Történeti áttekintés / L. Hadrovics. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1995. – 410 l.
163. Heinonen, T. R. Kuin-vertaukset / T. R. Heinonen. – Virittäjä 114, 2010. – S. 348-373.
164. Hyvärinen, I. Zum Festigkeitsgrad des Verbs und zur aktionalen Reihenbildung bei deutschen und finnischen Verbidiomen: Ein Werkstattbericht im Rahmen des Projekts “Kontrastive Verbidiomatik Deutsch-Finnisch” / I. Hyvärinen // J. Korhonen (ed.), Phraseologie und Wortbildung – Aspekte der Lexikonerweiterung. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. – S. 21-38.
165. Jarva, E. Identiteetistä, innovaatioista, immigranteista / E. Jarva // Suomen väestön esihistorialliset juuret arkeologisesta näkökulmasta. Muinaistutkija. Tvärminne 2 ½. – 1998. – S. 2-10.
166. Korhonen, J. Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen I / J. Korhonen. – Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1995a. – 410 s.
167. Korhonen, J. Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen II / J. Korhonen – Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1995b. – 533 s.
168. Korhonen, J. Zur syntaktischen Negationskomponente in deutschen und finnischen Verbidiomen / J. Korhonen // EUROPHRAS 88: Phraséologie contrastive: Actes du Colloque International Klingenthal-Strasbourg, 12-16 mai 1988 / Gréciano, G. – Strasbourg: Université des Sciences Humaines, 1989. – S. 253-264.
169. Krikmann, A. Finnic Paremiology: Past, Present, Future / A. Krikmann // Tõnu Seilenthal (ed.) Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.13.8.2000, Tartu. – Tartu: Ülikool, VII, 2001. – S. 516-520.
170. Krikmann, A., Sarv I. The Tartu Research Group of Paremiology / A. Krikmann, I. Sarv // Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship 13. – 1996. – S. 111-133.

171. Kuusi, M. Towards an International Type-System of Proverbs / M. Kuusi. // *Proverbium* 19. – Helsinki, 1972 – S. 699-736.
172. Länsimäki, M. Sika vatukossa / M. Länsimäki // *Helsingin Sanomat*. – 16.5.2003. – S. B9.
173. Lauhakangas, O. Puheesta ihminen tunnetaan. Sanalaskujen funktiot sosiaalisessa vuorovaikutuksessa / O. Lauhakangas. – Helsinki: Suomalainen kirjallisuuden seura, 2004. – 318 s.
174. Lauhakangas, O. Sanalaskumuotti nettiteksteissä / O. Lauhakangas // *Kielen piirteet ja tekstilajit. Vaikuttavia valintoja tekstistä toseen.* / Toim. V. Heikkinen. Helsinki: Suomalainen kirjallisuuden seura, 2009. – S. 63-86.
175. Lauhakangas, O. The Matti Kuusi International Type System of Proverbs / O. Lauhakangas. – Helsinki: Academia Scientarium Fennica. – 2001. – 158 s.
176. Lauhakangas, O. The Oldest Finnish Proverb poems in Relation to the Matti Kuusi International Database of Proverbs / O. Lauhakangas // *Acta Ethnographica Hungarica*, 45 (3-4). – 2000. – S. 401-419.
177. Lebedeva, E. Zur strukturell-syntaktischen untersuchung finnischer Sprchwörter / E. Lebedeva // *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarchip.* – Burlington, 2000. – №17. – S. 165-172.
178. Lebedeva, E. Zur syntaktischen Analyse der marischen Sprichwörter / E. Lebedeva // *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarchip.* – Burlington, 1996. – №16. – pp. 125-132.
179. Nenonen M. Prototypical Idioms: Evidence from Finnish / M. Nenonen // *SKY Journal of Linguistics* 20. – 2007. – S. 309-330.
180. Nenonen, M. Morphological isolates in idioms: Cranberries or real words? / M. Nenonen, J.Niemi // *Brain and Language* 68(1-2). – 1999. – S. 158-164.
181. Nenonen, M. Representation and Processing of Idioms: Evidence from Aphasia / M. Nenonen, J.Niemi, M. Laine // *Journal of Neurolinguistics* 15. – 2002. – S. 43-58.
182. Parkkinen, J. Aasinsilta ajan hermolla / J. Parkkinen. – Helsinki: Werner Söderström OY, 2005. – 144 s.

183. Penttilä, E. English Gatecrashers in Finnish: Directly Translated English Idioms as Novelities of Finnish / E. Penttilä, P. Muikku-Werner // *Beyond Borders. Translation Moving Language, Literatures and Cultures* / Toim. P. Kujamäki, L. Kolehmainen, E. Penttilä, H. Kemppanen. – Berlin: Franck & Timme, 2011. – S. 247-263.
184. Petrova, O. Of Pearls and Pigs. A Conceptual-Semantic Tiernet Approach to Formal Representation of Structure and Variation of Phraseological Units / O. Petrova. – Turku: Åbo Academi University Press, 2011. – 412 s.
185. Porkka, V. Tscheremissische Texte mit Übersetzung. Herausgegeben von A. Genetz. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne XIII, 1 / V. Porkka. – Helsinki: SKSn Kirjapainossa, 1895. – p. 1-140.
186. Ramstedt, D. Bergtscheremissische Sprachstudien / D. Ramstedt. – Helsinki: 1902 – 219 s.
187. Saarinen, S. Suomalais-ugrilaisten kansojen folklore / S. Saarinen. – Turku: Turun yliopisto, 1992. – 156 s.
188. Siikala, A.-L. Myth and Mentality. Studies in Folklore and Popular Thought / A.-L. Siikala. – Helsinki. – Finnish literature society. 2002. – 317 s.
189. Taylor, A. The Proverb / A. Taylor. – Cambridge, MA: Harvard University Press., 1931. – 223 s.
190. Whorf, B.L. Language, thought and reality / B.L Whorf. / Ed. J.B. Carroll. – Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1956. – S. 246-270.

Список электронных публикаций

1. Колпакова, Н. Н. Необычные числа во фразеологических выражениях (на материале венгерского и эстонского языков) [Электронный ресурс] / Н. Н. Колпакова, Л. Ю. Муковская // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: Материалы. Петрозаводск, 25- 28 июня 2014 г. / Редкол.: Н.Г. Зайцева, И.И. Муллонен и др. – Петрозаводск, 2014. – С. 106-109. URL: resourcep.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/mater_fin_ugr_konf.pdf (дата обращения: 27.07.2014).
2. Пачаи, И. Параллельные структуры некоторых русских фразеологических единиц [Электронный ресурс] / И. Пачаи // Между языками и культурами. Юбилейный сборник статей в честь В. А. Федосова / Отв. ред. Эржебет Ч. Йонаш. – Nyíregyháza: Krúdy Könyvkiadó, 2007. – С. 125-131. – URL: <http://www.nyf.hu/upload/File/docs/orosz/pacsai.pdf> (дата обращения: 20.06.2014).
3. Чернякова, Е. А. Коммуникативная значимость фразеологических единиц с национально-культурной семантикой [Электронный ресурс] / Е. А. Чернякова // Сообщество учителей английского языка: Интерактивный научно-методический журнал. – 2013. – № 4. – URL: <http://tea4er.ru/home/volume5/3505-2013-12-29-16-47-59> (дата обращения: 10.08.2014).
4. Agricola M. Rucouskiria Bibliasta: se on, molemista testamentista, messuramatusta, ia muusta monesta, jotca toysella polella luetellan, cokoopoymettu Somen Turussa, 1544. – 884s. [Электронный ресурс] / М. Agricola. – URL: <http://www.doria.fi/handle/10024/43445> (дата обращения: 10.12.2013).
5. Alhonen, A. Esivanhempien puu: Kirjoituksia suomalaisesta uskomusperinteestä [Электронный ресурс] / А. Alhonen. – URL: http://www.taivaannaula.org/esivanhempien_puu.pdf (дата обращения: 12.09.2014).
6. Granbom-Herranen L. Sananlaskut kasvatuspuheessa. Perinnettä, kasvatusta, indoktrinaatiota? [Электронный ресурс] / L. Granbom-Herranen //

Kasvatus ja Aika. – 2 (2) 2008. – S. 53-59. – URL: http://www.kasvatus-ja-aika.fi/dokumentit/katsaukset_sanankasvatustutkimuksen_aikakaudet.pdf

(датаобращения: 10.10.2014).

7. Granbom-Herranen L. Suomalaisen sanankasvatustutkimuksen aikakaudet [Электронный ресурс] / L. Granbom-Herranen // ELORE, vol. 19. – 2012. – S. 165-180. – URL: http://www.elore.fi/arkisto/2_12/granbom-herranen.pdf (датаобращения: 18.04.2014).

8. Heinonen, T.R. Idiomien leksikaalinen kuvaus kielenkäytön ja vaihtelun näkökulmasta [Электронныйресурс] / T.R. Heinonen. –Helsinki: Helsingin yliopisto, 2013. – 228 s.– URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/37918> (датаобращения: 27.11.2013).

9. Häkkinen, K. Mistä juontaa sanonta ”suden hetki”? [Электронный ресурс] / K. Häkkinen. URL:http://www.tiede.fi/artikkeli/kysy/mista_juontaa_sanonta_suden_hetki (дата обращения: 17.09.2014).

10. Jantunen, J. H. Morfologinen priming ja fraseologia vieraan kielen oppimisessa: korpustutkimus oppijansuomesta [Электронный ресурс] / J. H. Jantunen, S. Brunni. – URL: <http://www.rakenduslingvistika.ee/ajakirjad/index.php/lahivordlusi/article/view/LV22.03/192> (датаобращения: 10.01.2014).

11. Krikmann, A. Proverbs on animal identity: typological memoirs [Электронный ресурс] / A. Krikmann // Folklore. – Vol. 17. – Tartu, 2001. – 84 s.– URL: <http://haldjar.folklore.ee/folklore> (датаобращения: 22.05.2013).

12. Varrio, N. Sanoa-verbi fraseologisena yksikkönä oppijansuomessa ja natiivikielessä. Verbin ydin ja täydennysympäristö [Электронный ресурс] / N. Varrio. – URL: <http://herkulep.oulu.fi/thesis/nbnfioulu-201405151395.pdf> (датаобращения: 19.08.2014).

Список использованных источников

1. Александров-Арсак, А. Юмын капка ончылно / А. Александров-Арсак. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 2008. – 512 с.
2. Анисимов, Э. Кузык / Э. Анисимов // Ончыко. – 2014. – № 8. – С. 63-66.
3. Арбан, Н. Пьеса-влак / Н. Арбан. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1977. – 242 с.
4. Большой русско-финский словарь / Подред. М. Э. Куусинена и В. М. Оллыкайнена. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. – 1963. – 1000 с.
5. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
6. Васильев, В. М. Марий мут / В. М. Васильев. – Вып. I — Казань, 1918. – С.36-37.
7. Васильев, В. М. Марий мут / В. М. Васильев. – 1918. – Вып. I. – С. 36-37.
8. Волков, А. Каче-влак: мыскара, повесть / А. Волков. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1968. – 212 с.
9. Грачева, Ф. Т. Горномарийские пословицы, поговорки, приметы, загадки / Ф. Т. Грачева. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2001. – 234 с.
10. Грачева, Ф. Т. Кырык мары 1000 да ик идиома: фразеологии словарь / Ф. Т. Грачева. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 2002. – 63 с.
11. Грачева, Ф. Т. Марий фразеологий мутер: Тунемше-влаклан пособий / Ф.Т. Грачева. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1989. – 328 с.
12. Григорьев, В. Эныремышвот // Ончыко. – 2012. – №5. – С. 116-153.
13. Дзюина, К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь / К. Н. Дзюина. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – 132 с.
14. Ибатов, С. И. Марийские пословицы, поговорки, загадки / С. И. Ибатов. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. – 184 с.

15. Ибатов, С. И. Пословицы и поговорки марийского народа / С. И. Ибатов / Под ред. К. А. Четкарева. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1953. – 88 с.
16. Илибаева, М. Кугу тўня – шыгыр тўня: ныл книган роман / М. Илибаева. – Йошкар-Ола: Марий книга сав-ш, 2010. – 672 с.
17. Карело-финский народный эпос. В двух книгах. Книга 2. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 1994. – 510 с.
18. Каткова, З. Кушто улат, пиалем? Роман / З. Каткова. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во – 1965. – 364 с.
19. Китиков, А. Е. Марий калыкмут мутер / А. Е. Китиков. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1991а. – 336 с.
20. Китиков, А.Е. Калыкмут / А. Е. Китиков. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1981. – 120 с.
21. Китиков, А. Е. Пословицы и поговорки финно-угорских народов / А. Е. Китиков. – Йошкар-Ола, 1991б. – 336 с.
22. Китиков, А. Е. Свод марийского фольклора. Пословицы и поговорки / А. Е. Китиков. – Йошкар-Ола: МарНИИ ЯЛИ, 2004. – 208 с.
23. Коршунов, К. Шўм парым / К. Коршунов. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1989. – 280 с.
24. Лавер, В. И. Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь / Сост. В. И. Лавер, И. В. Зикань; Ред. М. М. Пещак. – Киев-Ужгород: Радянська Школа, 1985. – 371 с.
25. Лекайн, Н. Н. Лекайн: возымыжо кум том дене лукталтеш. I том / Н. Лекайн. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1987. – 592 с.
26. Лексико-фразеологический словарь русского языка: Более 1400 фразеологизмов / А. В. Жуков. – М.: ООО «Изд-во Артель»; ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.
27. Марийско-русский словарь = Марла-рушла мутер / В. М. Васильев, А. А. Саваткова, З. В. Учаев. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1991. – 512 с.

28. Мудрон кыльёс: Пословицаос но поговоркаос / Под ред. М. Н. Гаврилова. – Ижевск: Удмурт кн. изд-во, 1960. – 48 с.
29. Мустаев, Е. Н. Словарь синонимов марийского языка / Е. Н. Мустаев. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2000. – 544 с.
30. Никитин, С. Илика ден Шианай / С. Никитин // Ончыко. – 2012. – №9. – С. 93-155.
31. Николаев, С. Н. Комиссарын чапше: драма / С. Н. Николаев // Кугу толкын: марий драматургий антологий. – Йошкар-Ола: Марий кн. изд-во, 1987. – С. 98-160.
32. Орай, Дим. Тўтыра вошт / Дим. Орай. – Йошкар-Ола: МКИ, 1978. – 238 с.
33. Петухов, В. Пёрдын кайыш орва / В. Петухов // Ончыко. – 2012. – №8. – С. 21-111.
34. Плесовский, Ф. В. Коми кывтэчасъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – 176 с.
35. Плесовский, Ф. В. Коми кывтэчасъяс = Коми фразеологизмы / Ф. В. Плесовский. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – 176 с.
36. Попова, О. А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь / О. А. Попова. – Пермь: Пермск. гос. пед. ун-т, 2010. – 344 с.
37. Попов-Чэмэшэр, В. Шолгым / В Попов-Чэмэшэр // Ончыко. – 2012. – №7. – С. 14-88.
38. Русско-марийский словарь / Сост. А. А. Асылбаев, В. М. Васильев, П. Г. Рыбакова, А. А. Саваткова, З. В. Учаев. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 862 с.
39. Рыбаков, А. Шайра / А. Рыбаков // Ончыко. – 2012. – №9. – С. 24-64.
40. Рыбаков, М. Венгр рапсодий / М. Рыбаков // Кугу толкын. Марий драматургий антологий. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1987. – С. 291-348.
41. Рыбаков, М. Чодыра мўй: пьеса-влак / М. Рыбаков. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1982. – 268 с.

42. Рыбаков, М. Чодыра мўй: пьеса-влак / М. Рыбаков. – Йошкар-Ола: Марий книга сав-ш, 1982. – 268 с.
43. Сапаев, В. Кўдырчан йўр годым / В. Сапаев. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1979. – 350 с.
44. Сказки луговых мари: Свод марийского фольклора / Сост. С. С. Сабитов. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1992. – 368 с.
45. Словарь марийского языка. Т. I: А – З / А. А. Абрамова, И. С. Галкин, И. Г. Иванов и др.: Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1990. – 488 с.
46. Словарь марийского языка. Т. II: И – К (кабак – коса) / А. А. Абрамова, В. И. Вершинин, А. С. Ефремов и др.: Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1992. – 464 с.
47. Словарь марийского языка. Т. III (косараш – ляпкыме) / Л. И. Барцева, В. И. Вершинин, Л. П. Грузов и др.; Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1994. – 504 с.
48. Словарь марийского языка. Т. IX: Ш, Щ / Сост.: А. А. Абрамова, Е. А. Черашова. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 520 с.
49. Словарь марийского языка. Т. V: Ö – П / А. А. Абрамова, Л. И. Барцева и др.; Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2000. – 508 с.
50. Словарь марийского языка. Т. VI: Р – С / Сост. И. Г. Вершинин, И. И. Иванов, Н. И. Исанбаев; Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2001. – 368 с.
51. Словарь марийского языка. Т. VII: Т / Сост.: В. И. Вершинин, В. Н. Максимов, С. С. Сибатрова, Е. А. Черашова. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с.
52. Словарь марийского языка. Т. X: Ы, Ъ, Э, Ю, Я / Марийс. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. – Йошкар-Ола: Марийс. НИИ, 2005. – 256 с.
53. Словарь марийского языка. Том VIII: У, Ў, Ф, Х, Ц, Ч / Сост.: А. А. Абрамова, Л. И. Барцева, В. И. Вершинин, И. С. Галкин, А. С. Евремов,

А. Н. Куклин, В. Н. Максимов, Г. С. Патрушев, С. С. Сибатрова – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. – 511 с.

54. Современный марийский язык. Т. IV: М – Ö (ма – öрчыктарымаш) / А. А. Абрамова, Л. И. Барцева, В. Н. Васильев и др.; Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1998. – 384 с.

55. Соловьев Ю. Волгенче / Ю. Соловьев // Ончыко. – 2012. – №1. – С. 105-142.

56. Тарабукин, И. И. Краткий коми-русский фразеологический словарь / Под ред. проф. В. И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1959. – 147 с.

57. Тулай, А. Пиалан лийза / А. Тулай // Ончыко.. – 2014. – № 8 – С. 9-62

58. Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / Сост. Т.Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. – 276 с.

59. Фадеев, И. Онго / И. Фадеев // Ончыко. – 2012. – №12. – С. 103-144.

60. Федоров, А. Оваснур. / А. Фадеев // Ончыко.– 2010. – №1. – С. 22-98.

61. Филиппов, В. Колюк // Ончыко. – 2012. – №3. – С. 126-155.

62. Финско-русский словарь / Под ред. И. Вахорса и А. Щербакова. – М.: Изд-во «Русский язык». – 1975. – 816 с.

63. Храмцова, О. А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги = Suomalaisia sananlaskuja ja sananparsia. Venäläisine vastineineen. / О. А. Храмцова. – СПб.: КАРО, 2011. – 238 с.

64. Чавайн, С. Г. Возымыжо кум том дене лукталтеш: Пьеса-влак. «Элнет» роман. Т. 3. / С. Г. Чавайн. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1981. – 428 с.

65. Чавайн, С. Г. Чумырен лукмо ойпого 3 том дене лектеш. Т. 2 / С. Г. Чавайн. – Йошкар-Ола: Марий книга сав-ш, 2010. – 288 с.

66. Ширманкина, Р. С. Фразеологический словарь мордовских (мокша и ерзя) языков / Р. С. Ширманкина. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1973. – 221 с.

67. Ширманкина, Р. С. Фразеологиянь валкс: Кемекставозь меревксэнь / Р. С. Ширманкина – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – 216 с.
68. Шкетан, М. Ачийжат-авийжат / М. Шкетан // Кугу толкын. Марий драматургий антологий. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1987. – С. 57-95.
69. Шкетан, М. Сардай / М. Шкетан // Шкетан М. Чумырен лукмо ойпого. I том: почеламут, пьеса-влак / С.Черных ямдылен, тудынак ончылмут ден комментарийже. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1990. – 392 с.
70. Шкетан, М. Чумырен лукмо ойпого. II том: ойлымаш, мыскара, новелла, очерк, статья, корреспонденций, фельетон-влак / С.Черных ямдылен, тудынак ончылмут ден комментарийже. – Йошкар-ола: Марий книга изд-во, 1991. – 608 с.
71. Эзоп. Заповеди. Басни. Жизнеописания / Перев. М. Л. Гаспарова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 320 с.
72. Элексейн, Я. Тоймак тукым: повесть-влак / Я. Элексейн. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1987. – 304 с.
73. Эсеней, П. Арва шенгек йога / П. Эсеней // Пьеса-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1982. – 200 с.
74. Юзыкайн, А. Эльян / А. Юзыкайн. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1979. – 397 с.
75. Юксерн, В. Күсле / В. Юксерн. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1978. – 224 с.
76. Юксерн, В. Кас ўжара: легенда, ойлымаш, повесть, роман / В. Юксерн. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1983. – 364 с.
77. Ялкайн, Я. Онго / Я. Ялкайн. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во. 1958. – 272с.
78. Яндак, Л. Онар: Роман-влак / Л. Яндак. – Йошкар-Ола: Марий книга из-во, 2007. – 560 с.
79. Яндаков, Л. Ший калык / Л. Яндак // Ончыко. – 2010. – №1. – С.104-153.

80. Adámi, M. Ausführliche und neuerläuterte Ungarische Sprachkunst, der Hochlöblichen Deutschen Nation / M. Adámi. – Wien, gedruckt bey den Schilgischen Erben. –1760. – 224 s.
81. Ahlqwist, A. Walittuja Suomen Kansan Sananlaskuja. Nuorisoa varten. Sana- ja asiaselitysten kanssa / A. Ahlqwist. – Helsinki: Suomalainen kirjallisuuden seura, 1869. – 277 s.
82. Aipin, E.Viimeinen aamutähti / E. Aipin. – Helsinki: Kustannus OY Taifuuni. – 1996. – 344 s.
83. Bárdosi, V. Magyar szólástár: Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező és fogalomköri szótára / Főszerk.: V. Bárdosi. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2004. – 952 l.
84. Berze, N.J. Magyar szólásaink és a folklore / N.J. Berze. Budapest: –1932. – 47 l.
85. Dubrovin, M. Venäläiset sanonnat kuvina = Русские фразеологизмы в картинках / M. Dubrovin– M.: Изд-во «Русский язык», 1981. – 328 с.
86. Erdélyi, J.Magyar közmondások / J. Erdélyi. – Pest: KozmaVazul, 1851. – 461 l.
87. Florinus, H. Sananlaskut. Näköispainos vuonna 1702 ilmestyneestä sananlaskukokoelmasta Wanhain Suomalaisten Tawaliset ja Suloiset Sananlascut / H. Florinus / Jälkisanat M. Kuusi. – Helsinki: SKSn Toimituksia, 1987 – 459 s.
88. Forgács, T. Magyar szólások és közmondások szótára: Mai nyelvünk állandósult szókapcsolatai példákkal szemléltetve / T. Forgácp. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2004. – 822 l.
89. Get on with English!: inglise-eesti ühendtegeusõnade seletussõnaraamat = English-Estonian Dictionary of Phrasal Verbs / Toim. K. Kiik, R, Mägi / tõlk.T. Rinne, K. Tariq; – Tallinn: TEA Kirjastus, 2003. – 476 lk.
90. Hakamies, P. Venäläisten sananparsien vaikutus karjalaiseen ja suomalaiseen sananparistoon / P. Hakamies.– Helsinki: Suomalainen kirjallisuuden seura, 1986. – 451 s.

91. Haltsonen, S. Kissa suomalaisissa sananlaskuissa / S. Haltsonen // Kalevalaseuran vuosikirja 9. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1929. – S. 131-132.
92. Hanko, U. Inglise-eesti idioomisõnaraamat = English-Estonian Dictionary of Idioms / Toim. B. Betlem. – Tallinn: Valgus, 1998. – 896 l.
93. Jaatinen, P. Kalpeat sotilaat / P. Jaatinen– Helsinki: Jogny Kniga Kustannus, 2011. – 332 s.
94. Järviö-Nieminen, I. Suomalaiset sanomukset / I. Järviö-Nieminen Helsinki: SKS, 1959. 1959. – 284 s.
95. Kari, E. Naulan kantaan: nykysuomen idiomisanakirja / E. Kari. – Helsinki : Otava, 1993. – 231 s.
96. Kari, E. Svenska här och nu. Ruotsalais-suomalainen idiomisanakirja / E. Kari. – Helsinki: Otava, 1993. – 159 s.
97. Kihlman, Ch. Casablankan koirat / Ch. Kihlman // Ramppi palaa. Suomalaisiä näytelmiä 1974-1981. – Helsinki: Kustannus OY, 1983. – S. 147-198.
98. Kivi, A. Kootut teokset / A. Kivi. – Helsinki: Suomalainen kirjallisuuden seura, 1984. – 431 s.
99. Kivi, A. Kootut teokset. III Osa. Näytelmiä / A. Kivi. – Helsinki: SKS, 1950. – 518 s.
100. Kivi, A. Nummisuutarit. Kihlaus / A. Kivi. – Porvoo & Helsinki & Juva: WSOY, 1961. – 129 s.
101. Kivi, A. Seitsemän veljestä / A. Kivi. – Helsinki: SKS, 1984. – 431 s.
102. Kivimaa, A. Katu nousee taivaaseen. Novelleja / A. Kivimaa. – Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otavan kirjapaino, 1931. – 205 s.
103. Kokko, O. Suurella sydämellä ihan sikana. Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja / O. Kokko, P. Muikku-Werner, J.H. Jantunen. – Jyväskylä: Gummerus Kustannus OY, 2008. – 467 s.
104. Korhonen, J. Alles im Griff. Homma hanskassa. Saksa-suomi idiomisanakirja = Idiomwörterbuch Deutsch-Finnisch. – Helsinki: WSOY, 2001. – 683 s.

105. Korpilinna, E. Karhun kuoppa / E. Korpilinna // Suomalainen kuunnelmia. 1952-1963. II osa / Toim. J. Mäntylä. – Helsinki – Porvoo: WSOY, 1963. – S. 135-150.
106. Koski, E. Taisteltiin Turussakin / E. Koski. – Turku: Enostone, 2007. – 167 s.
107. Koskimies, A.V. Kokoelma Suomen kansan sananlaskuja / A.V. Koskimies. – Helsinki: Suomalainen kirjallisuuden seura, 1906. – 431 s.
108. Kostinen, T., Sevänen E., Turunen R. Musta lammas. Kirjoituksiapopulaari- ja massakulttuurista / T. Kostinen, E. Sevänen, R. Turunen. – Saarijärviö: Gummerus Kirjanpaino Oy. – 1995. – 303 s.
109. Kuusi, M. Suomen kansan vertauksia / M. Kuusi. – Helsinki: SKS 1960. – 552 s.
110. Kuusi, M. Vanhan kansan sananlaskuviisaus / M. Kuusi. – Helsinki: WSOY, 1990. – 539 s.
111. Kuusi, M. Vanhan kansan sananlaskuviisaus / M. Kuusi. – Porvoo: WSOY, 1953. – 538 s.
112. Kuusi, M., Joalaid, M., Kokare, E., Krikmann, A., Laukkanen, K. Proverbia septentrionalia: 900 Balto-Finnic proverb types with Russian, Baltic, German and Scandinavian parallels/ by; in cooperation with...[et al.]. – Helsinki : Suomalainen Tiede Akatemia = Academia Scientiarum Fennica, 1985. – 1 vol. – 451 p.
113. Laine, J. Suuri sitaattisanakirja. 4 / J. Laine. – Helsinki: Otava, 1989. – 556 s.
114. Laukkanen, K., Hakamies, P. Sananlaskut / K. Laukkanen, P. Hakamies. – Helsinki: Suomalainen kirjallisuuden seura, 1984. – 491 s.
115. Liiv, V., Haberman, A., Paivel, M. Saksa-eesti fraseologismide ja väljendite sõnaraamat / V. Liiv, A. Haberman, M. Paivel / Toim. F. Vakk. Tallinn, 1973. – 517 l.
116. Lönnrot, E. Suomen kansan sananlaskuja / E. Lönnrot. – Helsinki: SKS, 1842. – 265 s.
117. Margalits, E. Magyar közmondások és közmondásszerű szólások / E. Margalits. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. – 770 l.

118. Margalits, E. Magyar közmondások és közmondásszerű szólások / E. Margalits. – Budapest: Kókai Lajos, 1896. – 770 l.
119. Nagy, O.G. A magyar frazeológiai kutatások története / Írta O. Nagy Gábor. Nyelvtudományi Értekezések. 95. sz. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. – 98 l.
120. Nagy, O.G. Magyar szólások és közmondások. 8. Kiadás / O.G. Nagy. – Talentum, 1999. – 863 l.
121. Nagy, O.G. Mi fán terem?: Magyar szólásmondatok eredete.3., bővített kiadás / O.G. Nagy. – Budapest: Gondolat Kiadó, 1979. – 514 l.
122. Nirvi, R. E., Hakulinen L. Suomen kansan sananparsikirja / R. E. Nirvi, L. Hakulinen. – Helsinki-Porvoo: WSOY, 1948. – 468 s.
123. Normann, E. Valimik eesti vanasõnu / Normann E. – Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1955. – 277 l.
124. Õim, A. Fraseoloogiasõnaraamat / A. Õim. – Tallinn: Eesti Teaduste Akad., Keele ja Kirjanduse Inst., 1993. – 588 l.
125. Paczolay, Gy. A Comparative Dictionary of Hungarian-Estonian- German-English-Finnish and Latin Proverbs with an Appendix in Cheremis and Zyryan / Gy. Paczolay. – VEAB, Veszprém. 1987. – 300 s.
126. Paczolay, Gy. European Proverbs in 55 Languages = Európai közmondások 55 nyelven arab, perzsa, szanszkrit, kínai és japán megfelelőikkel / Gy. Paczolay. – Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. – 528 l.
127. Paczolay, Gy. Ezer magyar közmondás és szólás – angol, észt, finn és német fordítással = 1000 Hungarian Proverbs / Ungari vanasõna ja kõnekäändu / Unkarilaista sananlaskua ja sanontaa / Ungarische Sprichwörter und Redewendungen: Diákoknak és nyelvtanulóknak / Gy. Paczolay. – Budapest: Bicske, 2000. – 154 l.
128. Penttilä, E. Pitkä lenkki. Koristelematon elämäkertaromaani / E. Penttilä. – Helsinki: Mainosteknikot, 1990. – 214 s.
129. Phraseologia Bogemica. 1. Johdanto & fraasi- ja idiomiluettelo. – Osa I: A-O. – Helsinki. – 2005 – 226 s.

130. *Phraseologia morduinica: Valikoima ersämordvalaisia fraaseja, idiomeja ja muita sanontoja venäläisin, virolaisin ja suomalaisin vastinein* (n. 930 sanontaa). – Helsinki, 2010. – IX+140 s.
131. Pohjanpallio, O. *Hallitus tuskastui Soinin vitsailuun / O. Pohjanpallio // Helsingin sanomat*. – 5.9.2013. – №241. – 2013. – S. A10.
132. Reitsak, A.V. *Vene fraseologisme eesti vastetega / A.V. Reitsak*. – Tallinn: Valgus, 1975. – 702 l.
133. Riedl, F. *Szólások magyarázata / F. Riedl // Magyar Nyelvőr*. – 1889. – XVII. – 260-264 l.
134. Rintala, P. *Pitkä matka Veroonaan ja muita näytelmiä / P. Rintala*. – Helsinki: Justannus OY, 1990. – 185 s.
135. Saarikoski, P. *Köyhyyden filosofia / P. Saarikoski*. – Helsinki: Kustannus OY, Otava, 1986. – 167 s.
136. Schellbach-Kopra, I. *Suomi-saksa fraasisanakirja = Finnischdeutsche Idiomatik / I. Schellbach-Kopra*. – Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY, 1985. – 305 s.
137. Sinnemäki, M. *Lentävien lauseiden sanakirja. Suomen kielen sanakirjat 5*. – Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava. – 1982. – 564 s.
138. Sippola, J. *Mugabe voisi johtaa vielä 99-vuotiaana / J. Sippola // Helsingin sanomat*. – 17.03.2013.v – №74. – S. B4.
139. *Suomalais-marilainen sanakirja / Toim. A. Moisio, I. Galkin, V. Vasiljev*. – Turku: Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja, 1995. – 620 s.
140. *Suomen kielen perussanakirja / Kotimaisten kielten tutkimuskeskus 2. osa: L-R / R. Haarala, M. Lehtinen, E.-R. Gränros jne.* – Helsinki: Oy Edita Ab., 1996. – 558 s.
141. *Suomen kielen perussanakirja / Kotimaisten kielten tutkimuskeskus 1. osa: A-K. / Toim. R. Haarala, M. Lehtinen, E.R. Gränros jne.* – Helsinki: OY EDITA Ab., 1996. – 646 s.

142. Suomen kielen perussanakirja / Kotimaisten kielten tutkimuskeskus 3. osa: S–Ö / R. Haarala, M. Lehtinen, E.R. Gränros jne. – Helsinki : Painatuskeskus, 1994. – 663 s.
143. Szemerényi, Á. Szólások és közmondások / Á. Szemerényi– Budapest: Osiris Kiadó, 2009. – 1462 l.
144. Szvorényi, J. A közmondások és példabeszédek szelleme és vegyeselemeiről / J.A. Szvorényi // Akadémiai Értesítő. – 1847. – 239-257 l.
145. Säisä, E. Yöstä tullut. Viimeinen kesä. Novelleja. – Helsinki: Kustannus osakeyhtiö, 1980. – 458 s.
146. Litovkina, A. T. Magyar közmondástár: Közmondások értelmező szótára példákkal szemléltetve / A. T. Litovkina. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2005. – 822 l.
147. Talvio, M. Kootut teokset VIII / M Talvio.– Helsinki: WSOY, 1951 – 537 s.
148. Tammi, J. Haisee kuin elinen silli. Suuri vertailu sanakirja / J. Tammi. – Jyväskylä: Gummerus kirjanpaino, 2008. – 592 s.
149. Tolnai, V. Szólásmagyarázatok / V.Tolnai // Magyar Nyelvőr. – 1896. – XXV. – 496-501 l.
150. Tuominen, K. Naiset jotka vihaavat naisia / K. Tuominen. – Tampere: Juvenes Print, 2012. – 226 s.
151. Újváry, Z. Szólásgyűjtemény / Z. Újváry. – Budapest: Osiris Kiadó, 2001. – 668 l.
152. Waltari, M. Apelsiinin siemen / M. Waltari. – Helsinki: WSOY, 2005. – 416 s.
153. Waltari, M. Felix Onnelinen / M. Waltari. – Helsinki: WSOY, 2009a. – 194 s.
154. Waltari, M. Komisario Palmun erehdys = Валтари М. Ошибка комиссара Палму / M. Waltari– СПб.: КАРО, 2010 – 320 с.
155. Waltari, M. Sinuhe egyptiläinen / M. Waltari. – Helsinki: Helsinki WSOY, 2009b. – 437 s.

156. Varga, J., Saarinen S. Fennizmusok. Finn szólások és kifejezések tára magyarok számára / J.Varga, S. Saarinen. – Turku: Turun yliopiston suomalainen ja yleisen kielitieteen laitop. Unkarin kieli ja kulttuuri, 2009. – 457 s.
157. Willman-Eloranta, E. Lyyli. Kellari kerroksessa. Juopa / E. Willman-Eloranta. – Helsinki: SKS, 2007. – 404 s.
158. Wiren, V. Suomi-englanti idiomi- ja fraasisanakirja / V. Wiren. – Helsinki: Art House, 2007. – 262 s.
159. Virkkunen, S. Suomalainen fraasi-sanakirja / S. Virkkunen. – Keuruu: Kustannusosakeyhtiö Otavan painolaitokset, 1981. – 420 s.
160. Virkkunen, S. Suomalainen fraasi-sanakirja: Kivestä Kekkoseen / S.Virkkunen. – Helsinki : Otava, 1974. – 656 s.
161. Ylimys, R. Sattuvat sanat. Ison Kirjan lentäviä lauseita / R. Ylimys.– Helsinki: WSOY, 2007. – 258 s.

Список использованных электронных источников

1. Новиков-Орью, А. Ойлымаш [Электронный ресурс] / А. Новиков-Орью. – URL: <http://mari-el.in/literature/7265-a.novikov-Orju.html> (дата обращения 12.09.2014).
2. Храмцова, О.А. Финско-русско-финский словарь библейских фразеологизмов = Raamattuperäisten fraasien suomi-venäjä-suomi sanakirja / О.А. Храмцова. – 2012. – 371 с. [Электронный ресурс]. – URL: avtor.karelia.ru/elbibl/hramtsova/fin_rus_fraz.pdf (дата обращения: 25.01.2014).
3. Aho, J. Hellmannin herra; Esimerkin vuoksi; Maailman murjoma [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL:<https://kirja.elisa.fi/ekirja/hellmannin-herra-esimerkin-vuoksi-maailman-murjoma> (дата обращения: 25.10.2013).
4. Aho, J. Helsinkiin [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/helsinkiin> (дата обращения: 19.11.2013).

5. Aho, J. Juha [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/juha> (дата обращения: 02.12.2014).
6. Aho, J. Minkä mitäkin Tyrolista [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/minka-mitakin-tyrolista> (дата обращения: 07.12.2013).
7. Aho, J. Muistelmia ja matkakuvia [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/muistelmia-ja-matkakuvia> (дата обращения: 05.05.2014).
8. Aho, J. Muuan markkinamies [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/muuan-markkinamies> (дата обращения: 09.11.2013).
9. Aho, J. Omatunto. Saaristokertomus – Saaristokertomus [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/omatunto-saaristokertomus> (дата обращения: 07.12.2013).
10. Aho, J. Panu [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/panu> (дата обращения: 12.03.2014).
11. Ahrenberg, J. Hihhuleita [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/hihhuleita> (дата обращения: 19.09.2013).
12. Alkio, P. Puukkojunkkarit. Kuvauksia nyrkivallan ajoilta [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/puukkojunkkarit> (дата обращения: 23.11.2013).
13. Canth, M. Hanna [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/hanna> (дата обращения: 19.04.2014).
14. Canth, M. Kauppa-loro [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/kauppa-loro> (дата обращения: 22.05.2014).
15. Canth, M. Lyhyitä kertomuksia [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/lyhyita-kertomuksia> (дата обращения: 08.12.2013).

16. Canth, M. Murtovarkaus; Roinilan talossa [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/murtovarkaus-roinilan-talossa> (дата обращения: 16.10.2013).

17. Canth, M. Papin perhe; Hän on Sysmästä; Spiritistinen istunto [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/papin-perhe-han-sysmasta-spiritistinen-istunto> (дата обращения: 19.12.2013).

18. Canth, M. Sylvi; Kovan Onnen lapsia [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/sylvi-kovan-onnen-lapsia> (дата обращения: 19.12.2013).

19. Canth, M. Työmiehen vaimo [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/tyomiehen-vaimo> (дата обращения: 08.12.2013).

20. Heikki, A. Ylpeys [Электронный ресурс]/ A. Heikki // Helsingin Sanomat. – 14.10. 2013. – URL:<http://www.hs.fi/kuukausiliite/a1305730058459> (дата обращения: 26.11.2013).

21. Ivalo P. Hellaassa [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/hellaassa> (дата обращения: 04.04.2014)

22. Ivalo, P. Juho Vesainen [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL:<https://kirja.elisa.fi/ekirja/juho-vesainen> (дата обращения: 02.12.2013).

23. Ivalo, S. Anna Fleming [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/anna-fleming> (дата обращения: 16.11.2013).

24. Ivalo, S. Erämaan nuijamiehet [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL:<https://kirja.elisa.fi/ekirja/eramaan-nuijamiehet> (дата обращения: 02.12.2013).

25. Ivalo, S. Erämaan taistelu [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/eramaan-taistelu> (дата рождения: 14.11.2013).

26. Ivalo, S. Iltapuhteeksi I. Kokoelma pieniä kertomuksia [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/iltapuhteeksi-i> (дата обращения: 25.04.2014).

27. Jansin, K. Erkki ja Aino [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/erkki-ja-aino> (дата обращения: 02.12.2013).

28. Juva, V. Maahengen salaisuus [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/maahengen-salaisuus> (дата обращения: 12.03.2014).

29. Kauppinen, H. Mäkijärvelaiset [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/makijarvelaiset> (дата обращения: 02.12.2013).

30. Kauppinen, H. Vilja [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/viija> (дата обращения: 16.12.2013).

31. Kemppainen, J.K. Hänen sisimpänsäön hyvä [Электронный ресурс] / J.K. Kemppainen Helsingin Sanomat. – 8.11.2013. – URL: <http://www.hs.fi/kuukausiliite/a1305743896754> (дата обращения: 26.11.2013).

32. Kiljander, R. Kihlajaiskemut. Näytelmä 4:ssä näytöksessä [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/kihlajaiskemut> (дата обращения: 07.12.2013).

33. Kiljander, R. Pahassa pulassa [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/pahassa-pulassa> (дата обращения: 07.12.2013).

34. Kiljander, R. Sanny Kortmanin Koulu. Huvinäytelmä 3:ssa näytöksessä [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/sanny-kortmanin-koulu> (дата обращения: 08.06.2014).

35. Kiljander, R. Sulhasen luona [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/sulhasen-luona> (дата обращения: 21.06.2014).
36. Koskelainen, J. Rempseää menoа pimeän rahan maailmassa [Электронный ресурс]/ J. Koskenlainen // Helsingin Sanomat. – 10.11.2013. – URL: <http://www.hs.fi/kulttuuri/a1383973049476> (дата обращения: 17.12.2013).
37. Lassila, M. Rakkautta [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/rakkautta> (дата обращения: 08.06.2014).
38. Lassila, M. Tulitikkuja lainaamassa [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/tulitikkuja-lainaamassa> (дата обращения: 26.01.2014).
39. Liiten, M. Varaudutaan ääritilanteisiin / M. Liiten // Helsingin Sanomat. – 20.6.2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hs.fi/kotimaa/a1371620871167> (дата обращения: 26.11.2013).
40. Linnankoski, J. Kirot [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/kirot> (дата обращения: 22.12.2013).
41. Linnankoski, J. Laulu tulipunaisesta kukasta [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/laulu-tulipunaisesta-kukasta> (дата обращения: 12.12.2013).
42. Pakkala, T. Elsa [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/elsa> (дата обращения: 16.09.2014).
43. Pakkala, T. Lapsia [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/lapsia> (дата обращения: 09.12.2013).
44. Pakkala, T. Lapsuuteni muistoja [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/lapsuuteni-muistoja> (дата обращения: 08.12.2013).
45. Pakkala, T. Meripoikia. Kolminäytöksinen huvinäytelmä [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/meripoikia> (дата обращения: 02.12.2013).

46. Pakkala, T. Pieni elämäntarina [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/pieni-elamantarina> (дата обращения: 02.10.2013).
47. Pakkala, T. Pikku ihmisiä [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/pikku-ihmisia> (дата обращения: 02.12.2013).
48. Pakkala, T. Tukkijoella [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/tukkijoella> (дата обращения: 14.04.2014).
49. Pakkala, T. Vaaralla. Kuvia laitakaupungilta [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/vaaralla-kuvia-laitakaupungilta> (дата обращения: 19.11.2013).
50. Päivärinta, P. Isäin pahat teot lasten päällä [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/isain-pahat-teot-lasten-raalla> (дата обращения: 20.04.2014).
51. Päivärinta, P. Naimisen juoruja [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/naimisen-juoruja-kuvaelma-kansan-elamasta> (дата обращения: 01.10.2013).
52. Päivärinta, P. Tintta Jaakko [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/tintta-jaakko> (дата обращения: 18.12.2013).
53. Rinne, J. Reppureissaaja Risto Kuulasmaa on tuottanut Duudsoneita, Docventuresia ja Tubeconia ja sovitellut riitoja / J. Rinne // Helsingin Sanomat. – 20.8.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hs.fi/i ihmiset/a1408421969102> (дата обращения: 05.09.2014).
54. Takala, S. Olisiko sinusta ulkomaantoimittajaksi, Jörn Donner? / S. Takala // Helsingin Sanomat. – 15.9.2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hs.fi/tyoelama/a1379134936888> (дата обращения: 26.11.2013).

55. Wilkuna, K. Aikojen yöstä [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/aikojen-yosta> (дата обращения: 04.12.2013).

56. Wilkuna, K. Kahdeksan kuukautta Shpalernajassa [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/hihhuleita> (дата обращения: 16.09.2014).

57. Willman-Eloranta, E. Lyyli [Электронный ресурс]. – Систем. требования: EPUBReader. – URL: <https://kirja.elisa.fi/ekirja/lyyli> (дата обращения: 26.03.2014).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- бран. – бранное,
БРФС – Большой русско-финский словарь,
букв. – буквальное значение,
БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка,
в знач. – в значении,
волж. – волжский говор луговомарийского языка,
вост. – восточное наречие луговомарийского языка,
Г. – горномарийский язык,
диал. – диалектное слово,
заим. – заимствование,
звукоп. – звукоподражательное слово,
-л. – кто-либо и т.д.
ЛФСРЯ – Лексико-фразеологический словарь русского языка,
мар. – марийский язык,
межд. – междометие,
МРС – Марийско-русский словарь,
презр. – презрительное,
прост. – просторечное,
разг. – разговорное,
РМС – Русско-марийский словарь,
рус., рус. яз. – русский язык,
сленг. – сленговое,
см. – смотрите,
С.М. – пояснения автора,
СМЯ – Словарь марийского языка (10 томов),
ср. – сравни,
фин. – финский язык,
ФРС – Финско-русский словарь,
эвф. – эвфемизм,

hlö – человек, личность, лицо,

jklla – у кого-либо,

jkllle – кому-либо,

jkп / jkta – кого-либо,

jnnек – чем-либо,

johonkin – куда-либо,

jossak(in) – где-либо,

jstак – откуда-либо,

jtак – что-либо (в партитиве),

SKP – Suomen kielen perussanakirja ‘Толковый словарь финского языка’ (3 тома),

SMS – Suomalais-marilainen sanakiraja ‘Финско-марийский словарь’.

Приложение А (обязательное)

Список зоосемических фразеологизмов марийского языка

А.1. Глагольные зоосемические фразеологизмы в марийском языке

1. *имне ўмбач кычалаш* ‘невнимательно, поверхностно, не вникая в суть дела, так себе (что-л. искать, делать, выполнять и т.п.)’ [Грачева 1989: 73];
2. *йыгыр пача гай кошташ (ляш)* ‘ходить (быть), как ягнята-двойняшки’ [Там же: 83];
3. *кок мерангым покташ / кучаш* ‘гнаться за / ловить двумя(-х) зайцами(-ев)’ [Там же: 108];
4. *коля рожыш пурен каяш* ‘провалиться в мышиную нору’ (ср. *коля рожыш пураш ямде / кеч коля рожыш пуро* ‘готов войти в мышиную нору / хоть входи в мышиную нору’ [Там же: 110-111; Орай 1978: 78];
5. *кыдач пижше меран гай ляш (кояш)* ‘быть (выглядеть), как заяц, застрявший в капкане’ [Там же: 128; Сапаев 1979: 309];
6. *лүдшө меран гай (мерангла) куржаш (шикшалташ, чытыраш, т.м.)* ‘убегать (мчаться, дрожать и т.д.), как трусливый заяц’ [Там же: 136; Коршунов 1989: 182, 250; Орай 1978: 78; Сапаев 1979: 225; Федоров 2010: 80; Ялкайн 1958: 267];
7. *маскам кушташ туныкташ* ‘научить медведя танцевать’ [Александров-Арсак 2008: 230];
8. *меран гай лүдаш* ‘бояться, как заяц’ [Эсенеи 1982: 33];
9. *меран поч гай (почла) чытыраш* ‘дрожать, как заячий хвост’ [Яндаков 2010: 148];
10. *ночко коля гай ляш (кояш, т. м.)* ‘быть (выглядеть и т. д.), как мокрая мышь’ [Грачева 1989: 163];
11. *ночко презе гай ляш (кояш, шогылташ, т. м.)* ‘быть (выглядеть, стоять и т. д.), как мокрый теленок’ [Там же: 163; Тулай 2014: 43];

12. *нулыдымо презе гай лияш (кояш, шогылташ, т. м.)* ‘быть (выглядеть, стоять и т. д.), как необлизанный теленок’ [Там же: 164-165];
13. *пий ден пырыс гай (пырысла) илаш (кояш, лияш, т.м.)* ‘жить (выглядеть, быть и т. д.), как кошка с собакой’ [Там же: 181; Попов-Чэмэшэр 2012: 77; Яндаков 2010: 109, 146];
14. *пий семын нояш* ‘устать, как собака’ [МРС 1991: 249; Никитин 2012: 122];
15. *пий семын пураш* ‘грызть, как собака’ [СМЯ 2000: 113];
16. *пийым кочкаш* ‘собаку съесть’ [Арбан 1977: 51];
17. *пийым покташ / поктыл кошташ / поктылаш* ‘собак гонять’ [Казанцев 1972: 134; Грачева 1989: 182; МРС 1991: 249];
18. *пире гай (пирыла) урмыжааш* ‘волком выть (выть, как волк)’ [Грачева 1989: 182; Сапаев 1979: 224; Юксерн 1983: 245; Александров-Арсак 2008: 242; Чавайн 2010: 104];
19. *пирыла ончааш* ‘волком смотреть’ [РМС 1999: 37; Юксерн 1978: 73; Сапаев 1979: 88];
20. *пырыс ден коляла модаш* ‘играть в кошки-мышки’ [Грачева 1989: 196];
21. *сөсна гай йүаш* ‘пить, как свинья’ [Коршунов 1989: 248];
22. *сөсна күташ ок йөрө* ‘не годен свиней пасти’ [Лекайн 1987: 285; Яндаков 2010: 130];
23. *шем пырысым колташ (пурташ)* ‘(в)пустить черную кошку’ [Грачева 1989: 251; Каткова 1965: 43-44; Элексейн 1987: 115];
24. *шкем уңгышө пача гай кучаш* ‘держаться, как безропотный ягненок’ [СМЯ 2000: 52];
25. *шорык коваштым чияш* ‘надеть овечью шкуру’ [СМЯ 2004: 243];
26. *шорык поч гай чытыраш* ‘дрожать, как овечий хвост’ [Там же: 243; Коршунов 1989: 241].

А.2. Субстантивные зоосемические фразеологизмы в марийском языке

1. *ава йымал презе* ‘сосунок; слабак, молодой’ (букв. ‘теленоч под матерью’) [СМЯ 1999: 320; Юксерн 1983: 155, 316];
2. *ава пий* ‘собака, сучка’ (о распутнице) [Мустаев, 2000: 534; Никитин 2012: 127; Сапаев: 1979: 180; Фадеев 2012: 128; Филиппов 2012: 127; Юксерн 1983: 190];
3. *ангыра шорык* ‘глупая овца’ [Александров-Арсак 2008: 429, 457; Рыбаков 2012: 33; Сапаев 1979: 179];
4. *вӱр йӱшӧ пире* ‘кровососущий волк’ [Ялкайн 1958: 201];
5. *йӱкеш тунемше пире* ‘волк, привыкший к звуку’ (о человеке, на которого не действуют никакие угрозы, угрозы) [МРС 1991: 250];
6. *йӱшӧ пий* ‘пьяный пес / собака’ (бран. ‘пьяница’) [СМЯ 2000: 113];
7. *йӱшӧ пире* волж. ‘пьяный волк’;
8. *його пий* ‘ленивая собака’ (бран. ‘лентяй’) [СМЯ 2000: 113; Шкетан 1987: 58; Шкетан 1990: 54; Шкетан 1991: 38];
9. *його пырыс* ‘ленивый кот / кошка’ [Барцева 2003: 120; Юксерн 1983: 12];
10. *йорга пий* ‘распутница, потаскуха’ (букв. ‘кокетливая / шаловливая’) [Мустаев 2000: 533-534];
11. *кагаз куголя* ‘канцелярская крыса’ [Юксерн 1983: 176];
12. *канга меран* ‘тощий заяц’ [СМЯ 1998: 45; Шкетан 1991: 117];
13. *капкаймал пий* ‘дворняжка’ (букв. ‘подворотная собака’) [Григорьев 2012: 139; Петухов 2012: 5; Сапаев 1979: 91; Шкетан 1987: 84; Яндак 2007: 40];
14. *кок вӱлын чомаже* ‘сосунок (жеребенок) двух кобылиц’ [Сапаев 1979: 304];
15. *кок йолан пире* ‘двуногий волк’ [Юксерн 1983: 20];

16. *күрвал шорык* прост. ‘грубиян, нахал, хам’ [СМЯ 1994: 236; Новиков-Орью*⁸⁰];
17. *күрт пий* ‘гулящая собака’ [СМЯ 1994: 240];
18. *кыдач пижше меранг* ‘заяц, застрявший в капкане’ (о крайне нерешительном, двойственном, колеблющемся человеке) [Грачева 1989: 128; СМЯ 1994: 259];
19. *лүдшө меранг* ‘пугивый / трусливый заяц’ [Илибаева 2010: 568; Коршунов 1989: 241; Петухов 2012: 27; Фадеев 2012: 128; Шкетан 1991: 34; Ялкайн 1958: 44];
20. *лювык / лавыра(н) сөсна* ‘грязная свинья’ [Шкетан 1987: 58, 64];
21. *малыше меранг* ‘спящий заяц’ [Грачева 1989: 140; Элексейн 1987: 207];
22. *маска вынем* ‘медвежья берлога’ (об отдаленном, глухом, малонаселенном мете, захолустье) [СМЯ 1998: 26; Юксерн 1978: 181];
23. *маска лук* ‘медвежий угол’ (об отдаленном, глухом месте) [СМЯ 1998: 26; Александров-Арсак 2008: 200; Илибаева 2010: 253; Сапаев 1979: 309, 312; Ялкайн 1958: 148⁸¹, 233, 245];
24. *маска польши* ‘медвежья услуга’ (о неумелой помощи) отражает желание осознанного нанесения вреда человеку оказанием мнимой помощи [СМЯ 1998: 27; Лекайн 1987: 249];
25. *меж кочио шорык* ‘овца, поедающая шерсть’ [Грачева 1989: 143; СМЯ 2004: 243; Сапаев 1979: 312; Юксерн 1983: 244, 287];
26. *ноля меранг* ‘тощий заяц’ [РМС 1956: 358];
27. *ночко презе* ‘мокрый теленок’ [Грачева 1989: 163; Александров-Арсак 2008: 72; Илибаева 2010: 271] (ср. *ночко презе гай* ‘как мокрый теленок’ [Казанцев 1972: 137]);
28. *озадыме пий* ‘собака без хозяина’ (о бродяге) [Казанцев 1972: 136];

⁸⁰ Далее в приложении знаком (*) отмечены электронные источники (см. список использованных электронных источников, с. 245).

⁸¹ Два примера на странице.

29. *ош вўльё (нерген) йомак* ‘сомнительная история; выдумки’ (букв. ‘сказка о белой кобылице’) [Грачева 1989: 172];
30. *ний илыш* ‘собачья жизнь’ [СМЯ 2000: 113];
31. *ний ора* ‘куча мала’ (букв. ‘куча собак’) указывает на общую свалку в детской игре [СМЯ 2000: 113; Сапаев 1979: 46];
32. *ний сўан* ‘собачья свадьба’ [Никитин 2012: 138];
33. *пире вўта* ‘волчий хлев’ [Грачева, 1989: 182; Илибаева 2010: 99];
34. *пире чонан шорык* ‘овца с волчьей душой’ [Китиков 1991: 217];
35. *почеш ний* волж. ‘шестерка’ (букв. ‘пес, ходящий следом за кем-л.’ – о безвольном, льстивом человеке);
36. *сўсна поминка* ‘свиные поминки’ [СМЯ 2001: 276];
37. *сўснан мамыкше* ‘пух свиньи’ (устар. о мнимой, злой дружбе, нетерпении) [Ибатов 1960: 104; Сапаев 1979: 169];
38. *сокыр пырысиге* ‘слепой котенок’ (о неразумных, наивных людях) [СМЯ 2001: 235];
39. *сурт пырыс* ‘домашний кот / кошка’ [Казанцев 1972: 137] = *пёрт пырыс* [Илибаева 2010: 570];
40. *узо ний* ‘пес, кобель’ [Александров-Арсак 2008:55, 73, 241; Никитин 2012: 127; Соловьев 2012: 138; Эсеней 1982: 64; Сапаев 1979: 36, 95; Фадеев 2012: 128; Филиппов 2012: 127-128];
41. *ушкал шинча* бран. ‘коровий глаз’ (о человеке с выпученными глазами) [СМЯ 1991: 91];
42. *чоя рывыж* ‘хитрая лиса’ (о хитром и льстивом человеке) [Волков 1968; Лекайн 1987: 166, 189; Яндаков 2010: 125];
43. *шонго алаша / каза / ожо* ‘старый мерин’ [Сапаев 1979: 119, 89; Шкетан 1990: 55];
44. *шонго пырыс* ‘старый кот / кошка’ [Казанцев 1972: 136];
45. *шонго рывыж* ‘старая лиса’ [СМЯ 2001: 96; Юксерн 1978: 198];

46. *шорык кўтү* ‘стадо овец’ (о беспорядочной толпе, массе людей, вслепую бредущая, мечущуюся или безумно следующая за кем-л.) [СМЯ 2000: 243; Юксерн 1978: 52; Тулай 2014: 44];

47. *шорык ковайттым чийыше пире* ‘волк в овечьей шкуре’ [Арбан 1977: 208; Яндак 2007: 75];

48. *шудо ўмбалне кийыше пий* ‘собака, лежащая на сене’ [Ялкайн 1958 28];

49. *янлык койыш* ‘животный характер’ [СМЯ 2005: 225; Яндаков 2010: 129].

А.3. Адъективные зоосемические фразеологизмы в марийском языке

1. *йыгыр пача гай* ‘как два ягненка-близнеца’ [Там же: 83];
 2. *коштымо меран гай* букв. ‘как сушеный заяц’ [Там же: 116].
 3. *кыдач пижше меран гай* ‘как заяц, застрявший поперек в капкане’ (о крайне колеблющемся человеке) [СМЯ 1994: 259].

4. *маска гай патыр* ‘сильный, как медведь’ [Чавайн 1981: 221].

5. *маска гай таза* ‘здоровый, как медведь’ [СМЯ 2002 14].

6. *меран поч кутыш (наре)* ‘размером с заячий хвост’ [Грачева 1989: 144; Анисимов 2014: 65];

7. *нулыдымо презе гай* ‘как необлизанный теленок’ [Там же: 164];

8. *пире гай осал* ‘злой, как волк’ [Ялкайн 1958: 194];

9. *рывыж гай чоя* ‘хитрый, как лиса’ [Шкетан 1990: 75];

10. *сөсна гай коя* ‘жирные, как свиньи’ [Элексейн 1987: 21];

11. *ўшыкыж гай ўскырт* ‘упрямый, как бык’ (вариант - *сўмсыр*) [Арбан 1977: 121];

12. *ўшыкыж гай таза* ‘здоровый (крепкий), как бык’ [Волков 1968: 20; Каткова 1965: 7-8; СМЯ 2002: 13].

А.4. Адвербиальные зоосемические фразеологизмы в марийском языке

1. *йолан имне дене* диал. ‘верхом; на лошади’ – букв. ‘на лошади с ногами’ [СМЯ 1992: 104];
2. *маскам лош* ‘медведя пополам, поровну’ [Барцева 2003: 136; Юксерн 1983: 142-143];
3. *пий поч йымак* ‘псу под хвост’ [Юксерн 1983: 196].

А.5. Коммуникативные зоосемические фразеологизмы в марийском языке

1. *Айдемым лу пачаш сӧсна улат, сӧсна улат манын лумдымек, латикымше ганажлан тудо чынак сӧснала йынгысаш тунгалеш* ‘Когда десять раз говоришь человеку «ты – свинья, ты – свинья», то на одиннадцатый раз он захрюкает’ [Юксерн 1978: 52];
2. *Вик корнышто пий терыс, кадыр корнышто уян терке* ‘На прямой дороге – собачий навоз, на кривой дорожке – тарелка с маслом’ [Китиков 1981: 40; Ялкайн 1958: 46];
3. *Волжо лиеш гын, сӧснаже лектеш* ‘Будет корыто, и свиньи найдутся’ [Китиков, 1991: 36; Арбан 1977: 127];
4. *Жап шуэш гын, удыр чодыра маскаланат марлан кая* ‘Придет время, девушка и за лесного медведя замуж выйдет’ [Китиков 1981: 88; Волков 1968: 74; Тулай 2014: 27]
5. *Иган пирым пыжашыж гыч кеч-мыняр покто, садак ок ойырло* ‘Хоть сколько гони волчицу с волчатами из норы, все равно не уйдет’ [Китиков 1991: 64; Юксерн 1978: 116];
6. *Ик имнылан кок омытам огыт чикте* ‘На одну лошадь двух хомутов не надевают’ [Грачева 1989: 108-109; Васильев, Саваткова, Учаев 1991: 222];
7. *Ик пирым пуштат гын, весе кодеш* ‘Если убьешь одного волка, другой останется’ [Китиков 1991: 73; Лекайн 1987: 48];

8. *Ик пусагыште пий ден пырыс илен (келшен) огыт керт* букв. ‘Собака и кошка не могут ужиться (сдружиться) в одном углу’ [Там же: 73; Ялкайн 1958: 48];
9. *Имне – айдемын шулдыржо* ‘Лошадь – крылья человека’ [Там же: 82; Сапаев 1979: 130];
10. *Имне өрда гын, озажым чума* ‘Когда лошадь растолстеет, то будет лягать хозяина’ [Там же: 83; Сапаев 1979: 181; Юксерн 1979: 187];
11. *Имне деч ончыч омытам (шөрмычым) огыт нал* ‘До покупки лошади хомут (узду) не берут’ [Там же: 83; Сапаев 1979: 45];
12. *Имне ныл йолан гынат, шүртня* ‘Лошадь на четырех ногах, и то спотыкается’ [Китиков 1981: 26];
13. *Кажне ушкал семынже ломыжеш* ‘Каждая корова мычит по-своему’ [Там же: 87; Коршунов 1989: 251];
14. *Казам ковышта оролаш огыт шогалте* ‘Козла не ставят сторожить огород’ [Китиков 1991:113; Сапаев 1979: 332];
15. *Казат пондашан, да профессор огыл* ‘И козел бородат, да не профессор’ [Китиков 1981: 113; Сапаев 1979: 46];
16. *Капка йымал пият шке пыжашыштыже ырла* ‘И дворняжка (букв. ‘собака под воротами’) лает в своей будке (букв. ‘в гнезде, логове’)’ [Китиков 1991: 118; Сапаев 1979: 91];
17. *Карме гыч үшкыжым пуал оварта (луктеш)* ‘Из мухи выдувает (делает) быка’ [Там же: 118; Сапаев 1979: 266];
18. *Кече кечывал марте кече үшкыж йол дене күза, кечывал деч вара меран йол дене кудал вола* ‘До полудня солнце поднимается на ногах быка, а после полудня скачет вниз на ногах зайца’ [Там же: 122];
19. *Ковышта саклаш мераным огыт тарле* вост. ‘Зайца не нанимают охранять капусту’ [Китиков 2004: 49];
20. *Койышыжым пият (сöснат) ок коч* ‘Его (ее) характер и собака (свинья) не съест’ [Китиков 1981: 37; Сапаев 1979: 96];

21. *Кок маска ик вынемьшите огыт иле* ‘Два медведя в одной берлоге не живут’ [Китиков 1991: 129; Орай 1978: 212];
22. *Кок мерангым поктет гын, иктыжсымат от кучо* ‘Если погонишься за двумя зайцами, ни одного не поймаешь’ [Китиков 1981: 52; Каткова 1965: 46, 197; Сапаев 1979: 246; Шкетан 1990: 317];
23. *Кольшо ушкал – шöран* ‘Павшая (букв. ‘умершая’) корова всегда молочная’ [Китиков 2004: 5; Сапаев 1979: 326; Элексеин 1987: 56];
24. *Маска үдырым налеш* ‘Медведь женится’ (о мелком дожде в солнечный день) [Грачева 1989: 142];
25. *Маска виян, да тудымат кучат* ‘Медведь хоть и силен, да и его ловят’ [Китиков 1981: 51; Сапаев 1979: 183];
26. *Маскажсым кучыде (лүйыде), коваштыжым ит ньыкт* ‘Не поймав (застрелив) медведя, шкуру не сдирай’ [Китиков 1991: 171; Попов-Чэмэшэр 2012: 84; Рыбаков 1987: 303];
27. *Маскат моштымыж семын кушта* ‘И медведь танцует, как умеет’ [Сапаев 1979: 126];
28. *Меранг поч кушмеке* ‘Когда вырастет заячий хвост’ (ср. рус. *когда рак на горе свистнет*) [Грачева 1989: 144];
29. *Меранг тупышко шинчын вола* ‘Спускается (проходит) на спине зайца’ (о времени, жизни, дне и т.д.) [Там же: 144];
30. *Меранжсым кучен огыл, коваштыжым ньыктеиш* ‘Зайца не поймал, шкуру сдирает’ [Китиков 1981: 52; Сапаев 1979: 339];
31. *Мерангым шенгел йолжо ашна (пукша, утара)* ‘Зайца задние ноги содержат (кормят, спасают)’ [Китиков 2004: 71];
32. *Мут презым пукша* ‘Слово кормит теленка’ [Китиков 1981: 55; Сапаев 1979: 25; Ялкайн 1958: 47];
33. *Осал деч утлаиш манын, тире умшаиш вуйым огыт пыште* ‘Голову не кладут в пасть волка, чтобы избежать опасности’ [Китиков 1991: 199; Элексеин 1987: 243; Яндаков 2010: 128];

34. *Пөлеклыме имньын пүйжым огыт ончо* ‘Дареному коню в зубы не смотрят’ [Там же: 223; Рыбаков 1982: 30];
35. *Пакма имньылан сола возеш* ‘Вялой лошади кнут попадается’ [Юксерн 1978: 41];
36. *Паша пире огыл, чодыраш ок кудал* ‘Работа – не волк, в лес не убежит’ [Китиков 1991: 207; Илибаева 2010: 571];
37. *Пиал – пий умшааште* ‘Счастье – в пасти собаки’ [Китиков 1991: 214];
38. *Пий өрда гын, озажым монда* ‘Если собака разжиреет, то забывает своего хозяина’ [Там же: 215];
39. *Пий кадыр почшым ок уж, эре ончыко веле опта* ‘Собака не видит своего кривого хвоста, все вперед лает’ [Китиков 1981: 67; Сапаев 1979: 123];
40. *Пий ок ондале, ен ондала* ‘Собака не лжет, лжет человек’ [Китиков 1981: 66; Арбан 1977: 213];
41. *Пий опта, мардеж нангая* ‘Собака лает, ветер уносит’ [Китиков 1981: 50; Юксерн: 1978: 155];
42. *Пий тиал кинде дене веле илена* ‘Живем лишь на хлебе, выпавшем на счастье собаке’ [Китиков 1991: 215];
43. *Пий почшылан уша, йолко енлан уша* ‘Собака велит хвосту своему, лентяй – другому человеку’ [Там же: 215];
44. *Пий умшааш логалмеке, мөнгеш шупшын от нал* ‘Что попало в пасть собаки, обратно не заберешь’ [Там же: 215; Коршунов 1989: 93; Яндаков 2010: 128];
45. *Пий шудыш пирьлан ок шу* ‘Собачьи проклятья до волка не дойдут’ [Китиков 1991: 215, 293; Лекайн 1987: 194, 488; Элексейн 1987: 71];
46. *Шорык шудыш пирьлан ок шу* ‘Овечьи проклятья до волка не дойдут’ [Китиков 1991: 293; Элексейн 1987: 121];
47. *Пийым пеш пукшет гын, шкендым пурлеш* ‘Если будешь хорошо кормить собаку, то она тебя самого укусит’ [Ялкайн 1958: 28];
48. *Пийын пашаже уке гын, почшым нула* ‘Если собаке нечего делать, она лижет свой хвост’ [Китиков 1981: 67; Сапаев 1981: 67];

49. *Пире ден шорык таң (родо) огытыл* ‘Волк и овца не друзья (сородичи)’ [Китиков 1981: 67; Коршунов 1989: 227];
50. *Пире деч лүдат – чодыраш ит мие* букв. ‘Боишься волков – в лес не ходи’ [Ибатов 1960: 44; Илибаева 2010: 567];
51. *Пире ике игыжым пурын ок пушт* ‘И волк не загрызает насмерть своих детенышей’ [Китиков 1981: 68];
52. *Пырыжат темже, шорыкшат ылыше кодшо* букв. ‘И чтоб волки были сыты, и овцы живы’ [Там же: 67; Илибаева 2010: 471; Чавайн 1981: 277; Юксерн 1983: 36];
53. *Пырым йолжо пукша* ‘Волка ноги кормят’ [Китиков 1981: 67; Сапаев 1979: 163; Юксерн 1978: 35];
54. *Пырым кеч-кунаре пукшо, садакак чодыраш ончен урмыжеш* ‘Сколько волка не корми, все равно в лес смотрит (букв. ‘все равно воет, глядя на лес’)’ [Китиков 1991: 218; Каткова 1965: 109; Лекайн 1987: 125];
55. *Пият пеш коя, да кочкаш ок йөрө* ‘Собака очень жирная, да мясо не вкусное’ [Китиков 1991: 214; Лекайн 1987: 326; Чавайн 1981: 273; Ялкайн 1958: 48];
56. *Поянын вўта тич вольык, незерын – пөрт көргө икшыве* ‘У богатого хлев полон скотины, у бедняка дом полон детьми’ [Китиков 1981: 69; Сапаев 1979: 118];
57. *Презе нулалын* разг. ‘Теленок лизнул’ (о вихре, завитке на лбу, на котором волосы растут в другом направлении и торчат в стороны);
58. *Пылышыжым маска тошкалын* ‘Медведь на ухо наступил’ [Илибаева 2010: 23];
59. *Пырысат вашкен игым ышта, да сокыр шочеш* И кошка быстро котят рождает, да они слепыми рождаются’ [Сапаев 1979: 249];
60. *Пырыслан – модыш, коялан – ойго* ‘Кошке – радость, мышке – горе’ [Китиков 1991: 229; Сапаев 1979: 112];
61. *Пычалже – олаште, меранже – чодыраште* ‘Ружье – в городе, заяц – в лесу’ [Китиков 1991: 229];

62. *Сөсна кавам (кечым) ок уж* ‘Свинья небо (солнце) не видит’ [Там же: 239];
63. *Сөсна шке пүгыржым ок уж* ‘Свинья не видит своего горба’ [Китиков 1991: 239; Юксерн 1978: 171];
64. *Тоштым шарнаш – тиде почшым поктышо пий гай пөрдаш* ‘Вспоминать прошлое – это крутиться, как собака, гонящаяся за своим хвостом’ [Никитин 2012: 97];
65. *Тудын деч пайдаже – узо казан шөржө наре* ‘Проку (толку, пользы), как о козла молока’ [Попов-Чэмэшэр 2012: 53];
66. *Тулык енгым пият почшо дене лупшалеш* ‘Сироту и собака хвостом бьет’ [Китиков 1991: 252; Каткова 1965: 8];
67. *Тулык йоча пий чытыммы чыта* ‘Сирота терпит то, что выносит собака’ [Китиков 1991: 252; Алексейн 1987: 248];
68. *Ушан ег имньыжым мокта, исер – куважым* ‘Умный хвалит свою лошадь, безрассудный – жену’ [Китиков 1981: 86; Сапаев 1979: 75];
69. *Ушкал тўжвач ола, айдеме – көргө гыч* ‘Корова пестра снаружи, человек – изнутри’ [Китиков 2004: 128; Сапаев 1979: 45];
70. *Ушыжым ушкал кочкын* ‘Его ум съела корова’ [Китиков 1981: 86; Лекайн 1987: 449];
71. *Ўдыр чодыра маскалан марлан кая* ‘Девушка и за медведя замуж выйдет’ [Китиков 1991: 262];
72. *Ўдыр, темлет гын, маскаланат кая, шөрет гын, йомак кугыжа эрге дечат шөрла* ‘Если посоветуешь, девушка и за медведя выйдет замуж, отговоришь – и от сказочного принца откажется’ [Там же: 264; Сапаев 1979: 64];
73. *Ўырамашын тиалжым пий кочкын* ‘Женское счастье собака съела’ [Китиков 1991: 73; Сапаев 1979: 77];
74. *Ўнышө пий шолып пурлеш* ‘Тихая собака кусает тайно’ [Китиков 1991: 268; Лекайн 1987: 436];
75. *Чодыра уло – маска уло, ял уло – осал уло* ‘Есть лес – есть медведь, есть деревня – есть зло’ [Китиков 1991: 275];

76. *Чодыра уло гын, маскажат (пырыжат) уло* ‘Если есть лес, есть и медведь (волк)’ [Там же: 275; Сапаев 1979: 167; Ялкайн 1958: 49];

77. *Чомаже кочмо годым аваже ийым нуленат темеш* ‘Когда жеребенок ест, мать наедается, даже лед облизывая’ [Китиков 1981: 91; Сапаев 1979: 92; Ялкайн 1958: 48];

78. *Чон (шўм) меранг поч гай (меранг почла) чытыра* ‘Душа (сердце) дрожит, как заячий хвост’ [Грачева 1989: 235];

79. *Чон (шўм) шорык поч гай (шорык почла) чытыра* ‘Душа (сердце) дрожит, как обвечий хвост’ [Там же: 235];

80. *Чоя рывыж ний опышыш (капканеш) пижеш* ‘Хитрая лиса попадает в капкан из лыка’ [Китиков 1991: 277; Каткова 1965: 89; Лекайн 1987: 166; Рыбаков 1982: 55, 145; Сапаев 1979: 203];

81. *Чыгын имньылан сола кўлеш* ‘Норовистой лошади кнут нужен’ [Китиков 1991: 278; Ялкайн 1958: 173];

82. *Шем пырыс кудал эртен* ‘Черная кошка пробежала’ [Грачева 1989: 251; Рыбаков 1982: 115; Николаев 1987: 144];

83. *Шем / ош пий кочшыжо, ош / шем пийлан йолаже* ‘Съевший – черный / белый пес, вина вменяется белому / черному’ [Китиков, 1981: 67; Арбан 1977: 231; Каткова 1987: 301; Лекайн 1987: 440; Сапаев 1979: 311; Юксерн 1978: 70, 184, 313];

84. *Шого, меранг, пычал пудырген!* ‘Стой, заяц, ружье сломалось!’ [Китиков 2004: 146; Александров-Арсак 2008: 462];

85. *Шотшо толмо годым ўшкыжат пашам ўрга* ‘При случае и бык работу забодает’ [Китиков 1991: 293; Элексеин 1987: 95; Александров-Арсак 2008: 73];

86. *Шужен утышо пуре, шорыкым ўжмеке, тулышкат тўришташ ямде* ‘Голодный волк, увидев овцу, готов и в огонь прыгнуть’ [Китиков 1981: 98; Юксерн 1978: 88];

87. *Шулдо каза кум йолан* ‘У дешевой козы три ноги’ [Китиков 1991: 300; Сапаев 1979: 63]

88. *Шым пий денат от му* 'И с семью собаками не найдешь' [Грачева 1989: 142];
89. *Юмо ок пу гын, сѳсна ок коч* 'Если бог не даст, свинья не съест' [Китиков 1991: 312; Сапаев 1979: 224].

Приложение Б
(обязательное)

Список зоосемических фразеологизмов финского языка

Б.1. Глагольные зоосемические фразеологизмы финского языка

1. *ajaa jäniksenä* ‘ехать зайцем’ [БРФС 1963: 241] = *matkustaa jäniksenä* ‘ехать зайцем’ [Varga, Saarinen 2003: 193];
2. *ei (tässä) olla jäniksen selässä* ‘не быть (здесь) на спине зайца’ [Virkkunen 1981: 104; Varga, Saarinen 2009: 79; Ivalo S. Iltapuhteeksi I*; Kauppinen H. Mäkijärvelaiset*];
3. *ei ymmärrä enempää kuin sika / porsas hopealusikasta* ‘не разбираться (смыслить), как свинья / поросенок в серебряной ложке’ (букв. ‘не разбираться больше, чем свинья / поросенок в серебряной ложке’) [Varga, Saarinen 2009: 301, 358; Koski 2007: 43; Talvio 1951: 365; Waltari 2009b: 141, 258; Päivärinta P. Isäin rahat teot lasten päällä*; Kivi 1961: 37];
4. *elää / olla kuin sika vatukossa* ‘жить / быть, как свинья в малиннике’ [Länsimäki 2003: B9];
5. *etsiä kissojen ja koirien kanssa* ‘искать с кошками и собаками’ [Varga, Saarinen 2009: 27];
6. *heittää helmiä sioille* букв. ‘(бросать) жемчуг свиньям’ [Petrova 2011: 14-37];
7. *heittää susille* ‘подвергнуть жестокой участи / уничтожению’ (букв. ‘бросить волкам’) [Kari 2003: 183];
8. *iskeä (kiinni) kuin sika limpuun* ‘(при)бить, как свинья каравай’ [Varga, Saarinen 2009: 64];
9. *jakaa vuohiin ja lampaisiin* ‘делить на козлиц и овец’ [Virkkunen 1981: 93; Pakkala T. Elsa*];
10. *joutua / mennä suden suuhun* ‘попасть волку в глотку’ [Varga, Saarinen 2009: 75; Pakkala T. Pieni elämäntarina*];

11. *jstak. tulee susi* букв. ‘из чего-л. получается волк’ (в знач. «испортиться, не получиться») [Varga, Saarinen 2009: 373];
12. *juoda kuin sika* ‘пить, как свинья’ [Waltari 2009b: 279];
13. *juosta kuin (kissa) pistoksissaan alla / kuin olisi tuli hännän* ‘бегать, как ужаленная кошка / как если бы на хвосте был огонь’ [Varga, Saarinen 2009: 237];
14. *karjua kuin leijona* ‘рычать, как лев’ [Heinonen 2010: 350].
15. *katsella jkta kuin nälkäinen susi lammasta* ‘разглядывать овец, как голодный волк’ [Tammi 2008: 125; Linnankoski J. *Laulu tulipunaisesta kukasta**];
16. *katsoa kuin peto (petona)* ‘смотреть, как зверь (зверем)’ [Tammi 2008: 129];
17. *katsoa vihaisesti kuin susi* ‘смотреть сердито, как волк’ [БРФС 1963: 89];
18. *kiertää (kiertellä) kuin kissa kuumaa ruuroa* ‘крутиться, как кошка вокруг горячей каши = ходить вокруг да около’ [Kari 2003: 69; Varga, Saarinen 2009: 106; Penttilä 1990:92; Canth M. *Kauppa-lopo**; Lassila M. *Rakkautta**; Wilkuna K. *Kahdeksan kuukautta Shpalernajassa**];
19. *kulkea apostolin hevosilla* букв. ‘идти на лошади апостола’ (в знач. «Идти пешком») [Kari: 2003: 36];
20. *kulkea jonossa kuin köyhän talon porsaas* ‘ходить в очереди, как поросята бедного дома’ [Varga, Saarinen 2009: 127];
21. *kutsua koirat takaisin* ‘отозвать собак обратно’ [Virrkunen 1981: 132];
22. *kävellä kuin lehmä* презр. ‘ходить, как корова’ [Kari 2003: 92];
23. *käyttäytyä kuin norsu posliinikaupassa* ‘вести себя, как слон в фарфоровой лавке’ [Там же: 121];
24. *laskea kuin lehmän häntä / kasvaa alaspäin kuin lehmän häntä* ‘опускаться / расти вниз, как коровий хвост’ [Там же: 92];
25. *leikkiä kissaa ja hiirtä jkn kanssa* ‘играть с кем-либо в кошки-мышки’ [Varga, Saarinen 2009: 114];

26. *luottaa jkhuun kuin pukki (suuriin) sarviinsa* ‘доверять, как козел (большим) рогам’ [Kari 2003: 149; Varga, Saarinen 2009: 176; Pakkala T. Lapsuuteni muistoja*];
27. *lyödä jkta kuin vierasta sika* ‘бить, как чужую свинью’ [Varga, Saarinen 2009: 179; Ivalo S. Hellaassa*];
28. *mennä / joutua hukkaan* букв. ‘пойти / попасть к волку’ [Varga, Saarinen 2009: 75];
29. *nostaa kissaa pöydälle* ‘поднять кошку на стол’ [Virkkunen 1981: 224];
30. *nukkuu koiran unta* ‘спать собачьим сном’ [Varga, Saarinen 2003: 117] [Jaatinen 2011: 122; Jaatinen 2011: 122];
31. *nukkuu kuin porsas* ‘спать, как поросенок’ [Varga, Saarinen 2009: 225; Kari 2003: 146];
32. *olla / mennä / kärppänä jnnek / jssak* букв. ‘быть / идти горностаем в чем-л. / куда-л.’ [Varga, Saarinen 2009: 145];
33. *olla hiljaa kuin hiiri* ‘быть тихим, как мышь’ [Kari 2003: 37; Varga, Saarinen 2009: 44; Kivi 1950: 30; Kivimaa 1931: 34; Saarikoski 1986: 46; Canth M. Hanna;* Canth M. Lyhyitä kertomuksia;* Ivalo S. Iltapuhteeksi I (2);* Kiljander R. Sanny Kortmanin Koulu;* Kiljander R. Sulhasen luona; Wilkuna K. Kahdeksan kuukautta Shpalernajassa;*] = *äänettä / äännetön kuin hiiri* ‘тихий (безмолвный), как мышь’ [Kivi 1950: 310; Kivi 1961: 224; Canth M. Lyhyitä kertomuksia (2)*];
34. *olla humalassa kuin (taivaan) sika* ‘быть пьяным, как (небесная) свинья’ [Kari 2003: 39; Varga, Saarinen 2009: 50];
35. *olla pukilla* ‘быть на козле’ [Kari 2003: 149];
36. *olla päissään kuin sika* ‘быть совершенно пьяным, как свинья’ [Varga, Saarinen 2009: 358];
37. *olla sika(na)* ‘быть свиньей’ [Там же: 246; Waltari 2005: 41; Pakkala T. Lapsia*; Willman-Eloranta E. Lyyli*];
38. *olla täysin susi* ‘быть совсем фальшивым’ (букв. ‘быть совсем волком’) [Varga, Saarinen 2009: 248];
39. *olla viekas kettu* ‘быть хитрой лисой’ [Phraseologia bohémica 2005: 312];

40. *olla äkäinen (kiukkuinen) kuin takapuoleen / perseeseen ammattu karhu* ‘(быть) злым (сердитым), как раненый (подстреленный в зад) медведь’ [Varga, Saarinen 2009: 380];
41. *osata englantia kuin hevonen* ‘владеть английским, как лошадь’ [Kari 2003: 36];
42. *ostaa jäniksen jälkiä* ‘купить заячьи ноги’ [Virkkunen 1987: 104];
43. *ostaa sika säkissä* ‘купить кота (букв. ‘свинью’) в мешке’ [Varga, Saarinen 2009: 358; Canth M. Papin perhe; Hän on Sysmästä; Spiritistinen istunto*];
44. *ottaa jäniksen passi* ‘взять заячий паспорт’ [Kari 2003: 138];
45. *paeta kuin rotat uppoavasta laivasta* ‘бежать, как крысы с тонущего корабля’ [SKP 1990: 667; Varga, Saarinen 2009: 358];
46. *panna kissaa makkaran vahdiksi* ‘поставить кошку сторожить колбасу’ [Kari 1991: 105];
47. *panna kärryt hevosen eteen* ‘ставить телегу впереди лошади’ [Varga, Saarinen 2009: 146];
48. *panna pukki kaalimaan vartijaksi* ‘поставить козла сторожить капусту’ [Там же: 274];
49. *pelätä kuin jänis* ‘бояться, как заяц’ [Kauppinen H. Mäkijärvelaiset]*;
50. *pitää kiinni kuin sika leivästä / limpusta* ‘держаться за что-л., как свинья за хлеб / каравай’ [Varga, Saarinen 2009: 295];
51. *puhua jtk kuin hevonen* ‘говорить что-л., как лошадь’ [Там же: 305];
52. *puhua niin kuin (keitetystä) lampaan päästä* ‘говорить, как о (вареной) овечьей голове’ [Kari 2003: 89; Kauppinen H. Vilja]*;
53. *päästä kuin koira veräjästä* ‘убежать, как собака из ворот’ [Varga, Saarinen 2009: 117];
54. *päästä pukille* ‘попасться козлу’ [Там же: 307];
55. *päästää kuin susi (sudet) lammasmaa* ‘выпускать, как волка(-ов) в овечье стадо’ [Kivi 1984: 265; Aho J. Panu*];
56. *rakentaa sutta ja sekunda* разг. ‘производить плохой товар’ (букв. ‘строить волков и второй сорт’) [Kari 2003: 183];

57. *riehua kuin eläin* ‘буяннить / свирепствовать, как зверь’ [Там же: 22];
58. *ruveta vasikaksi / vasikoimaan* ‘доносить’ (букв. ‘постричься в телята / начать телиться’) [Там же: 2014];
59. *saada koiran kuolema* ‘получить собачью смерть’ [Там же: 71];
60. *sanoa kissaa kissaksi* ‘назвать кошку кошкой’ [Virkkunen 1981: 129; Kari 2003: 69; Varga, Saarinen 2009: 114];
61. *syödä kuin hevonen* ‘есть, как лошадь’ [Varga, Saarinen 2009: 380];
62. *syödä kuin porsas* ‘есть, как поросенок’ [Там же: 301];
63. *syödä kuinsusi* ‘есть, как волк’ [Kari 2003: 183];
64. *tapella kuin sudet* ‘драться, как волки’ [Varga, Saarinen 2009:373; Kivi 1984: 28; Linnankoski J. Kiroit*];
65. *tarttua härkää sarvista* ‘взять быка за рога’ [Varga, Saarinen 2009: 388; Waltari 2010: 178];
66. *tehdä kärpäsestä härkänen* ‘делать из мухи быка’ [Virkkunen 1981: 155; Canth M. Sylvi; Kovan Onnen lapsia*];
67. *tehdä työtä (töitä) hevonen* ‘работать, как лошадь’ [Kari 2003: 22; Canth M. Työmiehen vaimo*];
68. *uidaa koiraa* ‘плыть по-собачьи’ [Kari 2003: 71];
69. *ulvoa lauman / (sutena) susien mukana* ‘выть со стадом / волками’ [Там же: 183; Varga, Saarinen 2009: 373, 419; Willman-Eloranta 2007: 334; Aho J. Omatunto*; Wilkuna K. Aikojen yöstä*];
70. *väsyä kuin koira* ‘устать, как собака’ [Varga, Saarinen 2009: 117];
71. *ei pitää suden ja lampaan puolta / (ei halua) asettua sudden eikä lampaan puolelle* букв. ‘не заступаться ни за волков, ни за овец = хотеть быть беспартийным’ [Kari 2003: 183; Kivi 1961: 39-40; Wilkuna K. Aikojen yöstä*];
72. *olla kuin kissa ja koira* ‘быть, как кошка и собака’ [Varga, Saarinen 2009: 114; Koski 2007: 23; Kivi 1961: 55; Aho J. Muistelmia ja matkakuvia*; Juva V. Maahengen salaisuus*];
73. *olla susi sukua* букв. ‘быть волчьей породы’ [Varga, Saarinen 2009: 246; Aho J. Minkä mitäkin Tyrolista*].

Б.2. Субстантивные зоосемические фразеологизмы финского языка

1. *arka jänis* ‘трусливый заяц’ [Varga, Saarinen 2009: 79; Kivi 1961: 224];
2. *hevosen muisti* ‘лошадиная память’ (о хорошей памяти) [Varga, Saarinen 2009: 112];
3. *Ernestin koirat* ‘Эрнестовы собаки’ (о членах Радикальной народной партии Финляндии, 40-50-е гг. XX в.) [Virkkunen 1981: 46]
4. *hiiren hiljaa* ‘мышьяная тишина’ [Suomalais-mari sanakiraja 1995: 60];
5. *jäniksen passi* ‘заячий билет’ (букв. ‘заячий паспорт’) [Virkkunen 1981: 105; Alkio S. Puukkojunkkarit. Kuvauksia nyrkkivallan ajoilta*];
6. *kadonnut lammas* ‘заблудшая овца’ [Varga, Saarinen 2009: 84; Talvio 1951: 365; Pakkala T. Lapsuuteni muistoja*];
7. *karinen koira* ‘вшивый пес’ [Virkkunen 1981: 131];
8. *karhun pesä* ‘медвежья берлога’ [Kauppinen H. Mäkijärvelaiset;* Päivärinta P. Tintta Jaakko*];
9. *kissa ja hiiri-leikki* ‘игра в кошки-мышки’ [Virkkunen 1981: 129];
10. *kissan kirkko* ‘кошачья церковь’ (об основании длинной юбки женщины) [Virkkunen 1981: 129];
11. *koiran elämä* ‘собачья жизнь’ [ФРС 1975: 246];
12. *koiran taivas* ‘собачий рай’ [Tuominen 2012: 154];
13. *koiran virka* ‘собачья должность’ [Varga, Saarinen 2009: 442];
14. *kokoa ja näköä kuin mustalaisen hevosessa* ‘размером и видом, как цыганская лошадь’ [Там же: 158];
15. *kuin koira heinäkuorman päällä* ‘как собака на сене’ [БРФС 1963: 803];
16. *kultainen vasikka* ‘золотой телец’ [Varga, Saarinen 2009: 133; Linnankoski J. Laulu tulipunaisesta kukasta*];
17. *lampaat ja vuohet* ‘овцы и козлицы’ [Varga, Saarinen 2009: 158];
18. *leijonan luola* ‘львиная нора’ [Там же: 175];

19. *miehiä kuin Viron susiä* ‘людей, как эстонских волков’ [Pakkala, Meripoikia; Varga, Saarinen 2009: 202] = *viron susi* ‘эстонский волк’ [Virkkunen 1981: 386; Pakkala T. Meripoikia Kolminäytöksinen huvinäytelmä*];
20. *musta hevonen* ‘черная лошадь’ (= ‘темная лошадка’) [Virkkunen 1981: 209];
21. *musta lammas* ‘черная овца’ (= ‘паршивая овца’) [Там же: 210; Kari 1993: 113; Kivi 1984: 377; Kostinen 1995: 5; Säisä 1980: 19];
22. *Pohjolan karhu* ‘северный медведь’ (старое название России) [Virkkunen 1981: 259];
23. *punainen koira* ‘красная собака’ [Varga, Saarinen 2009: 117];
24. *pyhä lehmä* ‘священная корова’ [Virkkunen 1981: 165];
25. *ruokahalu kuin hevosella* ‘аппетит, как у лошади’ [Kiljander R. Pahassa pulassa*];
26. *senkin koira* ‘эдакая собака’ (= *kirottu koira* ‘проклятая собака’) [Varga, Saarinen 2009: 113];
27. *siivoton sika!* ‘грязная свинья’ [ФРС 1975: 565];
28. *suden hetki* ‘волчье мгновенье’ (время с трех до пяти утра) [Virkkunen 1981: 325; Kari 2003: 183; Varga, Saarinen 2009: 373];
29. *suden nälkä* ‘волчий аппетит’ (о хорошем аппетите) [Varga, Saarinen 2009: 373];
30. *suden virsta* ‘волчья верста’ (неопределенно долгое путешествие) [Там же: 373];
31. *Suomen karhu* ‘финский медведь’ (о Финляндии) [Virkkunen 1981: 322];
32. *Suomen leijona(t)* ‘финский(-е) лев (львы)’ [Там же: 322];
33. *susi lammasten / lampeen vaatteissa* ‘волк в овечьей шкуре’ [Virkkunen 1981: 325; Varga, Saarinen 2009: 373; Waltari 2009a: 194; Ahrenberg J. Hihhuleita*];
34. *tosissaan kuin sika rukissa* ‘вправду, как свинья во ржи’ [Länsimäki 2003: B9];

35. *tyhmä pässi* ‘глупый баран’ [Varga, Saarinen 2009: 117; Kivi 1961: 82; Kivi 1984: 112; Kiljander R. Sanny Kortmanin Koulu (2)*];
36. *valkoinen elefantti* ‘белый слон’ [Kari 1993: 22];
37. *vanha kettu* ‘старый лис’ (об опытном, хитром, пронырливом человеке) [Varga, Saarinen 2009: 104; Aho J. Panu;* Ivalo S. Erämaan taistelu (2);* Ivalo S. Iltapuhteeksi I;* Ivalo S. Erämaan nuijamiehet;* Ivalo S. Anna Fleming;* Kiljander R. Kihlajaiskemukset;*];
38. *vanha koira* ‘старая собака’ [Waltari 2009b: 44⁸²];
39. *villakoiran ydin* ‘сущность / мозг пуделя’ [Varga, Saarinen 2009: 441];
40. *väkeä / miehiä kuin Vilkkilässä kissoja* ‘народа / людей, как кошек в Вилккиля’ [Там же: 114];
41. *yksinäinen susi* ‘одинокий волк’ (о нелюдимом, одиноком человеке) [Virrkunen 1981: 325 (2); Kari 2003: 183; Varga, Saarinen 2009: 373; Koskelainen J. Rempseää menoa pimeän rahan maailmassa;* Heikki A. Ylpeys;* Kemppainen J.K. Hänensisimpänsä onhyvä;* Liiten M. Varaudutaan ääritilanteisiin;* Rinne J. Reppureissaaja Risto Kuulasmaa...;* Takala S. Olisiko sinusta ulkomaantoimittajaksi, Jörn Donner?*].

Б.3. Адъективные зоосемические фразеологизмы финского языка

1. *arka kuin jänis* ‘боязливый, как заяц’ [Varga, Saarinen 2009: 79; Kivi 1961: 74; Pakkala T. Elsa*];
2. *hiljaa kuin hiiri* ‘тихий / безмолвный, как мышь’ [Varga, Saarinen 2009: 228; Ivalo S. Erämaan nuijamiehet*];
3. *iloinen kuin (laitumelle laskettu) vasikka* ‘веселый, как теленок (выпущенный на пастбище)’ [Varga, Saarinen 2009: 430; Ivalo S. Juho Vesainen*];
4. *iloinen kuin kolmen markan hevonen / viidenpennin hevonen* ‘веселый, как лошадь за три марки / пять пенни’ [Kari 1993: 46; Varga, Saarinen 2009: 42; Heinonen 2010: 359];

⁸² Три примера на странице

5. *köyhä kuin (kirkon)rotta* ‘бедный, как (церковная) крыса’ [Varga, Saarinen 2009: 113; Kivi 1961: 70; Ivalo S. Iltapuhteeksi I*; Ahrenberg J. Hihhuleita*; Ivalo S. Hellaassa*; Päivärinta P. Tintta Jaakko*; Päivärinta P. Naimisen juorilla (2)*];
6. *laupias/laukea kuin lammas* ‘нежный / любезный, как овца’ [Varga, Saarinen 2009: 158; Aho J. Muuan markkinamies*];
7. *mutkikas kuin sian kirkkotie* ‘извилистый / сложный, как дорога свиньи до церкви’ [Länsimäki2003: B9];
8. *märkä kuin uitettu koira / kissa* ‘мокрый, как искупанная собака / кошка’ [Tammi 2008: 270; Varga, Saarinen 2009: 229; Pakkala T. Meripoikia*; Ivalo S. Erämaan taistelu*];
9. *nopea kuin hirvi* ‘быстрый, как лось’ [Pakkala T. Pikku ihmisiä*];
10. *nopea kuin kärppä* ‘быстрый / шустрый, горностай’ [Aho J. Helsinkiin*];
11. *nälkäinen kuin susi* ‘голодный, как волк’ [Varga, Saarinen 2009: 228; Kivi 1961: 74; Aho J. Helsinkiin (2) *; Linnankoski J. Laulu tulipunaisesta kukasta*];
12. *nätti kuin sika pienenä* ‘хорошенький, как свинка’ [Varga, Saarinen 2009: 229];
13. *rasvainen kuin sika* ‘жирный, как свинья’ [Waltari 2009b:67];
14. *rohkea kuin leijona* ‘храбрый, как лев’ [Varga, Saarinen 2009: 162; Waltari 2009b: 53];
15. *siivo kuin lammas* ‘кроткий, как овца’ [Kivi 1961: 57, 69];
16. *terve kuin pukki* ‘здоров, как козел’ [Varga, Saarinen 2009: 394; Sippola 2013: B4; Pakkala T. Vaaralla*];
17. *tyhmä kuin pässi / aasi* ‘тупой, как баран / осел’ [Varga, Saarinen 2009: 413];
18. *uskollinen kuin koira* ‘верный, как пес / собака’ [Varga, Saarinen 2009: 421; Kihlman 1983: 160];
19. *vahva kuin härkä* ‘крепкий, как бык’ [Waltari 2009b: 53, 420];
20. *valkea kuin jänis* ‘белый, как заяц’ [Aho J. Juha*];
21. *varova / viisas / viekas kuin kettu* ‘осторожный / умный / хитрый, как лиса’ [Kivi 1961: 57] (ср. [SKS 1990: 459]);

22. *viaton kuin lammas* ‘безобидный, как овца’ [Kivi 1984:182; Ivalo S. Hellaassa];
23. *vikkelä kuin kärppä* ‘проворный / шустрый, как горноста́й’ [Varga, Saarinen 2009: 145, 257];
24. *voimakas kuin leijona* ‘сильный, как лев’ [Varga, Saarinen 2009: 162];
25. *väkevä kuin härkä* ‘сильный, как бык’ [Waltari 2009b: 393];
26. *voimakas / väkevä kuin karhu* ‘крепкий / сильный, как медведь’ [Kari 2003: 224; Varga, Saarinen 2009: 394; Kivi 1961: 57; Ivalo S. Juho Vesainen*; Pakkala T. Pikku ihmisiä*] (вариант-синоним – *kontio* ‘медведь’);
27. *äkäinen kuin kissa* ‘злой, как кошка’ [Aho J. Helsinkiin*].

Б.4. Коммуникативные зоосемические фразеологизмы финского языка

1. *Aika hiiren haukotella kun on pää kissan kidassa* ‘Время мыши зевать, когда голова в пасти кота’ [Kuusi 1990: 157; Canth M. Työmiehen vaimo*];
2. *Älä (Elä) usko, rakas sielu, että kissa lentää* ‘Не верь, дорогая душа, что кошки летают’ [Krikmann 2001: 63; Pakkala T. Tukkijoella*; Pakkala T. Lapsuuteni muistoja*];
3. *Ei härkä muista vasikkaansa olleensa* ‘Бык не помнит, что был тельцом’ [Willman-Eloranta 2007: 318];
4. *Ei haukkuva koira pure* ‘Лающая собака не кусает’ [Hakamies 1986: 269; Kari 2003: 71];
5. *Ei koira perään haukkuu* ‘Собака вслед не лает’ [Varga, Saarinen 2009: 117; Virkkunen 1981: 131];
6. *Ei kuulu hiiren hiiskausta* ‘Не слышно и мышиного писка’ [Varga, Saarinen 2009: 17; Lassila M. Tulitikkuja lainaamassa*; Wilkuna K. Kahdeksan kuukautta Shpalernajassa*];
7. *Ei ole koira karvoihin katsomista* ‘О собаке по шерсти не судят’ [Kari 2003: 71; Jansin K. Erkki ja Aino*];

8. *Ei pidä katsoa lahjahevosen suuhun / Ei lahjahevosen suuhun katsoa* ‘Дареному коню в зубы не смотрят’ [Varga, Saarinen 2009: 20];
9. *Ei se koira oravaa tuo, kun väisin metsään viedään* ‘Белку не приносит та собака, которую насильно ведут в лес’ [Kari 2003: 71; Canth M. Murtovarkaus; Roinilan talossa*; Canth M. Työmiehen vaimo*];
10. *Ei vanha koira istumaan opi / Ei vanha koira opi uusia temppuja* ‘Старая собака сидеть не учится / Старая собака не обучается новым трюкам’ [Virkkunen 1981: 370; Kari 2003: 71; Varga, Saarinen 2009: 22];
11. *Häntä heiluttaa koiraa* ‘Хвост виляет собакой’ [Varga, Saarinen 2009: 56];
12. *Hevoset karkaavat tallista* ‘Лошади рвутся из конюшни’ (о расстегнутой ширинке) [Там же: 158];
13. *Hevosetkin nauravat (sille)* ‘Даже лошади ржут’ [Kari 2003: 39];
14. *Ihminen on ihmiselle susi* ‘Человек человеку волк’ [Там же: 183];
15. *Itselleen porsas kiusaa tekee, kun purtilonsa kaataa* ‘Поросенок сам мучается, когда опрокидывает корыто’ [Varga, Saarinen 2009: 56];
16. *JKlla / jklle menee pupu /jänis housuihin / pöksyyn / pöksyihin* ‘кому-л. в брюки / штаны запрыгнул зайчик / заяц’ [Там же: 79; Alkio S. Puukkojunkkarit*];
17. *JKlla on norsun muisti* ‘У кого-л. слоновья память’ [Kari 2003: 121; Varga, Saarinen 2003: 223];
18. *Joka härillä ajaa, se häristä puhuu* ‘Кто едет на быке, тот о нем и говорит’ [SKS 1990: 511: 259; Varga, Saarinen 2009: 56];
19. *Jollakulla on oma lehmä ojassa / Oma lehmä ojassa* ‘(У кого-л.) Своя корова в канаве’ [Virkkunen 1981: 165];
20. *(Jtk. on / Jstak on jklla) vaikka lampaat söisi* ‘(Чего-л. у кого-л.) хоть овцам на съедение’ [Varga, Saarinen 2009: 158];
21. *(Jos et tee, niin sinut) Hukka perii* ‘(Если не сделаешь, тогда за тобой) погонится волк’ [Kari 2003: 39] = *Hukka perii jkn* ‘волк гонится за кем-либо’ [Varga, Saarinen 2009: 49];

22. *Kissa viekään!* ‘Черт! Все равно! Досада! (букв. ‘Кошка побери!’)’ [Kari 2003: 69; Varga, Saarinen 2009: 114; Canth M. Papin perhe; Hän on Sysmästä; Spiritistinen istunto (2);* Canth M. Sylvi; Kovan Onnen lapsia;* Canth M. Työmiehen vaimo;* Kiljander R. Mestarin nuuskarasia*]
23. *Kissan viikset!* ‘Усы кошачьи!’ (= ‘Черт!’) [Kari 2003: 69];
24. *Kissalla on yhdeksän henkeä* ‘У кошки девять жизней’ [Virkkunen 1981: 129; Lentävien lauseiden sanakirja 1982: 192; Kari 2003: 69; Varga, Saarinen 2009: 114];
25. *Koira haudattuna / (johonkin / jossakin) on koira haudattuna* ‘Где-то / в чем-то собака зарыта’ [Virkkunen 1981: 132].
26. *Koira haukkuu, tuuli kantaa* ‘Собака лает, ветер уносит’ [Kuusi 1985: 62];
27. *Koira on koira* ‘Собака есть собака’ [Aho J. Hellmannin herra; Esimerkin vuoksi*; Cant M. Agnes;* Linnankoski J. Kiroto*] = *Koiralla on koiran metkut* ‘У собаки собачьи уловки’ [Hakamies 2001: 1485];
28. *Koira viekään!* ‘Черт! (букв. ‘Пес побери!’)’ [Kivi 1950: 43];
29. *Koiralla on koiran kujeet* ‘У собаки собачьи проделки’ [Krikmann 2001: 17; Linnankoski J. Kiroto*];
30. *Koiralle on koiran kuolema!* ‘Собаке собачья смерть!’ [Aipin 1996:158];
31. *Koirathaukkuvat, karavaanikulkee* ‘Собаки лают, караван идет’ [Varga, Saarinen 2009: 117];
32. *Koirat kusee kengille* ‘Собаки писают на обувь’ [Varga, Saarinen 2009: 117];
33. *Kukas koiran hännän aidalle nostaa, jollei itse* ‘Кто поднимет хвост собаки на забор, если не она сама’ [Virkkunen 1981: 141; Kari 2003: 71];
34. *Kukas kissan hännän nostaa, jos ei / ellei kissa itse* ‘Кто поднимет хвост кошки, если не она сама’ [Varga, Saarinen 2009: 114];
35. *Kun kissa on poissa, hiiret hyppivät pöydällä* ‘Когда кошки нет, мыши прыгают на столе’ [Там же: 114];

36. *Kun kissasta tulee karhu, niin se röppä onkin* ‘Когда кошка превращается в медведя, она становится чудовищем’ / *Kun kissa karhuksi pääsee, niin siitä tulee helvetin eläin* ‘Когда кошка становится медведем, то из нее получается адское чудовище’ [Canth M. Lyhyitä kertomuksia*; Haltsonen 1929: 131-132; Kuusi 1990: 224];
37. *Kun menee sutta pakoon, karhu tulee vastaan* ‘Когда убежал от волка, медведь вышел навстречу’ [Varga, Saarinen 2009: 93];
38. *Kyllä routa porsaан kotiin ajaa* ‘Сильные морозы гонят поросенка домой’ [Там же: 4];
39. *Kyllä sika syitä keksii / löytää* ‘Свинья выдумывает / находит причины’ [Там же: 56];
40. *Mistä päästä lehmä poikkii* ‘Как телится корова’ [Virkkunen 1981: 275];
41. *Mitä kissa / koirakirkossatekee – pois sieltä koirakin ajetaan* ‘Что кошка/собака делает в церкви, собаку тоже гонят оттуда’ [Canth M. Murtovarkaus; Roinilan talossa*];
42. *Olkaa iloisia, ettei susi ole meitä pienenä syönyt* ‘Радуйтесь тому, что волк не съел нас маленькими’ [Virkkunen 1981: 325];
43. *Oma suu lähempänä kuin sian suu* ‘Свой рот ближе, чем пасть свиньи’ [Kari 2003: 183; Rintala 1990: 35];
44. *Omat koirat purevat* ‘Свои собаки кусают’ [Virkkunen 1981: 132; Kari 2003: 71; Varga, Saarinen 2009: 255];
45. *Puhu pukille!* ‘Рассказывай козлу!’ [Varga, Saarinen 2009: 17];
46. *Sanasta miestä, sarvesta härkää* ‘Человека – по словам, быка – по рогам’ [Varga, Saarinen 2009: 56; Ahrenberg J. Hihhuleita;* Canth M. Murtovarkaus; Roinilan talossa;* Canth M. Papin perhe; Hän on Sysmästä; Spiritistinen istunto;* Juva V. Maahengen salaisuus];
47. *Se koira älähtää, johon kalikka kalahtaa* ‘Та собака воет, которую палка бьет’ [SKS 1990: 511; Varga, Saarinen 2009: 350];
48. *Siitä jstak ei susikaan saa selvää* ‘Чего-либо и волк не поймет’ [Kari 2003: 183; Varga, Saarinen 2009: 60];

49. *Susi suorassa, lammas väärässä* ‘Волк – по прямой, овца – по кривой’ [Canth M. Sylvi; Kovan Onnen lapsia*];
50. *Söisi kissakin kaloja, vaan ei katsaisi kynsiään* ‘Кошка съела бы рыбы, но не сломала бы когти’ [Kari 2003: 70];
51. *(Vain) kissa kiitoksella elää!* ‘Только кошка живет за спасибо!’ [Varga, Saarinen 2009: 114];
52. *Verta tulee kun härän kurkusta* ‘Кровь течет, как из горла быка’ [Kari 2003: 43; Varga, Saarinen 2009: 433];
53. *Viekö kissa kielen?* ‘Кот унес язык?’ [Varga, Saarinen 2009: 105];
54. *Susi / Sika syö eväät* букв. ‘волк / свинья ест провизию (припасы)’ [Virkkunen 1981: 325; Kari 2003: 176, 178];
55. *Älä herätä / ärsyttä nukkuva karhua* ‘Не буди спящего медведя’ [Korpilinna 1963: 138; Kivi 1950: 283, 440].
56. *Millainen ampuja sellainen koiransa* ‘Каков стрелок, такова и собака’ [Kivi 1950: 73].

Приложение В (обязательное)

Результаты первого этапа ассоциативного эксперимента с носителями марийского языка

1) **алаша** ‘мерин’ (29 реакций) → *имне* ‘лошадь’ (12), *изи* ‘маленький’ (2), *кугу имне* ‘большая лошадь’ (2), *ош* ‘белый’ (2), *тале* ‘смелый’ (2), *др-др-др* звукоп. ‘др-др-др’, *ава имне* ‘кобыла, самка’, *бедствие* (на рус. яз.), *виян* ‘сильный’, *круг* (на рус. яз.), *кужу почан* ‘с длинным хвостом’, *ошо* ‘белый’, *пасу* ‘поле’, *пача* ‘ягненок’, *писе* ‘быстрый’, *поч* ‘хвост’, *талгыде* ‘стригунок’;

2) **вольык** ‘скотина / домашнее животное’ (67 ассоциаций) → *ушкал* ‘корова’ (8), *күтү* ‘стадо’ (6), *сарай* (на рус. яз.) (5), *вўта* ‘хлев’ (3), *шорык* ‘овца’ (2), *кугу* ‘большой’ (2), *сўсна* ‘свинья’ (2), *ушкал*, *шорык* ‘корова, овца’ (2), *вўта*, *олык* ‘хлев, луг’, *вўта*, *пастук*, *ферме* ‘хлев, пастух, ферма’, *вита* волж. ‘хлев’, *дикий* (на рус. яз.), *имне* ‘лошадь’, *ир*, *сут*, *шорык*, *каза*, *ушкал*, *имне*, *сўсна* ‘дикий, ненасытный, овца, коза, корова, лошадь, свинья’, *күтү*, *олык* ‘стадо, луг’, *күтү*, *олык*, *вўта* ‘стадо, луг, хлев’, *каза* ‘коза’, *каза*, *тага*, *шорык*, *ушкал*, *сўсна* ‘коза, баран, овца, корова, свинья’, *пасу* ‘поле’, *пуре* ‘волк’, *поч* ‘хвост’, *презе* ‘теленки’, *презе*, *ушкал*, *күтү* ‘теленки, корова, стадо’, *презе*, *ушкал*, *шорык*, *сўсна* ‘теленки, корова, овца, свинья’, *презе*, *ушкал*, *шорык*, *тага*, *сўсна* ‘теленки, корова, овца, баран, свинья’, *рога* (на рус. яз.), *сурт* ‘дом’, *сурт-пече* ‘хозяйство’, *тўкө* ‘рога’, *тага* ‘баран’, *ушкал*, *ўшыкыж*, *шорык*, *пача*, *тага*, *презе*, *сўсна* ‘корова, бык, овца, ягненок, баран, теленок, свинья’, *ушкал*, *каза*, *презе* ‘корова, коза, теленок’, *ушкал*, *презе*, *сўсна*, *тўкө*, *поч*, *меж*, *водар*, *шорык*, *тага*, *ўшыкыж*, *шөр* ‘корова, теленок, свинья, рог, хвост, шерсть, вымя, овца, баран, бык, молоко’, *ушкал*, *презе*, *шорык*, *каза*, *тага*, *туна* ‘корова, теленок, овца, коза, баран, телка’, *ушкал*, *презе*, *шорык*, *туна* ‘корова, теленок, телка’, *ушкал*, *сўсна* ‘корова, свинья’, *ушкал*, *шорык*, *имне*, *сўсна*, *вўта* ‘корова, овца, лошадь, свинья, хлев’, *ушкал*, *шорык*, *каза*, *чыве*, *лудо*, *комбо* ‘корова, овца, коза, курица, утка, гусь’, *ушкал*, *шорык*, *сўсна* ‘корова, овца, свинья’, *ушкал*, *шур* ‘корова, рога’, *шорык*, *ушкал*,

презе, сӱсна ‘овца, корова, теленок, свинья’, *шуко* ‘много’, *шуко тӱшка вольык* ‘большое количество домашних животных’, *шыл* ‘мясо’, *янлык, ушкал, ушкыж, пача* ‘животное, корова, бык, ягненок’;

3) **вӱльӧ** ‘кобыла’ (2 реакции) → *имне* ‘лошадь’ (2);

4) **имне** ‘лошадь’ (70 реакций) → *писе* ‘быстрый’ (8), *чома* ‘жеребенок’ (5), *пасу* ‘поле’ (4), *алаша* ‘мерин’ (3), *кӱрен* ‘коричневый’ (3), *поч* ‘хвост’ (3), *тер* ‘сани’ (3), *копыта* (на рус. яз.) (2), *виян* ‘сильный’ (2), *олык* ‘луг’ (2), *в яблоках* (на рус. яз.), *вольык, вӱльӧ* ‘скотина, кобыла’, *вӱта, омыта* ‘хлев, хомут’, *верблюд* (на рус. яз.), *грива* (на рус. яз.), *имне уӱмбалне кудалмаш* ‘езда верхом на лошади’, *иньо!* звукоп. ‘иньо!’, *йол* ‘ноги’, *кӱтӱ* ‘стадо’, *коричневый* (на рус. яз.), *куат, корно, поч* ‘сила, дорога, хвост’, *кугу имне* ‘большая лошадь’, *кудалаш* ‘ехать’, *кужу, моторлык* ‘длинный, красота’, *кужу йол, кужу мотор поч* ‘длинные ноги, длинный красивый хвост’, *ковыра, кужу поч* ‘красивый, длинный хвост’, *кужу почан* ‘с длинным хвостом’, *кужу почан ушан янлык* ‘животное длинным красивым хвостом’, *ожо* ‘жеребец’, *ошо* ‘белый’, *пеш писе* ‘очень быстрый’, *пони* (на рус. яз.), *поро шинча* ‘добрые глаза’, *сур* ‘серый’, *тӱрлӧ тӱс* ‘разный цвет’, *табун* (на рус. яз.), *таза, мотор* ‘здоровый, красивый’, *талгыде* ‘стригунок’, *тележке* ‘тележка’, *ушкал, ферме* ‘корова, ферма’, *уӱп* ‘волосы’, *шӧрмыч, орва* ‘узда, колесо’, *шем, поч* ‘черный, хвост’, *эн ушан янлык* ‘самое умное животное’, *южо енӱн имне гай воштылмыжо* ‘у некоторых людей смех, как у лошади’;

5) **каза** ‘коза’ (67 реакций) → *пача* ‘ягненок’ (6), *пондаш* ‘борода’ (4), *пондашан* ‘бородатый’ (2), *тӱкан* ‘рогатый’ (2), *шорык* ‘овца’ (2), *шӧр* ‘молоко’ (2), *шӱжӧр* волж. ‘молоко’ (2), *шудо* ‘трава’ (2), *шур* ‘рога’ (2), *ангыра, тупела* ‘глупый, дурной’, *айдемын койышыжо* ‘поведение человека’, *вӱта, шӧр* ‘хлев, молоко’, *водаран* ‘с выменем’, *вольык* ‘скотина’, *вольык, кӱтӱ* ‘скотина, стадо’, *вольык, пача* ‘скотина, ягненок’, *вольык, тӱкӧ, пондаш* ‘скотина, рога, борода’, *каза пондаш* ‘козья борода’, *козёл, баран, шӧр* ‘козел, баран, молоко’, *кужу пондаш* ‘длинная борода’, *меж, шӧр, пондаш, тӱкӧ* ‘шерсть, молоко, борода, рога’, *молоко* (на рус. яз.), *настырный* (на рус. яз.), *ош пондаш* ‘белая борода’, *ошо* ‘белый’, *ошо, изи, пондаш* ‘белый, маленький, борода’, *пача,*

ковышта йыран ‘ягненок, капустная грядка’, *пондаш, меж* ‘борода, шерсть’, *пондаш, ошо, кужу тўкө, изи водар, каза шөр, ужсар шудо* ‘борода, белый, длинные рога, маленькое вымя, козлиное молоко, зеленая трава’, *пондаш, тўкө, бородан* ‘борода, рога, с бородой’, *пондаш, тага* ‘борода, баран’, *пондаш, шөр, вўта* ‘борода, молоко, хлев’, *пондашан, кужу пуанан, изи тўкан* ‘бородатый, с длинной шерстью, маленькими рогами’, *прыгун* (на рус. яз.), *сурт вольык, шөр, ир, шуран, казаиге* ‘домашнее животное, молоко, дикий, рогатый, козленок’, *сурт вольык* ‘домашнее животное’, *тўнгишө* ‘застывший’, *тўкө* ‘рога’, *тўкө, меж, шөр* ‘рога, шерсть, молоко’, *тўкө, пондаш, тўрлө тўсан* ‘рога, борода, разноцветный’, *тўкан, пондаш* ‘рогатый, борода’, *тага* ‘баран’, *тага, вольык, янлык* ‘баран, скотина, зверь’, *тага, шорык* ‘баран, овца’, *туна* ‘телка’, *шөр* ‘молоко’, *шөр, пондаш, кўтү* ‘молоко, борода, стадо’, *шөр, тўкан* ‘молоко, рогатый’, *шөран, вредный* ‘молочный, вредный (на рус. яз.)’, *шөрым лўштымаш, ошо* ‘дойка молока, белый’, *шўжөрым пуа* волж. ‘дает молоко’, *шорык* ‘овца’;

б) *коля* ‘мышь’ (70 реакций) → *изи* ‘маленький’ (12), *рож* ‘нора’ (8), *изи, сур* ‘маленький, серый’ (4), *пырыс* ‘кошка’ (4), *поч* ‘хвост’ (4), *пөртйымал* ‘погреб’ (2), *иге* ‘детеныш’ (2), *крыса* ‘крыса’ (2), *айдеме лўм* ‘имя человека’, *изи, коля* ‘маленькая мышь’, *изи, коля, куголя* ‘маленькая мышь, крыса’, *изи, виян, сур, симпатичный* ‘маленький, сильный, серый, симпатичный (на рус. яз.)’, *изи, крыса* ‘маленькая крыса’, *изи, почан, серый* ‘с маленьким хвостом, серый’, *изи, рож* ‘маленький, дыра’, *изи, сур тўсан* ‘маленький, серого цвета’, *изи, сур, почан* ‘маленький, серый, с хвостом’, *изи, сур, пырыс деч лўдшиө* ‘маленький, серый, боящийся кошки’, *изи, сур, шеме* ‘маленький, серый, черный’, *йыгыжге* ‘противный’, *комак, пырыс* ‘крыса, кошка’, *крыса, изи, сур* ‘крыса (на рус. яз.), маленький, серый’, *кужу поч* ‘длинный хвост’, *лўдшиө* ‘пугливый’, *лўдшиө, изи, коля поч, сыр, изи нер, асфальт тўс, яд* (на рус. яз.), *коля рож, муно* ‘пугливый, маленький, мышиный хвост, сыр, маленький нос, цвет асфальта, яд, мышиная нора, яйцо’, *маче колям куча* волж. ‘кошка ловит мышей’, *ошо* ‘белый’, *паразит* (на рус. яз.), *тисе* ‘быстрый’, *поч, иге* ‘хвост, детеныш’, *пырыс, изи, сур* ‘кошка, маленький серый’, *рож, пырыс* ‘дырка, кошка’, *рож, зерна, пырыс* ‘дырка, зерно,

кошка', *рож*, *иге* 'дырка, детеныш', *серый*, *йошкар шинча* 'серый, красные глаза', *сур* 'серый', *сыр* 'сыр', *Толя* 'Толя', *чоялык*, *изи*, *ушан* 'хитрость, маленький, умный', *эн противный существа* 'самое противное существо';

7) **маска** 'медведь' (70 реакций) → *кугу* 'большой' (7), *вынем* 'берлога' (4), *таза* 'здоровый' (4), *вий* 'сила' (2), *вынем*, *чодыра* 'берлога, лес' (2), *йол* 'нога' (2), *куат* 'сила' (2), *мүй* 'мед' (2), *шеме* 'черный' (2), *виян* 'сильный', *вынем*, *энгыж*, *теле* 'берлога, малина, зима', *зверь* (на рус. яз.), *кидкопаже* 'его ладонь', *кожла*, *чодыра* 'ельник, лес', *коя* 'тучный', *коя*, *вынем* 'тучный, берлога', *куатан* 'сильный', *кугу копа* 'большая ладонь', *кугу янлык* 'большой зверь', *кугу*, *виян* 'большой, сильный', *кугу*, *виян*, *чодыра* 'большой, сильный, лес', *кугу*, *күрен* 'большой, коричневый', *кугу*, *коя* 'большой, тучный', *кугу*, *мощный* 'большой, мощный', *күрен*, *кугу (лапы)* 'коричневый, большой (лапы)', *кугу*, *патыр* 'большой, богатый', *кугу*, *патыр*, *виян*, *сур*, *шеме*, *ошо*, *поч* 'большой, силач, сильный, черный, белый, хвост', *кугу*, *таза*, *күрен*, *энгыж*, *вынем*, *мүй* 'большой, здоровый, коричневый, малина, берлога, мед', *кугу*, *таза*, *коя* 'большой, здоровый, нога', *кугу*, *тореш йол* 'большой, косолапый', *кугу*, *янлык*, *коя* 'большой, животное', *лүддымө*, *чодыран озаже* 'бесстрашный, хозяин леса', *лүдмашан янлык*, *кугу* 'устрашающий зверь, большой', *мужик*, *сильный айдеме* 'мужик (на рус. яз.), сильный человек', *пөлемыште* 'в комнате', *патыр*, *кугу капан*, *чодыра оза*, *сур*, *күжгө йүк*, *чодыра*, *энгыж*, *мүй* 'сильный, большого роста, хозяин леса, серый, с грубым голосом, лес, малина, мед', *пире* 'волк', *поч* 'хвост', *пушенге* 'дерево', *рвезе* 'парень', *таза*, *косолапый* (на рус. яз.), *вынем*, *мүй* 'здоровый, косолапый, берлога, мед', *тазалык* 'здоровье', *тале* 'смелый', *тале*, *кугу*, *виян* 'смелый, большой, сильный', *тореш чапа* 'косолапый', *чодыра* 'лес', *чодыра орол* 'хранитель леса', *чодыра*, *маска вынем*, *энгыж*, *мүй* 'лес, медвежья берлога, малина, мед', *чодыра*, *пыжаши* 'лес, гнездо', *шүргө* 'морда', *энгыж* 'малина', *янлык* 'зверь', *янлык*, *вынем*, *чодыра* 'животное, берлога, лес';

8) **меран** 'заяц' (69 реакций) → *лүдшө* 'боязливый' (8), *ошо* 'белый' (4), *пире* 'волк' (3), *теле* 'зима' (3), *поч* 'хвост' (3), *пылыш* 'уши' (3), *трус* (на рус. яз.) (3), *йол* 'ноги' (2), *кешыр* 'морковь' (2), *кужу пылыш* 'длинные уши' (2), *рвыж*

‘лиса’ (2), *ангыра* ‘глупый’, *изи, лүдшө, кўчык поч* ‘маленький, боязливый, короткохвостый’, *изи, писе* ‘маленький, быстрый’, *йытыра янлык* ‘миловидное животное’, *кўчык поч* ‘короткий хвост’, *кадыр почан, шенгел кужу йолан* ‘с кривым хвостом, с длинными задними ногами’, *кешыр, ковышта, шыл* ‘морковь, капуста, мясо’, *кок пылыш* ‘два уха’, *кудалаш, лүдшө* ‘боящийся бежать’, *кужу йол, кужу пылыш, ош тўсан, да шемалге*, ‘длинные ноги, длинные уши, белого и темного цветов’, *кужу пылыш, изи поч, тўриштылеш* ‘длинные уши, маленький хвост, прыгает’, *кужу пылыш, писе йол* ‘длинные уши, быстрые ноги’, *кужу пылышан янлык, ошо* ‘животное с длинными ушами, белый’, *лүдмаш* ‘страх’, *лүдшө, кужу пылышан, ошо, сур, тале, кешыр* ‘пугливый, с длинными ушами, белый, серый’, *лүдшө, сур, ош, чодыра, уш, косой* ‘пугливый, серый, белый, лес, ушанка, косой’, *ош ужга, кўчык поч* ‘белая шерсть, короткий хвост’, *ошо, писе* ‘белый, быстрый’, *ошо, пылыш* ‘белый, уши’, *ошо, сур* ‘белый, серый’, *ошо, шайык, кужу пылыш* ‘белый, косой, длинные уши’, *пеш писын ужеш* ‘очень быстро замечает’, *поч, изи* ‘хвост, маленький’, *пылыш, ошо, кўчык поч* ‘уши, белый, короткий хвост’, *пылыш, трус* ‘уши, трус’, *сур, лүдшө, ошо* ‘серый, пугливый, белый’, *тўриштыл коштеш* ‘прыгает’, *трус айдеме* ‘трусливый человек’, *трус, кужу пылыш, писе* ‘трус (на рус. яз.), длинные уши, быстрый’, *трус* (на рус. яз.), *мотор* ‘трус, красивый’, *ужга* ‘шуба, шерсть’, *шайык шинча* ‘косоглазый’, *янлык, коваште, шыл* ‘зверь, шкура, мясо’;

9) ***пача*** ‘ягненок’ (65 реакций) → *шорык* ‘овца’ (17), *изи* ‘маленький’ (10), *поч* ‘хвост’ (2), *тага* ‘баран’ (2) *шур* ‘рога / эскрименты’ (2), *каза* ‘коза’ (2), *кася волж.* ‘коза’ (2), *вўта* ‘хлев’, *иге* ‘детеныш’, *изи вольык* ‘маленькое домашнее животное’, *изи пача, кудыр межсан* ‘маленький ягненок, с кудрявой шерстью’, *изи, вийдыме* ‘ягненок’, *изи, кугу шорык почеш коштеш* ‘маленький, ходит за овцой постарше’, *изи, кудыр* ‘маленький, кудрявый’, *изи, ошо* ‘маленький, белый’, *изи, шўрым кочшо, ошо, сур але шеме, полтыш нер, поро шинча* ‘маленький, сосущий молоко, белый, серый или черный, с носом в пуговку, с добрыми глазами’, *изи, шем йылгыжше пунан* ‘маленький, с черной, блестящей шерстью’, *изи шорык, ошо, меж, тага, йол* ‘маленькая овца, белый, шерсть, баран, нога’, *коваште*

‘шкура’, *куан* ‘радость’, *кудыр* ‘кудрявый’, *лүдшө*, *беспомощный* (на рус. яз.) ‘боязливый, беспомощный’, *меж* ‘шерсть’, *меж*, *магыраш* ‘шерсть, бляеть’, *мотор изи вольык*, *ошо* ‘красивое, маленькое животное, белое’, *ныжсылгылык* ‘нежность’, *пинеге* ‘щенок’, *ребенок* (на рус. яз.), *төрштылеш*, *сур але шеме* ‘прыгает, серый или черный’, *тага*, *изи* ‘баран, маленький’, *шашлык* ‘шашлык’, *шорык*, *тага* ‘овца, баран’, *шорыкын пачаже*, *казан пачаже* ‘ягненок овцы, ягненок козы’, *шудо* ‘трава’;

10) *ний* ‘собака’ (67 реакций) → *осал* ‘злой’ (8), *орол* ‘охранник’ (6), *йолташ* ‘друг’ (4), *опта* ‘лает’ (2), *осал*, *орол* ‘злой, охранник’ (2), *пинеге* ‘щенок’ (2), *пырыс* ‘кошка’ (2), *айдемын йолташыже* ‘друг человека’, *айдемын йолташыже*, *пөрт оролышо* ‘друг человека, охранник дома’, *айдемын йолташыже*, *осал* ‘друг человека, злой’, *будка*, *осал*, *покта* ‘будка (на рус. яз.) гонится’, *будка*, *ошейник*, *чеп* ‘будка, ошейник (на рус. яз.) цепь’, *будка*, *чеп* ‘будка, цепь’, *изи* ‘маленький’, *изи*, *кугу* ‘маленький, большой’, *йолташ*, *поро*, *сурт орол* ‘друг, добрый, охранник дома’, *йылме* ‘язык’, *кочкыш* ‘еда’, *кугу* ‘большой’, *кугу*, *сур*, *поро шинча* ‘большой, серый, добрые глаза’, *мотор*, *онгай*, *симпатичный* ‘красивый, интересный, симпатичный (на рус. яз.)’, *оза* ‘хозяин’, *опта*, *осал* ‘лает, злой’, *опта*, *осал*, *лум нулташ йөратыше* ‘лает, злой, любит грызть кости’, *опташ* ‘лаять’, *оптышо*, *осал*, ‘лающий, злой’, *айдемым умылышо* ‘понимающий человека’, *кечыгут малыше* ‘спящий целыми днями’, *ош пунан* ‘с белой шерстью’, *пеш чаманыше шинчан* ‘с очень жалостными глазами’, *ораде* ‘глупый’, *осал янлык*, *но южгунамже сай*, *шеме* ‘злое животное, но иногда хорошее, черный’, *осал*, *осал енгым ок пурто*, *шеме*, *породистый* ‘злой, не пускает злых людей, черный, породистый’, *осал*, *верный*, *сай* ‘злой, верный, хороший’, *осал*, *ушан*, *преданный* ‘злой, умный, преданный’, *охранник* (на рус. яз.), *пөрт оза*, *осал* ‘хозяин дома, злой’, *поч* ‘хвост’, *пыжаш* ‘гнездо’, *пыжаш*, *пинеге*, *йолташ* ‘гнездо, щенок, друг’, *сурт* ‘дом’, *узо* ‘самец’, *ушан* ‘умный’, *ушкал* ‘корова’, *чеп* ‘цепь’, *эн сай друг* ‘самый лучший друг’, *янлык*, *йолташ*, *овчарка* ‘зверь, друг, овчарка’;

11) **пире** (65 реакций) → *осал* ‘злой’ (8), *чодыра* ‘лес’ (7), *сур* ‘серый’ (6), *шужышо* ‘голодный’ (4), *кугу* ‘большой’ (2), *осал, сур* ‘злой, серый’ (2), *сут* ‘ненасытный’ (2), *поч* ‘хвост’ (2), *янлык* ‘зверь’ (2), *вўр, пеш шучко янлык* ‘кровь, очень страшный зверь’, *волк* (на рус. яз.), *голодный* (на рус. яз.), *дикий айдеме* ‘дикий человек’, *злость* (на рус. яз.), *йомак* ‘сказка’, *ир янлык* ‘дикое животное’, *канга, сур, вўр* ‘худой, серый, кровь’, *клык* (на рус. яз.), *лўдыктен коштеи* ‘пугает’, *меран* ‘заяц’, *меран, чодыра* ‘заяц, лес’, *осал, вўта* ‘злой, хлев’, *осал, йўштõ* ‘злой, холодный’, *осал, йытыра, шыде* ‘злой, красивый, раздражительный’, *осал, пире ылыи* ‘злой, волчья жизнь’, *осал, чодыра, урмыжеи* ‘злой, лес, воет’, *осал, янлык* ‘злой, зверь’, *пўй* ‘зуб’, *шучко янлык, сур, ошо* ‘страшный зверь, серый, белый’, *поктылчо* волж. ‘гоняющийся’, *рывыж* ‘лиса’, *сур тўс, шужен коштишо, чодыра* ‘серый цвет, голодающий, лес’, *йомак-влак* ‘сказки’, *сур, мотор* ‘серый, красивый’, *сур, осал, чодыра, йўд, тылзе* ‘серый, злой, лес, ночь’, *сут янлык, чодыра* ‘ненасытное животное, лес’, *сут, шужышо* ‘ненасытный, голодный’, *урмыжеи* ‘воет’, *чодыра, сур* ‘лес, серый’, *икура* (на рус. яз.), *шучко, янлык, осал* ‘страшный, зверь, злой’, *эре шужышо, темдыме, сур, чодыраште ила* ‘всегда голодный, ненасытный, серый, живет в лесу’;

12) **презе** ‘теленки’ (66 реакций) → *ушкар* ‘корова’ (10), *ночко* ‘мокрый’ (6), *вольык* ‘скотина’ (4), *йшкыж* ‘бык’ (4), *вўта* ‘хлев’ (3), *изи* ‘маленький’ (2), *шудо* ‘трава’ (2), *туна* ‘телка’ (2), *вуй* ‘голова’ (2), *кужу поч* ‘длинный хвост’ (2), *ушкарлын игыже / ушкар иге* ‘детеныш коровы’ (2), *шочшо / шочын вочшо* ‘родившийся’ (2), ‘*ночко презе*’ *мыскылтыи* ‘насмешка «мокрый теленок»’, *ала-мом эре пурыштишо* ‘постоянно что-то жующий’, *вўта, изи, ола* ‘хлев, маленький, пестрый’, *вольык, ушкар* ‘скотина, корова’, *изи кап* ‘маленькое туловище’, *изи презе* ‘маленький теленок’, *изи презе, ушкар почеш коштишо, онгай* ‘маленький теленок, уплетающийся за коровой, интересный’, *изи, лўдшõ, коричневый* (на рус. яз.) ‘маленький, пугливый, коричневый’, *изи, ножко* ‘маленький, мокрый’, *кугу* ‘большой’, *кызыт шочшо* ‘родившийся сейчас’, *мотор* ‘красивый’, *ночко презе* ‘мокрый теленок’, *ночко, шочын вочшо* ‘мокрый, родившийся’, *окса* ‘деньги’, *ола* ‘пестрый’, *ошо* ‘белый’, *писе* ‘быстрый’, *самырык* ‘молодой’, *сарай* (на рус. яз.),

талын кудалыштше, олык, вўта, вўд, ужар шудо, ушкар шўр, изи поч ‘быстро бегающий, луг, хлев, вода, зеленая трава, коровье молоко, маленький хвост’, *ушкар презым ышта, почан* ‘корова рождает теленка, хвостатый’, *ушкар, вольык, вўта* ‘корова, скотина, хлев’, *шочын вочшо изи (ушкар) туна* ‘родившаяся маленькая (корова) телка’, *шочын вочшо, шудо* ‘родившийся, сено / трава’;

13) **пырыс** ‘кошка’ (69 реакций) → *коля* ‘мышь’ (7), *коя* ‘толстый’ (3), *шўр* ‘молоко’ (3), *иге* ‘детеныш’ (2), *йолагай* ‘лентяй’ (2), *ныжыл / ныжылге* ‘нежный’ (2), *пушистый* (на рус. яз.) (2), *пырысиге* ‘котоенок’ (2), *ару* ‘чистоплотный’, *Барсик, диван* ‘Барсик, диван’, *йўратыме вольыкем* ‘любимое домашнее животное’, *изи, коя* ‘маленький, толстый’, *його пырыс* ‘ленивая кошка’, *йолагай, пўрт* ‘лентяй, дом’, *конгамбал, шўр, ўмбал* ‘печка, молоко, сметана’, *коля, кочкыш, комака* волж. ‘мышь, еда, печь’, *коля, пўрт* ‘мышь, дом’, *кужу пунан, почан, канде шинчан* ‘с длинной шерстью, хвостом, синими глазами’, *ласка* ‘ласковый’, *ласка, пушкыдо, ковыра* волж. ‘ласковый, мягкий, красивый’, *мўнгысў вольык* ‘домашнее животное’, *малаш йўратыше* ‘любящий поспать’, *малыше* ‘спящий’, *мамык* ‘пушистый’, *маче, вольык* волж. ‘кошка, домашнее животное’, *маче, колям куча* волж. ‘кошка, ловит мышей’, *мотор* ‘красивый’, *мындыр* ‘безбедный’, *мяу* звукоп. ‘мяу’, *мяу-мяу* звукоп. ‘мяу-мяу’, *нер* ‘нос’, *кочкыш* ‘еда’, *пўрт* ‘дом’, *пий, коля* ‘собака, мышь’, *пушистый, мурлыкает* ‘мяу’ ‘пушистый, мурлыкает ‘мяу’’, *пушкыдо* ‘мягкий’, *пушкыдо пунан, шўрым йўаш йўратыше* ‘с мягкой шерстью, любит пить молоко’, *пушкыдо, мырлаш* ‘мягкий, мурлыкает’, *пырысиге, сур* ‘котенок, серый’, *сай, мотор* ‘хороший, красивый’, *усиян* ‘усатый’, *ўмбал* ‘сметана’, *чоя, коля, пий, малаш* ‘хитрый, мышь, собака, спать’, *чоя, коя* ‘хитрый, жирный’, *чоя, ошо, конга, шўр, лыжга* ‘хитрый, белый, печка, молоко, ласковый’, *чоя, сур, Дымок* (на рус. яз.) ‘хитрый, серый, Дымок’, *шўр, ўмбал* ‘молоко, сметана’, *шўрым йўрата* ‘любит молоко’, *шўрым йўратыше* ‘любящий молоко’, *шўрангыштше* ‘подлизывающийся’, *шеме, домашнее животное* (на рус. яз.) ‘черный, домашнее животное’, *шуко малыше* ‘много спящий’, *шыл* ‘мясо’, *эн чот йўратыме мўнгысў, пўртыштў ылыше янлык* ‘самое любимое животное, живущее дома’;

14) **ривыж** ‘лиса’ (69 реакций) → *чоя* ‘хитрый’ (35), *рыжий* (на рус. яз.) (2), *чоя, мотор* ‘хитрый, красивый’ (2), *чоялык* ‘хитрость’ (2), *вынем* ‘нора / яма’, *ёжик* (на рус. яз.), *коваште* ‘шкура’, *кужу поч* ‘длинный хвост’, *кужу поч, чоя* ‘длинный хвост, хитрый’, *меранг* ‘заяц’, *мотор* ‘красивый’, *поч, рыжий тўсан* ‘хвост, рыжего цвета’, *пушистый хвост* (на рус. яз.), *уши, поч, воротник* ‘шапка, хвост, воротник’, *ур* ‘белка’, *чодыра* ‘лес’, *чоя айдеме* ‘хитрый человек’, *чоя койышан* ‘хитрого характера’, *чоя янлык* ‘хитрое животное’, *чоя, мотор, чодыра* ‘хитрый, красивый, лес’, *чоя, нарынче, писе, чыве, нугыдо поч* ‘хитрый, желтый, быстрый, курица, густой хвост’, *чоя, рыжий, пушистый* (на рус. яз.) ‘хитрый, рыжий, пушистый’, *чоя, рыжий* (на рус. яз.), *чапле (пушистый) почан* ‘хитрый, рыжий, прекрасным (пушистым) хвостом’, *чоя, тул тўсан* ‘хитрый, огненного цвета’, *чоя, уши, шуба* (на рус. яз.) ‘хитрый, шапка, шуба’, *чоя, чодыра, кыша* ‘хитрый, лес, следы’, *чоя, чыве, кужу поч* ‘хитрый, курица, длинный хвост’, *чоя, янлык коваште* ‘хитрый, звериная шкура’, *чоя-влак нерген* ‘о хитрых’, *янлык* ‘зверь’, *янлык, нарынче* ‘зверь, желтый’, *янлык, чоя* ‘зверь, хитрый’;

15) **сўсна** ‘свинья’ (68 реакций) → *лавыран* ‘грязный’ (9), *шыл* ‘мясо’ (6), *лавыра* ‘грязь’ (6), *коя* ‘жир(ный)’ (4), *лавыра, коя* ‘грязь, жир’ (3), *коя, лавыран* ‘жирный, грязный’ (2), *лавыра, шыл* ‘грязь, мясо’ (2), *нер* ‘нос’ (2), *вита* волж. ‘хлев’ (2), *вўта, шыл* ‘хлев, мясо’ (2), *айдеме* ‘человек’, *айдемын чаткан кучен моштыдымыжо* ‘неаккуратность человека’, *вўта* ‘хлев’, *вольык* ‘скотина’, *иге* ‘детеныш’, *ир сўсна* ‘дикая свинья’, *ир, вўта, шыл* ‘дикий, хлев, мясо’, *ир, мўнгысў, вўта* ‘дикий, домашний, хлев’, *коя, лавыра, лапаш* ‘жир, грязь, месиво’, *коя, неле, вўта, шыл* ‘жирный, тяжелый, хлев, мясо’, *коя, розовый тўсан, лавырам йўратыше* ‘жирный, розового цвета, любящий грязь’, *коя, шыл, вўта* ‘жир, мясо, хлев’, *коя, шыл, шашлык* (на рус. яз.) ‘жир, мясо, шашлык’, *ўскырт* ‘упрямый’, *кугу* ‘большой’, *лавыра нерже* ‘грязный нос’, *лавыра, пучымыш, вўта* ‘грязный, каша, хлев’, *лавыран айдеме* ‘грязный человек’, *лавыран, кына* ‘грязный, бальзамин’, *лапаш* ‘месиво’, *логар* ‘глотка’, *нерже онгай, почио кадырген, коя* ‘забавный нос, хвост искривился’, *розовый* (на рус. яз.) (*алалге*) ‘розовый (алый)’, *розовый, пятачок* (на рус. яз.) ‘розовый, пятачок’, *сўснаиге* ‘поросенок’,

чодырасе, ир, кугу неран ‘лесной, дикий, с большим носом’, *чодырасе (ир) сӧсна, чот кочшо, пятачок* (на рус. яз.) ‘(дикая) лесная свинья, обирающаяся, пятачок’, *чыве* ‘курица’, *шыл, коя* ‘мясо, жир’;

16) *ушкал* ‘корова’ (69 ассоциаций) → *шӧр* ‘молоко’ (15), *вольык* ‘скотина’ (5), *шудо* ‘трава’ (3), *презе* ‘теленки’ (2), *ола, ола-вула* ‘пестрый, пятнистый’ (2), *кугу* ‘большой’ (2), *кӱтӱ* ‘стадо’ (2), *ӱшкыж* ‘бык’, *ӱшкыж, вӱта, шӧр* ‘бык, хлев, молоко’, *вӱта, шӧр, олык, тӱкӧ, кӱтӱ* ‘хлев, молоко, поле, рога, стадо’, *вӱта, шӧр, торык* ‘хлев, молоко, творог’, *водар ден тӱкӧ* ‘вымя и рога’, *вольык, тӱкыжӧ уло, шӧр, пастух* ‘скотина, (её) рога’, *вольык, шӧр, презе, ӱшкыж, вӱта, шудо, вӱд* ‘скотина, молоко, теленок, бык, хлев, трава, вода’, *кугу вольык* ‘большое домашнее животное’, *кугу нер* ‘большой нос’, *кугу, ломыжеш* ‘большой, мычит’, *кугу, ола, водаран* ‘большой, пестрый, с выменем’, *кугу, тӱжӧ, шеме* ‘стельный, черный’, *логар* ‘глотка’, *нелын коитшо* ‘тяжело передвигающийся’, *неуклюжий* (на рус. яз.), *неуклюжий айдеме* ‘неуклюжий человек’, *опкын* ‘алчный’, *навай* волж. ‘бабушка’, *почан, шӧрым пуа* ‘хвостатый, дает молоко’, *сола* ‘хлыст’, *тӱжӧ* ‘стельный’, *тӱжӧ, исыр* ‘стельная, яловая’, *тӱкан кугу вольык, почан, шӧрым пуа* ‘крупный рогатый скот, хвостатый, молоко дает’, *тӱкан шолдыра вольык* ‘рогатый, крупное животное’, *туна* ‘телка’, *шӧр, водар, тӱкӧ, кужу поч, ола-вула* ‘молоко, вымя, рога, длинный хвост, пятнистый’, *шӧр, кӱтӱ, вӱта* ‘молоко, стадо, хлев’, *шӧр, олык, вӱта* ‘молоко, луг, хлев’, *шӧр, презе* ‘молоко, теленок’, *шӧр, шудо* ‘молоко, трава’, *шӧр, шур* ‘молоко, рога’, *шӧран* ‘молочный’, *шӧрым пуышо* ‘дающий молоко’, *шӱжсер* волж. ‘молоко’, *шӱжсерым пуа* ‘дает молоко’, *шаньык* ‘вилы’, *шудо* ‘трава’, *эре ломыжеш, шыл* ‘постоянно мычит, мясо’;

17) *ӱшкыж* ‘бык’ (68 реакций) → *орышо, осал* ‘бешеный, злой’ (7), *тӱкӧ* ‘рога’ (5), *шеме* ‘черный’ (3), *вольык* ‘скотина’ (2), *вӱта, тӱкӧ* ‘хлев, рога’ (2), *кугу вуй* ‘большая голова’ (2), *пенгыде* ‘стойкий’ (2), *сырыше* ‘сердитый’ (2), *тале* ‘смелый’ (2), *тӱншӧ* ‘упрямый, оцепеневший’ (2), *шур* ‘рога’ (2), *ӧргедылаш* ‘бодаться’, *ӧргыдымӧ* ‘бодание’, *ӱскырт* ‘упрямый’, *йошкар шовыч* ‘красный платок’, *кугу* ‘большой’, *кугу вольык, осал, тӱкышӧ, пастух* ‘крупное животное,

злой, бодающийся’, *кугу тўкө* ‘большие рога’, *кугу, орышо, тўкан* ‘большой, бешеный, рогатый’, *кугу, осал, кудывече, вўта, пасу* ‘большой, злой, двор, хлев, поле’, *кугу, осал, шеме* ‘большой, злой, черный’, *кугу, тўкан, орышо* ‘большой, рогатый, бешеный’, *кугу, тўкан, шеме* ‘большой, рогатый, черный’, *лўдыктышө* ‘пугающий’, *мланде* ‘земля’, *мужской пол* (на рус. яз.), *музыкальный* (на рус. яз.), *Олег* (имя), *осал пешак* ‘злой очень’, *осал, кугу* ‘злой, большой’, *осал, ломыжеиш* ‘злой, мычит’, *пазар* ‘базар’, *пасу* ‘поле’, *писе, тўкө* ‘быстрый, рога’, *презе, вўта, шыл* ‘теленки, хлев, мясо’, *сдатлыме вольык* ‘сдаваемое животное’, *сурт вольык* ‘домашнее животное’, *таза* ‘здоровый’, *таза эрге* ‘здоровый парень’, *ушкар, вўта, тўкө* ‘корова, хлев, рога’, *ушкар, осал, кугу, таза, тўкө* ‘корова, злой, большой, рога’, *ушкарын игыже* ‘детеныш коровы’, *чапле* ‘славный’, *шудо* ‘трава’, *шур* ‘рога’, *шыл* ‘мясо’, *эрге* ‘парень / сын’, *өргыдымө* ‘не забоданный’;

18) **чома** ‘жеребенок’ (43 реакции) → *изи* ‘маленький’ (8), *имне* ‘лошадь’ (8), *изи имне* ‘маленькая лошадь’ (3), *иге* ‘детеныш’ (2), *имне, изи* ‘лошадь, маленький’ (2), *мотор* ‘миловидный’ (2), *аваж воктен коитшо* ‘находящийся рядом с матерью’, *аваж почеш коитшо* ‘ходящий за матерью’, *изи имне, тўриштылшан* ‘маленький, лошадь, прыгучий’, *изи ньога* ‘маленький ребенок’, *изи, имнын игыже* ‘маленький, детеныш лошади’, *изи, лўдишө, мотор* ‘маленький, пугливый, миловидный’, *изи, мотор* ‘маленький, миловидный’, *имне, вўта* ‘лошадь, хлев’, *имне, ферме* ‘лошадь, ферма’, *имнын игыже* ‘детеныш лошади’, *имнын йочаже* ‘ребенок лошади’, *имнын йочаже (игыже)* ‘ребенок лошади (детеныш)’, *имнын чома* ‘жеребенок лошади’, *имнын шочшыжө* ‘детеныш (букв. ‘ребенок, рожденный’)’, *йорга* ‘игривый’, *ожо* ‘жеребец’, *пасу, имне* ‘поле, лошадь’, *писе* ‘быстрый’;

19) **шорык** ‘овца’ (66 реакций) → *меж* ‘шерсть’ (11), *пача* ‘ягненок’ (5), *йол* ‘ноги’ (3), *кудыр* ‘кудрявый’ (3), *межан* ‘шерстистый’ (3), *тупой* (на рус. яз.) (3), *пача тага* ‘ягненок мужского пола (букв. ‘ягненок-баран’)’ (2), *ангыра* ‘глупый’, *ангыра вольык* ‘глупое животное’, *вўта* ‘хлев’, *вўта, пача* ‘хлев, ягненок’, *вольык, межан* ‘домашнее животное, с шерстью’, *вольык, пача, вўта* ‘домашнее животное, ягненок, хлев’, *дурак* (на рус. яз.), *тупой* (на рус. яз.),

йолагай ‘ленивый’, *күтү* ‘стадо’, *күтүчө* ‘пастух’, *каза* ‘коза’, *кудыр межан* ‘с кудрявой шерстью’, *меж, ошо* ‘шерсть, белый’, *меж, ныл йолан* ‘шерсть, четырехногий’, *меж, шудо, олык, түкө* ‘шерсть, трава, луг, рога’, *межан, ангыра шорык* ‘шерстистый, глупая овца’, *онай, писе, шудо* ‘забавный, быстрый, трава’, *окмак* ‘глупый’, *ораде шорык* ‘глупая овца’, *ошо, кудыр* ‘белый, кудрявый’, *пача* ‘ягненок’, *пача, вүта, меж* ‘ягненок, хлев, шерсть’, *покташ* ‘гнать’, *поч* ‘хвост’, *сарай* (на рус. яз.), *сурт вольык, межан* ‘домашнее животное, шерстистый’, *түшка, күтү* ‘сборище, стадо’, *тага* ‘баран’, *тумна айдеме* ‘глупый человек’, *шелше* ‘щель’, *шерсть* (на рус. яз.), *шонго, меж, пижерге* ‘старый, шерсть, варежки’, *шорык* ‘овца’, *шудо* ‘трава’, *шыгыр вер* ‘тесное место’, *шыл* ‘мясо’;

20) *янлык* ‘зверь’ (65 реакций) → *чодыра* ‘лес’ (19), *вольык* ‘домашнее животное’ (4), *ур* ‘дикий’ (2), *ур* ‘белка’ (2), *шуко* ‘много’ (2), *айдеме* ‘человек’, *виян писе, талгыде* ‘сильный, быстрый, стригунок’, *врема* ‘время’, *дикий айдеме* ‘дикий человек’, *дикий, домашний* (на рус. яз.), *ур янлык* ‘дикое животное’, *ур, сут* ‘дикий, ненасытный’, *лудо* ‘утка’, *маска* ‘медведь’ *маска, рывыж* ‘медведь, лиса’, *меранг, рывыж, пире* ‘заяц, лиса, волк’, *меранг, рывыж, ур, маска* ‘заяц, лиса, белка’, *мотор* ‘красивый’, *нунын деч посна ок лий* ‘нельзя без них’, *ныл йолан* ‘четырёхногий’, *Пасет, ур* ‘Пасет, дикий’, *пий* ‘собака’, *пире* ‘волк’, *пире, маска* ‘волк, медведь’, *пире, меранг, ур, маска* ‘волк, заяц, белка, медведь’, *пире, рывыж, маска* ‘волк, лиса, медведь’, *пире, рывыж, меранг, чодыра* ‘волк, лиса, заяц, лес’, *пире, ур, маска* ‘волк, белка, медведь’, *пире, ур, рывыж* ‘волк, белка, лиса’, *сут* ‘ненасытный’, *ур, кайыккомбо* ‘белка, дикий гусь’, *ур, пире, рывыж* ‘белка, волк, лиса’, *ур, пире, рывыж, шордо, маска* ‘белка, волк, лиса, лось, медведь’, *ур, шоншо* ‘белка, ёж’, *чодыра, емыж* ‘лес, плоды’, *чодыра, пасу, осал, шужышо, чоя* ‘лес, поле, злой, голодный, хитрый’, *чодыра, пушенге, емыж* ‘лес, дерево, плоды’, *чодыра, чоя* ‘лес, хитрый’, *чодыраште ылыше* ‘живущий в лесу’, *шордо* ‘лось’, *шордо, шоншо, ур, рывыж, пире, меранг, маска* ‘лось, ёж, белка, лиса, волк, заяц’.

**Приложение Г
(обязательное)**

**Результаты второго этапа ассоциативного эксперимента с носителями
марийского языка**

1) **ава пий** ‘собака / пес’ (36 реакций) → *опта* ‘лает’ (2), *пий* ‘собака’ (2), *ўдырамаиш* ‘женщина’ (2), *аралыше* ‘оберегающий’, *верность* (на рус. яз.), *вольык* ‘скотиа’, *гуляен коитшио* ‘гуляющий’, *иган* ‘с детенышами’, *изменяет* (на рус. яз.), *йорга* ‘кокетливый’, *йорга ўдыр* ‘кокетливая девушка’, *йыгылтеиш* ‘бранит’, *коитшио айдеме* ‘гуляющий человек’, *куржсталаиш* ‘бегать’, *кычалше* ‘ищущий’, *омарта* ‘пень’, *осал* ‘злой’, *ошо*, *кужу пунан*, *пинеге* ‘белый щенок с длинной шерстью’, *ошо* ‘белый’, *пинеге* ‘щенок’, *пинеге-влак* ‘щенята’, *поро* ‘добрый’, *пукша* ‘кормит’, *путана* (на рус. яз.), *пыльга* ‘любезничать’, *узо пий* ‘кобель’, *ўдырамаиш шуко пӧрӧенгым йӧрата* ‘женщина, любящая многих мужчин’, *чондымо* ‘безддушный’, *шала ўдырамаиш* ‘распутная женщина’, *Шарик* (на рус. яз.), *шуко пӧрӧен-влакым йӧрата* ‘любит многих мужчин’, *янлык* ‘зверь’, *яришка* бран. ‘голодранец’;

2) **имне ўмбац кычалаиш** ‘искать, сидя на лошади’ (37 реакций) → *пеле-пуле кычалаиш* ‘искать так себе’ (4), *сайын огыл кычалаиш* ‘искать плохо’ (2), *шўкшыын кычалаиш* ‘искать плохо’ (2), *ок му* ‘не находит’ (2), *пеле-пуле ыштаиш* ‘делать так себе’ (2), *шўкшўн кычалаиш* ‘искать плохо’ (2), *айда лийже* ‘так себе’, *ен вач ыштыше*, *ен шенгелне коитшио* ‘делающий за счет людей, остающийся за спинами людей’, *йолагай*, *куштылго корным кычалеиш* ‘лентяй, ищет легких путей’, *кўлын огыл кычалаиш* ‘не искать, как следует’, *кўшыч ончаиш*, *кычалаиш* ‘смотреть сверху, искать’, *кунам шот дене от кычал* ‘когда толково не ищешь’, *куштылго корным кычалаиш* ‘искать легких путей’, *куштылгын илаиш* ‘жить легко’, *мастер* (на рус. яз.), *муаиш огыл* ‘не находить’, *невнимательный* (на рус. яз.), *пашам сайын от ыште* ‘хорошо не работаешь’, *сайын кычалаиш огыл*, *кунам мо кўлмыжым муын огеиш керт* ‘не искать хорошо; когда не может найти, что надо’, *сайын огыл* ‘нехорошо’, *сайынрак кычалаиш* ‘искать лучше’, *тўткын кычалаиш*

огыл/түткын огыл кычалаш ‘искать невнимательно’, *шот дене огыл кычалаш* ‘искать бестолково’, *иктаж-мом шүкшиын кычалаш* ‘плохо искать что-либо’, *күлеш семын огеш кычал*, *кунам айда-лийже кычалат*, *вийым пыштыде* ‘ищет не как надо; когда ищешь так себе, не прикладывая усилий’, *кычалаш так себе*, *сайын огыл* ‘искать так себе, плохо’, *нимом палыде кычалаш* ‘искать, ничего не зная’, *сайын огыл*, *шүкшүн кычалаш* букв. ‘искать нехорошо, плохо’, *үмбач кычалаш* ‘искать поверхностно’, *шүкшүн пашам ышта* ‘плохо работает’;

3) ***капкаймал пий*** ‘дворняжка, шавка’ (34 реакции) → *трус* (на рус. яз.) (5), *безобразник* (на рус. яз.) (2), *мөнгыштө кийыше* ‘домосед’ (2), *лүдшө* ‘трусливый’ (2), *вурседылаш йөратыше* ‘любитель ругаться’, *вурседылаш йөратыше айдеме нерген ойлалтеш* ‘говорят о человеке, склонном ругаться’, *изи* ‘маленький’, *кажныжым осал шомак дене шүрдаш* ‘ругать каждого злыми словами’, *капка йымач кычкырен кийыше трус* ‘трус, выкрикивающий из-под ворот’, *капка йымач онча* ‘смотрит из-под ворот’, *кудышто кийыше айдеме* волж. ‘домосед’, *кушто гын пеш тале*, а *кунам гын*, *шып гына* ‘местами очень смелый, а временами лишь молчун’, *лекдегече кияш* волж. ‘сидит безвылазно’, *лүдшө айдеме / лүдшө ен* ‘трусливый человек’, *лүдшө айдеме*, *кудыштыжо веле герой*, а *вес верлаште лүдшө* волж. ‘трусливый человек, только дома герой, а в других местах трусливый’, *осал* ‘злой’, *туманлыше ен* ‘ругающийся человек’, *үчаша* ‘спорит’, *шенгеч мыскыла*, а *шүргыш ок ойло* ‘за спиной оскорбляет, а в лицо не говорит’, *шотлыдымо айдеме* ‘неуважительный’, *оролен кийыше* ‘охраняющий’, *пөрт деч умбак ок кай* ‘не идет дальше дома’, *семын эре туманлаш* ‘сам по себе бранится’, *урла* ‘громко бранит’, *эре туманла* ‘постоянно ругается’;

4) ***Кок мерангым поктет гын, иктыжымат от кучо*** ‘За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь’ (40 реакций) → *паша* ‘работа’ (4), *лүдшө* ‘боязливый / трусливый’ (4), *кужу пылыш* ‘длинные уши’ (2), *кок пашам ышташ* ‘делать два дела’ (2), *нимат огеш / ок логал* ‘ничего не попадетс’ (2), *ен* ‘человек’, *жадный* (рус. яз.), *изи поч* ‘маленький хвост’, *изи* ‘маленький’, *ик үдырым поктет гын, иктыжат ок код* ‘если погонишься за двумя зайцами, ни

одного не поймашь’, *иктыж дене веле лий* ‘будь только с одной / одним’, *иктымат поктылаш ок кўл* ‘не надо ни за кем гнаться’, *кок паша* ‘две работы’, *кок пашам иканаште тўнгалат* ‘начинаешь два дела одновременно’, *кок пашам иканаште ышташ ок лий* ‘нельзя делать два дела одновременно’, *кок пашам иканаште ышташ ок лий* ‘нельзя выполнять два дела одновременно’, *кок пашам ышташ, бабник* ‘выполнять два дела, бабник’, *кок пашам ышет гын* ‘если выполняешь два дела’, *кок пашам ышет гын, иктыжымат шот дене от пытаре* ‘если будешь выполнять два дела, ни одного не завершишь’, *кок пашам ыштыман огыл* ‘нельзя делать два дела’, *кок пашам ышет гын, иктыжымт ыштен от керт* ‘если будешь делать два дела одновременно, ни одного не сможешь сделать’, *коктым иктаж-мом кучет, нигудыжымат от кучо* ‘ловишь чего-то два, ни одного не поймашь’, *коктышт почеш поктылат, иктыжат ок логал* ‘гонишься за двумя, ни один / одна не попадется’, *лўдыкташ* ‘пугать’, *лўям* ‘стрелять’, *от кучо* ‘не поймашь’, *ошо, сур, кужу пылышан* ‘белый, серый, с длинными ушами’, *пашам* ‘работа’, *сонарзе* ‘охота’, *шуко пашаш тижаш ок кўл* ‘не надо братья за много дел’, *эн тўн пашам сайын ыштыман, а изиш-изиш кажне пашаште огыл* ‘нужно хорошо выполнять основное дело, а не помаленьку каждую работу’;

5) ***Колышо ушкар эре шўран*** ‘Павшая корова всегда молочная’ (32 реакции) → *водар* ‘вымя’ (3), *шўр* ‘молоко’ (3), *сай* ‘хороший’(2), *тўкў* ‘рога’ (2), *вўта* ‘хлев’, *вўташте* ‘в хлеву’, *йомдарыме* ‘потерянное’, *колымеке веле шотлаш* ‘ценить только после смерти’, *колышо ен эре сай* ‘умерший человек всегда добрый’, *колышо-шамычым йўратат* ‘испытывают любовь к умершим’, *корем* ‘овраг’, *кугу, ола, шеме* ‘большой, пестрый, черный’, *оксан* ‘денежный’, *ола-вула* ‘черно-белый’, *ошо* ‘белый’, *поро* ‘добрый’, *почан, шуран* ‘с хвостом, рогами’, *презе* ‘теленки’, *сай айдеме* ‘хороший человек’, *тўкан* ‘рогатый’, *чылалан ѳпкельмаш* ‘раскаиваться во всем’, *шкенжыным эре мокта* ‘хвалится своим’, *ыле, эртен кайымеке* ‘было, когда прошло, ыштыдыме паша ‘несделанная работа’, *эре сай* ‘всегда хороший’, *эртыше* ‘прошлое’;

б) *коля рожыши пурен каяши* ‘провалиться в мышиную нору’ (44 реакции) → *вожылаши* ‘стесняться, стыдиться’ (11), *изи* ‘маленький’ (6), *нигуши пурен каяши* ‘некуда деться’ (3), *шылаши* ‘прятаться’ (3), *вожылмаши* ‘стеснение’ (2), *изи гына вер* ‘совсем маленькое место’, *изи поч* ‘маленький хвост’, *йомаши* ‘пропасть’, *йомаши, почым ончыкташи* ‘пропасть, показать хвост’, *йошкаргаши* ‘краснеть’, *кеч куш йомаши* ‘куда деться’, *коля* ‘мышь’, *куш йомаши от пале* ‘не знает, где скрыться’, *куш пурен каяши, от пале* ‘не знает, куда деться’, *лүдеш да вожылеши* ‘боится и стесняется’, *мелкий (невзрачный)* (на рус. яз.), *намыслык* ‘позор, стыд’, *намысыши пура* ‘опозориться’, *ом пале, мом ышташи* ‘не знаю, что делать’, *поч* ‘хвост’, *сур* ‘серый’, *хоть-кушко пурен каяши* ‘хоть-куда деться’, *шем-сур, изи, лавыран* ‘бело-серый, маленький, грязный’, *шылаши йөрата* ‘любит прятаться’;

7) *кыдач пижше мерангай лияши* ‘быть как заяц, застрявший посередине’ (8 реакций) → *шкежлан ұшаныдыме ен* ‘человек, не верящий в себя’, *заноза* (на рус. яз.), *кыдач* – ? ‘кыдач – ?’, *пеш чот лүдеш* ‘очень сильно боится’, *почеш коштишо* ‘ходить вслед’, *чыла деке пижедылеши* ‘ко всем пристаёт’, *трус* (на рус. яз.), *лүддымө* ‘бесстрашный’;

8) *лүдшө меран гай лияши* ‘быть как боязливый заяц’ (50 реакций) → *трус* (на рус. яз.) (12), *лүдшө ен* ‘боязливый/трусливый человек’ (8), *лүдшө* ‘боязливый / трусливый’ (5), *чыла дечат лүдаш* ‘всега боятсья’ (4), *лүдын коштишо айдеме* ‘боящийся человек’ (2), *лүдеш* ‘боится’ (2), *иктаж-мо деч чот лүдаш* ‘очень сильно чего-то боятсья’, *кудо айдеме лүдеш, тудым тыге маныт* ‘так говорят о человеке, который боится’, *лүдаш* ‘боятсья’, *лүдшө еным ‘лүдшө меран’ маныт* ‘о боязливом человеке говорят ‘трусливый заяц’’, *лүдшө, чытырыше айдеме* ‘боящийся, дрожащий человек’, *тыгай айдеме, кудо пеш лүдеш; игылтын каласыме годым кучылталтеши* ‘такой человек, который сильно боится; используется при высмеивании’, *лүдшө меран гай улат кучылтыт* ‘(используют) ты – трусливый, как заяц’, *лүдшө айдеме* ‘боязливый человек’, *лүдшө меран гай улат ма* ‘ты – трусливый, как заяц’, *лүдшө янлык* ‘боязливое животное’, *мөнгыштө кийыше* ‘домосед’, *осал деч эре шылмаши* ‘постоянные прятки’, *пеш*

чот лүдшö нерген тыге кутырат ‘так говорят об очень боязливом человеке’, *пеш чот чыла деч лүдшö* ‘очень сильно всего боящийся’, *пеш чот чыла деч лүдшö* ‘очень сильно всего пугающийся’, *чот лүдшö айдеме нерген* ‘о сильно боязливом человеке’, *чыла деч лүдеш* ‘всего боится’, *ыштен кертдыме* ‘неспособный, обездвиженный’;

9) **маска лук** ‘медвежий угол’ (31 реакций) → *палыдыме вер* (2), *тора вер* ‘далекое место’ (2), *иктаж-могай отдаленный ял але вер* ‘какая-нибудь отдаленная деревня или место’, *мутлан, вер пеш чот умбалне шинча* ‘например, место находится очень далеко’, *пеш көргö вер* ‘очень скрытое (глубокое) место’, *пеш тора вер* ‘очень дальнее место’, *пычкемыш, палыдыме вер* ‘темное, незнакомое место’, *умбалне* ‘далеко’, *цивилизаций уке* ‘нет цивилизации’, *чот умбал* ‘очень далеко’, *шагал чонан* букв. ‘душ мало’, *шыгыр лук (места)* ‘тесный угол (место)’, *шып, калык шагал коштмо вер* ‘тихое, немногочисленное место’, *ала-кушто палыдыме вер* ‘где-то незнакомое место’, *ала-кушто умбалне верланыше, нецивилизованный вер* ‘нецивилизованное место, находящееся где-то далеко’, *вор, осал ен* ‘вор, злой человек’, *вынемышке пурен каен* ‘провалился в яму’, *глушь* (на рус. яз.), *маска чеснок* ‘медвежий чеснок’, *нигö ок иле тушто* ‘там никто не живет’, *нимоат уке* ‘ничего нет’, *нимогай цивилизаций* ‘никакой цивилизации’, *пеш умбалне, мўндыр верым тыге маныт* ‘так говорят об очень далеком, отдаленном месте’, *тора ял* ‘далекая деревня’, *торасе вер* ‘далекое место’, *умбал, палыдыме вер* ‘отдаленное, незнакомое место’, *уютный пöрт* ‘уютный дом’, *чеснок* (на рус. яз., заим.), *чодыра көргыштö илаш* ‘жить в лесу’;

10) **Маска үдырым налеш** ‘медведь женится’ (31 реакция) → *йүр йүреш* ‘идет дождь’ (14), *кече онча, йүр йүреш* ‘светит солнце, идет дождь’ (2), *йүр* ‘дождь’, *йүр йүреш гын* ‘если идет дождь’, *йүр йүреш, кече онча* ‘идет дождь, светит солнце’, *йүр йүреш, лум лумеш* ‘идет дождь, идет снег’, *йүр толеш* ‘собирается дождь’, *йүреш* ‘идет дождь’, *кече ончымо годым йүр йүреш гын* ‘если идет дождь, когда светит солнце’, *кечан игечыште йүр йүреш* ‘в солнечную погоду идет дождь’, *кугу ен изи үдырым налеш* ‘большой человек женится на маленькой девушке’, *лийдыме* ‘невозможное’, *лум лумеш, йүр йүреш* ‘идет снег,

идет дождь’, *несовместимость* (на рус. яз.), *поян айдеме үдырым налеш* ‘богатый человек женится’, *сүан* ‘свадьба’, *сүаным ышта* ‘делает свадьбу’;

11) *меж кочио шорык* ‘овца, поедающая шерсть’ (18 реакций) → *хитрый* (на рус. яз.) (2), *бестолковый* (на рус. яз.), *жадный* (на рус. яз.), *йыгыжге айдеме* ‘противный человек’, *лүддымө* ‘бесстрашный, смелый’, *лийын кертдыме койыш-шоктыш* ‘небывалое поведение’, *межнеч; избалованный* (на рус. яз.) ‘самый младший из детей; избалованный’, *эгоист* (на рус. яз.), *айдеме дене кечкузе сайын коят гынат, тудо шенгечет эре вурса, тупыш шүведа* ‘сколько с человеком хорошо не обращайся, он все равно за тобой ругает, плюет в спину’, *вүрым йүшө* ‘кровопийца’, *енгым пагалыдыме айдеме* ‘человек, не уважающий других’, *кок түран күзө гай; икте дене сай коеш гын, весыланат келиши төча* ‘нож с двумя лезвиями; если с одним хорошо ведет себя, то и пытается и другому понравиться’, *осал* ‘злой’, *пешкыде* ‘скупой’, *сырыктыше енгым ойлат* ‘говорят о раздражающем человеке’, *шкаланже верч тыршыше* ‘старающийся ради себя’;

12) *ночко презе* ‘мокрый теленок’ (40 реакций) → *начар* ‘худой, слабый’ (3), *самырык* ‘молодой’ (3), *межнеч* ‘неженка, баловень, младший ребенок в семье’ (3), *маминкин сынок* (на рус. яз.) (2), *ача-аван межнечышт, кудыжо нимом шкегыч ыштен ок мошто, тыгайым утыж дене чамат, йөратат, кажне йодмыжым шукташ ямде улыт* ‘родительский баловень, который не умеет ничего самостоятельно делать, такого слишком жалеют, любят, выполняют каждую прихоть’, *герой огыл* *рвезе* ‘«не герой»-парень’, *ава пелен коштеш, ен польиш деч посна нимат ыштен ок керт* ‘ходит с матерью, ничего не может сделать без помощи других’, *але пеш изи* ‘еще очень маленький’, *але ужар, опыт деч посна* ‘еще зеленый, без опыта’, *изи, нолнер* ‘маленький, сопляк’, *изирак ийготан айдеме* ‘человек молодого возраста’, *лүдеш* ‘боится’, *слабый айдеме* ‘слабый человек’, *нөрөн пытен* ‘весь промок’, *например, изи йоча урем гыч модын пурен шошым да нөрөн пытен, тудым ночко презе маныт* ‘например, маленький ребенок, наигравшись и промокнув, зашел с улицы, его называют мокрым теленком’, *несамостоятельный* (на рус. яз.), *нимом ыштен кертыме* ‘неспособный ничего сделать’, *ньога* ‘малыш’, *нюмырий* ‘нерасторопный’, *ужар*

вуй букв. 'зеленая голова; молодой', *ўнғышö ең нерген* 'о тихоне', *ўдыр-влак* 'девушки', *чот нöраш, пытартымш шүртö марте* 'сильно промокнуть до нитки', *чот нöрен* 'сильно промок', *шортшо ең* 'плачущий человек', *шортын кийыше* '(долго) плачущий', *шотдымо* 'не плачущий', *шотдымо, шукыж годым нöръен* 'бестолковый, чаще всего мужчина', *шотым муын моштыдымо айдеме* 'человек, не умеющий находить возможности', *шочшо икшыве* 'новорожденный ребенок', *эңерыше* 'ноющий', *эре шортшо айдеме (чүчкыдын)* 'постоянно плачущий человек (часто)', *эркын ыштыше айдеме* 'медлительный человек', *ябеда* (на рус. яз.);

13) *Ош пий кочшыжо, шем пийлан йолаже* 'Съевший – белый пес, а вина вменяется черному' (14 реакций) → *ваш-ваш йолам кышкыме годым* 'когда вменяют друг другу вину', *ик айдеме ышта, йолаже весылан лиеш* 'один человек делает, а вину перекладывать на другого', *ик гана осалым ышта, вес ганат тыйымак шонаш тўнгалыт* 'сделает зло один раз, и в следующий раз тебя винить будут', *ик ең ике титакшым весылан ондален кусарен кертеш* 'какой-то человек обманом перекладывает свою вину на другого', *икте ўчымы ышта, весылан йолам ыштат* 'один вредит, обвиняют другого', *икте кочкеш, весылан йолаже* 'один съедает, а вина другому', *икте осалым ышта гынат, весым титаклен кертыт* 'даже если один причинит зло, могут обвинить другого', *икте титакан гын, весым чыкат* 'один виновен, упрекают другого', *иктыже пеш сай, а весыже осал* 'один очень хороший, а другой злой', *иктыже ышта, весе логалеш / иктыже ышта, весылан логалеш* 'один делает, другому попадается', *ильшыште чыным муаш йöсö* 'в жизни трудно найти правду', *медвежья услуга* (на рус. яз.), *паша ыштышыжлан шагалрак логалеш, чем озажлан* 'работающему попадается меньше, чем хозяину', *титакым вес еңлан кудалташ* 'переложить вину на другого';

14) *узо пий* 'кобель' (42 реакции) → *бабник* (на рус. яз.) (3), *кобель* (на рус. яз.) (3), *гуляен коитшо ең* 'гуляющий человек' (3), *гулайыше нöръен* 'гуляющий мужчина' (2), *гуляяш йöратыше* 'любитель погулять' (2), *ушдымо, шуко ўдырамашым йöрата* 'безумный, любит многих женщин' (2), *шуко ўдыр ден*

келша ‘встречается со с большим количеством девушек’ (2), *ўдырамаш-влакым йӧратыше пӧрӧен* ‘мужчина, любящий женщин’, *ўдыр-влакым ваишталтылаш йӧратыше рвезе* ‘парень, склонный менять девушек’, *ўдыр-влакым йӧратыше пӧрӧен* ‘мужчина, любящий девушек’, *ўдыр-влакым утыж дене йӧратыше рвезе* ‘парень, слишком сильно любящий девушек’, *ўдыр-шамыч почеш коштеш* ‘ходит за женщинами’, *ўдырым поктылаш* ‘гоняться за девушкой’, *ватыж улмо вачын, вес ўдырамаш дек коштеш* ‘встречается с другой женщиной при наличии жены’, *вес ўдырымпоктылио* ‘волочиться за другой девушкой’, *гуляен коштио ен* ‘гуляющий человек’, *гуляен коштио пӧрӧен* ‘гуляющий мужчина’, *йоргаланен коштио ен, яжар* ‘флиртующий человек, распутный’, *мутлан, рвезе ик ўдырым йӧратен огеш мошто, икте, весе дек куржталеш* ‘например, парень не умеет любить одну девушку, бегает за одной, другой’, *пӧрӧен коштеш шуко ўдырамаш дене* ‘мужчина встречается со многими женщинами’, *перныл коштио, гуляен коштио* ‘слоняющийся, гуляющий’, *пеш йорга, чыла ўдыр почеш куржталше рвезе нерген ойлымо годым кучылталтеш* ‘кокетливый, используется, когда говорят о парне, гонящемся за всеми девушками подряд’, *пеш тале, весела, йорга* ‘очень смелый, веселый, жеманный’, *пинеге-влакын ачаит* ‘отец щенков’, *Тиде рвезым узо пий маньт. Вес вате але ўдыр ден келша гын, гуляя гын, кучылталтеш* ‘Так парня называют кобелем. Используется, если он встречается с другой женщиной или девушкой’, *узо* ‘самец’, *чот йӧраташ* ‘сильно любить’, *шотдымо, ик семын илен моштыдымо айдеме* ‘бестолковый, не умеющий жить однообразно’, *шуко ўдырамаш ден коштио рвезе* ‘парень, встречающийся со многими женщинами’, *шуко ўдырамашым йӧрата* ‘любит многих женщин’, *шуко ўдырамашым йӧратыше мужик* ‘мужик, любящий многих женщин’, *яжар рвезе* ‘распутный парень’;

15) *пий гай нояш* ‘устать, как собака’ (56 реакций) → *чот нояш* ‘сильно устать’ (16), *чот ярнаш* ‘сильно измотаться’ (6), *чот пашам ышташ* ‘сильно работать’ (4), *чот шуко пашам ышташ* ‘очень много работать’ (3), *пашам ыштен нояш* ‘устать, поработав’ (3), *ярнаш* ‘измотаться’ (3), *пеш чот нояш* ‘очень сильно устать’ (2), *пеш чот ярнаш, нояш* ‘очень сильно измотаться, устать’ (2), *пашам*

чот ышташ ‘сильно работать’ (2), *почеш пий* волж. ‘шестерка’ (букв. ‘пес, ходящий следом за кем-л.’) (2), *иктаж-мом ыштымеке, чот нояш* ‘сильно устать, сделав что-то’, *кечыгут кыртмен пашам ышташ* ‘целый день напряженно работать’, *очень уставший (чот нойышо ен)* ‘очень уставший (очень уставший человек)’, *пашам шуко ышташ* ‘много работать’, *пашам шуко ышташ* ‘много работать’, *пашам ышташ* ‘работать’, *пашам ыштен да ноен* ‘работал и устал’, *пашам ыштыдыме айдеме* ‘не работавший человек’, *пеш чот ярнен, неле пашам ыштен пытарымек тыге ойлат* ‘очень сильно измотался, так говорят, когда завершают трудное дело’, *пеш чот ярнет, пеш чот ярнаш* ‘сильно изнемочь, очень сильно изнемочь’, *пеш шуко пашам ышташ* ‘очень много работать’, *умшам луктын сакаш, пий гай нояш* ‘высунуть язык, устать, как собака’, *чот нойымо годым* ‘во время сильной усталости’, *чот нояш, кунам шуко пашам ыштен да ноет* ‘сильно устать, когда сильно работаешь и устаешь’, *чот нояш, ярнаш* ‘сильно устать, изнемочь’, *чот пашам ышташ да нояш* ‘сильно работать’, *чот ышташ* букв. ‘сильно делать’, *чот ыштен* букв. ‘сильно делал’, *чот ярныше* ‘сильно измотавшийся’, *чот ярнен, чот пашам ыштен ярнаш* ‘сильно измотался, изнемочь, сильно поработав’, *чот, пеш чот нояш, ярнаш* ‘сильно, очень сильно измотаться’, *шорташ* ‘плакать’, *шуко кошташ, куржсталаш* ‘много ходить, бегать’, *ярнымаш* ‘изнеможение’;

16) *пий ден пырысла илаш* ‘жить, как кошка с собакой’ (50 реакций) → *вурседылаш* ‘ругаться’ (8), *вурседылын илаш* ‘жить, ругаясь’ (8), *эре вурседыл илаш* ‘жить, постоянно ссорясь (3)’, *ваш сырен илаш / вашла сырен илаш* ‘жить, ссорясь друг с другом’ (2), *кучедал илаш* ‘жить, дерясь’ (2), *эре вурседылаш* ‘постоянно ругаться’ (2), *эре вурседыл да кучедал илаш* ‘жить, постоянно ругаясь и дерясь’ (2), *вате ден марий кокласе кыл* ‘отношения между мужем и женой’, *келшен огыт иле* ‘живут, не ладя’, *кредалын, вурседылын илаш / кучедал-вурседыл илаш / вурседыл, кучедал илаш* ‘жить, дерясь, ругаясь’, *пырля илаш кўлеш* ‘нужно жить в согласии’, *сырен, вурседыл илаш* ‘жить, злясь, ругаясь’, *туманлен илаш, вате ден марий коклаште тыгай шомак лектеш* ‘жить, скандаля, такая ссора возникает между мужем и женой’, *тумаште илаш* ‘жить в скандалах’, *эре*

вурседыл, вашла сырен илаш ‘жить, постоянно ссорясь, злясь друг на друга’, *эре вурседылаш, сыраш* ‘постоянно ругаться, злиться’, *пырля илен шотым муаш ок лий* ‘невозможно ужиться’, *ик шонымашыи шуаш ок лий* ‘невозможно прийти к единому мнению’, *вурседылмаш* ‘ссора’, *икте-весе коклаште каргашен илаш* ‘жить, бранясь друг с другом’, *кучедалын, вурсен илаш* ‘жить, дерясь, ругая’, *пырля келешен илаш* ‘жить в ладу’, *сырен* ‘разозлившись’, *сырен илаш* ‘жить, злясь’, *сырен, вурседыл илаш еш илышыште* ‘жить в семье, злясь, ругаясь’, *сырен, икте-весым умылыдегыч илаш* ‘жить злясь, не понимая друг друга’, *тумарлен илаш* диал. ‘жить, бранясь’, *эре вурседылаш, ваш келшымаш деч посна илаш* ‘жить, постоянно ругаясь, без взаимной дружбы’;

17) *пырыла урмыжааш* ‘волком выть’ (40 реакций) → *шорташ* (7), *чот шорташ* (4), *кычкырааш* ‘орать’ (3), *вурседылаш* ‘ругаться’ (2), *кара* (2), (*кычкыркалаш*) *чот ойгырааш* ‘(покрикивать) сильно горевать’, *йёсланааш* ‘страдать’, *йынгысен, шуйдарен, витарен* ‘стонать, протяжно, пронзительно’, *лүдыктыл ойлымаш* ‘распугивание’, *онгарааш, ваштареш вурседылаш* ‘передразнивать, браниться в ответ’, *чот кычкырааш* ‘сильно кричать’, *чот неле* ‘очень тяжело’, *чот ойгырааш* ‘сильно горевать’, *чот шортмаш* ‘сильный плач’, *икет лиеш* ‘бывает один’, *кочмо шукта* ‘хочется кушать’, *мутлан, мурен от мошто гын* ‘например, если не умеешь петь’, *нимом ышташ, сомылет нимогай уке гын* ‘если нечего делать, если нет никаких дел’, *ныть* (на рус. яз.), *ойгырааш* ‘горевать’, *пий пырыла урмыжеш маныт* ‘говорят, собака воеет, как волк’, *пире шортеш* ‘волк плачет’, *чон вургыж ойгырааш* ‘тревожно горевать’, *шортеш* ‘плачет’, *шот деч посна мураш* ‘бестолково петь’, *эре вурседылаш* ‘постоянно ругаться’, *эре пенгыж кошташ* ‘постоянно ходить и ныть’;

18) *сöсна кўташ ок йöрö* ‘не годен свиней пасти’ (41 реакция) → *нимолан йöрдымö* ‘ни на что не годный’ (8), *нимоланат ок йöрö* ‘ни на что не годен’ (6), *пашам ышташ ок йöрö* ‘не годен работать’ (5), *бестолочь* (на рус. яз.) (2), *йöрдымö* ‘негодный’ (2), *пашам ыштен моштыдымо* ‘не умеющий выполнять работу’ (2), *шотдымо* ‘бестолковый’ (2), *ўскырт айдеме дене нимат ышташ огеш лий* ‘с упрямым человеком ничего не поделаешь’, *ўшандыме*

ен ‘безнадежный человек’, *йёрдымө ен* ‘негодный человек’, *күтен ок мошто ушкал күтүм* ‘не умеет пасти стадо коров’, *нимат ыштен ок мошто* ‘не умеет ничего делать’, *нимогай пашам шот дене ыштен ок мошто* ‘никакую работу не умеет выполнять с толком’, *нимогай пашам ыштен моштышо* ‘не умеющий выполнять никакой работы’, *нимолан йёрдымө айдеме* ‘ни на что не годный человек’, *нимолан йёрдымө, ик пашаланат шотшо уке* ‘ни на что не годный, нет толка ни для одной работы’, *нимоланат огеи йөрө, күлдымө айдеме* ‘ни на что не годен, ненужный человек’, *нимоланат ок йөрө, нимом ыштен ок мошто* ‘ни на что не годен, не умеет ничего делать’, *пырысиге ден модаш вел йөра* ‘годен только с котенком играть’, *хилый, неумелый (нимат ыштен ок мошто)* ‘хилый, неумелый (не умеет ничего делать)’, *шотшо уке* ‘нет толка’;

19) *ушкал шинча* ‘коровьи глаза’ (27 реакций) → *кугу шинча* ‘большие глаза’ (9), *кугу* ‘большой’ (4), *чыла ужеш* ‘все видит’ (2), *кугу шинчан* ‘с большими глазами’ (2), *айдеме шинча* ‘глаза человека’, *кареглазая* (на рус. яз.), *ковыра, кугу шинчан айдеме* волж. ‘человек с красивыми большими глазами’, *кугу шинчан да шинчапунан* ‘с большими глазами и ресницами’, *кужу шинчапун* ‘длинные ресницы’, *мотор чурийвылышан* ‘с красивой внешностью’, *сокыр* ‘слепой’, *теныз* ‘море’, *шүкшүн онча* ‘плохо видит’, *шинча* ‘глаза’;

20) *чоя рывыж* ‘хитрый лис’ (45 реакций) → *чоя айдеме* ‘хитрый человек’ (4), *чоя* ‘хитрый’ (4), *пеш чоя* ‘очень хитрый’ (3), *хитрый* (на рус. яз.) (3), *чоя ен* ‘хитрый человек’ (2), *жулик* (на рус. яз.), *иктаж йөнүм шканже эре муэи* ‘всегда находит для себя пользу’, *ондала* ‘обманывает’, *ондалаш йөратыше* ‘склонный к обману’, *пеш хитрый* ‘очень хитрый’, *пеш чоя айдеме / пеш чоя ен* ‘очень хитрый человек’ (2), *чот чоя* ‘очень хитрый’, *чот чоя айдеме* ‘очень хитрый человек’, *чот чояланен моштышо айдеме* ‘человек, хорошо умеющий хитрить’, *чоя ен, енлан койын моштышо* ‘хитрый человек, умеющий производить впечатление’, *чыла вер гыч корным муын моштышо* ‘умеющий везде найти пути выхода’, *чыла годымат күлеш йөнүм муын мошта* ‘всегда умеет находить нужные возможности’, *эре ондала, чоялана* ‘всегда обманывает, хитрит’, *эре ондалыше* ‘всегда обманывающий’, *енгым ондала* ‘обманывает людей’, *иктаж-мом*

ондала ‘лжет о чем-нибудь’, *ондалаш йӧрата* ‘любит обманывать’, *пеш чоя*, *ондалаш йӧратыше* ‘очень хитрый, склонный к обману’, *пеш чоя*, *эре ондален лектеш* ‘очень хитрый, всегда может обмануть’, *утыж ден чоя* ‘слишком хитрый’, *хитрый (льстец)* (на рус. яз.), *чоя айдеме*, *подлиза* ‘хитрый человек, подлиза (на рус. яз.)’, *чоя айдемым тыге маныт* ‘так называют хитрого человека’, *чоя ег*, *ондалыше* ‘хитры человек, обманщик’, *чоя*, *пеш хитрый* ‘хитрый, очень хитрый’, *чояланыше айдеме* ‘лукавый человек’, *чыла пашам ышташ шонен*, *жуликланен ышташ* ‘жульничать, желая выполнить всю работу’, *шонымыжым шукташлан*, *ондаленат кертеш* ‘может и обмануть для того, чтобы достичь желаемого’;

21) ***шорык коваштым чияш*** ‘надеть овечью шкуру’ (38 реакций) → *ондалаш* ‘обманывать’ (4), *хитрый* (на рус. яз.) (3), *чытыраш* ‘дрожать’ (3), *вес семын кояш* ‘выглядеть по-другому’ (2), *лӱдаш* ‘бояться’ (2), *шылаш* ‘прятаться’ (2), *вес образым ончыкташ* ‘показывать другой образ’, (*вес*) *ондалчык койышан лияш* ‘иметь (другой) обманчивый характер’, *вес егын образым налаш* ‘принять образ другого человека’, *вес егын палыжым шкалан налаш* ‘принять черты другого человека’, *вести за нос* (на рус. яз.), *вожылаш* ‘сстесняться’, *ег шенгек шылаш* ‘прятаться за людьми’, *койышым сайыш ваиталташ* ‘изменить характер в лучшую сторону’, *кок тӱран айдеме* ‘двойственный человек’, *лӱдын* ‘испугавшись/испугался’, *меж* ‘шерсть’, *предатель* (на рус. яз.), *сайла кояш* ‘прикидываться хорошим’, *сайын койын моштышо айдеме* ‘человек, умеющий прикидываться хорошим’, *ужга* ‘шуба’, *чот чияш* ‘сильно одеваться’, *чоялана* ‘хитрит’, *чын тӱсым шылтен*, *сайла кояш* ‘прикидываться хорошим, скрыв истинную сущность’, *шке (ӱмбалне) шижын ончаш* ‘почувствовать на себе’, *шкем шонаш* ‘думать о себе’, *шокшырак чияш* ‘одеваться теплее’, *шорык меж гыч вургемым чияш* ‘надевать одежду из овечьей шерсти’;

22) ***шорык кӱтӱ*** ‘стадо овец’ (41 реакция) → *ангыра* ‘глупый’ (3), *ангыра-шамыч* ‘глупые’ (2), *11 класс* (на рус. яз.) (2), *ушдымо-шамыч* ‘безумные’ (2), *ангыра тӱшка* ‘свора глупцов’, *шук* ‘много’ (2), *бестолковый-шамыч* ‘бестолковые’, *вуйдымо-влак*; *огыт шоно*, *а пашалан тижыт* ‘безмозглые; не

думают, а берутся за дело’, *ен-влакым лўмдаш тыге лиеш, кунам иктын шўдымыж почеш чылан кўтў семын каят* ‘можно так назвать людей, когда они идут, как стадо по зову одного’, *колыштдымо* ‘непослушный’, *колыштдымо кўтў* ‘непослушное стадо’, *кугу тўшка калык, чот шургышо* ‘большая толпа народа, очень шумная’, *куш колтат, туш каят, ике мнениет уке* ‘куда пошлют, туда идут, нет своего мнения’, *лўшкаш* ‘галдеть’, *лўшкышö ен-влак* ‘шумные люди’, *нимо шот уке* ‘нет никакого толка’, *нимом умылыде* ‘ничего не понимая’, *орышо* ‘разъяренный’, *пеш шукын иквереш коштмо годым* ‘когда ходят большой толпой’, *толпа придурков* (на рус. яз.), *тупой-влак* ‘тупые’, *шуко айдеме* ‘много людей’, *шуко ен дене тугела да мўнгешла кошташ* ‘ходить туда-сюда со многими людьми’, *шукын улыт* ‘их много’, *иктеш ангырген, шот деч посна кошташ* ‘без толку, ошалев, ходить вместе’, *колыштдымо айдеме-влак* ‘непослушные люди’, *мутланн, калык-влак, кудо нимом огыт шоно, тышке-тушко куржталыт* ‘например, люди, которые ни о чем не думают, бегают туда-сюда’, *нигöмат ок колыштеп* волж. ‘никого не слушаются’, *орен шинчат* ‘дурачатся’, *ушдымо ен-влак нерген* ‘о безумных людях’, *футбол* (на рус. яз.), *шорык кўтў гай коштыт, шукын* ‘ходят гурьбой, как стадо овец’, *шорыкла кошташ* ‘бродить, как овцы’, *эре перныл кошташ* ‘постоянно ходить, слоняться’.

**Приложение Д.
(обязательное)**

**Результаты первого этапа ассоциативного эксперимента с носителями
финского языка**

1) **hevonen** ‘лошадь’ (49 реакций) → *ratsastus* ‘верховая езда’ (7), *kaviot* ‘копыта’ (4), *ratsu* ‘конь’ (3), *heppa* ‘лошадка’ (2), *hirnua* ‘ржать (2)’, *laukka* ‘галоп’ (2), *ratsastaminen* ‘езда верхом’ (2), *satula* ‘седло’ (2), *hammas* ‘зуб’, *harja* ‘грива’, *hirnahtaa* ‘ржать’, *jalka* ‘нога’, *kaunis* ‘красивый’, *laukkaa* ‘галоп’, *laukkaaminen* ‘скачка галопом’, *laukkaava* ‘скачущий галопом’, *makkara* ‘колбаса’, *meetvursti* ‘копченая колбаса’, *pelto* ‘поле’, *ratsastaa* ‘ехать верхом’, *ratsastaja* ‘наездник’, *ratsu* ‘конь’, *ravi* ‘рысь (бег)’, *ruskea* ‘коричневый’, *suuri* ‘большой’, *syökuin hevonen* ‘кушать, как лошадь’, *turpa* ‘морда’, *tyttöystävä* ‘подруга’, *uljas* ‘доблестный, отважный’, *uljas, luotettava* ‘отважный, надежный’, *varaous* ‘свобода’, *veto* ‘тяга’, *voimisteluteline* ‘гимнастический снаряд’;

2) **hiiri** ‘мышь’ (49 реакций) → *juusto* ‘сыр’ (8), *pieni* ‘маленький’ (7), *harmaa* ‘серый’ (5), *hiirenloukku* ‘мышеловка’ (2), *koe* ‘эксперимент’ (2), *ujo* ‘застенчивый’ (2), *ullakko* разг. ‘чердак’ (2), *vikkelä* ‘быстрый’ (2), *hiljainen* ‘тихий’, *hiljainen hlö* ‘тихий человек’, *iik!* звукоп. ‘и-ик!’, *kipitys* ‘постукивание’, *kissa* ‘кошка’, *kolo* ‘ямка’, *maaseutu* ‘край, местность’, *maatila* ‘имение, поместье’, *näpertää* ‘мастерить’, *ongelmallinen* ‘проблемный’, *pelokkuus* ‘боязливость’, *pikkuinen* ‘крошечный’, *rotta* ‘крыса’, *söpö* ‘хорошенький’, *tehtävä* ‘задача’, *tietokonehiiri* ‘компьютерная мышь’, *tuhkimossa esiintyy* ‘появляется в Золушке’, *viikset* ‘усы’, *vinetti* ‘чердак’;

3) **hirvi** ‘лось’ (45 реакции) → *sarvet* ‘рога’ (12), *kolari* ‘авария’ (7), *metsä* ‘лес’ (6), *iso* ‘большой’ (2), *Suomi* ‘Финляндия’ (2), *keitto* ‘суп’, *kunnioitus* ‘почтение’, *laiska* ‘ленивый’, *metsänvaltiias* ‘хозяин леса’, *metsästyys* ‘охота’, *onnettomuus* ‘несчастный случай’, *paisti* ‘жаркое’, *riista* ‘дичь’, *saalis* ‘добыча’, *sarvi* ‘рог’, *sarvipää* ‘рогатое животное’, *sulavaliikkeinen* ‘изящный’, *suuri ja säyseä* ‘большой и смирный’, *täytyy olla valpaana autoillessa* ‘нужно быть бдительным’

при езде на автомобиле’, *uljas* ‘доблестный, отважный’, *valtava eläin* ‘огромное животное’;

4) ***härkä*** ‘бык’ (48 реакций) → *punainen* ‘красный’ (6), *härkätaistelu* ‘бойбыков’ (6), *vahva* ‘сильный’ (6), *sarvet* ‘рога’ (5), *voimakas* ‘сильный’ (4), *taistelu* ‘бой’ (3), *Espanja* ‘Испания’, *härö* сленг. ‘странный’, *itsepäinen hlö* ‘упрямый человек’, *juhla* ‘праздник’, *kyntäminen* ‘пахота’, *lihakset* ‘мышцы’, *nenärengas* ‘носовое кольцо’, *ottaa häntä sarvista* ‘взять его зарога’, *pihvi* ‘бифштекс’, *punainen liina* ‘красный платок’, *päämäärätietoinen* ‘целенаправленный’, *ruskea* ‘коричневый’, *sisukas* ‘упорный, стойкий’, *sonni* ‘бык’, *uljas* ‘доблестный, отважный’, *vihainen* ‘злой’, *vihaisuus* ‘злость’, *voima* ‘сила’;

5) ***jänis*** ‘заяц’ (49 реакций) → *korvat* ‘уши’ (8), *nopea* ‘быстрый’ (8), *piru* ‘зайчик’ (5), *porkkana* ‘морковь’ (4), *hyppivä* ‘скачущий’ (2), *metsä* ‘лес’ (2), *potppii* ‘скачет’ (2), *rusakko* ‘русак’ (2), *tupsu* ‘кисточка’ (2), ”*istui maassa, torkkuen...*” ‘стоял на земле, дремля...’, *hampaat* ‘зубы’, *jänishousu* ‘заячья душа’ (‘заячьи штанишки’), *karkea ramppi* ‘грубая дубина’, *karvainen* ‘волосатый’, *kilpikonna* ‘черепаха’, *käpälä* ‘лапа’, *loikka / lokkaa* ‘прыжок’, *loikkia* ‘прыгать, скакать’, *loikkia* ‘прыгать, скакать’, *lumi* ‘снег’, *pumpuli* ‘вата, хлопок’, *valkoinen* ‘белый’;

6) ***karhu*** ‘медведь’ (46 реакций) → *iso* ‘большой’ (7), *metsä* ‘лес’ (4), *otso* ‘косолапый’ (4), *olut* ‘пиво’ (3), *suuri* ‘большой’ (3), *hunaja* ‘мёд’ (2), *karvainen* ‘волосатый’ (2), *mesikämmen* ‘Топтыгин’ (букв. ‘медовая ладонь’) (2), *nukkuva* ‘спящий’ (2), *vahva* ‘крепкий’ (2), ”*metsän valtias*”, *metän kuningas* ‘«хозяин леса», король леса’, *Ähtäri* ‘Эхтяри (город в Северо-Западной Финляндии)’, *arvaamaton* ‘непредвиденный’, *koski* ‘порог, водопад’, *kynnet* ‘когти’, *rannu* ‘сковорода’, *pelottava* ‘пугающий’, *ruskea* ‘коричневый’, *ruskea turkki* ‘коричневый мех’, *talvienet* ‘зимняя спячка’, *tappaa* ‘убивать’, *turkki* ‘шуба’, *valtava* ‘огромный, колоссальный’, *valtava* ‘огромный’, *Venäjä* ‘Россия’;

7) ***kettu*** ‘лиса’ (50 реакций) → *ovela* ‘хитрый’ (10), *viekas* ‘хитрый’ (10), *oranssi* ‘оранжевый’ (5), *Ylvis* ‘Юлвис’ (4), *nopea* ‘быстрый’ (2), *arka* ‘боязливый’,

arkuus ‘боязливость’, *arvaamaton* ‘непредвиденный’, *häkki* ‘клетка, решетка’, *häntä* ‘хвост’, *laulava* ‘поющий’, *lipevä* ‘пронырливый’, *maantie* ‘шоссе’, *metsä* ‘лес’, *ovela kettu* ‘хитрая лиса’, *pihlajanmarja* ‘рябиновые ягоды’, *punainen* ‘красный’, *punainen, valkoinen hännänpäähä* ‘красно-белый кончик хвоста’, *Repolainen* ‘Патрикеевна’ (< *repo* ‘лиса’), *syrjäänvetäytyvä* ‘нелюдимый’, *turkis* ‘мех’, *turkki* ‘шуба’, *viisas* ‘умный’, *vittu* эвф. ‘блин’;

8) *kissa* ‘кошка’ (49 реакций) → *vieakas* ‘хитрый’ (6), *miau* звукоп. ‘мяу’ (4), *pehmeä* ‘мягкий’ (3), *kehräys* ‘мурлыканье’ (2), *kolli* ‘кот’ (2), *lemmikki* ‘любимец’ (2), *notkea* ‘гибкий, эластичный’ (2), *allergia* ‘аллергия’, *hiekkä* ‘песок’, *häntä* ‘хвост’, *karva* ‘волос, шерсть’, *katti* ‘кошка’, *kehräys* ‘мурлыканье’, *kehrää* ‘мурлыкать’, *ketterä* ‘юркий, прыткий’, *kissanpäivät, viettää kissanpäiviä* ‘проводить (время) кошачьи дни’ *koira* ‘собака’, *laiska* ‘ленивый’, *lankakerä* ‘клубок ниток’, *maito* ‘молоко’, *maukua* ‘мяукать’, *musta* ‘черный’, *mustavalkoinen* ‘черно-белый’, *naukuu* ‘мяукает’, *Nikki* ‘Никки’, *nopealiikkeinen* ‘быстродвигающийся’, *omatahtoinen* ‘своевольный’, *ovela* ‘хитрый, ловкий’, *pentu* ‘щенок’, *pörrönen turkki* ‘взъерошенная шерсть’, *sulava liike* ‘мягкое движение’, *syleiltävä* ‘обнимающий’, *tassu* разг. ‘лапа’, *tyhmä* ‘глупый’, *viikset* ‘усы’;

9) *koira* ‘собака’ (49 реакции) → *lemmikki* ‘любимец’ (6), *ystävä* ‘друг’ (6), *uskollinen* ‘верный’ (5), *haukkua* ‘лаять’ (2), *haukkuu* ‘лает’ (2), *hauva* ‘лающий’ (2), *kissa* ‘кошка’ (2), *luotettava* ‘преданный’ (2), *eläin* ‘животное’, *elämäkumppani* ‘компания по жизни’, *hau* звукоп. ‘хау (= рус. гав)’, *haukku* ‘лай’, *haukkuminen* ‘лай’, *häntä* ‘хвост’, *karvainen* ‘волосатый’, *kaularanta* ‘ошейник’, *kieli* ‘язык’, *koirankoppi* ‘собачья конура’, *leikkisä* ‘игривый’, *luotto ystävä* разг. ‘надежный друг’, *luu* ‘кость’, *läähättävä* ‘тяжело дышащий’, *odottavainen* ‘ждущий’, *rakkaus* ‘любовь’, *Semmi* ‘Семми’, *talonpihapiiri* ‘дворовый участок’, *talutushihna* ‘поводок’, *tottelevainen* ‘послушный’, *uskollisuus* ‘верность’, *ärhäkkä* ‘злой, сварливый’;

10) *kärppä* ‘горноста́й’ (41 реакция) → *jääkiekko* ‘хоккей’ (11), *vikkelä* ‘проворный, шустрый’ (4), *metsä* ‘лес’ (2), *nopea* ‘быстрый’ (2), *viekas* ‘хитрый’ (2), *”olla kärppänä paikalla” – vikkelyys* ‘«быть на месте горностаем» –

проворность, быстрота’, *joukkue* спорт. ‘команда’, *ketterä* ‘юркий, прыткий’, *nokkela* ‘ловкий, проворный’, *kissan kokoinen* ‘детеныш кошки’, *liukas* ‘скользящий’, *luihu* ‘коварный’, *lukko* ‘замок’, *lumikko* ‘ласка (зверь)’, *majava* ‘бобр’, *musta* ‘черный’, *neuvokas* ‘находчивый, сообразительный’, *notkea* ‘гибкий’, *Oulu* ‘г. Оулу’, *Oulun kärpät* ‘горностаи Оулу (о хоккейном клубе из Оулу)’, *ovela* ‘хитрый’, *ruskea* ‘коричневый’, *pitkämäinen* ‘удлиненный’, *sanonta* ”*olla kärppänä*” *eli olla heti ensimmäisenä paikalla (esim. alennusmyynneissä)* ‘быть на месте первым (например, на распродаже)’, *turkis* ‘пух, шерсть’, *turkki* ‘шерсть, шуба’, *vesi* ‘вода’, *viekkaus* ‘хитрость’;

11) *lammas* ‘овца’ (48 реакций) → *villa* ‘шерсть’ (12), *lauhkea* ‘добродушный’ (5), *pehmeä* ‘мягкий’ (5), *lempeä* ‘ласковый’ (2), *rauhallinen* ‘спокойный’ (2), *valkoinen* ‘белый’(2), *aitaus* ‘ограда’, *bää (ääni)* звукоп. ‘бе-е (звук)’, *bää* звукоп. ‘бе-е’, *karva* ‘волос, шерсть’, *Lambi* ‘Ламби (туалетная бумага)’, *lämmän* ‘теплый, тепло’, *mää* звукоп. ‘ме-е’, *määkiminen* ‘блеянье’, *määkiä* ‘блеять’, *ritrui* ‘качает насосом’, *pääsiäinen* ‘Пасха’, *pörröinen* ‘взъерошенный’, *säyseä* ‘кроткий’, *tukku* ‘куча, множество’, *turkki* ‘шуба’, *uni* ‘сон’, *vessapaperi* ‘туалетная бумага’, *viaton kuin lammas* ‘безобидный, как овца’, *vuohi* ‘коза’, *välinpitämätön* ‘равнодушный, безразличный’;

12) *lehmä* ‘корова’ (48 реакций) → *maito* ‘молоко’ (17), *laiska* ‘ленивый’ (3), *tyhmä* ‘глупый’ (2), *tylsä* ‘тупой (слабоумный)’ (2), *ammiu* ‘мычит’, *kello* ‘колокольчик’, *kilikello* ‘козлий колокольчик’, *kotieläin* ‘домашнее животное’, *laikku* ‘пятно’, *laikut* ‘пятка’, *laitumella* ‘на выгоне’, *lempeä* ‘ласковый, нежный’, *leppoisa*, *utelias* ‘спокойный, любопытный’, *lypsäminen* ‘дойка’, *maatalous* ‘сельское хозяйство’, *mustavalkoinen* ‘черно-белый’, *mustavalkotäplä* ‘черно-белые пятна’, *miu* звукоп. ‘му-у’, *navetta* ‘коровник’, *niitty* ‘луг’, *pihvi* ‘бифштекс’, *pilkku* ‘пятно’, *pötsi* разг. ‘брюхо’, *ruoho* ‘трава’, *täplikäs* ‘пятнистый’, *täplä* ‘пятно’, *täpläisyys* ‘пятнистость’, *uratre* ‘вымя’;

13) *leijona* ‘лев’ (50 реакций) → *kuningas* ‘король’ (6), *harja* ‘грива’ (5), *leijonakuningas* ‘король-лев’ (5), *savanni* ‘саванна’ (4), *Afrikka* ‘Африка’ (3), *jääkiekko* ‘хоккей’ (2), *karjunta* ‘рев’ (2), *Suomi* ‘Финляндия’ (2), *rohkeus*

‘храбрость’ (2), *auto* ‘автомобиль’, *eläin* ‘зверь’, *harjas* ‘грива’, *horoskooppi* ‘гороскоп’, *hyökkää* ‘нападение, атака’, *jalopeura* ‘лев’, *karjua* ‘рычать’, *Leijonakuningas elokuva* ‘фильм ‘Король Лев’, *likainen, kaupungin ”huonot alueet”* ‘плохие районы города’, *maakaaminen ruohikossa* ‘лежание на траве’, *keltainen* ‘желтый’, *raatelu* ‘растерзание’, *raivokas* ‘бешеный, яростный’, *valtias* ‘властелин, господин’, *verinen* ‘кровавый’, *verinen luu* ‘кровавая кость’, *viidakon kuningas* ‘король джунглей’, *voimakas* ‘сильный’, *ylväs* ‘благородный’, *ärjyntä* ‘рев’;

14) *orava* ‘белка’ (49 реакций) → *käpy* ‘шишка’ (11), *häntä* ‘хвост’ (3), *metsä* ‘лес’ (3), *tammenterho* ‘желудь’ (3), *kuusi* ‘ель’ (2), *nahka* ‘шкура’ (2), *turkki* ‘шуба’ (2), *havumetsä* ‘хвойный лес’, *isohampainen hlö* ‘человек с большими зубами’, *jyrsiminen* ‘грызка’, *kaunis* ‘красивый’, *kaunis ulkonäkö* ‘красивая внешность’, *ketterä* ‘юркий’, *kiipeillä* ‘карабкаться’, *kiire* ‘спешка’, *lasku* ‘спуск’, *lintulaudalla* ‘кормушка для птиц’, *luonto* ‘природа’, *nopeat liikkeet* ‘быстрые движения’, *oravannahka* ‘белычья шкура’, *rii* ‘дерево’, *rähkinä* ‘орех’, *rörröinen* ‘взъерошенный’, *röyhkeä* ‘дерзкий’, *suloinen* ‘прелестный, приятный’, *söpö* ‘миловидный’, *temmeltäjä* ‘шалун’, *tuheha häntä* ‘густой, пушистый хвост’, *vikkelä* ‘шустрый’, *vipeltäjä* сленг. ‘шустрик’;

15) *porsas* ‘поросенок’ (48 реакций) → *sika* ‘свинья’ (7), *likainen* ‘грязный’ (5), *joulu* ‘рождество’ (3), *kinkku* ‘окорок, ветчина’ (3), *pieni* ‘маленький’ (3), *kärsä* ‘рыло’ (2), *muta* ‘ил, грязь’ (2), *possu* ‘поросеночек’ (2), *rötkiminen* ‘хрюканье’ (2), *saparo* ‘хвост’ (2), *sikala* ‘свинарник’ (2), *vaaleanpunainen* ‘светло-красный, розовый’ (2), *huonokäytöksinen* ‘невоспитанный’, *joulukinkku* ‘рождественская ветчина’, *lihava* ‘тучный’, *maukas* ‘вкусный’, *paisti* ‘жаркое’, *pinkki* ‘розовый’, *piparkakku* ‘пряник’, *ruoka* ‘еда’, *röh* звукоп. ‘рөх (= рус. хрю)’, *röh-röh* звукоп. ‘рөх-рөх (= рус. хрю-хрю)’, *sikolähti* ‘свинарник’, *silmiään siristelevä* ‘щурящий глаза’, *äänekäs* ‘громкий, звонкий’;

16) *pukki* ‘козел’ (47 реакций) → *sarvet* ‘рога’ (9), *joulu* ‘рождество’ (5), *joulupukki* ‘Йоулупукки’ (5), *jalkapallo* ‘футбол’ (2), *vuohi* ‘коза’ (2), *uros* ‘самец’ (2), *ennalta-arvaamaton* ‘непредсказуемый’, *epäluotettava* ‘ненадежный’, *irstaus* ‘распутство, разврат’. *itsepäinä* ‘упрямый’, *kaalimaa* ‘огород’, *kolme pukkia – satu*

‘три козла – сказка’, *korkea ikä* ‘пожилой возраст’, *lastenloru* ‘детская считалка’, *miehet* ‘мужчины’, *naistenmies* ‘бабник’, *panna* ‘ставить’, *petturi* ‘обманщик, предатель’, *puskeminen* ‘бодание’, *pässi* ‘баран’, *seksi* ‘сексуальный’, *silta (kolme pukkia – satu)* ‘мост (три козла – сказка)’, *syntipukki* ‘козел отпущения’, *tappelu* ‘драка’, *terve* ‘здоровый’, *tukeva* ‘подпирающийся, устойчивый’, *valkoinen* ‘белый’, *uksinäinen* ‘одинокий’;

17) **pässi** ‘баран’ (45 реакций) → *sarvet* ‘рога’ (16), *tyhmä* ‘глупый’ (6), *itsepäinen* ‘упрямый’ (3), *idiootti* ‘идиот’ (2), *lammas* ‘овца’ (2), *vihainen* ‘злой’ (2), *vuohi* ‘коза’ (2), *aitaus* ‘ограждение, загородка’, *jääräpäisyys* ‘упрямство’, *kiukkuinen* ‘злой, сердитый’, *liha* ‘мясо’, *naru* ‘веревка’, *pukki* ‘козел’, *puskea* ‘бодать’, *röyhkeä* ‘вызывающий, дерзкий’, *sarvi* ‘рог’, *typerä* ‘глупый’, *vahva* ‘крепкий’, *äkäinen* ‘злой’;

18) **rotta** ‘крыса’ (46 реакций) → *häntä* ‘хвост’ (6), *likainen* ‘грязный’ (6), *hiiri* ‘мышь’ (5), *viemäri* ‘канализация’ (4), *ruma* ‘некрасивый, дурной’ (2), *ilkeä* ‘злой’, *inhottava* ‘отвратительный’, *iso häntä* ‘большой хвост’, *jäte* ‘отходы’, *katu* ‘улица’, *kellari* ‘подвал, погреб’, *koe* ‘эксперимент’, *kurja ihminen* ‘жалкий, убогий человек’, *kuvottava* ‘тошнотворный, дурной’, *likaisuus* ‘грязь’, *loukku* ‘ловушка, капкан’, *myrkky* ‘яд’, *pieni* ‘маленький’, *roskat* ‘сор, мусор’, *rutto* ‘чума’, *saastainen* ‘грязный, мерзкий’, *saastaisuus* ‘мерзость’, *sairaus* ‘болезнь’, *tauti* ‘болезнь’, *valli* ‘вал, насыпь’, *vikkelä* ‘шустрый’, *yök!* межд. ‘юк!’, *älykäs* ‘умный, сообразительный’;

19) **sika** ‘свинья’ (48 реакций) → *possu* ‘поросенок’ (6), *karsina* ‘стойло, закут’ (3), *kinkku* ветчина’ (2), *kärsä* ‘рыло’ (2), *liha, joulu* ‘мясо, рождество’ (2), *likainen* ‘грязный’ (2), *mies* ‘мужчина’ (2), *sikala* ‘свинарник’ (2), *sikolätti* ‘свинарник’ (2), *helmiä sioille* ‘бисер свиньям’, *huonokäytöksinen* ‘невоспитанный’, *huonotapaina* ‘с плохими манерами’, *idiootti* ‘идиот’, *iso* ‘большой’, *isä possu* ‘отец-поросенок’, *jauheliha* ‘фарш’, *joulu* ‘Рождество’, *joulukinkku* ‘рождественская ветчина’, *joululaulu* ‘рождественская песня’, *kippurahäntä* ‘хвосткольцом’, *kura* ‘грязь’, *liha* ‘мясо’, *tudassa möyryäminen* ‘рев, бушевание в грязи’, *muta* ‘грязь’, *paisti* ‘жаркое’, *pekoni* ‘бекон’, *ruoka* ‘еда’, *röh röh*

звук. ‘рѣх-рѣх (хрю-хрю)’, *röhkiä* ‘хрюкать’, *saastainen* ‘грязный’, *sotku* ‘путаница’, *syö* ‘кушает’, *Särkänniemen kotieläinpuiston minipossut* ‘карликовые поросята в парке домашних животных в Сяркянниеми (о парке развлечений в городе Тампере)’, *uunissa* ‘восне’;

20) *susi* ‘волк’ (49 реакций) → *ulvoa* ‘выть’ (7), *ulvominen* ‘вой’ (4), *pelottava* ‘пугающий’ (3), *harmaa* ‘серый’ (2), *ilkeä* ‘злой/злобный’ (2), *koira* ‘собака’ (2), *paha* ‘плохой / дурной’ (2), *uhka* ‘риск, угроза, опасность’ (2), *ulvonta* ‘вой’ (2), *ulvoa* ‘воет’ (2), *evoluutio* ‘эволюция’, *hukka* ‘волк; беда’, *kiista* ‘спор, полемика’, *kuu* ‘луна, месяц’, *kuutamo* ‘лунный свет’, *lauma* ‘стая’, *lumi* ‘снег’, *metsä* ‘лес’, *metsästäjä* ‘лесник’, *pelko* ‘страх’, *puree* ‘кусают’, *saalistaja* ‘охотник’, *susi lampeen nahassa* ‘волк в овечьей шкуре’, *talvinen havupuumetsä* ‘зимний хвойный лес’, *terävät hammat* ‘острые зубы’, *uhanalainen* ‘находящийся под угрозой’, *vaarallinen* ‘опасный’, *vahva* ‘сильный, крепкий’, *vihainen* ‘сердитый, злой’, *yksinäisyys* ‘одиночество’, *yö* ‘ночь’;

21) *vasikka* ‘теленочек’ (47 реакций) → *vankila* ‘тюрьма’ (4), *pieni* ‘маленький’ (3), *lehmä* ‘корова’ (2), *maito* ‘молоко’ (2), *suloinen* ‘миленький’ (2), *viaton* ‘безобидный’ (2), *avuton* ‘беспомощный’, *avuttomuus* ‘беспомощность’, *epävarma kävely* ‘неуверенная ходьба’, *honkkelinen* ‘долговязый, нескладный’, *hontelo* ‘хилый’, *joku, joka kertoo asian, joka ei saisi kertoa* ‘кто-то, кто говорит о деле, о котором не следовало бы рассказывать’, *kantelija* ‘играющий на кантеле’, *karhea kieli* ‘шершавый язык’, *karvat* ‘волосы, шерсть’, *kasvatettava* ‘выращиваемый’, *kavaltaa* ‘предавать, расстраивать’, *kello kaulassa* ‘колокольчик на шее’, *kömpelö* ‘неуклюжий, нескладный’, *lapsi* ‘ребенок’, *lehmän poikanen* ‘детеныш’, *liha* ‘мясо’, *niitty* ‘луг’, *pelokas* ‘боязливый, пугливый’, *pihvi* ‘бифштекс’, *pikkulehmä* ‘коровка’, *poikanen* ‘детеныш’, *ruoka* ‘пища’, *suloinen* ‘прелести, приятный’, *sympatia* ‘симпатия’, *tamma* ‘кобыла’, *uhma* ‘упрямство’, *utare* ‘вымя’, *utareet* ‘вымя’, *vasikoiminen* ‘отел (коровы)’, *vastasyntynyt* ‘новорожденный’, *vauva, lehmä* ‘ребенок, корова’, *vauva* ‘ребенок, малютка’.

Приложение Е
(обязательное)

**Результаты второго этапа ассоциативного эксперимента с носителями
финского языка**

1) ***arka kuinjänis*** ‘боязливый, как заяц’ (40 реакций) → *ujo* ‘застенчивый’ (7), *pelokas* ‘боязливый, пугливый’ (5), *pensas* ‘куст’ (2), *säikky* ‘пугается’ (2), *todella ujo* ‘очень застенчивый’ (2), *arka ihminen* ‘боязливый человек’, *varuillaan oleva ihminen* ‘человек, находящийся на стороже’, *ei uskalla* ‘несметь’, *ei vs halla tehdä mitään* ‘ничего не делать против (ночных) заморозков’, *epävarma* ‘неверный, ненадежный’, *heikko* ‘слабый’, *hiljainen* ‘тихий’, *huonolla tavalla arka, rakenee* букв. ‘боязливый плохим образом, бежит’, *jänishousu* ‘заячьи штанишки’, *lapsi* ‘ребенок’, *piiloutuminen* ‘прятки’, *piiloutuva, piilotteleva* ‘прячущийся’, *poissa silmistä* ‘с глаз долой’, *pusuu piilossa* ‘оставаться в укрытии’, *säikkyys* пугливость, боязливость, испуг’, *säikkyä* ‘пугаться’, *ujous* ‘застенчивость’, *ujous* ‘застенчивость’, *uusi, outo tilanne* ‘новая, странная обстановка’, *vapiseva* ‘дрожащий’, *varovainen* ‘осторожный’, *välttelevä* ‘избегающий’;

2) ***ei ollajäniksen selässä*** ‘не быть на спине зайца’ (27 реакций) → *ei ole kiire* ‘неспешить’ (6), *ei ensikertalainen* ‘не новичок’, *ei kiire* ‘неспешить’, *ei kiirettä* ‘неторопись’, *ei kulje* ‘не идет’, *ei ole kiirettä* ‘не спешит’, *ei siellä pidetään olla* ‘там быть не следует’, *henkilö, joka miettii ennen kuin päättää* ‘личность, которая думает прежде, чем решить’, *hidas* ‘медлительный’, *hidasta* ‘медлителен’, *hidastella* ‘медлить, мешкать’, *joten miksi kiirehtiä?* ‘зачем тогда спешить?’, *Kalevalan taru* ‘легенда Калевала’, *kiire* ‘спешка’, *kiireessä* ‘вспешке’, *kiirettömyys* ‘неспешка’, *kulkee hitaasti* ‘идти медленно’, *levollinen* ‘спокойный’, *loikkiminen* ‘прыгание’, *ratsastaa* ‘ехать верхом’, *tyhmä* ‘глупый’, *vauhditon* ‘без скорости’;

3) ***ei ymmärrä enempää kuin sika hopealusikasta*** ‘не понимать больше, чем свинья все серебряной ложке’ (31 реакция) → *tyhmä* ‘глупый’ (6), *ei ymmärrä hyvän päälle* ‘ничего не понимать’ (2), *helmiä sioille* ‘бисер свиньям’ (2), *tietämätön* ‘несведущий’ (2), *ei tajua* ‘нет понятия’, *ei tajua asioiden todellistaasiaa* ‘не

осознавать сути дела’, *ei tajua jonkin arvoa* ‘не понимать какой-либо ценности’, *ei tiedä aiheesta* ‘не знать о теме’, *ei varmaan ymmärrä paljoa* ‘наверное, не знает многого’, *ei ymmärrä minäkään* ‘не понимает меня’, *ei ymmärrä asiasta mitään* ‘ничего не понимает в деле’, *ei ymmärrä asioiden oikeaa arvoa* ‘не понимает настоящей ценности дела’, *ei ymmärrä mitään* ‘ничего не понимает’, *huono maku* ‘плохой вкус’, *idiootti* ‘идиот’, *ilkeä aatelineen* ‘злой дворянин’, *omalaatuinen* ‘своеобразный’, *juntit ja kulttuuri* ‘деревенщина и культура’, *kiittämätön* ‘неблагодарный’, *moukka* ‘невежа, мужлан’, *saa jotain, jota ei osaa arvostaa* ‘получает что-то, ценности, которого понять не может’, *tiedoton* ‘незнающий’, *tyhmyys* ‘глупость’, *yksinkertaisuus* ‘простота, несложность’;

4) ***kiertää kuin kissa kuuma puuroa*** ‘вертеться, как кошка вокруг горячей каши’ (41 реакция) → *vältellä* ‘увиливать’ (3), *välttää jotakin* ‘избегать чего-то’ (3), *malttamaton* ‘нетерпеливый’ (2), *vaania* ‘выслеживать, подстергать’ (2), *ei uskalla koskea* ‘не сметь трогать’, *haluaa jotain, mutta ei voi saada* ‘хочет чего-либо, но не может получить’, *haluta jotain* ‘хотеть чего-либо’, *intensiivinen viettely, flirtti* ‘интенсивное обольщение, флирт’, *juttelee asian vierestä* ‘говорить не по теме’, *karttaa visusti* ‘сильно остерегаться’, *kerjätä* ‘попрошайничать’, *kiinnostus* ‘интерес’, *kiinnostaa, mutta ei uskalla mennä lähelle* ‘интересоваться, но не сметь приблизиться’, *kiinnostunut* ‘заинтересованный’, *koska voi iskeä kiinni* ‘потому что может прибить’, *kärttää* ‘выпрашивать, клянчить’, *laskelmoiva* ‘расчитывающий’, *nälkä* ‘голод’, *odottaa jotakin, vaania* ‘ждать чего-либо, подстергать’, *odottaa sopivaa hetkeä* ‘ждет подходящего момента’, *odottava* ‘ждущий’, *olla hermostunut* ‘быть взволнованным’, *olla levoton* ‘быть беспокойным, тревожным’, *olla uskaltamatta kohdata tosiasiat* ‘не сметь смотреть в лицо фактам’, *pelätä* ‘бояться’, *polttaa kieli* ‘обжечь язык’, *pöljä* ‘глупый’, *tarkkailu, vaaniminen* ‘контроль, наблюдение, слежка’, *tärkeän asian välttely* ‘избегание важных дел’, *uteliaisuus* ‘любопытство’, *vahtia* ‘сторожить, караулить’, *varovainen* ‘осторожный’, *vältellä jotain* ‘увиливать от чего-то’, *vältellä puheenaihetta* ‘увиливать от темы разговора’, *välttelijä* ‘увиливающий, избегающий’;

5) **kissa viekään!** ‘Черт! Черт возьми!’ (букв. ‘Кот побери!’) (47 рекаций) → *voi ei!* ‘о, нет!’ (3), *Voi hitsi!* разг. ‘Ничего себе!’ (3), *hitto!* ‘черт!’ (3), *pahus* ‘черт’ (2), *elämä voittaa* ‘жизнь выигрывает’, *harmiton epäonnistuminen* ‘безобидная неудача, поражение’, *harmittelu* ‘досада’, *himputti!* ‘черт! (букв. ‘ад’)’, *hui!* ‘ох!’, *huudahdus* ‘восклицание’, *hämmästy* ‘изумление’, *joku huudahtaa, kun jokin asia on epätodellista* ‘кто-то восклицает, когда что-то не реальное, фантастическое’, *jotain ihmeellistä* ‘что-то удивительное’, *jotain yllättävä* ‘что-то неожиданное’, *juntti* ‘деревенщина’, *Jännä juttu!* ‘Захватывающая история!’, *kissa* ‘кошка’, *kissa joka pyydystää hiirtä* ‘кошка, которая ловит мышей’, *käydä pahasti* ‘идти плохо’, *lasten laulu* ‘детская песня’, *lattialle särkynyt maljakko* ‘разбитая об пол ваза’, *manaus, joku teki jotain ilkeää* ‘ругательство, кто сделал что-то плохое’, *Miks ei koira?* ‘Почему не собака?’, *mitä ihmettä* ‘что удивляет’, *tummo* ‘бабушка’, *oho!* ‘ого!’, *pelästynyt kissa* ‘испуганный кот’, *sentään* ‘всеже, все-таки’, *tassu* разг. ‘лапа’, *tulla huijatuksi* ‘попасться на удочку, одурачиться’, *vanhahtava* ‘устарелый’, *vau!* ‘вау!’, *voi harmi!* ‘Вот досада!’, *voi pahus* ‘вот черт’, *voi perkele* ‘вот черт’, *voi sentään* ‘ох, все-таки’, *voihan nenä* ‘ой, нос!’, *voihan!* ‘ай!’, *yllätys* ‘неожиданность, сюрприз’;

6) **koiran elämä** ‘собачья жизнь’ (42 реакции) → *leppoisaa* ‘добродушный’ (3), *helppo* ‘легкий’ (2), *ei varaa elämä* ‘несвободная жизнь’, *elämä on ruoka, lenkki ja loikoilua* ‘жизнь – еда, петля и валяние’, *helppo elämä* ‘легкая жизнь’, *helppo ja kevyt elämä* ‘простая и легкая’, *helppo, rauhallinen elämä* ‘легкая, спокойная жизнь’, *helppoa* ‘легкий’, *helppoa ja mukavaa* ‘легкий и удобный’, *helppoa nautiskelua* ‘легкое наслаждение’, *huono elämä* ‘плохая жизнь’, *huono, koetteleva elämä* ‘плохая, испытующая жизнь’, *kato rippuu koirasta* ‘гибель зависит от собаки’, *koirankoppi* ‘конура’, *kurja* ‘жалкий, убогий’, *kurja elämä* ‘жалкая жизнь’, *kurjaa* ‘жалкий’, *kurjuus* ‘нищета’, *kärsimystä täynnä* ‘полон страданий’, *leppoinen* ‘добродушный’, *luksus* ‘люкс’, *mukava / mukavaa* ‘удобный’, *mukavuus* ‘удобство’, *olla ulkona sateessa ja kylmässä* ‘быть снаружи под дождем и в холоде’, *on leppoisaa* ‘добродушный, спокойный’, *pii* ‘зуб, зубец’, *pitkä* ‘длинный’, *rankkaa* ‘сильный, тяжелый’, *rentoa* ‘расслабленный’, *rentous* ‘расслабление’, *seurallista*

‘общественный’, *stressittömyys* ‘бесстрессовость’, *upota* ‘погружаться’, *vaikeaa* ‘трудный’, *vaivatonta, mukavaa elämää* ‘легкая, непринужденная, удобная жизнь’, *yksinkertaista* ‘простой, несложный’, *yksinkertaisuus, köyhyys* ‘простота, бедность’, *yleellisyys* ‘роскошный образ жизни’;

7) ***köyhä kuin rotta*** ‘бедный, как крыса’ (47 реакций) → *rahaton* ‘безденежный’ (5), *koditon* ‘бездомный’ (3), *opiskelija* ‘студент’ (3), *ei ole rahaa* ‘нет денег’ (2), *kirkko* ‘церковь’ (2), *köyhyys* ‘бедность’ (2), *likainen* ‘грязный’ (2), *asuu kadulla* ‘живет на улице’, *asuu kurjasti* ‘жить жалко, убого’, *ei ollenkaan rahaa* ‘нет денег’, *ei omista mitään, tili tyhjä* ‘ничего не имеет, пустой счет’, *erittäin köyhä* ‘очень бедный’, *kirkonrotta* ‘церковная крыса’, *kolikko* ‘монета’, *köyhien demonisoinnille loppu* ‘конец злоключениям бедных’, *köyhä, mutta ehkä rappiollla* ‘бедный, но, возможно, в упадке’, *likainen* ‘грязный’, *orpo* ‘сирота’, *pennitön* ‘безпенни’, *Pillipiipari – satu* ‘Дудочник – сказка’, *puliukko* разг. ‘алкаш, алконавт’, *pummi* ‘расточитель’, *rietas* ‘бесстыжий’, *riutunut* ‘зачахший’, *rotalla ei ole mitään* ‘у крысы ничего нет’, *rutiköyhä* ‘совершенно бедный’, *ruusuinen* ‘потрепанный, в лохмотьях’, *spurgu* сленг. ‘бездомный алкоголики, проводящие ночи в парках, лесу или мусорных контейнерах’, *syö roskia* ‘ест мусор’, *työttömät* ‘безработные’, *työtön* ‘безработный’, *vaatimaton* ‘не требовательный, не взыскательный’, *varaton* ‘неимущий’, *varmaan todella köyhä* ‘вероятно, на самом деле бедный’, *vähän rähjäinen* ‘немного грязный’;

8) ***löydä kuin vierasta sikaa*** ‘бить, как Сидорову козу’ (букв. ‘бить, как чужую свинью’) (31 реакция) → *julma* ‘жестокий, свирепый’ (3), *raakuus* ‘грубость / жестокость’ (2), *aggressiivinen* ‘агрессивный’, *antaa palaa* ‘получить кусок’, *armoton* ‘жестокий, беспощадный’, *armottomuus* ‘безжалостность’, *ei tarvitse välittääjostain, mikä ei kuulu itsellä* ‘не нужно предавать (интересоваться), что самого не касается’, *ei välitä seurauksista* ‘не интересоваться последствиями’, *ei välitä toisen tunteista, koska ei tunne* ‘не интересоваться чувствами других, так как не чувствует’, *eriarvoisuus* ‘неравноправие’, *hakata* ‘колотить, бить’, *halveksinta* ‘презрение’, *humoristinen, kaltoinkohtelu* ‘юмористичный, грубое обращение’, *iskeä* ‘ударить / бить’, *iso ilkeä isäntä* ‘большой, злой хозяин’, *kinkku*

‘окорок, ветчина’, *kohdella halveksivasti* ‘презрительно относиться к кому-либо’, *kunnolla turpaan* ‘как следует в морду’, *lasten pahoinpitely* ‘плохое обращение с детьми’, *lastenkirjan kuvitus* ‘иллюстрация из детской книги’, *lyödä kovaa* ‘сильно бить’, *lyödä täysin antaumuksella, ilman rajoituksia* ‘бить совсем самозабвенно, без границ’, *lyödä vähän kovempaa* ‘бить немного сильнее’, *olla aggressiivinen* ‘быть агрессивным’, *raivokas* ‘бешеный, яростный’, *tunteeton* ‘бесчувственный’, *tuntematon* ‘неизвестный, незнакомый’, *vain omien asioiden arvostus* ‘уважение только к своим делам’;

9) *musta lammas* ‘паршивая овца’ (букв. ‘черная овца’) (46 реакций) → *erilainen* ‘отличный, другой’ (10), *erilainen kuin muut* ‘отличный от других’ (3), *poikkeava* ‘исключительный’ (2), *ei joukkoon sopiva* ‘не подходит толпе’, *ei toivotta / hyväksytty henkilö* ‘ненадежная / неодобряемая личность’, *epäsovinnainen yksilö* ‘чуждая условностей индивидуальность’, *erikoinen* ‘особенный, особый’, *erikoisuus* ‘особенность, своеобразие’, *erilaisuus* ‘различие, разница’, *eristetty* ‘изолированный’, *eroaa joukosta* ‘отличается от группы’, *herättänyt pettymestä lähipiirissä, huono* ‘вызывающий разочарование вокруг, плохой’, *häpeäksi jollekin* ‘стыдно кому-либо’, *joukon erilainen* ‘отличный (от) толпы’, *joukon pahin* ‘худший группы’, *kuopus* ‘младший ребенок’, *lannistumaton* ‘не унывающий’, *negatiivinen ilmaisu erilaiselle ihmiselle* ‘негативное явление для разных людей’, *perheenjäsen, joka on ”ongelmatapaus”* ‘член семьи, который является «проблемным случаем», *petollinen* ‘коварный’, *pettymys* ‘разочарование’, *pettymys ryhmissään, esim. suvun odotukset pettänyt henkilö* ‘разочарование в группе, например, личность, не оправдавшая ожидания группы’, *poikkeuksellinen* ‘необычный’, *selkkailija* ‘авантюрист’, *suvun ”ei niin menestynyt” ja muiden mieklestä vähän outo* ‘глава рода «не так преуспевший» и, по мнению других, немного странный’, *suvun ainut kannabiksen polttaja* ‘единственный в роду курильщик каннабиса’, *suvun häpeäpilkku* ‘позорное пятно рода’, *syrytty* ‘отверженный’, *tekee asiat toisin* ‘выполняет дела по-другому’, *turkki* ‘шерсть’, *ulkopuolinen jäsen* ‘посторонний, чужой член’, *vastavirtaan viiva* ‘противоречивая черта’, *yksinäinen* ‘одинокий’, *yllättäjä* ‘захваченный врасплох’;

10) ***nälkäinen kuin susi*** ‘голодный, как волк’ (46 реакций) → *tosi nälkäinen!* ‘очень голодный’ (3), *kova nälkä* ‘сильный голод’ (2), *peto* ‘зверь’ (2), *suden nälkä* ‘волчий аппетит’ (2), *todella kova nälkä* ‘действительно сильный голод’ (2), *todella nälkäinen* ‘действительно голодный’ (2), *ahmia* ‘жадничать’, *ahmiminen* ‘жадность’, *ahnas* ‘жадный’, *ahne* ‘жадный’, *ahnehtii myös muuta kuin itselleen kuuluvaa* ‘жадничал’, *aina nälkäinen* ‘всегда голодный’, *duran duran* ‘Дюран Дюран’, *erittäin nälkäinen* ‘очень голодный’, *haluta jotain erittäin paljon* ‘желать чего-то очень много’, *hirveä nälkä* ‘ужасный голод’, *hotkiminen* ‘пожирание’, *hullu nälkä* ‘безумный голод’, *humalainen teini mcdonaldsilla* ‘пьяный тинэйджер в Макдоналдсе’, *hyvä ruokahalu* ‘хороший аппетит’, *kova, inhottava nälkä* ‘сильный, отвратительный голод’, *kun jollain on kova nälkä* ‘когда у кого-то сильный голод’, *kuolemassa nälkäinen* ‘смертельно голодный’, *raahtopaisti* ‘жаркое’, *pientä porsasta* ‘маленькие поросята’, *pitää saada äkkiä ruokaa* ‘внезапно захотеть получить еду’, *ruoka* ‘еда’, *suuri ruoka-annos* ‘большая порция еды’, *suursyömäri* ‘большая обжора’, *todella suuri nälkä, voisi syödä mitä vaan* ‘настоящему сильный голод, мог бы съесть чего-нибудь, но’, *tosi kova nälkä* ‘очень сильный голод’, *tosi nälkäinen* ‘очень голодный’, *tulee nälkä* ‘становится голодным’, *tyhjävatsä* ‘пустой живот’, *vatsa kurista* ‘живо турчит’, *vihaisuus* ‘злость’, *voi syödä mitä tähänsä* ‘может съесть что угодно’, *voileipä* ‘бутерброд’, *ylettömän nälkäinen* ‘чрезмерно голодный’;

11) ***olla hiljaa kuin hiiri*** ‘быть тихим, как мышь’ (47 реакций) → *ujo* ‘застенчивый’ (8), *hiipiä* ‘красться’ (3), *hiljainen* ‘тихий / медленный’ (3), *äänetön* ‘безмолвный’ (3), *hyvin hiljaa* ‘очень тихий’ (2), *ujo ihminen* ‘стеснительный человек’ (2), *arka, harmaa* ‘боязливый, серый’, *ei sano sanaakaan eikä edes liikahda* ‘не говорит и слова так же, как и даже не шевелится’, *epäsosiaalinen* ‘не социальный’, *hiipiä, liikkua hiljaa* ‘красться, шевелиться, двигаться тихо’, *hiipiminen* ‘подкрадывание’, *hiirulainen* ‘мышка; скромный человек; маленький, ничтожный человек’, *hiljaa* ‘тихий’, *hiljaa ja varuillaan* ‘тихий и настороже’, *hiljainen ihminen* ‘тихий человек’, *hiljaisuus* ‘тишина’, *hissukka* ‘домосед’, *koetilanne* ‘условие эксперимента’, *kulkea todella hiljaa* ‘ходить действительно

тихо’, *liikkua äänettömästi* ‘бесшумно двигаться’, *öinen hiippailu jääkaapille* ‘ночное подкрадывание к шкафу’, *olla hiljaa* ‘быть тихим’, *olla hiljaa nurkassa* ‘быть тихим в углу’, *peloissaan* ‘в страхе’, *pelottavassa tilanteessa oltava ääneti* ‘молча’, *piilo* ‘укрытие, тайное место’, *salaisuus* ‘тайна, секрет’, *sipsuttaa* ‘семенить’, *täysin hiljainen* ‘совсем тихий’, *todella hiljaa* ‘действительно тихий’, *todella hiljainen* ‘действительно тихий’;

12) *olla kuin kissa ja koira* ‘быть, как кошка с собакой’ (39 реакций) → *vastakohdat* ‘противоположности’ (3), *ei sovi yhteen* ‘не сходиться вместе’ (2), *olla kuin paita ja peppu* ‘быть, как рубашка и зад’ (2), *ei tule toimeen* ‘не ладит’, *eivät siedä toisiaan, mutta tulevat toimeen* ‘не выносить друг друга, но действуют’, *eivät tule toimeen* ‘не ладят’, *erilaiset* ‘разные’, *erityyppiset* ‘разнотипные’, *hengailla* сленг. ‘тусоваться’, *kaksi ihmistä teeskentelee inhoavansa toisiaan* ‘два человека притворяются, что чувствуют отвращение друг ко другу’, *kaverukset* ‘приятели’, *kilpasilla, riidoissa* ‘в соперничестве, ссоре’, *kinastella* ‘спорить’, *kissa ja koira vierekkäin nukkumassa* ‘кошка и собака спят рядом’, *mies ja nainen* ‘мужчина и женщина’, *naapuri* ‘сосед’, *odottamattomat kaverukset* ‘нетерпеливые друзья, приятели’, *olla erilaiset* ‘быть разными’, *olla täysin vastakohtaisissa* ‘быть в полном противоречии’, *parhaat kaverit* ‘лучшие друзья’, *parivaljakko* ‘парная упряжка’, *riita* ‘ссора, спор’, *riitapukarit* ‘скандалисты’, *riita – rakkaus* ‘ссора – любовь’, *tappelevat* ‘дерутся’, *täydentää toisiaan* ‘дополнять друг друга’, *vastakkaisia* ‘противоположности’, *vastakohtaisuus* ‘противостояние’, *vastaparit* ‘противостоящая пара’, *vastarannan kiiski* ‘постоянно возражающий человек’ (букв. ‘ёрш с противоположного берега’), *vihamiehet* ‘враги’, *vihamiehiä riita* ‘ссора врагов’, *vihata toisiaan* ‘ненавидеть друг друга’, *viholliset* ‘враги’, *yhdessä* ‘вместе’;

13) *päästä kuin koira veräjältä* ‘улизнуть, как собака из ворот’ (44 реакции) → *päästä pälkähästä* ‘выпутаться из затруднительного положения’ (4), *onnekas* ‘счастливый, удачливый’ (2), *alittaa* ‘идти, проходить под чем-л.’, *ei joudu seuraamuksiin* ‘не быть обвиненным в последствиях’, *ei jää kiinni, vaikka syyllinen* ‘не поймают, хотя виновный’, *ei jää kinni* ‘не оставлять закрытым’, *ei kannaa*

vastuuta ‘не нести ответственности’, *ei saada rangaistusta* ‘не понести наказание’, *ei tarvitse ottaa vastuuta teoistaan* ‘не должен брать на себя ответственность за свои действия’, *epäreilua* ‘непорядочный’, *epäreiluus* ‘несправедливость’, *helppoa* ‘легко’, *jäää ilman rangaistusta* ‘остаться безнаказанным’, *livahtaa seurauksitta* ‘избежать последствий’, *livahtaa* ‘прошмыгнуть’, *livetä tilanteesta* ‘выпутаться из ситуации’, *lotto* ‘лото’, *pakoilee* ‘скрывается’, *pakoilla* ‘прятаться, скрываться’, *petturuus* ‘обман, предательство’, *pääsee helpolla eteenpäin elämässä* ‘может легко продвигаться в жизни’, *päästä helpolla* ‘легко выпутаться’, *päästä helpolla ongelmatilanteesta* ‘легко выпутаться из проблемной ситуации’, *päästä helpolla tilanteesta* ‘легко выйти из положения’, *päästä jostain (liian) helpolla ilman rangaistusta* ‘(слишком) легко выпутаться из чего-либо безнаказанно’, *päästä liian helpolla* ‘выкрутиться слишком легко’, *päästä pälkähästä* ‘выпутаться из затруднительного положения’, *päästä vastuusta tai päästä helpolla* ‘избежать ответственности или легко выпутаться’, *rikas ilman rangaistusta* ‘безнаказанно богатый’, *selvitä ilman rangaistusta* ‘отделаться без наказания’, *selvitä täysin rangaistuksetta* ‘отделаться без наказания’, *selviytyminen* ‘выдержка’, *selviytyä pulasta ilman ongelmia* ‘выдержать кризис без проблем’, *selviytyä* ‘выяснять, справляться’, *sluibata* разг. ‘прогуливать (что-л.)’, *syullinen pääsee pakoon* ‘виновный бросается в бегство’, *verkko aita* ‘сетчатый забор’, *viekas* ‘хитрый’, *välttöä jotakin* ‘избежать чего-либо’, *välttöä ongelmilta* ‘избежать проблем’;

14) *susi lamp aiden vaatteissa* ‘волк в овечьей шкуре’ (50 реакций) → *huijari* ‘аферист’ (7), *petturi* ‘обманщик, предатель’ (6), *petollinen* ‘коварный, обманчивый’ (4), *erilainen* ‘различный / отличный’ (2), *naamioitunut* ‘замаскированный’ (2), *valehtelija* ‘лжец’ (2), *epäluotettava* ‘ненадежный’, *epärehellinen* ‘нечестный’, *esittää hyvää, mutta on pahis* ‘показывается хорошим, но является плохим’, *esittää hyvää, mutta pahat tausta aikeet* ‘показывается хорошим, но злые фоновые намерения’, *esittää parempaa* ‘представляться лучше’, *kaksinaamainen, esittää mukavaa, mutta on oikeasti ilkeä* ‘двуличный, представляться приятным, но на самом деле быть злым’, *kaksinaamaisuus* ‘двуличие’, *kansansatu* ‘народная сказка’, *kavaluus* ‘коварство, хитрость’, *liian*

ystävällinen naapuri ‘слишком дружелюбный сосед’, *paha* ‘злой’, *paha-aikeinen ihminen, joka kätkee aikeensa* ‘человек, который намеревается сделать зло и который скрывает свои намерения’, *pahuus* ‘зло’, *petos* ‘обман, предательство’, *punahilkka* ‘красная шапочка’, *rikollinen* ‘преступный’, *roolia esittää ihminen* ‘человек представляет роли’, *teeskentely* ‘притворство / лицемерие’, *transvestiitti* ‘трансвестит’, *turkki* ‘шуба’, *uskottomuus, petos* ‘обман, предательство, измена’, *valeasu* ‘переодевание’, *valehtelija* ‘лжец’, *valehtelu* ‘ложь’, *valeperuku* ‘белый костюм’, *valheellisuus* ‘фальш, лживость’, *ystävällisempää kuin on* ‘дружелюбней, чем есть (на самом деле)’;

15) *tarttua härkää sarvista* ‘взять быка за рога’ (45 реакций) → *ryhtyä toimeen* ‘начать, приняться за работу’ (7), *tarttua toimeen* ‘приниматься за меры’ (6), *ahkera* ‘прилежный’, *aktiivisuus* ‘активность’, *aloittaa toimia* ‘начинать работать’, *hoitaa asioita* ‘взяться за дела’, *katsoa totuutta silmiin* ‘смотреть правде в глаза’, *kipu* ‘боль’, *käy käsiksi asiaan* ‘приступить за работу’, *käydä kiinni ongelmiin* ‘взяться за проблему’, *käydä käsiksi kuumaan kysymykseen, toimeen tarttuminen* букв. ‘взяться за горячий вопрос, выполнять схватывание’, *nyt lähtee!* ‘сейчас же выйди!’, *opiskelu* учеба ‘занятие’, *ottaa asia hoitaakseen, eikä seurata sivusta* ‘взять ответственность за дело, и не проверять со стороны’, *ottaa asiaa puheeksi* ‘заговорить о деле’, *ottaa itseään niskasta kinni* ‘овладеть собой’, *ottaa ja tekee* ‘берется и делает’, *peräksiantamattomuus* ‘неподатливый’, *päätäväinen* ‘решительный’, *päätäväinen* ‘решительный’, *päittää tehdä jotain* ‘решать сделать что-то’, *ruveta ratkomaan ongelmia* ‘приниматься за решение проблемы’, *ryhtyä johonkin* ‘взяться за что-л.’, *ryhtyä toimeen* ‘начинать делать’, *ryhtyä tuumasta toimeen* ‘переходить от дум к делу’, *saada jotakin aikaiseksi* ‘рано получить что-то’, *selvittää tai hoitaa jokin vaikea asia* ‘прояснять или взяться за какое-либо сложное дело’, *taltuttaminen* ‘усмирение’, *tarttua suin päin haasteeseen* ‘взяться, сломя голову’, *tarttua tilaisuuteen* ‘ухватиться за возможность’, *tarttua työhön* ‘взяться за работу’, *tehdä jotakin* ‘делать что-то’, *tehdä rästiin jäänyt työ* ‘делать пропущенную работу’, *tsempraaminen* разг. ‘борьба, сражение’, *vahvs mies* ‘крепкий мужчина’, *vastustaa* ‘возражать’;

16) *Sanasta miestä, sarvesta härkää* ‘Человека – за слова, быка – за рога’ (25 реакций) → *ahkeruus* ‘прилежание’, *entä nainen?* ‘а женщина?’, *epäluottamus* ‘недоверие’, *haastaa joku* ‘вызывать кого-то’, *heihulihuihuli* межд. ‘хейхулихуйхули’, *hämmentynyt* ‘смущенный, растерявшийся’, *jos on luvannut jotain, se pitää tehdä* ‘если что-то обещано, следует сделать это’, *joutua vastuuseen* букв. ‘привлекаться к ответственности’, *kiristää* ‘затягивать, стягивать’, *kohdellaan omalla tavallaan* ‘обращаться по-своему’, *kutakin lähestytään* ‘приближаться довольно’, *luotettava* ‘надежный’, *luotettavuus* ‘надежность’, *ottää mittaa* ‘принять меры’, *pitää puhua totta* ‘надо говорить правду’, *rehellisyys* ‘честность’, *ryhtyä toimeen* ‘начать, приняться за работу’, *sanansa mittainen mies* ‘человек слова’, *seisoo sanojen takana* ‘отвечать за слова’, *seistä sanojen takana* ‘отвечать за слова’, *tehdä niin kuin on sanonut* ‘поступать как сказано’, *todellisuus* ‘действительность, реальность’, *totuus* ‘правда, истина’, *tuumasta toimeen* ‘от дум к делу’, *vahvuus* ‘сила, крепость’;

17) *terve kuin pukki* ‘здоров, как козел’ (43 реакции) → *terveys* ‘здоровье’ (4), *ei sairauksia* ‘нетболезней’ (2), *reipas* ‘бодрый’ (2), *ruokavalio* ‘рацион, диета’ (2), *terve* ‘здоровый’ (2), *todellaa terve* ‘действительно здоровый’ (2), *täysin terve* ‘совершенно здоровый’ (2), *aina terve* ‘всегда здоровый’, *ei koskaan sairastu* ‘никогда не болел’, *ei vaivoja* ‘нет боли’, *elinvoimainen* ‘жизнеспособный’, *elämänsä kunnossa* ‘(его / ее) жизнь в порядке’, *energinen* ‘энергичный’, *henkilö, joka ei ole sairas* ‘человек, который не болен’, *hyväkuntoinen ihminen* ‘человек в хорошей форме’, *hyvä olo* ‘хорошее состояние’, *hyväkuntoinen mies* ‘мужчина в хорошей форме’, *hyväkuntoinen* ‘в хорошей форме’, *hyvässä kunnossa oleva* ‘являющийся в хорошей форме’, *hyvät geenit* ‘хорошие гены’, *itsepäinen ihminen* ‘упрямый человек’, *moiteeton* ‘непорицаемый, без упрёка’, *nuoret ihmiset* ‘молодые люди’, *perusterve* ‘совершенно здоровый’, *pukki* ‘козел’, *reippaus* ‘бодрость’, *sanonta* ‘выражение’, *sopii minuun* ‘подходит мне’, *tervelliset elämäntavat* ‘здоровые привычки’, *vanha mies joka juoksee maratonin* ‘пожилой человек, бегущий на марафоне’, *vihreä* ‘зеленый’, *virkeä* ‘бодрый / живой’,

voimakas ‘сильный’, *yrittää (valheellisesti) todistella terveyttään* ‘пытаться (обманом) доказать нездоровье’;

18) *ulvoa susien mukana* ‘с волками выть’ (46 реакций) → *kuutamo* ‘лунный свет’ (6), *lauma* ‘стая’ (4), *kuu* ‘луна’ (2), *3-sutta –t-paita* ‘триволка – футболка’, *haaveilla turhaan* ‘напрасно мечтать’, *hullua* ‘глупые’, *hyökätä* ‘атаковать, нападать’, *intiaani* ‘индеец’, *itku* ‘плач’, *joukko* ‘группа, толпа’, *joukkohysteria* ‘групповая истерия’, *joukossa tyhmyys tiivistyy* ‘в толпе глупость спланивает’, *juosta alasti metsästä* ‘бегать голым в лесу’, *katsella kuuta* ‘смотреть на луну’, *kilpalaulanta* ‘состязательная песня’, *kuulua huonoon porukkaan* ‘относиться к плохой компании’, *kuulua johonkin ryhmään* ‘относиться к какой-л. группе’, *kuulua tiettyyn ryhmään* ‘относиться к известной группе’, *kuutamossa, kalliolla* ‘при лунном свете, на скале’, *lauma eläminen* ‘жизнь в стае’, *laumahenki* ‘стадный дух’, *Maugli* ‘Маугли’, *olla yhtä* ‘быть одним (целым)’, *pelottava* ‘пугающий’, *pimeä yö* ‘темная ночь’, *ryhmän panostus* ‘натиск, давление группы’ *sekopää* ‘дурак’, *susilapsi* ‘волчонок’, *tehdä samaa kuin muut* ‘делать то же, что и другие’, *tiimityö* ‘работа в команде’, *täyskuu* ‘полнолуние’, *ulvoa yöllä metsässä, täysikuu* ‘выть ночью в лесу, полнолуние’, *valittaa turhasta* ‘жаловаться, сожалеть напрасно’, *viidakkoipoika Maugli* ‘мальчик джунглей Маугли’, *villi* ‘дикарь, дикий’, *yhteislaulu* ‘групповое пение’, *yö* ‘ночь’;

19) *uskollinen kuin koira* ‘верный, как собака / пес’ (47 реакций) → *luotettava* ‘надежный’ (4), *ystävä* ‘друг’ (4), *paras ystävä* ‘лучший друг’ (2), *ystävyyden* ‘дружба’ (2), *alastuvasti uskollinen* ‘покорно верный’, *ei jätä edeshädässä* ‘не оставляет даже в бедственном положении’, *ei liian uskollinen kumminkaan* ‘все же не слишком верный’, *ei ole petturi* ‘не предатель’, *ei petätiukan paikan tulla* ‘не подводит при явке на обусловленное место’, *ei petä* ‘не изменяет’, *ihana* ‘прекрасный, прелестный’, *ihminen, jolla ei omaa päätösikyä, on vietävissä* ‘человек, который не владеет способностью принимать решения; на поводу’, *jopa ”liian uskollinen”* ‘даже «слишком верный»’, *kiltti ja hyvä ystävä* ‘послушный и хороший друг’, *koira* ‘собака’, *koiran ystävälliset silmät* ‘приветливые глаза собаки’, *koirat ovat hienoja elämiä* ‘собаки являются хорошими существами’, *lennikki*

‘любимец’, *lojaali* ‘лояльный’, *lojaalisuus* ‘лояльность’, *luotettava eläin* ‘надежное животное’, *luotettava, rehellinen henkilö, joka pitää toisen puolia* ‘надежная, честная личность, которая заступает за другого’, *lupaus pidetään* ‘требуется обещание’, *no, koira tai alistuva henkilö* ‘ну, собака или покорная личность’, *odottaa isäntää* ‘ждет хозяина’, *raukka* ‘бедняга’, *rehellinen* ‘честный’, *rehti* ‘порядочный, честный’, *seuraaja* ‘последователь’, *seuralainen* ‘спутник’, *seurata* ‘следовать’, *sinisilmäisyys* ‘синеглазость’, *sokea luottamus* ‘слепое доверие’, *todella uskollinen* ‘действительно верный’, *tosi ystävä* ‘настоящий друг’, *urhea* ‘храбрый, отважный’, *uskollinen kuolemaan asti* ‘до смерти верный’, *uskollisuus* ‘верность’, *yksiulotteinen* ‘однонаправленный’;

20) *vahva kuin karhu* ‘сильный, как медведь’ (28 реакций) → *voimakas* ‘сильный’ (3), *vahva* ‘крепкий / сильный’ (2), *väkivahva* ‘чрезвычайно сильный’ (2), *ei kovin vahva* ‘не очень крепкий’, *erittäin iso mies* ‘исключительно сильный мужчина’, *helvetin vahva* ‘адски сильный’, *iso voimamies* ‘большой силач’, *isä* ‘отец’, *itsevarma* ‘самоуверенный’, *jäntevyys* ‘мускулистость’, *kestävä* ‘выносливый’, *lihakset* ‘мускулы’, *melko vahva* ‘довольно сильный’, *mies joka pystyy kantamaan sohvan yksin viidenteen kerrokseen* ‘мужчина, который один может поднять диван на пятый этаж’, *olla todella vahva* ‘быть действительно крепким’, *rainija* ‘борец’, *rainonnostaja* ‘тяжелоатлет, штангист’, *sitkeä* ‘вязкий, крепкий’, *suuri* ‘большой’, *todella voimakas* ‘по-настоящему сильный’, *tosi vahva* ‘очень крепкий’, *vahva henkilö* ‘сильная личность’, *voimamies* ‘силач, атлет’, *yli-inhimillisen vahva* ‘по-человечески очень сильный’;

21) *yksinäinen susi* ‘одинокий волк’ (47 реакций) → *erakko* ‘затворник, отшельник’ (11), *oman tien kulkiija* ‘ходящий по своей дороге’ (2), *erilainen* ‘другой’ (2), *antisosiaalinen* ‘антисоциальный’, *asennetta* ‘без отношений, без состояния’, *auttaka* ‘помогите’, *ei hyvä juttu* ‘нехорошая история’, *ei kaipa* *seuraa (laumaa)* ‘не стремиться к обществу (стае)’, *ei kuulu joukkoon* ‘не относиться к толпе’, *epäsosiaalinen* ‘несоциальный’, *erakoitunut ihminen* ‘человек, ставший отшельником’, *erilainen, ehkä syrjäytynyt ihminen* ‘отличный, возможно, вытесненный’, *henkilö, joka viihtyy itsekseen* ‘человек, чувствующий себя в

одиночестве’, *hyljätty* ‘отвергнутый’, *itsenäisesti toimeen tuleva henkilö* ‘человек, становящийся самодостаточным’, *joku, joka elää oman elämänsä* ‘кто-то, кто живет своей жизнью’, *kuutamo* ‘лунный свет’, *maantiekiihtäjä* ‘мчащийся по шоссе’, *Mamma Mia* ‘Мамма Миа’, *metsä* ‘лес’, *mies* ‘мужчина’, *omaa tietä kulkeva* ‘идущий по собственному пути’, *orpo* ‘сирота’, *Pasila (TV-sarja)* ‘Пасила (ТВ-сериал)’, *pimeä* ‘темный’, *saalistaa* ‘ловить, охотиться’, *surullinen erakko* ‘грустный отшельник’, *ulvoa kuutamossa* ‘выть при свете луны’, *vanha hippi joka asuu metsässä* ‘старый хиппи, который живет в лесу’, *viihtyä yksikseen* ‘чувствовать себя (где-то) одиноким’, *vuori* ‘гора’, *uusin kulkija* ‘путник в одиночестве’, *uusinäinen ihminen* ‘одиноким человек’, *uusinäinen kulkija* ‘одиноким путник’, *uusinäisyys* ‘одиночество’.